

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

**ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР**

10

---

1 9 3 7

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ОКТАБРЬ 1937 г. 10

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15а

О награждении работников Прокуратуры СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:
В связи с 15-летием Прокуратуры СССР наградить:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Рогинского Г. К. — зам. Прокурора СССР.

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Розовского Н. С. — Главного Военного Прокурора.
2. Гродко А. С. — пом. Главного Военного Прокурора.
3. Ульянову С. Я. — прокурора Главной Военной Прокуратуры.

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Шейнина Л. Р. — следователя по важнейшим делам Прокуратуры СССР.
2. Рагинского М. Ю. — следователя по важнейшим делам Прокуратуры СССР.
3. Баркова И. И. — прокурора Западно-Сибирского края.
4. Глузман А. М. — прокурора Отдела по спецделам Прокуратуры СССР.
5. Леплевского Г. М. — зам. Прокурора СССР.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР

М. Калинин

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль. 29 августа 1937 г.

ЦК ВКП(б)—товарищу СТАЛИНУ И. В.

СНК СОЮЗА ССР—товарищу МОЛОТОВУ В. М.

ЦИК СОЮЗА ССР—товарищу КАЛИНИНУ М. И.

Коллектив Прокуратуры Союза ССР и награжденные орденами Союза ССР в связи с 15-летием организации советской прокуратуры работники Прокуратуры Союза—Леплевский, Рогинский, Розовский, Барков, Глузман, Гродковский, Рагинский, Ульянова, Шейнин выражают Вам свою признательность и горячую благодарность за оказанное Партией и Правительством доверие.

На Прокуратуру великая Партия Ленина—Сталина и Правительство Союза ССР возлагают ответственнейшие обязанности по борьбе за укрепление социалистической законности, по борьбе с троцкистско-бухаринскими фашистскими наймитами и изменниками родине и делу социализма.

Коллектив работников Прокуратуры Союза ССР заверяет нашу великую Коммунистическую партию, наше Правительство, заверяет Вас, товарищ Сталин, наш дорогой вождь и учитель, что мы со всей энергией и большевистской непримиримостью будем и впредь, под Вашим испытанным и мудрым руководством, беспощадно громить врагов свободного, счастливого советского народа, непреклонно бороться за торжество принципов и идей, воплощенных в Сталинской Конституции, за полное торжество коммунизма.

По поручению собрания: **Вышинский,**

Леплевский,

Рогинский,

Розовский,

Горбулев.

Новый избирательный закон СССР

1. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН У НАС И У НИХ

Чрезвычайный VIII съезд советов СССР, ут-вердивший 5 декабря 1936 г. проект новой Конституции СССР, одновременно поручил ЦИК Союза ССР разработать и утвердить «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». Во исполнение этого постановления 4-я сессия ЦИК СССР VII созыва 7—9 июля 1937 г. рассмотрела и утвердила новое «Положение о выборах в Верховный Совет СССР», представляющее собой практическое руководство к тому разделу Конституции СССР, который посвящен избирательной системе и, в частности, вопросу о порядке выборов в Верховный Совет СССР.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» (избирательный закон) является прямым продолжением Сталинской Конституции, ее родным детищем. В основе «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» лежат принципы, провозглашенные и утвержденные великой Сталинской Конституцией. Новый избирательный закон построен на основе последовательного социалистического демократизма, возможного только в стране победившего социализма, обеспечивающего действительное и реальное волеизъявление народа, его активное и фактическое участие в государственном управлении.

В отличие от буржуазных конституций и избирательных законов, даже самых «передовых» и самых «демократических», только советская Конституция и советский избирательный закон выражают подлинную волю народа, являющегося хозяином своей собственной судьбы.

В нашей Конституции и в нашем избирательном законе выражено подлинное единство воли миллионных народных масс Советской страны, победивших капиталистов и помещиков в октябре 1917 г., сломивших их сопротивление и окончательно утвердивших власть рабочих и крестьян на одной шестой части земного шара. Именно этим единством воли, направленной на одну цель — окончательно уничтожить эксплуатацию и угнетение трудящихся и завершить великую борьбу за новое коммунистическое общество, — проникнуты советские конституции, величайшей из которых является Конституция СССР 1936 г.

О советской конституции Ленин говорил на III всероссийском съезде профсоюзов (1921 г.) как о самой демократической конституции в мире именно потому, что она выражает собою волю миллионных масс трудящихся:

«То, что дает советская конституция, ни одно государство за 200 лет не могло дать. Взять простое число съездов, — ни одно государство за сто лет демократизма столько не созывало, а именно таким путем мы вырабатываем общие решения и выковываем общую волю.

На этой широчайшей базе понимается наша советская конституция, наша советская власть. Она дает то, что решения советской власти имеют невиданную в мире силу авторитета, силу рабочих и крестьян»¹.

¹ Ленин, т. XXV, стр. 144.

Советская власть сильна и крепка, как ни одна власть в мире, именно силой общей воли, объединяющей миллионы и миллионы людей, советских граждан, в единый, могучий коллектив. Советская власть как государственная форма диктатуры пролетариата характеризуется именно той особенностью, что советы являются, как об этом говорит товарищ Сталин, «наиболее всеобъемлющими массовыми организациями пролетариата, ибо они и только они охватывают всех без исключения рабочих»; что «советы являются единственными массовыми организациями, которые обнимают всех угнетенных и эксплуатируемых, рабочих и крестьян, солдат и матросов, и где политическое руководство борьбой масс со стороны авангарда масс, со стороны пролетариата, может быть осуществляемо ввиду этого наиболее легко и наиболее полно»; что «советы являются наиболее мощными органами революционной борьбы масс, политических выступлений масс, восстания масс, — органами, способными сломить всецелое финансовое капитала и его политических придатков»; что «советы являются непосредственными организациями самих масс, то есть наиболее демократическими и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс в борьбе за разрушение старого уклада, в борьбе за новый, пролетарский уклад»¹.

Именно в этих особенностях советской власти и заключается ее сила. В этих особенностях заключается и ее демократизм, несравненно более высокий, более передовой, чем демократизм любой, самой «передовой» буржуазной страны, так как именно эти особенности советской власти обеспечивают постоянное, непрерывное, решающее участие масс в управлении государством.

Новая Сталинская Конституция наиболее ярко и блестяще выражает советский социалистический демократизм, являя собой «итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний»² в борьбе за социализм, воплощенный в нашу действительность.

Вместе с Конституцией и на ее незыблемой основе новый избирательный закон закрепляет порядок и способы организации верховного законодательного органа СССР, определяет условия и процедуру выборов депутатов — членов Верховного Совета СССР, обеспечивает полное и исчерпывающее осуществление гражданами СССР их конституционных прав и такого важнейшего и решающего права, как право избирать и быть избранным представителем советского народа в великий советский парламент.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 31.

² Сталин, О проекте Конституции СССР. Партиздат, 1936 г., стр. 17.

Между Конституцией 5 декабря 1936 г. и избирательным законом 9 июля 1937 г. существует полнейшее единство в постановке и разрешении всех конституционных вопросов.

В то время как в буржуазных государствах, даже в самых передовых и наиболее демократических, конституция и избирательный закон находятся по отношению друг к другу в кричащем, вопиющем противоречии, между нашей Конституцией и нашим избирательным законом нет никаких противоречий, нет никаких расхождений.

Избирательные законы стран буржуазной демократии сплошь и рядом протаскивают всевозможные ограничения конституций, вносят в конституции «уточнения», «дополнения» и всякого рода оговорки, являющиеся нередко откровенным отступлением от провозглашенных данной конституцией принципов.

В буржуазном конституционном праве избирательный закон выполняет довольно недвусмысленную роль фальсификатора конституции, своеобразного комментатора, преследующего цель так переложить конституционную поэзию на язык избирательной прозы, чтобы от поэзии высоких конституционных принципов не осталось и следа.

Избирательный закон — далеко не дело одной только техники. Наоборот, в избирательном законе заключается, если можно так выразиться, квинтэссенция политики, потому что избирательный закон определяет практические условия и средства, при которых и при помощи которых делается настоящая избирательная политика.

Избирательный закон является практическим руководством к осуществлению конституции, руководством к действию в борьбе за реализацию провозглашенных конституцией прав и свобод.

История знает немало примеров того, как господствующие классы эксплуататорского общества, вынужденные идти на те или иные конституционные уступки в пользу трудящихся, умело и искусно аннулируют эти уступки при помощи избирательного закона, служащего обычно в их руках могучим орудием политики.

Одна из особенностей буржуазных конституций — их компромиссность, лицемерие и фальшь. На словах буржуазные конституции нередко обещают трудящимся своего государства всевозможные блага, на деле — они не дают ничего.

Это в порядке вещей при буржуазном демократизме, отличающемся формальным и абстрактным характером, ограничивающем гражданские права трудящихся, «выталкивающим из политики», — как говорил Ленин, — трудящиеся массы.

Товарищ Сталин, характеризуя буржуазные конституции с точки зрения демократизма, указывал на две группы этих конституций:

«Одна группа конституций прямо отрицает или сводит фактически на нет равенство прав граждан и демократические свободы. Другая группа конституций охотно приемлет и даже афиширует демократические начала, но делает при этом такие оговорки и ограничения, что демократические права и свободы оказываются совершенно изуродованными. Они говорят о равных избирательных правах для всех граж-

дан, но тут же ограничивают их оседлостью и образовательным и даже имущественным цензом. Они говорят о равных правах граждан, но тут же оговариваются, что это не касается женщин, или касается их частично. И т. д. и т. п.»¹.

Эту функцию «изуродования» конституций выполняют не только обычные здесь «примечания» к параграфам и статьям конституций, но, что бывает особенно часто и осуществляется особенно успешно, именно избирательные законы.

Французская конституция 1848 г., например, постановляла, что избирателями признаются, без всяких ограничений ценза, все французы, достигшие двадцати одного года и пользующиеся гражданскими и политическими правами» (ст. 25), но тут же добавляла, что «избирательный закон укажет те причины, которые могут лишить француза права участвовать в выборах и быть выбранным» (ст. 27). Такой закон и был издан 15 марта 1849 г., установив ряд случаев неправоиспособности граждан и, кроме того, ценз шестимесячного пребывания в какой-нибудь общине².

Закон 15 марта 1849 г. прямо аннулировал постановление конституции 1848 г., которая специально подчеркивала недопустимость какого-либо ценза. Выходит, что при буржуазном демократизме конституция — одно, избирательный закон — другое. Впрочем, противоречия наблюдаются в буржуазном конституционном праве не только между конституциями и избирательными законами, но и в самих конституциях. Это дало К. Марксу основание в знаменитом «Восемнадцатом Брюмера» написать: «Поэтому конституция всюду указывает на будущие органические законы, цель которых — подробно развить эти оговорки и так урегулировать пользование всеми этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. Впоследствии эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия в равных правах других классов. Там, где она по отношению к «этим другим» совершенно воспретила эти свободы или позволяла ими пользоваться под условиями, каждое из которых было полицейской ловушкой, это происходило всегда только в интересах «общественной безопасности», то есть безопасности буржуазии, как то и предписывает конституция... Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»³.

Ряд буржуазных конституций, — как было уже подчеркнуто выше, — являются собою образцы фальши и лицемерия. Говоря о всеобщем избирательном праве, буржуазные конституции в действительности ограничивают это

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза ССР. Партиздат, 1936 г., стр. 20.

² Н. Эсман, Основы начала государственного права, 1898 г., стр. 192.

³ К. Маркс, Избранные произведения, Партиздат, 1935 г., т. II, стр. 261.

право и лишают его характера всеобщности; говоря о тайном избирательном праве, они в действительности не обеспечивают этой тайны; говоря о равном избирательном праве, они в действительности издеваются над понятием равенства, подтверждая на десятках и сотнях примеров буржуазного конституционного права тот факт, что сытый не равен голодному, что равенства даже перед законом, то есть юридического равенства, при буржуазной демократии быть не может, что это равенство является фиктивным, словесным, формальным.

Бот почему явно фальшиво звучат торжественные декларации буржуазных конституций, провозглашающие свободу, равенство и стремление к общему благу граждан своих государств.

Конституция США 17 сентября 1787 г. торжественно заявляет: «Мы, народ Соединенных штатов, в целях образования более совершенного союза, установления правосудия, обеспечения внутреннего спокойствия, принятия мер по совместной обороне, поднятия общего благосостояния и обеспечения нам самим и нашему потомству благ свободы, издаем и устанавливаем эту конституцию для Соединенных штатов Америки».

В соответствии с этой декларацией конституция 1787 г. США устанавливает избрание палаты представителей «народом различных штатов». Причем дополнительный закон 1870 г. специально подчеркивал, что участие в выборах «не будет отрицаться или ограничиваться Соединенными штатами или отдельными штатами под предлогом расы, цвета кожи или прежнего рабского состояния». Таким образом, формально этот закон или, как его еще называют, «поправка XV», предоставляет избирательное право неграм. На практике же в разных штатах США участие негров в выборах крайне затруднено, главным образом, различными требованиями в области их грамотности на английском языке, благодаря чему за последние 50 лет лишь один раз негр удалось пройти в парламент¹.

О том, что представляют собой конституции отдельных штатов США, можно судить по тому, что в некоторых из этих штатов для получения избирательного права необходимо уплатить известный взнос, который так и называется избирательным налогом, в других штатах необходимо доказать, что избиратель ведет «добропорядочную жизнь», в третьих необходимо обладать грамотностью на английском языке — ловкое мошенническое средство лишения избирательных прав бедноты и значительной части негритянского населения.

Нужно добавить, что избирательное право женщин в общегосударственном масштабе здесь было установлено лишь в 1920 г. (поправка XIX), но тем не менее женщины в США крайне слабо участвуют в политической жизни страны, следовательно, в управлении государством. Английский журнал «Нью-Йорк Таймс Мэгазин» (1935 г.) по этому поводу писал: «Чем больше борьба за получение работы, тем труднее женщине найти себе место вне дома; ее приобретенная свобода не помогает,

когда мужчина выдвигается вперед не как друг и товарищ, но как неумолимый конкурент»¹.

Таким образом, провозглашенные американской конституцией права фактически урезаются и всячески ограничиваются. Но недостатки буржуазной демократии этим не исчерпываются. Политическую жизнь буржуазных демократических стран разъедают такие пороки, как подкуп, взяточничество, всевозможные мошеннические избирательные проделки, избирательный обман и недобросовестная реклама. В капиталистическом обществе господствуют самые низкие страсти: лицемерие, фаворитство, эксплуатация демократических принципов в узких, антиобщественных, низменных интересах и т. п. Все это направлено к одной цели — обеспечению всякими средствами и способами политического господства эксплуататоров.

Не случайно автор «Американской республики» Джеймс Брайс писал: «Существование лихонимства, бесспорно, служит укором для демократической системы правления, которая нуждается более всякой другой в высоком уровне гражданских доблестей». Джеймс Брайс утверждает, что лихонимство не является исключительным свойством американской буржуазной демократии, что этот порок существует в английском парламенте, в английских избирательных коллегиях и в странах с другим образом правления, чем демократия.

«Лихонимство, — пишет Брайс, — существовавшее в английском парламенте во времена Роберта Вальполя, было характеристической особенностью той переходной эпохи, когда власть уже перешла в руки Палаты общин, а народ еще не успел вполне подчинить эту палату своему контролю, и когда, по разным нравственным причинам, нация стояла на довольно низком уровне развития. Подкуп избирателей в английских местечках возник вследствие того, что у богатых людей возникло желание занимать места членов в Палате общин, что избиратели, мало интересовавшиеся общественными делами, были готовы продавать свои голоса, а их число было так незначительно, что каждый из них мог продавать свой голос за высокую цену...»¹.

Едва ли следует указывать на искусственность этого объяснения пороков, разъедающих буржуазно-демократическую избирательную систему. Дело, разумеется, заключается вовсе не в нравственном уровне нации, не в том, что избиратели якобы готовы продавать свои голоса. Причина такого позорного явления лежит в нравственном облике, в морали и в понятиях о политической чести классов, господствующих в буржуазных странах.

В каждом обществе общественная мораль есть мораль господствующего в этом обществе класса. В каждом обществе руководящую роль играют политические взгляды и нравственные принципы того класса, господство которого определяет весь строй общественной жизни и весь строй культуры этого общества. Это отчасти понимает и Брайс, когда одно из средств уничтожения взяточничества и лихонимства, особенно на выборах в законодательные органы, он видит в более активном

¹ «Конституции буржуазных стран», ч. I, стр. 12.

¹ Джеймс Брайс, Американская республика, ч. III, стр. 257.

участии народа в политической жизни, в государственном управлении.

Брайс прямо говорит: «Можно ожидать, что в Америке более деятельное вмешательство народа и реформа гражданской службы прекратят взяточничество, которым в настоящее время заражены законодательные собрания, между тем как более разумные законы касательно способа подачи голосов и касательно выборов прекратят то же зло в избирательных коллегиях»¹.

Брайсу неведомо лишь одно обстоятельство: возможно ли действительно «дейтельное вмешательство народа» в избирательную борьбу и оздоровление избирательных нравов в странах, где господствует буржуазия и царит эксплуатация, в рамках этой эксплуатации и буржуазной демократии?

Практика избирательной борьбы в разных, самых передовых буржуазных странах, говорит о том, что народ при господстве буржуазии не в состоянии устранить пороков, свойственных буржуазной демократии и буржуазной избирательной системе. История классовой борьбы и общественного развития свидетельствует о невозможности для пролетариата и трудящихся крестьянских масс преодолеть ограниченность и извращения демократии при капитализме иначе, как путем низвержения господства капиталистов, иначе как путем захвата политической власти в свои руки и утверждения диктатуры пролетариата.

В фашистских странах демократия полностью уничтожена. Здесь уничтожена всякая видимость конституционности. Один из основных законов фашистской Германии, демагогически названный Гитлером «Законом в целях устранения бедствий народа и государства», от 24 марта 1933 г., прямо предусматривает возможность уклонения законов, принятых имперским правительством, от имперской конституции. Тем самым конституция становится не обязательной. Ст. 2 этого закона гласит: «Законы, принятые имперским правительством, могут уклоняться от имперской конституции, если они не имеют предметом устройства рейхстага и рейхсрата...»

Оговорки, касающиеся лишь устройства рейхстага и рейхсрата, дела не меняют, даже, наоборот, еще больше подчеркивают зыбкость и неустойчивость имперской конституции, ее бессилие в смысле влияния на характер и содержание различных законов.

Однако, несмотря на утверждение, что законы, касающиеся рейхсрата, не могут уклоняться от имперской конституции, сам рейхсрат в 1924 г. оказался ликвидированным.

Очень характерным, с точки зрения ликвидации демократии в фашистской Германии, является закон 1934 г. об отмене гражданства германских областей и об упразднении народных представительств областей. Как и в законе 1935 г. об имперских наместниках и о германских общинах, в этом последнем законе содержатся такие перлы «демократии», как разграничение жителей и граждан, как установление понятия «германских государственных граждан», как приостановление прав гражданства солдат и т. п. В этих германских общи-

нах нет и тени демократии. Управление общиной сосредоточено в руках бургомистра, являющегося руководителем общины по назначению фашистской партии. Бургомистр и уполномоченный имеют над общиной громадную власть, исключаящую какие бы то ни было возможности проявления общественной инициативы и самостоятельности со стороны так называемых государственных граждан.

От германской фашистской «демократии» не отстает и итальянская фашистская «демократия». Итальянский фашизм последовательно решительно ликвидировал парламентаризм самого первого дня своего прихода к власти.

По закону о реформе политического представительства (17 мая 1928 г.) так называемый великий совет сам составляет списки кандидатов в члены законодательного корпуса. Включение в этот список означает по существу назначение депутата.

Ст. 5 этого закона говорит: «Великий совет составляет список назначенных депутатов, выбирая их по своему усмотрению из общего числа кандидатов, а также вне его, если это требуется необходимостью включить в список лиц, получивших известность в области науки, литературы, искусств, политики или военных дела, не попавших в число кандидатов». Список назначенных депутатов, снабженный знаком ликторского пучка, согласно установленному образцу государственной эмблемы публикуется безвозмездно в «Газетта ufficiale» и развешивается во всех коммунах королевства по распоряжению министра внутренних дел»¹.

О том, что ни о каком голосовании здесь речи быть не может, что, следовательно, может быть речи и о выборном начале, достаточно ясно говорит ст. 6 этого закона: «Голосование производится путем подачи бюллетеня со знаком ликторского пучка и надписью: «Утверждаете ли вы список депутатов, назначенных великим советом фашизма?» Здесь выражается почти в неприкрытом виде прямое назначение «народных» представителей, назначенчество до такой степени ясное, что последующие законы, говоря о списках депутатов в законодательный корпус, нигде не говорят, как правило, о выборах этих депутатов, а говорят именно об их назначении.

Так, например, в законе «О строении и полномочиях великого совета фашизма» от 14 декабря 1928 г. прямо говорится, что так называемый великий совет обсуждает списки депутатов в соответствии с положениями закона на 1928 г.

Уже процитированные законы в достаточной степени говорят о том, что собой представляет фашистская «демократия», являющаяся, по существу, самым циничным издевательством над демократией.

Японская конституция говорит о «демократических» «свободах» с такими оговорками, которые лишают эти статьи всякого смысла.

Например, глава II конституции Японской империи, говоря о правах и обязанностях подданных, касается предоставляемых японским подданным свобод в такой форме, которая заранее исключает эти свободы.

¹ Джемс Брайс, Цитированное сочинение.

¹ «Конституции буржуазных стран», ч. I, стр. 155.

Ст. 22 этой конституции прямо говорит, что японским подданным предоставляется «свобода выбора и перемены местожительства — «в установленных законом пределах».

Ст. 27, провозглашая неприкосновенность собственности каждого японского подданного, тут же оговаривает, что изъятия, необходимые в интересах общественной пользы, определяются законом.

Ст. 29 предоставляет японским подданным пользование свободой слова, печати, собраний и союзов, добавляя — «в установленных законом пределах».

Еще более характерна в этом отношении ст. 30, которая предоставляет японским подданным право подачи петиций, однако, при условии «соблюдения форм почтительности и в согласии с относящимися к этому особыми правилами». Не трудно догадаться, что означают эти формы почтительности при помощи которых может быть сведено на нет — и в действительности сводится на нет — это так называемое петиционное право, а заодно и все конституционное право и всякое право вообще. В фашистских странах, как известно, с правом и конституциями обходятся сами господа начальники не особенно почтительно.

2. СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И НОВЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН

Советское государственное право характеризуется единством и согласованностью всех его частей. В нашем конституционном праве нет противоречий между отдельными его институтами, как нет противоречия или даже самого незначительного расхождения между провозглашаемыми им принципами и практическим их осуществлением. В противоположность буржуазному государственному праву, отличающемуся внутренней противоречивостью, разрывом между принципами основного закона и положениями законов избирательных, советское право характеризуется полным тождеством постановлений основного закона (Конституции) и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» (избирательный закон).

Это находит свое отражение не только в том, что все вопросы избирательной системы, порядка и условий производства выборов и тому подобные вопросы разрешаются «Положением о выборах» в точном соответствии с Конституцией, на основании которой построено «Положение о выборах», но и в том обстоятельстве, что наиболее важные и определяющие положения избирательного закона в точности, а в ряде случаев даже текстуально, воспроизводят формулы Конституции.

В этом отношении особенно характерна глава I «Положения о выборах», в своих шести статьях воспроизводящая важнейшие статьи Конституции, посвященные избирательной системе. Не случайно ст.ст. 1—6 «Положения о выборах» начинаются словами: «На основании статьи такой-то Конституции СССР»... Такого рода формулировка как бы подчеркивает органическую связь, единство, полное соответствие «Положения о выборах» нашей Конституции, великие принципы которой освещают каждое правило и каждое мероприятие «Положения о выборах», утвержденного Центральным Исполнительным Комитетом СССР.

Это обстоятельство имеет значение еще и

потому, что «Положение о выборах», представляя собою практическое руководство, инструкцию и комментарий к разделу Конституции СССР, посвященному избирательной системе, далеко не является документом технического порядка.

Избирательные законы капиталистических стран дают немало доказательств того, как нередко под видом невинного технического правила протаскивается достаточно острое политическое мероприятие. Например, дробность избирательных округов в некоторых «демократических» избирательных системах приводит к явно антидемократическим последствиям, извращая самые основные принципы избирательного демократизма — именно, принцип равного избирательного права. Вследствие такой избирательной «техники» во Франции голос одного буржуа в центре Парижа или одного крестьянина в далеком департаменте Верхних Альп имеет при выборах во Французскую палату такой же политический вес, как семь голосов рабочих предместий Парижа¹.

Избирательные законы определяют условия и порядок выборов в законодательные органы и, уже в силу одного этого, имеют столь же громадное политическое значение, что и самые конституции.

Такое же значение принадлежит и нашему избирательному закону — «Положению о выборах в Верховный Совет СССР».

Новая Сталинская Конституция строит избирательную систему на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Это — важнейший принцип нашей новой Конституции.

Ни одна капиталистическая страна, провозгласившая в своей конституции этот принцип, в действительности не реализовала этого принципа. Буржуазия, в силу самого своего общественного положения, в силу особенностей самого капиталистического строя, не в состоянии на деле осуществить этот величайший демократический принцип.

«Истинным идеалом современного конституционного государства, так сказать, пределом его развития из начал, положенных в основу, — говорит проф. Кареев, — является всеобщее политическое равенство, никогда еще и нигде не осуществлявшееся»².

Всеобщее политическое равенство, о котором как об истинном идеале современного, т. е. буржуазного, конституционного государства говорил проф. Н. Кареев, определяется раньше всего объемом и характером избирательного права. «Всеобщее политическое равенство» требует в первую очередь всеобщего избирательного права. Но обеспечить такое право буржуазия, даже самая «передовая» и «демократическая», не в состоянии.

Не потому ли буржуазные государствоведы вынуждены прибегать к теории условности самого выражения «всеобщее избирательное право», стараясь хоть как-нибудь объяснить глубокое и непримиримое противоречие, в ко-

¹ См. русский перевод книги Ж. Бартеlemi, Государственный строй Франции, предисловие И. Зарецкого.

² Кареев Н., Происхождение современного народно-правового государства, СПб, 1908, стр. 3.

тером оказывается буржуазия, провозглашающая «всеобщее избирательное право» на словах и не дающая его на деле!..

К такой теории «условности» всеобщего избирательного права прибег, например, французский юрист проф. Бартеlemi.

«На политическом языке,—читаем мы в книге проф. Бартеlemi «Государственный строй Франции» — выражение «всеобщее избирательное право» имеет лишь условный смысл: оно указывает, что избирательное право не является прерогативой ограниченного круга лиц, привилегированных по своему рождению, состоянию или способностям. Однако не следует думать, что в выборах участвуют все избирательный корпус даже при системе так называемого всеобщего голосования представляет лишь некоторую отборную часть, хотя этот отбор и производится весьма широко»¹.

Это признание крупного буржуазного ученого очень характерно. Оно с головой выдает все лицемерие буржуазии, кричащей о «всеобщем избирательном праве», заведомо обманывая народ и своих избирателей.

Ученый юрист разобрал одну из тайн буржуазии, показав, что означает на языке капитализма «всеобщее избирательное право». Оказывается, «всеобщее» означает, что в выборах участвуют не все граждане, а лишь некоторая «отборная часть». Впрочем, в некоторых капиталистических странах (например, в Японии) «всеобщее избирательное право» выступает прямо под именем «всеобщего» мужского избирательного права. Здесь буржуазия обходится без помощи юридических толкований!

3. СОВЕТСКОЕ ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВСЕОБЩЕЕ ПРАВО

Советское всеобщее избирательное право — действительно всеобщее. Оно не допускает никаких ограничений принципа всеобщности, за исключением тех, которые указаны в самой Конституции (ст. 135) и в «Положении о выборах в Верховный Совет СССР» (ст. 2). По нашей Сталинской Конституции все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными в Верховный Совет СССР, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Никаких цензов — оседлости, имущественного, образовательного и т. п. — наша Конституция и, в соответствии с ней, наш избирательный закон не знают. Для получения избирательного права нет необходимости уплачивать какой-либо взнос, как это имеет место, например, в некоторых штатах США, где существуют так называемые «избирательные палогии». У нас нет «морального» ценза, то есть ценза, определяемого образом «нравственного» поведения избирателя, подобно

тому как это имеет место в тех же США, где каждый избиратель, чтобы принять участие в выборах, должен доказать, что он ведет «доброспорядочную жизнь».

Ни одна капиталистическая страна, провозгласившая всеобщее избирательное право, в действительности не знает всеобщности выборов, а самое понятие всеобщего избирательного права употребляется в буржуазных конституциях, как мы видели выше, «условно».

Сталинская Конституция, говоря о всеобщих выборах депутатов трудящихся, говорит действительно о всех правоспособных гражданах СССР, об их праве участвовать в выборах в Верховный Совет СССР и в другие советы депутатов трудящихся и быть избранными в качестве народных представителей. В соответствии с этим принципом ст. 8 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» требует включения в списки избирателей всех граждан, имеющих избирательное право и проживающих постоянно или временно к моменту составления списков на территории данного совета достигших ко дню выборов 18 лет. Не вносятся в списки избирателей, согласно ст. 9 «Положения о выборах», лишь лица, лишенные избирательных прав по судебным приговорам, в течение всего установленного в приговоре срока лишения избирательных прав, а также лица, признанные в установленном порядке умалишенными.

Ответственность за правильное составление списков избирателей лежит на местных советах, а именно: в городах — на городских советах депутатов трудящихся, в городах районным делением — на районных советах, в сельских местностях — на сельских (станичных, деревенских, хуторских, кишланных, аульных) советах депутатов трудящихся и, в частности, на представителях и секретарях советов, подписавших списки избирателей.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» точно устанавливает время, когда списки избирателей должны быть вывешены для всеобщего обозрения. Ст. 13 «Положения о выборах» определяет, что за 30 дней до выборов в Верховный Совет списки избирателей должны быть вывешены для всеобщего обозрения или же избирателям должна быть обеспечена возможность ознакомиться с этими списками в помещении Совета. Списки избирателей, состоящих в воинских частях и военных соединениях, составляются командованием за подписью командира и военного комиссара; все прочие военнослужащие вносятся в списки избирателей по месту жительства соответствующими советами депутатов трудящихся (ст. 12).

Едва ли нужно специально подчеркивать громадное значение правильного составления списков избирателей. Достаточно сказать, что фактическая возможность осуществления права участия в выборах непосредственно связана с наличием фамилии избирателя в списках избирателей.

Согласно ст. 78 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», избиратель, явившийся в избирательное помещение в день выборов, предъявляет секретарю участковой избирательной комиссии удостоверение личности (паспорт, колхозную книжку, профсоюзный билет или иное удостоверение личности)

¹ Ж. Бартеlemi, Государственный строй Франции, стр. 51.

и получает избирательные бюллетени и конверт установленного образца после проверки по списку избирателей и соответствующей отметки в списке избирателей. Следовательно, невнесение данного избирателя в избирательный список помешает ему осуществить свое избирательное право. Вот почему каждый избиратель заинтересован в проверке списка избирателей. Каждый избиратель должен обязательно заранее удостовериться, внесен ли он в список избирателей и не допущено ли при этом какой-либо неправильности в списке, то есть не искажены ли его фамилия, имя, отчество и т. п.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» предоставляет каждому гражданину право о замеченных неправильностях в списках избирателей, касающихся как его самого, так и других лиц, подать в Совет депутатов трудящихся соответствующее заявление с просьбой внести в списки исправления. Это заявление подается в Совет депутатов трудящихся, опубликовавший списки (ст. 16).

Исполнительный комитет Совета обязан рассмотреть такое заявление в трехдневный срок и по рассмотрении этого заявления либо внести в избирательные списки необходимые исправления, либо выдать заявителю письменную справку о мотивах отклонения его заявления (ст.ст. 17 и 18). Важно отметить именно последнее обстоятельство: отклонение заявлений граждан о неправильностях в списках избирателей должно быть обязательно мотивировано. Это требование представляет собою одну из серьезных гарантий вдумчивого и ответственного отношения соответствующих советов к заявлениям граждан. Но еще более важно отметить, что решение Совета депутатов трудящихся по поводу указанных в заявлениях граждан неправильностей, имеющихся в избирательных списках, не является окончательным и решающим судьбу избирателя.

При несогласии с решением Совета депутатов трудящихся заявитель может это решение обжаловать в народный суд (ст. 18). Народный суд в трехдневный срок обязан рассмотреть жалобу на неправильность в списке избирателей и свое решение немедленно сообщить как заявителю, так и Совету. Решение народного суда по делам этого рода является окончательным и дальнейшему обжалованию уже не подлежит. Само рассмотрение жалобы на неправильность в списке народного суда осуществляется в открытом судебном заседании с вызовом как жалобщика, так и представителя Совета депутатов трудящихся (ст. 19). Таким образом, народному суду нашим избирательным законом предоставлены чрезвычайно серьезные полномочия.

Впервые советский народный суд выступает как орган конституционного надзора, как орган, призванный к охране гражданских прав населения. Уже одно это обстоятельство говорит о глубоком уважении к нашему народному суду, о громадной политической и общественной роли, которую народный суд призван выполнять в борьбе за утверждение новой, Сталинской Конституции.

Ни в одной капиталистической стране на мировых судах не возлагается столь почетная и ответственная политическая задача, как это

имеет место в СССР. Заметим, кстати, что в этой судебной обязанности отчетливо выражается подлинная независимость нашего суда, поставленного на страже законности и подчиняющегося во всей своей деятельности только закону.

Советское всеобщее избирательное право — всеобщее не на словах, а на деле. «Положение о выборах», опираясь на провозглашенные нашей Конституцией принципы, избирательную систему строит таким образом, чтобы была обеспечена каждому избирателю максимальная возможность осуществить принадлежащее ему право выбирать и быть избранным в советы. Поэтому в «Положении о выборах» имеется специальная статья (15), регулирующая вопрос об участии в выборах при перемене избирателем места своего пребывания. Отвергая всякого рода цензы, и в том числе ценз оседлости, наша Конституция и «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» предусматривают возможность участия в выборах и тех избирателей, которые ко дню выборов окажутся выбывшими из места своего первоначального жительства. В капиталистических избирательных системах этому вопросу не уделяется никакого внимания. В советской избирательной системе правила, изложенные в ст.ст. 16—19 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», являются весьма характерными именно с точки зрения заботы о людях, с точки зрения стремления советской власти обеспечить гражданам своей страны наибольшие возможности реально исполнить свой гражданский долг перед государством. Эта задача стоит перед советской избирательной системой и в таком, на первый взгляд, казалось бы, техническом вопросе, как организация избирательных участков.

Избирательным участкам посвящена глава IV «Положения о выборах», состоящая всего лишь из девяти статей. В этих девяти статьях с исчерпывающей полнотой разрешена основная задача нашей избирательной системы — приближение избирательных пунктов (участков) к населению. По «Положению о выборах» для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов территория городов и районов, входящих в избирательные округа, — а выборы осуществляются по нашей Конституции по избирательным округам, — делится на избирательные участки, общие для выборов в Совет Союза и в Совет Национальностей (ст. 25). Чтобы приблизить в максимальной степени население к выборам и дать возможность каждому избирателю при всех условиях воспользоваться своим избирательным правом, наше «Положение о выборах» строит избирательные участки по масштабу населения, как правило, от 500 до 2500 человек. В сельских местностях один избирательный участок, как правило, составляет территория сельского совета, насчитывающая не более 2000 человек; однако в каждой станице, деревне, кишлаке, ауле, насчитывающем от 500, но не более 2000 жителей, организуется отдельный избирательный участок (ст. 28). Постановлением ЦИК СССР от 3 октября 1937 г. разрешено образование отдельных избирательных участков, в селениях или группе селений менее 500 человек, но не ниже 300 человек, в тех случаях, когда расстояние таких селений до центра избира-

гельного участка превышает 10 километров. Но этот масштаб был бы весьма велик для отдаленных северных и восточных районов с преобладающими здесь мелкими поселениями. В соответствии с подлинным демократическим принципом нашей Конституции — обеспечить каждому избирателю реальные возможности участия в выборах и выявления таким путем своей воли — «Положение о выборах» допускает в этих районах организацию избирательных участков даже с количеством не менее 100 человек населения (ст. 29). Кроме того, для национальных округов севера, а также для горных и кочевых районов допускается с разрешения центральных исполнительных комитетов союзных республик организация избирательных участков с населением менее 100 человек, однако не ниже 50 человек (постановление ЦИК СССР от 3 октября 1937 г.).

В городах, промышленных пунктах, селах и на территории сельсовета, насчитывающих более 2 000 жителей, образуются избирательные участки из расчета один избирательный участок на 1 500—2 500 человек населения (ст. 30).

Особенного внимания заслуживают ст.ст. 31, 32 и 33 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». Ст. 31 создает самые благоприятные условия для осуществления избирательных прав красноармейцами, командирами и комиссарами Рабоче-крестьянской Красной армии. Согласно этой статье воинские части и войсковые соединения составляют отдельные избирательные участки с количеством не менее 50 и не более 1 500 избирателей. Эти участки входят в избирательный округ по месту нахождения воинской части или войскового соединения.

Ст. 32 «Положения о выборах» предусматривает для судов, находящихся в плавании в дни выборов, с количеством избирателей не менее 50 возможность составления отдельных избирательных участков.

Отдельные избирательные участки образуются также при больницах, родильных домах, санаториях, домах инвалидов с количеством избирателей не менее 50 (ст. 33).

Организация выборов и подсчета голосов разработаны в «Положении о выборах в Верховный Совет СССР» таким образом, чтобы гарантировать осуществление демократии на практике и оградить граждан СССР от всех попыток исказить результаты голосования.

Именно в этом направлении идет организация избирательных участков. Правильная организация избирательных участков является одним из важнейших условий правильного построения всей избирательной системы.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» специально останавливается на организации и работе избирательных комиссий, посвящая этому вопросу всю главу V.

Во время предстоящих выборов в Верховный Совет СССР у нас будут действовать следующие избирательные комиссии:

1) Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР (председатель, заместитель председателя, секретарь и 12 членов).

2) Избирательные комиссии союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей (каждая комиссия в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 6—10 членов).

3) Окружные по выборам в Совет Союза избирательные комиссии (каждая комиссия в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов).

4) Окружные по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии (каждая комиссия в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 8 членов).

5) Участковые избирательные комиссии (каждая комиссия в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 4—8 членов).

Центральная избирательная комиссия составляется из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждается Президиумом Верховного Совета СССР одновременно с опубликованием дня выборов (ст. 34). Остальные избирательные комиссии составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся и утверждаются соответственно Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик, советами депутатов трудящихся автономных областей и национальных округов. Утверждаются они не позднее, чем за 50 дней до выборов (для комиссий союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов по выборам в Совет Национальностей и для окружных по выборам в Совет Национальностей комиссий), не позднее чем за 55 дней до выборов (для окружных по выборам в Совет Союза комиссий) и не позднее чем за 40 дней до выборов (для участковых избирательных комиссий).

Центральная избирательная комиссия, избирательные комиссии союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов, окружные по выборам в Совет Национальностей избирательные комиссии наблюдают соответственно на территории СССР, союзной республики, автономной области и национального округа за неуклонным исполнением в ходе выборов в Совет Союза и в Совет Национальностей «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». Центральная избирательная комиссия и избирательные комиссии союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов рассматривают также жалобы на неправильные действия соответствующих комиссий по выборам в Совет Союза или в Совет Национальностей по принадлежности. Кроме этого, на Центральную избирательную комиссию возлагается: регистрация избранных депутатов в Верховный Совет СССР, установление образцов избирательных ящиков, формы «удостоверения на право голосования», формы и цвета избирательных бюллетеней и конвертов для них, формы списков избирателей, формы протоколов по подсчету голосов и формы удостоверений об избрании. Центральная избирательная комиссия сдает мандатным комиссиям Совета Союза и Совета Национальностей делопроизводство по выборам.

Что касается окружных избирательных комиссий по выборам в Совет Союза и окружных избирательных комиссий по выборам в Совет Национальностей, то их функции более ограничены.

Согласно ст. 44 Окружная по выборам в Совет Союза избирательная комиссия:

а) наблюдает за своевременной организацией избирательных участков соответствующими исполнительными комитетами советов депутатов трудящихся;

б) наблюдает за своевременным составлением и доведением до всеобщего сведения списков избирателей;

в) регистрирует выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Союза;

г) снабжает участковые избирательные комиссии избирательными бюллетенями по выборам в Совет Союза и конвертами по установленной форме;

д) производит подсчет голосов и устанавливает результаты выборов по округу;

е) представляет в Центральную избирательную комиссию делопроизводство по выборам;

ж) выдает избранному депутату удостоверение об избрании.

Согласно же ст. 48 на Окружную по выборам в Совет Национальностей избирательную комиссию возлагается:

а) регистрация выставленных с соблюдением требований Конституции СССР и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» кандидатов в депутаты в Совет Национальностей;

б) снабжение участковых избирательных комиссий избирательными бюллетенями по выборам в Совет Национальностей по установленной форме;

в) производство подсчета голосов и установление результатов выборов по округу;

г) представление делопроизводства по выборам в Центральную избирательную комиссию и соответственно в республиканскую избирательную комиссию по выборам в Совет На-

автономной области по выборам в Совет Национальностей;

д) выдача избранному депутату удостоверения об избрании.

Весьма ответственная работа возлагается на участковые комиссии. Эти комиссии производят прием избирательных бюллетеней по свое-

му избирательному участку, производят подсчет голосов по каждому кандидату в депутаты Совета Союза и Совета Национальностей

наконец, передают делопроизводство по выборам соответственно в Окружную по выборам Совет Союза и Окружную по выборам в

Совет Национальностей избирательные комис-
сии (ст. 51).

4. СОВЕТСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРЯМОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ПРИ ТАЙНОМ ГОЛОСОВАНИИ

Сталинская Конституция установила прямые выборы для избрания решительно всех советов депутатов трудящихся — от Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик до сельских, аульных, кишлачных и тому подобных советов.

До Конституции 1936 г. у нас все советы, кроме городских и сельских советов, выбирались не прямыми, а многостепенными выборами — делегатами съездов советов.

Городские и сельские советы избирали делегатов на районные съезды советов. Районные съезды советов избирали районные исполнительные комитеты и делегатов на краевые (областные) съезды советов. Краевые (областные) съезды избирали делегатов на республиканские съезды и, кроме того, избирали краевые (областные) исполнительные комитеты.

Республиканские съезды советов избирали центральные исполнительные комитеты союзных и автономных республик, а Всесоюзный съезд советов избирал высший законодательный орган СССР — Центральный исполнительный комитет СССР.

Таким образом, советы избирались по многостепенной системе выборов. Это было исторически необходимо, и эта система выборов полностью себя в свое время оправдала.

В нынешних условиях многоэтапные выборы представляли бы собой одно из препятствий для установления возможно более непосредственной и прямой связи депутатов с избирателями, с широкими массами населения.

В условиях окончательно победившего социализма, когда все эксплуататорские классы окончательно ликвидированы, когда остались лишь рабочий класс, класс крестьян и трудовая интеллигенция, многостепенные выборы теряют свое прежнее преимущество, ослабляют значение принципа ответственности депутата перед своими избирателями и, следовательно, ограничивают принцип советского демократизма.

Наоборот, прямые выборы означают наиболее полную связь избирателей с избранными ими депутатами, повышают чувство политической ответственности последних, обеспечивают значительно большую активность и инициативу масс в деле организации своих советов.

Прямые выборы в нынешних условиях, несомненно, являются выражением последовательного до конца советского социалистического демократизма.

В капиталистических странах прямые выборы не только систематически ограничиваются и подменяются, но и прямо фальсифицируются благодаря всякого рода избирательным комбинациям, трюкам и прямым мошенничествам.

В Англии, например, палата лордов, прозванная еще Энгельсом «инвалидным домом», формируется не только не прямыми выборами, но и вообще не выборным путем: члены палаты лордов назначаются королем из числа родовой и биржевой знати.

Во Франции верхняя палата (сенат) избирается двухступенными выборами: сначала население избирает выборщиков, а затем выборщики выбирают уже сенаторов.

В фашистских странах принцип выборности совершенно ликвидирован.

В Германии законом 30 января 1935 г. установлена такая организация общин, при которой вообще нет никаких выборов: бургомистры управляют свои государственные и общественные обязанности не в силу избрания «гражданами» и «жителями», а по уполномочию, т. е. попросту говоря, по назначению фашистской партии.

Ликвидация выборного начала очень открыто выражена в фашистском итальянском законодательстве и, в частности, в так называемом «Законе о реформе политического представительства» от 17 июня 1928 г., где, как мы указывали на это уже выше, прямо говорится о назначении депутатов так называемым великим советом фашистской партии. Только в одной стране выборное начало действует полно и последовательно—это в СССР.

В СССР обе палаты избираются на основе совершенно одинаковой избирательной системы: на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Глава VII «Положения о выборах», подробно излагающая порядок голосования, говорит о прямых выборах в Верховный Совет СССР.

Каждый избиратель, явившийся в помещение участковой избирательной комиссии, предъявляет секретарю участковой избирательной комиссии либо паспорт, либо колхозную книжку, либо профсоюзный билет, либо иное удостоверение личности и после проверки по списку избирателей и отметки в этом списке получает избирательные бюллетени и конверт установленного образца (ст. 78).

Затем избиратель направляется в комнату, отведенную для заполнения избирательных бюллетеней, и здесь оставляет в каждом избирательном бюллетене фамилию того кандидата, за которого он голосует, вычеркивая остальных. Заклеив бюллетени в конверт, избиратель переходит в комнату, где находится участковая избирательная комиссия, и опускает конверт с избирательными бюллетенями в избирательный ящик (ст. 80).

Голосует избиратель обязательно лично (ст. 76) и непосредственно «прямо» за того кандидата, которого он желает выбрать.

«Положение о выборах» обеспечивает полную независимость и самостоятельность волеизъявления избирателя. В избирательном помещении выборная агитация во время подачи голосов не допускается (ст. 82). Каждому избирателю гарантируется полная свобода выборов и абсолютная тайна голосования: в избирательном помещении выделяется для заполнения бюллетеней особая комната, где запрещается присутствие во время голосования кого бы то ни было, не исключая и членов участковой избирательной комиссии. В это время в комнате, отведенной для заполнения избирательных бюллетеней, может находиться только в одном случае. Это—когда избиратель не имеет возможности в силу неграмотности или какого-либо физического недостатка самостоятельно заполнить избирательные бюллетени. В таком случае избиратель вправе пригласить в комнату, где заполняются избирательные бюллетени, любого другого избирателя для заполнения избирательных бюллетеней (ст. 81).

Из правил, изложенных в ст.ст. 80 и 81 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», вытекает необходимость для избирательной комиссии не только отвести для заполнения избирательных бюллетеней особую комнату, но и оборудовать ее перегородками или ширмами таким образом, чтобы тайна голосования каждым избирателем была полностью обеспечена.

Таким образом, весь порядок голосований, установленный нашим «Положением о выборах в Верховный Совет СССР», исключает всякую возможность извращения принципа тайны голосования, являющегося одним из важнейших принципов советской избирательной системы.

Нечего и говорить, что в капиталистических странах, особенно в странах фашистских, тайна голосования абсолютно не обеспечивается и вовсе не существует. Известно, что, например, в Италии и Германии фальсификация выборов достигла большого совершенства, что при выборах здесь избирателям вручают конверты, сделанные из столь тонкой бумаги, что сохранение тайны голосования абсолютно исключается. Итальянский фашистский закон «О реформе политического представительства», определяющий порядок голосования при выборах депутатов, обходит вопрос о тайне голосования, ограничиваясь простым указанием на то, что голосование производится путем подачи бюллетеня и припиской внизу бюллетеня слов: «да» или «нет».

Но и в тех капиталистических странах, где тайное голосование провозглашается конституциями, в действительности тайна не гарантируется из-за бесконечного множества всякого рода избирательных уловок и махинаций, подкупа и взяточничества, исключающих какую бы то ни было возможность говорить о соблюдении тайны голосования и о правильном волеизъявлении народа. Тайна голосования обеспечивается только в СССР, где тайна голосования является одной из форм серьезной проверки связи органов советской власти с широкими массами трудящихся (Молотов).

До Конституции 1936 г. законодательные органы в СССР избирались путем открытых выборов, что было в условиях того времени совершенно неизбежно и необходимо. В новых условиях, наоборот, оказалось необходимым и целесообразным перейти от открытых выборов к закрытым.

По этому поводу товарищ Молотов говорил в своем докладе «Об изменениях в Советской Конституции» на VII съезде советов 6 февраля 1935 г.: «Самый факт перехода от открытых к закрытым выборам ярко подчеркивает рост пролетарского демократизма в Советском союзе и стремление советской власти поставить работу своих органов под усиленный контроль рабочих и крестьян». Закрытые выборы (тайное голосование) — не единственный способ контроля народных масс по отношению к своим органам, но несомненно один из важнейших способов такого контроля. «Замена открытых выборов закрытыми, — говорил товарищ Молотов в цитированном выше докладе, — будет одной из важнейших форм проверки прочности и серьезности этой связи советов с трудящимися. Этот метод выборов поможет быстрее вскрыть некоторые слабые участки в нашей работе».

Как известно, в капиталистических странах выборная система и права широчайших масс избирателей сейчас не в почете. Воля масс здесь подменяется безграничным господством кучки эксплуататоров, не заинтересованных в предоставлении народу возможности изъявлять свою волю и контролировать действия своего «представителя».

Товарищ Молотов в своем докладе говорил о непримиримой враждебности фашизма буржуазной демократии и буржуазному парламентаризму, о том, что фашизм отказывает народным массам в доверии, что правящие клки буржуазии и их фашистская агентура идут все дальше и дальше — «от буржуазной демократии и парламентаризма — к неприкрытой террористической власти капитала над трудящимися под фашистским флагом».

Советский союз идет по совершенно другому пути своего исторического развития, все больше и больше укрепляя принципы советской, единственно последовательной и подлинной демократии, все больше и больше воплощая в жизнь все то, что есть лучшего во всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве на основе советского строя (Молотов).

Вот почему в условиях окончательной и полной победы в нашей стране социализма так могуче развертывается советская демократия, опирающаяся на советский строй и диктатуру рабочего класса.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» обеспечивает полную реализацию провозглашенных великой Сталинской Конституцией принципов советской избирательной системы.

5. СОВЕТСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО — РАВНОЕ ПРАВО

Известно, что любая буржуазная конституция содержит в себе специальное указание на равенство граждан перед законом.

Так, польская конституция 1921 г. говорит: «Все граждане равны перед законом» (ст. 96). Польская конституция 1935 г. в ст. 32 провозглашает: «Сейм составляется из депутатов, избираемых всеобщим, тайным, равным и прямым голосованием». Аналогичное положение мы находим и в других буржуазных конституциях.

Однако бесчисленное множество фактов рабоблачает лицемерие и фальшь подобного рода деклараций.

По поводу этих деклараций о равенстве буржуазных конституций Ленин писал: «Возьмите основные законы современных государств, возьмите управление ими, возьмите свободу собраний или печати, возьмите «равенство граждан перед законом», — и вы увидите на каждом шагу хорошо знакомое всякому честному и сознательному рабочему лицемерие буржуазной демократии. Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок к конституции, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п., «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае, «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабочего положения и попытки вести себя не по-рабски»¹.

О равенстве эксплуатируемого с эксплуататором не может быть и речи. Равенство в буржуазных государствах — это, как писал Ленин, равенство товаровладельцев. Здесь — «все равны, не считая денег, капитала, зем-

ли»²... Здесь царит формальное равенство при господстве буржуазного гнета, ига капитала, наемного рабства, что исключает возможность говорить о действительном равенстве.

Ленин писал: «В чем выражалось господство буржуазии над феодалами? В конституции писалось о свободе, о равенстве. Это ложь. Пока есть трудящиеся, собственники способны и даже вынуждены, как собственники, спекулировать. Мы говорим, что равенства нет, сытый не равен голодному и спекулирует — трудящемуся...». «Это была свобода буржуазии. Это равенство давало господство в государстве капиталистическому классу...»¹.

Подлинное равенство возможно только при коммунизме, и путь к этому равенству лежит через социалистическое государство рабочих и крестьян, не только провозгласившее в своей Конституции, но и полностью обеспечивающее равенство прав граждан и, в частности, равенство прав в избирательной системе.

Статья 122 Сталинской Конституции подчеркивает предоставление в СССР женщине равных прав с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Статья 123 обеспечивает равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, карая по всей строгости закона всякие ограничения прав или установление прямых или косвенных преимуществ одних граждан перед другими, в зависимости от расовой и национальной принадлежности, равно как всякую проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения.

Глава XI Сталинской Конституции, посвященная избирательной системе, исходя из принципа равенства, специально оговаривает, что выборы депутатов в Верховный Совет СССР, как и во все советы депутатов трудящихся, являются равными, т. е., что каждый гражданин имеет один голос и все граждане участвуют в выборах на равных основаниях (ст. 136), что женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами (ст. 137) и что граждане, состоящие в рядах Красной армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами (ст. 138).

Принцип равенства гарантируется ст.ст. 3, 4 и 5 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» в соответствии с указанными выше статьями Конституции.

В силу этого принципа равенства от каждого избирательного округа избирается только один депутат (ст. 21), благодаря чему у нас не может быть такого положения, какое имеется в ряде капиталистических стран, где, как правило, удельный вес избирателя одного избирательного округа в десятки раз оказывается меньше, чем удельный вес избирателя другого избирательного округа.

Во Франции, например, Марсель с 500 000 жителей посылает в палату депутатов 24 депутатов, в то самое время как 17 мелких местечек этого департамента с 30 000 населения по-

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 347.

² Ленин, т. XXV, стр. 8.

¹ Ленин, т. XXV, стр. 104, 105.

сыласт тоже 24 депутатов. Заходустный департамент в Савоие, насчитывающий всего 245 000 жителей, выбирает 3 сенаторов тогда, когда Сенский департамент с 4½ миллионами жителей выбирает 10 сенаторов.

Такая же «избирательная география» наблюдается и в других капиталистических странах.

В Польше Краковский округ посылает одного депутата от 48 тысяч избирателей, а Ключенский округ с преобладающим украинским населением посылает одного депутата от 96 тысяч избирателей.

Советская избирательная система, установленная «Положением о выборах в Верховный Совет СССР», обеспечивает действительное избирательное равенство, обеспечивает такой порядок, при котором советское избирательное право является действительно равным. Это выражается раньше всего в том, что все избирательные округа, по которым на основании ст. 34 Конституции СССР избирается Совет Союза, по количеству населения равны между собою: каждый избирательный округ составляет по норме 300 000 населения на округ, и каждый избирательный округ посылает в Совет Союза только одного депутата.

Избиратели пользуются также равными правами независимо от своего социального происхождения, имущественного положения и рода занятий. Рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция участвуют в выборах на равных основаниях.

Принцип равенства избирательного права находит свое выражение и в выборах Совета Национальностей.

В Совете Национальностей будут представлены на равных основаниях и равных правах все республики (союзные и автономные), автономные области и национальные округа независимо от величины их территории, от численности их населения, от экономического и культурного их уровня. В Совет Национальностей граждане на равных основаниях выбирают по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по 1 депутату от каждого национального округа.

В соответствии с этим каждая союзная республика независимо от своей величины и количества населения разбивается на 25 округов, каждая автономная республика — на 11 округов, каждая автономная область — на 5 округов, каждый национальный округ составляет один избирательный округ. Так как каждый избирательный округ по выборам в Совет Национальностей пошлет в Совет Национальностей одного депутата, то принцип равенства между союзными республиками, между автономными республиками, между автономными областями и между национальными округами полностью осуществлен.

При советской избирательной системе, предусмотренной «Положением о выборах в Верховный Совет СССР», не может быть неравенства, наблюдающегося в капиталистических странах, прикрывающих это неравенство фальшивыми словами о равенстве. Система выборов в Совет Национальностей, принятая нашим «Положением о выборах в Верховный Совет СССР», полностью отвечает великим принци-

пам ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей могучий экономический, политический и культурный рост всех многочисленных национальностей СССР, объединенных в единое братское многонациональное социалистическое государство рабочих и крестьян.

Ни одна республика — союзная или автономная, ни одна автономная область или национальный округ не будут иметь при выборах в Совет Национальностей никаких преимуществ друг перед другом.

В СССР одиннадцать союзных республик — каждая из них пошлет в Совет Национальностей по 25 депутатов. Каждая из двадцати двух автономных республик пошлет по 11 депутатов. Каждая из 9 автономных областей пошлет по 5 депутатов и, наконец, каждый из 12 национальных округов пошлет по 1 депутату. Здесь полное равенство. Всего в Совет Национальностей будет избрано, таким образом, 574 депутата.

Иногда спрашивают, сколько раз избиратель будет голосовать при выборах в Совет Союза и в Совет Национальностей.

При выборах в Совет Союза каждый избиратель, где бы он ни проживал, будет в каждой избирательную кампанию участвовать в выборах одного депутата по своему территориальному избирательному округу.

Что же касается выборов в Совет Национальностей, то нужно иметь в виду, что каждая союзная республика разделяется на 25 избирательных по выборам в Совет Национальностей округов и что каждый из этих округов будет охватывать часть территории данной республики с населением, равным всему населению данной республики, деленному на 25.

Каждый гражданин каждой союзной республики будет участвовать в выборах одного из 25 депутатов данной союзной республики по своему избирательному округу.

Кроме того, если он проживает в автономной республике, входящей в данную союзную республику, он будет участвовать в выборах одного из 11 депутатов от этой автономной республики. Так, в РСФСР избиратель, живущий в Башкирской АССР, будет еще выбирать одного из 11 депутатов в Совет Национальностей от Башкирской АССР, следовательно, будет участвовать в выборах в Совет Национальностей дважды: как гражданин РСФСР — от РСФСР в целом и как гражданин Башкирской автономной республики — от Башкирской АССР.

То же самое будет иметь место для каждой автономной республики — для Крымской АССР, Татарской АССР, Карельской АССР, Чувашской АССР и других автономных республик — в РСФСР; для Молдавской АССР — в УССР; для Абхазской АССР и Аджарской АССР — в Грузии; для Нахичеванской АССР — в Азербайджане.

Но у нас имеется ряд союзных республик, в которые входят не только автономные республики, но и автономные области и национальные округа.

Так, например, в Краснодарский край входит Адыгейская автономная область. Избиратель, живущий в Адыгее, будет участвовать в выборах одного из 5 депутатов в Совет Национальностей от данной автономной области. А

так как он будет участвовать в выборах в Совет Национальностей еще от РСФСР, то, следовательно, адыгеец будет участвовать в выборах в Совет Национальностей тоже дважды.

Также дважды будет участвовать в выборах в Совет Национальностей и избиратель, проживающий в Долгано-Ненецком округе (Таймырский национальный округ): один раз — от РСФСР при выборах одного из 25 депутатов и второй раз — от Таймырского национального округа при выборах одного депутата.

Так как у нас национальные округа, автономные области и автономные республики входят непосредственно в союзные республики, то каждый избиратель при выборах в Совет Национальностей может голосовать во всех случаях не более двух раз: один раз — от союзной республики, и второй раз — или от автономной республики (например, от Татарской АССР, Молдавской АССР и т. д.), или от автономной области (от Нагорно-Карабахской автономной области, Адыгейской области и т. д.), или от национального округа (Ненецкий национальный округ и т. д.).

Не нарушает ли такая избирательная система принцип равенства? Ведь выходит, что москвич голосует два раза (в Совет Союза по территориальному избирательному округу и в Совет Национальностей от РСФСР), а адыгеец — три раза (в Совет Союза и в Совет Национальностей от РСФСР и от Адыгейской автономной области). Нет, не нарушает. Не нарушает по той простой причине, что от каждого избирательного округа никто не участвует в выборах больше одного раза и что по каждому избирательному округу каждый избиратель имеет только один голос.

В приведенных выше случаях так и получается: избиратель — адыгеец имеет один голос по избирательному округу от Адыгейской автономной области как житель Адыгейской области. Но он одновременно является гражданином РСФСР и как гражданин РСФСР принимает участие в выборах в Совет Национальностей по другому избирательному округу — от РСФСР. В этом случае он имеет также только один голос, как и другие граждане РСФСР. Следовательно, он участвует в выборах на равных основаниях со всеми другими гражданами, как этого и требует ст. 136 Конституции СССР.

Принцип равного избирательного права в советской избирательной системе торжествует полностью.

Таковы важнейшие принципы советского избирательного права, являющегося подлинно всеобщим, равным и прямым при тайном голосовании.

Рассмотрим теперь ряд вопросов, относящихся непосредственно к организации и проведению самих выборов.

6. КАК БУДУТ СОСТАВЛЯТЬСЯ СПИСКИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР?

Едва ли нужно особо останавливаться на вопросе о значении правильного составления списков избирателей. Значение это само собой понятно. Достаточно только сказать, что сам

осуществление избирателями своего права избирать стоит в зависимости от того, внесен или нет данный избиратель в избирательный список.

Внесение граждан, имеющих избирательное право, в списки избирателей по нашему избирательному праву не представляет никаких трудностей, так как не обставлено никакими специальными условиями.

Воспользоваться своим правом быть внесенным в избирательные списки может у нас каждый гражданин. Наша избирательная система и в этом отношении представляет собой прямую противоположность буржуазным избирательным системам.

В капиталистических странах внесение фамилии избирателя в избирательные списки обставлено тысячами формальностей, выполнение которых трудящемуся не под силу.

О том, что собой представляют эти формальности, можно судить, например, по отчету о дебатах в Английской палате общин, посвященным этой процедуре.

В этом отчете говорится: «Эта система особенно тяжело ложится на избирателей, получающих плату понедельно, которым именно последний закон и хотел предоставить избирательные права. Для ремесленника или рабочего хлопоты и потеря времени, которым он должен подвергнуться, чтобы воспользоваться своим правом, равносильны тяжелому денежному штрафу; в конце концов он может получить отказ вследствие каких-нибудь формальных затруднений или случайных недосмотров, в которых он неповинен и которые могут происходить от небрежности или неопытности лиц, составляющих списки. Такое положение вещей не выдерживает критики в теории и оказывается вредным на практике. Так как доказано, что рабочие не могут брать на себя хлопот и издержек, необходимых для того, чтобы им воспользоваться своими правами, то политические партии образуют ассоциации для выполнения той функции, которая по закону должна бы выполняться общественной властью. Исправление ошибок в избирательных списках берут на себя конкурирующие партии». Предлагая проект реформы, Морлей говорит (ibid., XXII, p. 370): «Мы начинаем осуществлять то, что входило в намерения парламента, а именно, чтобы каждый житель, имеющий собственное жилище (householder) в городах и деревнях, обладал правом голоса». Чемберлен заявил с своей стороны (ibid., XXIV, p. 379): «Я всегда утверждал, что наш закон об избирательных списках является скандалом и злоупотреблением»¹.

Избирательная система буржуазных стран, действительно, полна злоупотреблений.

Прямую противоположность этой избирательной системе представляет наша система, отличающаяся крайней простотой и последовательным демократизмом.

Согласно ст. 78 «Положения о выборах» избиратель, явившись в избирательное помещение, должен отметить в списке избирате-

¹ Эс мэн, Основные начала государственного права, русский перевод, Москва, 1898 г., стр. 218.

лей, после чего уже получает избирательные бюллетени и конверт и приступает к голосованию. Вот почему «Положение о выборах» подробно регламентирует порядок составления списков избирателей, обеспечивая возможность общественного контроля или проверки правильности их составления и своевременного исправления ошибок, могущих быть допущенными при составлении этих списков.

«Положение о выборах» возлагает составление списков избирателей на местные советы депутатов трудящихся. В городах списки составляются городскими советами; в городах с районным делением — районными советами; в станицах, деревнях, хуторах, кишлаках и аулах — соответствующими советами депутатов трудящихся.

Советы обязаны внести в списки избирателей всех граждан, проживающих на территории данного Совета, достигших ко дню выборов 18 лет и имеющих избирательное право.

Продолжительность проживания в данной местности не имеет никакого значения: в списки должны быть внесены все — и постоянные, и временные жители, т. е. не только те, кто живет здесь «всегда», но и те, кто только что прибыл в данную местность, кто находится здесь проездом, кто проживает здесь непродолжительное время и кто, может быть, в ближайшее же время собирается уехать из данной местности. Наше «Положение о выборах», иначе говоря, не знает ценза оседлости, как, например, это мы видим в США, Франции и некоторых других капиталистических странах.

На случай отъезда избирателя из данного места жительства, где этот избиратель занесен в избирательные списки, в какое-либо другое место, «Положение о выборах» устанавливает обязанность совета выдать такому избирателю специальное «удостоверение на право голосования». Это удостоверение дает избирателю право внести свою фамилию в список избирателей своего нового места жительства — постоянного или временного, где избиратель окажется в день выборов. Это правило, изложенное в ст. 15 «Положения о выборах», лишний раз подчеркивает отсутствие в нашей избирательной системе ценза оседлости, что само по себе свидетельствует о последовательном и подлинном демократизме этой системы.

Может возникнуть вопрос: как советы будут определять возраст избирателей? Эта задача не представляет никаких трудностей, так как в списки должны быть занесены все граждане, достигшие ко дню выборов 18 лет. День выборов будет объявлен заранее, а списки избирателей будут вывешены для всеобщего обозрения за 30 дней до выборов.

Самые избирательные списки будут составлены по алфавиту с указанием фамилии, имени, отчества, возраста и места жительства избирателя. Для 18-летних возраст должен быть указан точно — год, месяц, день рождения. Иначе возможны ошибки, так как разница в месяцах и даже днях в пределах одного года может повлиять на определение избирательного возраста. Для лиц, старше 18 лет, это требование необязательно.

Кто не будет внесен в списки? На этот вопрос Конституция (ст. 135) и избирательный закон (ст. 9) дают вполне ясный и исчерпыва-

щий ответ. Не будут внесены в списки только те, кто не имеет по Конституции избирательных прав: осужденные судебными приговорами с лишением избирательных прав в течение всего установленного в приговоре срока лишения избирательных прав и лица, признанные в установленном порядке умалишенными.

Иногда спрашивают: надо ли разуместь здесь какие-либо судебные приговоры специально о лишении избирательных прав или же судебные приговоры, присуждающие к какому-либо наказанию с лишением избирательного права за совершенное данным лицом преступление. Разумеется, ст. 9 нужно понимать только в этом последнем смысле. Лица, не совершившие никакого преступления, за которое они подлежали бы судебной ответственности, не осужденные за это преступление к какому-либо уголовному наказанию, не могут лишаться избирательных прав и, следовательно, не могут исключаться из списков или не быть занесенными в списки, если они не являются умалишенными.

Не может служить основанием к невключению в избирательные списки факт наложения на данного гражданина какого-либо административного взыскания или административной репрессии (ссылка, высылка). Единственным основанием для этого является осуждение судебным приговором к какому-либо уголовному наказанию с лишением избирательных прав. Рассуждать иначе — значило бы извращать и нарушать Конституцию, точно и четко решающую этот вопрос, не допускающую никаких предвзятых и искусственных толкований исчерпывающей формулой своей статьи.

Таким образом, в избирательные списки вносятся только те, кто подверглись репрессии по судебному приговору, определившему наказание не только в виде лишения свободы, но и в виде лишения избирательного права.

В связи с затронутым выше вопросом возникает и другой вопрос: как быть с теми, которые окажутся осужденными судами к лишению свободы, но без лишения избирательных прав? Будут ли эти лица допущены к участию в выборах, должны ли они быть внесены в избирательные списки? И этот вопрос не представляет больших трудностей. Эти лица находятся в местах лишения свободы, то в избирательные списки они не заносятся, так как по своему положению лишены свободы — они в выборах участвовать практически принять не смогут. Это же можно сказать и о подследственных, находящихся под стражей: они также в выборах участвовать не смогут, а следовательно, в списки избирателей их заносить и не следует. Что же касается голосования или участия в выборах, то это будет стоять в прямой зависимости от того, где и в каком физическом положении будут эти лица. Если они будут содержаться под стражей, то физически и фактически они, как это мы сказали выше, участвовать в выборах принять не смогут. Если же они будут к моменту выборов на свободе, они не будучи лишены избирательных прав, смогут принять участие в выборах, если того пожелают.

Что же касается лиц умалишенных, то здесь имеются в виду лишь граждане, которые буду-

ианы умалишенными в порядке, установленном для этого законом.

В настоящее время действует закон, по которому признать человека умалишенным может лишь специальная врачебная комиссия.

Совершенно ясно, что процедура признания гражданина умалишенным должна быть обеспечена всеми необходимыми гарантиями. Здесь особенно нетерпимо всякое упрощенство, всякая небрежность. Ни отдельные врачи, ни отдельные лечебные учреждения не должны и не будут иметь права признавать того или иного гражданина умалишенным. Это право будет предоставлено официальным комиссиям, вполне авторитетным, заслуживающим полного общественного доверия и действующим под контролем государства.

Каждый избиратель вносится только в один список. Это прямо вытекает из ст. 11 «Положения о выборах», гласящей: «Никто из избирателей не может быть внесен более, чем один избирательный список».

Этим самым исключается какая-либо возможность участвовать в голосовании более одного раза при каждых выборах, чем еще раз подчеркивается принцип равенства нашего избирательного права.

«Положение о выборах» устанавливает особый порядок составления избирательных списков для избирателей, состоящих в воинских частях и войсковых соединениях. Списки этих избирателей составляются командованием воинских частей или войскового соединения за подписями командира и военного комиссара. Однако военнослужащие, не состоящие в воинских частях и войсковых соединениях, например, состоящие в штабах, в различных военных учреждениях, военно-учебных заведениях и т. п., не включаются в списки избирателей соответствующими советами депутатов трудящихся по месту своего жительства (ст. 12).

«Положение о выборах» специально предусматривает порядок исправления допущенных в списке избирателей неправильностей. Эти неправильности неизбежны в такой большой работе, как подготовка списков избирателей. В неизбежных случаях, когда отдельные избиратели или не будут включены в списки, или будут ошибочно из списков исключены, или включены с искаженной фамилией, именем или отчеством.

Могут быть случаи неправильного включения в списки лиц, лишенных по нашей Конституции избирательных прав.

В отношении всех такого рода неправильностей в списках избирателей любой гражданин, в первую очередь, тот, кого это касается, может подать заявление в Совет депутатов трудящихся, опубликовавший избирательные списки, с требованием внести в список необходимые исправления (ст. 16).

Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся каждое такое заявление о неправильности в списке избирателей обязан рассмотреть в трехдневный срок (ст. 17) и либо внести в список соответствующие исправления, либо отклонить просьбу заявителя.

В последнем случае исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся обязан заявителю выдать письменную справку с указанием мотивов отклонения его заявления (ст.

На этом дело не кончается. Ст. 18 «Положения о выборах» предоставляет право заявителю, несогласному с решением Совета депутатов трудящихся, подать жалобу в народный суд, который, согласно ст. 19 того же «Положения», обязан рассмотреть эту жалобу в открытом судебном заседании с вызовом заявителя и представителя Совета и вынести по этому делу решение, которое считается окончательным и уже никакому дальнейшему обжалованию, следовательно, не подлежит.

Установленный «Положением о выборах» порядок рассмотрения заявлений по поводу неправильностей в избирательных списках является величайшей гарантией беспристрастного и объективного разрешения избирательных конфликтов, могущих возникнуть в процессе составления списков избирателей. Передача на разрешение такого рода конфликтов именно народному суду в максимальной степени гарантирует быстроту и беспристрастность решения и обеспечивает полную авторитетность этого решения как решения народного суда, избираемого по новой Конституции также на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

7. КАК БУДУТ ОРГАНИЗОВАНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОКРУГА

Ст.ст. 34 и 35 Конституции СССР устанавливают избрание Совета Союза и Совета Национальностей по избирательным округам.

Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам по норме: один депутат на 300 000 населения.

Избирательные округа по выборам в Совет Национальностей не совпадают с избирательными округами по выборам в Совет Союза.

Совет Национальностей избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.

Таким образом для выборов в Совет Союза будет организовано столько избирательных округов, сколько получится от деления всего населения Советского союза на 300 000, составляющих норму одного избирательного округа, т. е. всего будет приблизительно 570 избирательных округов.

Для выборов в Совет Национальностей по всему СССР будет организовано следующее количество избирательных округов: 25 округов по каждой союзной республике (275 округов), 11 округов по каждой автономной республике (242 округа), 5 округов по каждой автономной области (45 округов) и 1 избирательный округ в каждом национальном округе (12 округов), т. е. всего 574 избирательных округа.

Как видим, число избирательных округов по выборам в Совет Союза и по выборам в Совет Национальностей почти одинаково.

Чем объясняется организация выборов по избирательным округам?

Как известно, по действовавшим ранее у нас избирательным законам, например, по инструкции «О выборах в советы» 1930 г., выборы членов советов происходили на избирательных

собраниях, устраиваемых по производственным единицам (предприятиям, учреждениям), профессиональным союзам, по красноармейским частям и крупным совхозам.

В крупных промышленных предприятиях выборы производились по отдельным цехам. В сельских местностях крупные селения для выборов в советы разбивались на избирательные участки. Колхозники, как правило, участвовали в выборах вместе с населением села. Граждане, не работавшие на предприятиях и не организованные в профессиональные союзы, как-то: кустари, домашние хозяйки, извозчики и т. п., — участвовали в выборах или совместно с остальными избирателями по профессиональным союзам, или по производственным собраниям, или по территориальным единицам (районам, участкам) и т. п.

Таким же образом происходили выборы и на VII съезд советов СССР и в другие съезды в 1934—1935 гг.

Этот порядок выборов можно назвать выборами на основе производственного принципа, а в некоторых случаях — смешанными выборами.

Другое дело теперь. По Сталинской Конституции и «Положению о выборах в Верховный Совет СССР» выборы будут происходить, как это видно из сказанного выше, только по одному территориальному признаку.

Раньше выборы могли производиться по производственному принципу вследствие того, что в выборах участвовали только трудящиеся и, следовательно, связанные своей работой с различными предприятиями и учреждениями. Только для так называемого неорганизованного населения выборы производились по территориальному принципу — на районных, участковых и тому подобных собраниях.

При всеобщем избирательном праве подобного рода система выборов была бы нецелесообразна, так как такая система неизбежно приводила бы к искусственному разделению избирателей на различные категории и осложняла бы всю технику избирательной кампании. В условиях, когда избирательным правом обладали только трудящиеся, выборы по предприятиям и учреждениям представляли еще и то удобство, что облегчали контроль над самым составом избирателей, облегчали гарантию того, что в выборах не примут участия лица, не имеющие к данному предприятию или учреждению отношения или вообще не трудящиеся. При действии всеобщего избирательного права это преимущество голосования по производственным предприятиям отпадает. Число лиц, лишенных избирательного права, будет столь незначительно, а составление избирательных списков по «Положению о выборах» обставлено таким максимумом контроля, что организация избирательных округов по территориальному принципу вполне себя оправдывает.

По советскому избирательному закону каждый избиратель равен другому; поэтому каждый избирательный округ с населением в 300 000 человек посылает в Совет Союза по одному депутату. Тот же принцип равенства нашел свое выражение и в системе выборов в Совет Национальностей. Выборы в Совет Национальностей построены по принципу равенства национальностей. У нас имеется много

народов, живущих компактными массами, численность которых не достигает 300 000 человек. Таковы, например, карелы, коми, калмыки, якуты, абхазцы, адыгейцы и т. д. Если бы выборы в Совет Национальностей происходили также по территориальным избирательным округам с населением в 300 000 человек, то эти народы не могли бы быть представлены в Совете Национальностей. Тем самым было бы нарушено равенство народов. При установленной же Сталинской Конституцией системе выборов и самые малочисленные народы получают возможность иметь в Совете Национальностей своих представителей.

Образование избирательных округов как для выборов в Совет Союза, так и по выборам в Совет Национальностей, производится Президиумом Верховного Совета СССР (ст. 20) и Президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР.

Здесь же отметим, что во всех случаях формирования в «Положении о выборах» о компетенции Верховного Совета надлежит иметь в виду, что до его образования функции Верховного Совета СССР в полном объеме надлежат Центральному Исполнительному Комитету СССР, а функции Президиума Верховного Совета СССР — Президиуму СССР.

8. КАК БУДУТ ВЫСТАВЛЯТЬСЯ КАНДИДАТЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Порядок и условия выставления кандидатов в Верховный Совет СССР точно определены Конституцией и «Положением о выборах».

Ст. 141 Конституции и ст. 56 «Положения о выборах» обеспечивают право выставления кандидатов за общественными организациями и обществами трудящихся: за коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке.

Согласно ст. 57 «Положения о выборах» выставить кандидатов могут как центральные органы общественных организаций и обществ трудящихся, так и республиканские, краевые, областные и районные органы, равно как общие собрания рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев — по войсковым частям, а также общие собрания крестьян, колхозам, рабочим и служащим совхозов по совхозам.

Характерным отличием советской избирательной системы является право выставления кандидатов только общественными организациями и обществами трудящихся. Индивидуальное выставление кандидатов, т. е. выставление кандидатов отдельными гражданами, нашему закону не допускается.

Несмотря на то, что и Конституция и «Положение о выборах» точно определяют органы организаций, имеющих право выставления кандидатов в Верховный Совет СССР, тем не менее уже возникает ряд вопросов, касающихся еще большому уточнению этого порядка. В частности, спрашивают, что именно надлежит разуметь под общественной организацией, в каком именно порядке эта организация

ла быть зарегистрирована, можно ли отнести к общественным организациям, хотя бы и зарегистрированные в установленном законодательном порядке, религиозные объединения и т. п. На эти вопросы можно дать, исходя из нынешнего действующего законодательства, совершенно ясные и точные ответы.

Под общественными организациями или обществами трудящихся в нашем законодательстве понимаются всевозможные объединения трудящихся граждан СССР, преследующие цели партийного, профессионального или иного объединения в интересах социалистического строительства, в интересах содействия делу социализма, закрепления и дальнейшего развития социалистических успехов и побед.

Под обществами или иными общественными организациями необходимо разумеать добровольные общества и их союзы, которые, как это сказано в «Положении о добровольных обществах и союзах», утвержденном ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г., «являясь организациями общественной самостоятельности трудящихся масс города и деревни, ставят своей задачей активное участие в социалистическом строительстве СССР, а также содействие укреплению обороны страны».

Не являются такими обществами и общественными организациями, например, так называемые церковные «двадцатки», которые регистрируются в особом порядке, установленном для них постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., и которые, согласно этому постановлению, не имеют своего устава, не пользуются правом юридического лица, не имеют своих выборных представительных органов. В своей деятельности они должны ограничиваться исключительно теми целями, ради которых они образованы, т. е., как об этом сказано в самом постановлении от 8 апреля 1929 г., «удовлетворением своих религиозных потребностей».

Сталинская Конституция обеспечивает право объединения в общественные организации в соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс (ст. 126). Ясно, что всякого рода объединения, хотя бы и зарегистрированные, преследующие иные цели, чем те, какие указаны в ст. 126 Конституции СССР и в «Положении о добровольных обществах и союзах», не имеют никаких оснований претендовать на право выставления своих кандидатов при выборах депутатов в Верховный Совет СССР, и следовательно выставленные ими кандидаты не могут и не должны регистрироваться избирательными комиссиями.

Кандидаты, выставленные общественными организациями и обществами трудящихся с соблюдением всех установленных Конституцией и «Положением о выборах» требований, должны быть обязательно зарегистрированы и внесены в избирательные бюллетени.

Здесь нужно, однако, подчеркнуть, что общественные организации и общества трудящихся, выставляющие своих кандидатов, обязаны представить в соответствующую окружную избирательную комиссию указанные в ст. 61 «Положения о выборах» документы.

Таковыми документами являются: а) протокол собрания или заседания, выдвинувшего канди-

дата, подписанный членами президиума с указанием их возраста, местожительства, наименования организации, выдвинувшей кандидата, указания о месте, времени и количестве участников собрания или заседания, выдвинувшего кандидата в депутаты, с указанием фамилии, имени, отчества кандидата в депутаты, его возраста, местожительства, партийности и занятия; б) заявление кандидата в депутаты о его согласии баллотироваться по данному избирательному округу от выставившей его организации.

Каждый кандидат в депутаты Верховного Совета СССР может голосоваться только в одном округе. Следовательно, и выставляться в кандидаты можно также только в одном округе.

Само собой разумеется, что в советской избирательной системе нет никакого ценза для кандидатов в депутаты, как нет деления избирательного права на «активное» и «пассивное»: право участвовать в выборах депутатов и быть избранным у нас безраздельно принадлежит каждому избирателю. Каждый избиратель может быть выставлен кандидатом в депутаты. При выставлении кандидатов не требуется выполнять никаких иных формальностей, кроме указанных в ст. 61.

В буржуазных странах, наоборот, к лицам, выставляемым кандидатами, предъявляются иные требования, чем к избирателям. Здесь нужен более взрослый возраст, в иных случаях (например, в Японии, в Англии) нужно внести установленный для кандидатов денежный залог (в Японии — 2000 иен = около 4000 рублей, в Англии — 150 фун. стерл. = 3057,6 рублей).

Важно отметить, что в случае провала кандидата на выборах залог этот обращается в доход государства, что нередко превращается в весьма выгодный для правительства источник дохода.

В капиталистических странах выставление буржуазными партиями кандидатов в палаты депутатов и другие законодательные органы является результатом весьма тонкой работы избирательного механизма сплошь и рядом совершенно незаконных, преступных средств — подкупа, угроз, шантажа и т. д.

По поводу американской избирательной системы и, в частности, процедуры выставления кандидатов Дж. Брайс прямо говорит, что «вся эта процедура есть не что иное, как пародия на народные выборы».

«В ней, — читаем мы в «Американской республике» Брайса, — только с виду соблюдается правило, что все должно зависеть от голосования избирателей, а на самом деле этим избирателям навязываются такие кандидаты, которых они вовсе не знают или которых они не выбрали бы, если бы знали. Несколько профессиональных политиков и их приверженцев заменяют настоящих избирателей, подготавливают на искусно организованных митингах назначение выбранных ими самими кандидатов и выдают такие назначения за выражение верховной народной воли».

Если так «выставляются» кандидаты в переломные буржуазно-демократических странах, то что остается сказать о фашистских странах, где полностью восстановлено средневековое варварство и уничтожено всякое подобие де-

мократических принципов! В этих странах фальсификация воли избирателей достигается при помощи целой системы самых зверских методов подавления и угнетения трудящихся масс.

Подлинное выявление воли народа обеспечено лишь в стране социализма, в СССР.

«Положение о выборах в Верховный Совет СССР» обеспечивает полностью действительное подлинное выявление народной воли, воли миллионов избирателей — свободных граждан Страны советов.

Мы сказали, что кандидаты, удовлетворяющие установленным требованиям, должны быть зарегистрированы окружной избирательной комиссией.

Но могут быть случаи, когда отказ окружной избирательной комиссии заинтересованные лица сочтут неправильным. В таком случае они могут этот отказ обжаловать в двухдневный срок в Центральную избирательную комиссию (если дело касается выборов в Совет Союза), решение которой является окончательным, или в избирательную комиссию союзной или автономной республики или автономной области (если дело идет о выборах в Совет Национальностей), а на решение этой комиссии — тоже в Центральную избирательную комиссию, решение которой также окончательно (ст.ст. 63 и 64).

Все зарегистрированные кандидаты подлежат обязательному включению в избирательный бюллетень (ст. 66). Форма бюллетеней устанавливается Центральной избирательной комиссией. Бюллетени печатаются на языках населения соответствующего избирательного округа и за 15 дней до выборов рассылаются всем участковым избирательным комиссиям в количестве, обеспечивающем снабжение всех избирателей избирательными бюллетенями. Напечатание и рассылка бюллетеней лежит на обязанности окружных по выборам в Совет Союза и окружных по выборам в Совет Национальностей избирательных комиссий.

9. О ПОРЯДКЕ ГОЛОСОВАНИЯ

Порядок голосования при выборах в законодательный орган нашей страны стоит в прямой зависимости от характера избирательной системы и принципов, на которые эта система опирается.

При ограниченности права голосования, при отсутствии прямого, равного и всеобщего избирательного права, при открытой системе голосования, порядок голосования будет отличаться такими свойствами и особенностями, которых нет и не может быть при избирательной системе, покоящейся на подлинно всеобщем, прямом и равном избирательном праве при тайном голосовании.

Так, избирательное право, имевшее место в дореволюционной России по выборам в Государственную думу, опиравшееся на цензовую и куральную систему, обуславливало довольно сложную процедуру голосования сначала выборщиков, потом депутатов.

Советское избирательное право не знает ни двойных, ни множественных выборов.

Всеобщее, прямое и равное избирательное право при тайном голосовании, лежащее в основе советской избирательной системы, обуславливает и чрезвычайно простой порядок

голосования, принятый нашим избирательным законом.

Глава VII «Положения о выборах» устанавливает такой порядок голосования, который обеспечивает чрезвычайную доступность, простоту и простоту этой процедуры, не утруждающей избирателей, как это имеет место в капиталистических странах, ни сложностью, запутанностью различных избирательных формальностей, ни потерей времени и прочих неудобствами.

«Положение о выборах» раньше всего обеспечивает избирателю своевременное и исчерпывающее ознакомление с выставленными в выборах кандидатами.

Окружные избирательные комиссии (как выборам в Совет Союза, так и по выборам в Совет Национальностей) обязаны опубликовать за 25 дней до выборов фамилию, имя, отчество, возраст, занятие, партийность каждого зарегистрированного кандидата в депутаты Верховного Совета и наименование общественной организации, выдвинувшей этого кандидата (ст. 65).

Ежедневно в течение последних 20 дней перед выборами участковые избирательные комиссии опубликовывают или широко оповещают избирателей каким-либо иным способом о дне выборов и месте выборов (ст. 73).

Это правило имеет своей задачей обеспечить избирателям полную возможность выполнить свой гражданский долг. Несмотря на свой технический характер, это правило имеет громадное принципиальное значение, обеспечивая максимально явку избирателей к избирательным ящикам.

Эту же цель преследует и ст. 72 «Положения о выборах», определяющая производственный день выборов в Верховный Совет СССР в нерабочий день. Согласно этому требованию выборы в Верховный Совет будут происходить, очевидно, в один из выходных дней; возможно, совпадающий с воскресным.

Согласно ст. 72 «Положения о выборах» порядок выборов устанавливается Президиумом Верховного Совета СССР (а до образования нового Верховного Совета СССР — Президиумом СССР) не позднее чем за 2 месяца до выборов.

Это требование ст. 72 находится в полном соответствии со ст. 54 Конституции, гласящей, что по истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета новые выборы назначаются в срок не более 2 месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

Допустим, что полномочия Верховного Совета СССР истекли 1 декабря 1941 г. Новые выборы должны быть произведены в течение не более двух месяцев после 1 декабря, то есть новые выборы должны произойти позже 1 февраля 1942 г.

Так как согласно ст. 72 «Положения о выборах» день выборов должен быть объявлен за два месяца до срока выборов, то в нашем примере это объявление должно последовать в день окончания полномочий Верховного Совета СССР, то есть того же 1 декабря. Сама процедура голосования будет простой.

Основное требование — это голосовать лично. Ни заочное голосование, ни голосование

«доверенности» нашим избирательным законом не допускается.

Избиратель должен явиться в избирательный участок лично; он должен лично отметитья по избирательному списку и лично получить избирательный бюллетень.

В отличие от избирательных систем некоторых капиталистических стран, избирательные бюллетени предварительно не будут рассылаться избирателям, а будут выдаваться в избирательном помещении (ст. 78).

Каждому избирателю, кроме избирателей, проживающих в автономных республиках, автономных областях и национальных округах, выдается по два бюллетеня — один для выборов депутата в Совет Союза и один для выборов депутата в Совет Национальностей депутата от данной союзной республики. Каждому избирателю, проживающему в автономной республике, автономной области или национальном округе выдается дополнительно еще по одному (третьему) бюллетеню для выборов в Совет Национальностей депутата от данной автономной республики, автономной области или национального округа.

В избирательном бюллетене для выборов депутата в Совет Союза напечатаны имена, отчества и фамилии всех кандидатов в Совет Союза от данного избирательного округа, зарегистрированных окружной по выборам в Совет Союза избирательной комиссией, а в избирательном бюллетене для выборов в Совет Национальностей — имена, отчества и фамилии всех кандидатов в Совет Национальностей от данного избирательного округа, зарегистрированных окружной по выборам в Совет Национальностей комиссией.

То, что называется заполнением избирательных бюллетеней избирателем, заключается в том, что он вычеркивает в каждом из выданных ему избирательных бюллетеней фамилии всех кандидатов, кроме одной фамилии того депутата, за которого он намерен голосовать.

Получив после выполнения формальностей, указанных в ст. 78 «Положения о выборах», избирательные бюллетени, избиратель переходит в специальную комнату, отведенную для заполнения избирательных бюллетеней. В этой комнате не может быть никого, кроме голосующего. При допуске в комнату для заполнения бюллетеней одновременно нескольких избирателей эта комната должна быть оборудована перегородками или ширмами по числу допускаемых одновременно избирателей, чтобы была обеспечена тайна голосования.

Здесь избиратель и осуществляет голосование, заполняя выданные ему бюллетени. Заполненные бюллетени избиратель заклеивает в конверт, получаемый им вместе с бюллетенями, переходит в комнату, где помещается участковая избирательная комиссия, и опускает конверт в избирательный ящик.

Неграмотные или имеющие какие-либо физические недостатки, не позволяющие избирателю самостоятельно заполнить бюллетени, могут пригласить в комнату для заполнения бюллетеней кого-либо по своему усмотрению для помощи.

Спрашивают: как будут голосовать больные, находящиеся в санаториях, путешествующие, находящиеся в командировках и т. д.?

Наш избирательный закон устанавливает такой порядок, при котором находящиеся в больницах, санаториях, родильных домах, в инвалидных домах, на кораблях, находящихся в день выборов в плавании, имеют полную возможность выполнить свой гражданский долг. Они могут принять участие в выборах во всех этих случаях, если в больницах, санаториях, на кораблях и так далее будет избирателей не менее 50 человек.

Во всех таких случаях в соответствующих местах создаются отдельные избирательные участки. Больные будут голосовать либо явившись в комнату, где имеется избирательный ящик, либо, если они прикованы к постели, — в своих палатах, — куда будут передвинуты избирательные ящики.

Находящиеся в день выборов в пути, в поезде, могут проголосовать на любой станции, где будет избирательный участок.

Для этого они должны только заранее записаться, согласно ст. 15 «Положения о выборах», «удостоверением на право голосования»: в пункте голосования — будет ли это новое место жительства или остановка в пути — избиратель должен будет предъявить это удостоверение и удостоверение личности, будет внесен в особый список, который ведется для этой категории избирателей согласно ст. 79 «Положения», получит избирательный бюллетень и сможет осуществить голосование.

Таким образом, закон предусматривает всевозможные случаи, неуклонно идя навстречу избирателю, устраняя всякие трудности в этой области и обеспечивая полную возможность принять участие в выборах каждому избирателю, каждому гражданину нашей страны.

Говоря о порядке голосования, нельзя не остановиться на вопросе о выборной агитации.

Сталинская Конституция обеспечивает всем гражданам право и фактическую возможность ведения агитации за кандидатов, выставленных теми или другими общественными организациями.

Ст. 125 Конституции предоставляет и гарантирует гражданам СССР в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя — свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций.

Ст. 70 «Положения» обеспечивает каждой организации, выставившей кандидата, зарегистрированного в окружной избирательной комиссии, равно как каждому гражданину СССР, право беспрепятственной агитации за этого кандидата на собраниях, в печати и иными способами согласно ст. 125 Конституции СССР.

Это право — не иллюзорно, а реально. Оно обеспечивается предоставлением трудящимся типографий, бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для осуществления этого права.

При всем том «Положение о выборах» не допускает выборной агитации в избирательном помещении во время подачи голосов. И это совершенно правильно, так как иначе свобода голосования была бы поставлена под угрозу всякого рода давлений и влияний, под видом «агитации». Советский закон, обеспечивающий полную и подлинную свободу слова, печати, агитации, охраняет эти величайшие

права человека и гражданина от всякого рода злоупотреблений и извращений в этой области.

Выборная кампания должна быть поставлена под полную охрану закона. Всякие попытки воспрепятствовать избирателю осуществить принадлежащее ему по Конституции право свободного изъяснения своей воли или «надавить» на избирателя, связать его свободное волеизъявление всякого рода преступными или просто недопустимыми с точки зрения советских принципов махинациями встретят со стороны Советского государства и соответствующих его органов решительный отпор.

«Положение о выборах» специально предупреждает против подобного рода махинаций.

Ст. 111 «Положения о выборах» угрожает лишением свободы до двух лет всякому, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа будет препятствовать гражданину СССР в осуществлении его права избирать или быть избранным в Верховный Совет СССР.

Ст. 112 «Положения о выборах» направляет аналогичную угрозу — лишение свободы до трех лет — против всякого должностного лица совета или члена избирательной комиссии, совершивших подделку избирательных документов или допустивших заведомо неправильный подсчет голосов.

Вот как реагирует советский закон на всякого рода избирательные мошенничества, трюкачество и тому подобные преступления.

Правда, в капиталистических странах имеется тоже немало законов, грозно предупреждающих относительно всяких избирательных фокусов и махинаций. В буржуазном и даже фашистском законодательстве мы встречаем законы, направленные против злоупотреблений и преступлений во время выборов.

В уголовных кодексах этих стран можно прочесть грозные статьи, угрожающие разными наказаниями за эти преступления. Так, ст. 249 Итальянского уголовного кодекса 1930 г. гласит: «Кто насилием, угрозой или обманом воспрепятствует гражданину полностью или в части осуществить какое-либо политическое право или воздействует, чтобы он осуществил это право в ином, чем гражданин желал, смысле, — наказывается исправительным домом на срок от одного года до пяти лет».

Ст. 109 Германского уголовного кодекса гласит: «Кто покупает или продает голос при публично-правовых выборах, наказывается заключением от одного года до двух лет». «Кто фальсифицирует результаты выборов, карается заключением на срок от одного месяца до трех лет» (ст. 108).

Французский «Code pénal» (закон 28 августа 1932 г., ст. 111) карает лишением прав всякого, кто, будучи избран для подсчета голосов, будет изобличен в фальсификации бюллетеней, их похищении, или в прибаловании бюллетеней, или вписывании новых имен.

Польский уголовный кодекс 1932 г. выделяет в особый раздел «преступления против голосования по публичным вопросам» (ст.ст. 118—124). Кодекс предусматривает неправильное изготовление списков, подлоги документов, относящихся к выборам (ст. 118, наказание — тюрьма до пяти лет), угрозы и насилия на предвыборных собраниях, при голосовании или подсчете голосов (ст. 119), подкуп (ст. 121,

наказание — тюрьма до пяти лет) нарушение тайны голосования (ст. 124, наказание до одного года лишения свободы или штраф).

Но реального значения эти законы иметь могут и не имеют.

Угрозы наказанием за избирательные мошенничества — не для буржуазных клик, больше всего мошенничающих и остающихся безнаказанными.

Буржуазная «законность» в ряде капиталистических стран превратилась в открытый произвол и ничем уже не прикрытое насилие и деспотизм над трудящимися, над культурой и демократией. Насколько циничны избирательные нравы в фашистских странах, где полностью уничтожены последние остатки буржуазной демократии, настолько хорошо известно, что об этом можно не говорить.

Достаточно привести один лишь пример избирательной практики, чтобы вопрос абсолютно ясен.

В интересной книге Квигли «Правительство и политическая жизнь Японии» приводится чрезвычайно характерное заявление члена японской нижней палаты Инукаи Ки, ярко описывающее избирательные нравы в этом фашистском государстве:

«На выборах 1892 г. мне пришлось перенести тяжелые переживания. Правительство приняло все меры для того, чтобы вмешательство в нормальное течение выборов. Мой дом, расположенный на берегу реки, был окружен полицейскими и так называемыми «соши» (бандитами), которые держали в руках обнаженные мечи: то были правительственные агенты, которые пытались помешать мне в моей избирательной кампании.

Но я не дал себя победить: я также известен как «соши», некоего Ичики Сайто, который располагал 30 сильными людьми. «Соши» дрались между собой в кулачном бою и даже холодным оружием. Мой противник кандидат магоши — Кио Хей, председатель японской пивоваренной компании, затратил на выборы 50 тысяч иен и получил лишь 1 тысячу голосов, тогда как я получил 6 тысяч голосов, затратив всего лишь 1 тысячу иен. Я был очень счастлив тем, что одержал такую блестящую победу».

Подобный порядок выборов неизбежен в капиталистических странах, где господствует эксплуатация и угнетение.

Даже в наиболее передовых буржуазно-демократических странах избирательные подлоги, фальсификация при подсчете голосов, мошенничества всякого рода, подкупы — заурядное, никого не удивляющее явление.

В известной книге Джемса Брайса «Американская республика» приводится немало примеров избирательных махинаций и преступлений. Брайс пишет о выборах и избирательном процессе в некоторых штатах Америки:

«... Разные подлоги, как, например, внесенные в список избирателей таких лиц, которые не имеют права участвовать в выборах, или неверный счет поданных голосов, считаемый обычным явлением не только в городских выборах, но и при выборе должностных лиц».

¹ Г. С. Квигли, «Правительство и политическая жизнь Японии», стр. 250—251, Соцэкгиз, 1934.

татов и федерального управления... Есть основания думать, что в некоторых штатах они есть подлоги А. В.) совершаются так часто, составляют одно из важных общественных

Брайс упоминает, что в Сан-Франциско ему рассказывали, что выборы стали производиться более правильно с тех пор, как были введены для баллотировки стеклянные ящики, которые нельзя было набивать избирательными записками еще до начала выборов.

Брайс рассказывает, что в густо населенных местах, где всех избирателей знать в лицо нельзя, нередко производится замена избирательными подставными лицами и практикуется неоднократная подача голосов одним и тем же именем. Что касается взяток, то Брайс прямо называет это «спорадической болезнью». Там, где появляется, она нередко бывает очень сильна. Законы, устанавливающие спор баллотировки, редко избавляют от

Брайс, не стесняясь, констатирует, что при выборах совершаются настоящие мошенничества. Широко практикуется подкуп избирателей: в одном из избирательных округов, по свидетельству Брайса, на избрание только одного члена конгресса было истрчено 50 тысяч долларов.

«Этот нравственный недуг, — говорит Брайс — взятках и подкупах во время выборов, — распространен в Америке, по всему вероятно, столько же, сколько он был распространен в Англии до 1883 г. В сельских округах его почти вовсе незаметно: он проявляется там только в том, что фермер, отправляющийся в место баллотировки за шесть или за семь миль от своего места жительства, рассчитывает на «роковой обед»¹.

Но от характера взятки и ее размеров самый факт не меняется, не устраняется то зло, которое представляет собой взятка.

Подкуп избирателей совершается, как говорит Дж. Брайс, в самых разнообразных формах и прямо на глазах у всех.

«В Америке, — пишет Дж. Брайс, — обыкновенно выдают от 20 до 50 долларов (от 4 до 10 ф. ст.) какому-нибудь... местному «деятелю», который берется набрать от двадцати до тридцати голосов в пользу указанного ему кандидата. Он не обязан отдавать отчет в этих деньгах и, по всему вероятно, издерживает лишь небольшую их часть на настоящие взятки, а остальную их на угощение низшего разряда избирателей спиртными напитками»².

Брайс приводит ряд справок о систематическом подкупе в США «ненадежных» избирателей. Он сообщает о громадных суммах денег, расходуемых на эту цель. В одном штате, по словам Брайса, на избрание одного члена конгресса было израсходовано 50 000 долла-

Взяточничество — этот родной брат подкупа — также обычное здесь явление. Приблиз-

тельно 5 % всего личного состава конгресса захвачено этим пороком³.

Случайно ли, что Дж. Брайс, которого никто не заподозрит в слишком критическом отношении к избирательным нравам, традициям и обычаям капиталистических стран, вынужден закончить главу XVII своей книги, откровенно названную автором позорным словом «Подкуп», признанием низкого нравственного уровня законодательных собраний этих стран.

Книга Дж. Брайса, посвященная характеристике этих нравов, написана, правда, 50 лет тому назад. Но за эти 50 лет избирательные нравы в странах буржуазной демократии к лучшему не изменились. О фашистских же странах и говорить нечего — здесь действует белый террор, производ, прямое насилие, превратившие эти страны в средневековую тюрьму со всем позором и диким варварством этого мрачного времени...

10. ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ

Дух подлинного, последовательного социалистического демократизма проникает собой все этапы избирательной системы СССР. Последний ее этап — определение результатов выборов.

Эта ответственная политическая задача поставлена всеми гарантиями пролетарской, социалистической демократии.

Подсчет голосов производится по избирательным участкам. При подсчете голосов участковыми избирательными комиссиями могут присутствовать специально на то уполномоченные представители общественных организаций и обществ трудящихся (ст. 85).

Но не только они, — здесь могут присутствовать также и представители печати. Это полностью обеспечивает общественный контроль и публичность столь важной и ответственной политической работы, как определение итогов выборов.

Самый порядок определения этих итогов точно регламентирован «Положением о выборах» и здесь устанавливается в исчерпывающей форме, как и что именно обязаны выполнить члены избирательной комиссии.

Раньше всего, участковая избирательная комиссия обязана, вскрыть избирательные ящики, сверить число поданных конвертов с числом лиц, участвовавших в голосовании (ст. 86). Напомним, что число лиц, участвовавших в голосовании, определяется по списку избирателей, явившихся в избирательное помещение, отмеченных комиссией и получивших бюллетени, как это регулируется ст. 78 «Положения о выборах». Результаты сверки должны быть занесены в протокол, который обязательно ведется в трех экземплярах по установленной форме (ст.ст. 92 и 93).

Конверты вскрывает председатель участковой избирательной комиссии, оглашая в присутствии всех ее членов результаты голосования по каждому бюллетеню (ст. 87).

Так как выборы в Совет Союза и Совет Национальностей происходят одновременно (в один и тот же день) и в одних и тех же избирательных участках (ст. 25), то избирательные комиссии должны вести запись резуль-

¹ Джемс Брайс, Американская республика, ч. 2, перевод Неведомского, М. 1890, стр. 412.

² Там же.

³ Дж. Брайс, Американская республика, ч. 2, перевод Неведомского, М. 1890, стр. 438.

⁴ Там же, стр. 437.

¹ Джемс Брайс, Американская республика, ч. 2, перевод Неведомского, М. 1890, стр. 438.

татов голосования отдельные по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей (ст. 88), причем на каждого кандидата в Совет Союза и в Совет Национальностей будет вестись отдельный счетный лист в двух экземплярах. Эти счетные листы будут вести секретарь избирательной комиссии и уполномоченные на то члены участковой избирательной комиссии (ст. 89).

При подсчете голосов по бюллетеням некоторые бюллетени могут оказаться с такими дефектами, которые не дают возможности определить волю избирателя. Такие бюллетени избирательная комиссия должна будет признать недействительными.

Однако определение признаков, по которым бюллетень должен быть признан недействительным, не может быть предоставлено усмотрению комиссии. Эти признаки или условия недействительности бюллетеней определены поэтому в самом законе, именно в ст. 90 «Положения о выборах».

По поводу ст. 90 «Положения» возникает вопрос, будут ли действительными бюллетени, в которых вместо обозначенных в них кандидатов избиратель впишет нового кандидата? В таком случае голос избирателя пропадет, и такие бюллетени окажутся по существу недействительными, так как голосоваться могут лишь кандидаты, зарегистрированные в соответственной окружной избирательной комиссии. Кандидат же, не обозначенный в бюллетене, очевидно, не был своевременно представлен в комиссию и, следовательно, не мог быть зарегистрирован, а поэтому вписывание новых кандидатов в избирательные бюллетени противоречит закону.

По окончании подсчета голосов один экземпляр протокола участковой избирательной комиссии с обоими экземплярами счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Союза направляется с нарочными в течение 24 часов в окружную по выборам в Совет Союза комиссию; в тот же срок второй экземпляр протокола с приложением обоих экземпляров счетных листов на кандидатов в депутаты Совета Национальностей направляется в окружную по выборам в Совет Национальностей комиссию (ст. 95).

Окружные избирательные комиссии производят подсчет голосов на основании протоколов, представленных участковыми избирательными комиссиями, суммируют результаты голосования по всем избирательным участкам. причем на каждого кандидата окружной избирательной комиссией ведется в двух экземплярах счетный лист, в котором отмечается количество голосов, полученных каждым кандидатом в депутаты (ст. 98 и 100).

Окружные избирательные комиссии ведут свою работу также в условиях гласности; при подсчете голосов присутствуют представители общественных организаций и общества трудящихся, а также представители печати.

В протоколе голосования, который ведется окружными избирательными комиссиями в двух экземплярах и подписывается обязательно председателем и секретарем, а также всеми членами окружной избирательной комиссии, должно быть указано: общее число избирателей по округу, общее число избирателей, принявших участие в голосовании, число

голосов, поданных за каждого кандидата депутаты, краткое изложение поданных в окружную избирательную комиссию заявлений жалоб и принятых комиссией решений.

Все эти данные, вносимые в протокол окружными комиссиями, являются исчерпывающими для определения вопросов о действительности или недействительности состоявшихся выборов, кто из голосовавших кандидатов должен быть признан избранным и не представляется ли необходимым произвести перебаллотировку или назначить в подлежащих случаях новые выборы.

Председатели как окружной по выборам Совет Союза комиссии, так и окружной по выборам в Совет Национальностей комиссии обязаны не позднее 24 часов после окончания подсчета голосов направить один экземпляр протокола с приложением счетных листов запечатанном виде с нарочным в Центральную избирательную комиссию, а второй экземпляр в тот же срок и в том же порядке — в окружную по выборам в Совет Национальностей комиссию соответственно союзной республике, автономной республике или автономной области.

Председатели окружных по выборам в Совет Союза и в Совет Национальностей комиссий после подписания протокола всеми членами комиссии оглашают результаты выборов и, в случае признания выборов действительными, не требующими перебаллотировки, выдают избранным кандидатам удостоверения об избрании в депутаты соответственно Советов Союза или Советов Национальностей.

Как же будет определяться, кто из кандидатов считается избранным?

На этот вопрос отвечает ст. 104 «Положения о выборах»: избранным считается кандидат, получивший абсолютное большинство голосов, то есть больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными.

Здесь нужно сделать одну оговорку: не во всяком числе поданных голосов будет считаться избранным кандидат, получивший больше половины голосов. Можно допустить, что по всему округу будет подано голосов меньше половины избирателей, имеющих право голосовать по этому округу. В таком случае выборы считаются несостоявшимися, и Центральная избирательная комиссия должна назначить, не позднее двухнедельного срока после первых выборов, — новые выборы.

Если на таких «несостоявшихся» выборах какой-нибудь кандидат получит больше половины голосов, он, естественно, не может считаться избранным, так как самые выборы считаются действительными.

Может случиться, что ни один кандидат не получит абсолютного большинства голосов. Тогда неизбежна перебаллотировка, но только между двумя кандидатами, получившими наибольшее число голосов (ст. 107).

Перебаллотировка должна состояться не позднее чем в двухнедельный срок истечения первого тура выборов и назначаться окружной избирательной комиссией.

Эта система весьма проста и справедлива: она обеспечивает правильное выражение воли избирателей и делает законодательный орган

соответствующим по своему составу воле абсолютного большинства народа.

В капиталистических странах действуют иные системы, не обеспечивающие указанного выше условия, а потому и несправедливые.

В Англии, например, избранным считается тот кандидат, который получил больше своего противника, хотя бы это количество голосов было и меньше половины голосующих. Следовательно, если всего голосуют 100 тысяч избирателей и голоса их распределяются между 5—6—10 кандидатами так, что первый получает 15 тысяч голосов, второй — 17 тысяч голосов, третий — 18 001 голос, четвертый — 24 999 голосов, пятый — 25 тысяч голосов, то избранным окажется пятый, как получивший относительное большинство, хотя и составляющее только $\frac{1}{4}$ всех избирателей. Это означает, что избранным оказался кандидат, против которого голосовали $\frac{3}{4}$ всех избирателей. Можно ли назвать такую систему голосования справедливой? Конечно, нет.

Еще хуже обстоит дело там, где пускается в ход своеобразная избирательная механика, построенная на прямом жульничестве. Благодаря этой «механике» коммунисты получают в 5—6 раз меньше мандатов при том же числе поданных за них голосов, чем буржуазные партии.

Такая система привела к тому, что, например, во Франции при выборах в 1932 г. коммунистическая партия получила всего 10 мандатов при 1 миллионе голосовавших за нее. Социалистическая же партия при 2 миллионах

голосовавших получила 100 мандатов. «Коммунисты, получившие в Париже самое большое количество голосов — свыше 100 тысяч, смогли при этих условиях провести в муниципальный совет, состоящий из 80 человек, всего лишь одного своего кандидата» (К а ш е и).

Такие «фокусы» обеспечиваются искусственным образованием избирательных округов и такой системой выборов, при которой неизбежен второй тур голосования, когда все партии, враждебные коммунистической партии, объединяются и действуют заодно против коммунистов.

Пропорциональная система выборов более справедлива, чем описанная выше, но она неприменима в наших условиях, в условиях советского строя и пролетарской диктатуры.

В наших условиях единственно целесообразна, справедлива, разумна такая система выборов, которая принята нашим «Положением о выборах».

При этой системе обеспечены все условия для подлинного и полного осуществления истинного народовластия — подлинного и настоящего выражения народами Советского союза своей верховной воли.

Советский избирательный закон, опирающийся на великие принципы Сталинской Конституции, есть самый демократический избирательный закон, такой закон, который обеспечивает новый и громадный шаг вперед социалистического общества, новую и громадную победу социалистического демократизма.

И. САПГИР

Социалистическая собственность

Формы собственности, лежащей в основе различных общественных систем, образуются в результате соотношения классовых сил в стране.

В стране победившего социализма реорганизованы сами основы существования общества и перестроено народное хозяйство на социалистических началах.

Только в СССР

«...мы имеем теперь новую социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни»¹.

Господство социалистической экономики означает господство общественной, социалистической собственности, как единственной командующей силы. От роста и укрепления несокрушимой базы всей нашей экономики в лице общественной, социалистической собственности, являющейся единственным и неиссякаемым источником зажиточной жизни сотни миллионов трудящихся нашей страны, зависит и личное благополучие каждого гражданина Союза ССР в отдельности.

Всякая конституция является выражением принципа собственности, который господствует в данных общественных отношениях.

Формы собственности должны быть зафиксированы в конституции, основных законах

государства, которые, по единственному научному определению сущности конституции, «выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» (Л е н и н).

Сталинская Конституция, Конституция нашей великой социалистической родины, «представляет собою итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний», является «регистрацией и законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле»¹.

Результаты великих побед социалистической революции в нашей стране подытожены в Сталинской Конституции в следующих словах: «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» (ст. 4).

Таким образом, преобладающая масса орудий и средств производства в нашей стране является общественной, социалистической собственностью, принадлежащей либо государству, либо колхозам и кооперативным объединениям.

Социалистическая собственность на средства производства исключает возможность эксплуатации человека человеком и создает

¹ Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

¹ Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

все предпосылки для максимального развития производительных сил страны.

В стране победившего социализма никто не может приобрести средства производства или владеть ими с целью эксплуатации чужого труда и личного обогащения.

Все предпосылки для воспроизводства капиталистических классов в нашей стране уничтожены, так как единственным измерителем общественных и материальных условий каждого из граждан СССР является труд, — превращенный в «дело чести, дело славы, доблести и геройства».

Принцип «кто не работает, тот не ест», зафиксированный Конституцией СССР, означает уничтожение нетрудовой наживы, эксплуатации и тунеядства. Уничтожение эксплуататорских классов в нашей стране исключает возможность обогащения за счет чужого труда. «Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом — сила и непобедимость нашей революции», сказал товарищ Сталин.

Социалистическая собственность в нашей стране имеет две формы: государственную собственность (всенародное достояние) и кооперативно-колхозную (собственность отдельных колхозников, собственность кооперативных объединений).

Великая социалистическая революция в СССР экспроприировала эксплуататоров и превратила бывшую частную собственность на средства производства капиталистов и помещиков в собственность государства. Созданные трудом рабочего класса при капиталистическом строе богатства перешли в руки рабочего же класса, как класса господствующего, и усилиями героического труда на социалистической основе выросли в несокрушимое социалистическое хозяйство всей нашей страны.

Наша государственная промышленность в целом является результатом расширенного социалистического воспроизводства.

В капиталистических странах тоже можно встретить государственную собственность на орудия и средства производства (железные дороги, военные заводы, земельные участки и т. д.), но по своей классовой природе государственная собственность в капиталистических странах не имеет ничего общего с государственной собственностью в СССР.

Впервые в истории человечества государственная собственность в нашей стране является подлинным достоянием всего народа, всех трудящихся.

Государственные предприятия принадлежат всему социалистическому обществу в лице советского государства. Отношения между людьми на этих предприятиях организованы наиболее последовательно на социалистических началах. Рабочий в СССР не является продавцом товара — своей рабочей силы, а является членом социалистического общества, членом 170 миллионного коллектива, который владеет орудиями и средствами производства. Право на труд является гарантированным Сталинской Конституцией правом в обстановке давно и безвозвратно ликвидированной безработицы. Заработная плата выражает собою отношение между обществом в целом и отдельным рабо-

тающим членом этого общества, труд которого общество в лице государства учитывает, контролирует и оплачивает в соответствии с его количеством и качеством.

Государственная собственность является основой социалистического планирования.

«Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» — гласит ст. 1 Сталинской Конституции.

В сельском хозяйстве государственной собственностью является земля, большая часть которой передана колхозам в бессрочное (вечное) пользование.

Государственные сельскохозяйственные предприятия (совхозы и машинотракторные станции, роль которых очень велика, в особенности роль машинотракторных станций) являются не только организационно-техническим центром, но и политическим.

Таким образом, социалистическое земледелие — одна из основ нашей экономики — представляет собой сочетание государственной и кооперативно-колхозной форм социалистической собственности.

Интересы широких крестьянских масс требуют союза с рабочим классом, свержения капитализма и построения социализма.

Чтобы расстроить этот союз, презренные враги народа — троцкисты предлагали насильственное экспроприирование мелких крестьянских трудовых хозяйств, а союзники троцкистов, столь же презренные бухаринцы, проповедывали мирное «врастание» кулака в социализм.

Эти посягательства врагов народа потерпели полнейшее поражение.

Окончательно победивший в нашей стране колхозный строй и есть тот «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства при классовой победе пролетариата над буржуазией», о котором писал Ленин¹. Партия под руководством великого Сталина нашла, проверила на опыте и закрепила единственную правильную форму колхоза — сельскохозяйственную артель.

Основные принципы устава сельскохозяйственной артели закреплены в Сталинской Конституции.

Собственность артели — кооперативно-колхозная собственность — распространяется на все средства производства.

Земля является собственностью государства, но закрепляется навечно за колхозами для обеспечения устойчивости землепользования, обуславливающей правильное социалистическое использование земли.

Крупные сельскохозяйственные машины находятся в собственности государства, принадлежат государственным предприятиям — машинотракторным станциям, число которых непрерывно растет (в 1930 г. — 158 МТС, в 1936 г. — 4900 МТС), и пользуются колхозами на договорных началах.

К концу второй пятилетки машинотракторные станции охватят все, без исключения,

¹ Ленин. О кооперации, т. XXVII, стр. 390.

колхозы и процесс сельскохозяйственного производства будет полностью механизирован.

Кооперативно-колхозной собственностью являются рабочий скот, хозяйственные постройки колхозов, общественный продуктовый скот, орудия конной тяги, транспортный инвентарь, частично — автотранспорт.

В ходе своего развития растут количественно и качественно и государственная и кооперативно-колхозная собственность, охраняемая советским законом.

5 лет назад, 7 августа 1932 г. вошел в историю нашей революции закон, защищающий основные устои социалистического государства.

Общественная собственность является основой советского строя, она священна и неприкосновенна — так провозгласил этот закон, записанный в скрижалях великой Октябрьской пролетарской революции. Позднее этот закон нашел свое закрепление в Сталинской Конституции.

«Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа (ст. 131 Сталинской Конституции).

Новое социалистическое самосознание граждан СССР горячо поддержало новый закон. Всему народу стало понятно, что речь идет о защите всенародного достоинства, о защите кровных интересов всего народа.

Весь великий советский народ стал на стражу своих огромных богатств, чтобы всем коллективом отстоять социалистическую собственность.

Новое чувство социалистической собственности в нашей стране присуще не только взрослым, но и детям.

Писатель Корней Чуковский рассказывает о пятилетнем мальчике, который долго рассматривал в зоопарке слона и спросил у своей матери: «Чей это слон»? Мать ответила: «Государственный». «Значит и мой немножечко», произнес мальчик с большим удовольствием¹.

Посетивший СССР американский социолог доктор Колькотт в своей книге о советской юстиции отмечает: «Встречаешь детей, которые знают, почему было необходимо издание закона от 7 августа 1932 г., устанавливающего смертную казнь за хищение общественной собственности»².

Добытые кровью завоевания социалистической революции должны быть охранены и охраняются справедливым, не знающим пощады по отношению к классовому врагу законом от 7 августа 1932 года.

Остатки капиталистических классов в городе и деревне — вот те кадры, из которых рекрутируются посягатели на социалистическую собственность, враги народа, прямые союзники троцкистско-бухаринских изменников и иных агентов фашизма.

К социалистической собственности протягиваются презренные руки шпионов-диверсантов и других двурушников, ведущих борьбу против нашей великой социалистической родины.

Закон 7 августа 1932 года есть беспощадный закон классовой борьбы, расчищающий путь от врагов.

Закон 7 августа 1932 года есть основа нашего социалистического права.

«Основная забота революционной законности, говорит товарищ Сталин, в наше время состоит, следовательно, в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом».

Закон 7 августа 1932 года сочетает в себе два основных требования — беспощадный разгром классовых врагов и их агентуры и укрепление нового социалистического правосознания.

Понятно поэтому, что взбесившиеся враги из фашистского лагеря проявляют свою ненависть к историческому закону от 7 августа 1932 года.

Помимо прямых диверсантов, на социалистическую собственность посягают фашистские фельдфебели, пожалованные Гитлером в ученые.

Одним из таких фельдфебелей является белый эмигрант из прибалтийских помещиков Маурах, который пользуется полученным им образованием в царской России, чтобы слыть среди фашистов специалистом по вопросам советского права.

Лжеученый Маурах давно специализировался на клеветнических писаниях о социалистическом законодательстве.

До прихода к власти гитлеровских фашистских молодцов, укрывшийся в Германии Маурах действовал несколько сдержаннее, чем он это стал делать в угоду своим фашистским хвостам впоследствии.

Маурах периодически пишет о советском законодательстве. Он останавливается на нашем уголовном законодательстве, на исправительно-трудовой политике, на борьбе с преступностью среди несовершеннолетних, пишет также о судебной практике, в особенности по делам о контрреволюционных преступлениях.

Писания Маураха неоднократно отмечались на страницах нашей правовой печати, как образцы невежества и наглой клеветы. Следует отметить три этапа в его «исследованиях». Первый этап выразился в «исследованиях», которые должны были доказать, что в СССР нет правового режима. Второй этап Маурах заполнил тем, что пытался доказать буржуазный характер нашего законодательства и судебной практики. На втором этапе Маурах был энергичным союзником вредительской школы Пашуканиса и др. На третьем этапе Маурах перешел к явному злопыхательству, пытаясь обосновать лженаучным юридическим анализом.

Маурах видит в законе от 7 августа 1932 г. два изъяна: 1) закон от 7 августа 1932 г. недостаточно ясен и оставляет неразрешенными много проблем; 2) закон от 7 августа 1932 г. находится в противоречии с первой главой особенной части УК 1926 г.³ Маурах нагло и

¹ К. Чуковский. От двух до пяти. Детиздат, 1937 г., стр. 100.

² Колькотт. Русская юстиция. Изд. Макмиллан и Ко, Нью-Йорк, 1935 г., стр. 156.

³ Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937 г., стр. 29.

бессовестно лжет. Но Маурахов, специализировавшихся на антисоветской клевете, не мало. Поэтому о Маурахе забывать нельзя.

Классовая борьба таит в себе ряд опасностей, от пренебрежения которыми предостерегает нас товарищ Сталин 3 марта 1937 года на пленуме ЦК ВКП(б).

Товарищ Сталин сказал:

«Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки, они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно поэтому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки. Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть на чеку»¹.

Маурах один из этих наших врагов, который пытается лженаучными соображениями оклеветать наше социалистическое право, в частности не имеющий никаких изъятий и не содержащий в себе никаких неразрешенных проблем исторический закон от 7 августа 1932 г.

Наша уголовная статистика показывает значительное снижение числа осужденных по таким преступлениям, как хищение общественной, социалистической собственности (число осужденных по закону от 7 августа 1932 г. за время с первой половины 1935 г. по первую половину 1936 г. сократилось в РСФСР в три раза, в УССР в 4 раза). Это снижение является результатом крупнейших побед социализма, новой социалистической экономики, нового социалистического самосознания.

Общее снижение числа осужденных за хищения социалистической собственности не может снять вопроса о дальнейшей решительной борьбе с хищениями общественной собственности на основе закона 7 августа 1932 г. Наряду с прямыми хищениями общественно-социалистической собственности надо отметить и новые замаскированные формы хищения, к которым прибегают враги народа.

«Притаившийся классовый враг в своей злобе к советскому строю поджигает колхозные амбары, портит скот, ломает на заводе ценные машины, калечит транспорт. И, наконец, вкупе и влюбе с ним — троцкистско-бухаринские агенты фашизма, злейшие враги советского народа. Там, где им удавалось пробраться на руководящие посты, ими неизменно поощрялись воровство, порча оборудования, расхищение социалистической собственности».

В новом проекте Уголовного кодекса СССР 1935/1937 гг. органически объединяются заключенные в важнейших общесоюзных актах уголовного законодательства последних лет новые мысли. Новый проект впитал закон от 7 августа 1932 года о борьбе за социалистическую собственность и практику судебных и прокурорских органов.

В первом разделе нового проекта УК СССР 1935/1937 гг. о государственных преступлениях содержатся статьи о хищениях общественной, социалистической собственности. В этих статьях в основном воспроизводится закон от 7 августа 1932 года с учетом судебной практики. Наиболее опасные виды хищения общественной, социалистической собственности попадают под суровую санкцию закона от 7 августа 1932 года. Менее опасные случаи входят в отдельную статью о похищении, растрате и мошенническом присвоении общественной, социалистической собственности с менее суровой санкцией.

Таким образом, новый проект проводит выработанную за пять лет в судебной практике дифференциацию различных видов преступлений против социалистической собственности.

Перед великой социалистической страной стоят задачи полного разгрома последних остатков эксплуататорских классов и преодоления пережитков капитализма в сознании людей.

В этих целях должна особенно энергично продолжаться борьба с хищениями общественной, социалистической собственности с тем, чтобы «развезть в прах последние остатки уморающих классов и разбить их воровские хищения» (Сталин), чтобы окончательно истребить врагов всякой почвы в их борьбе против дела социализма.

С. ГОЛУНСКИЙ

Участие прокурора в судебном процессе

Роль прокурора в уголовном процессе эксплуататорских стран менялась в зависимости от особенностей той или иной исторической эпохи, от задач, которые ставились перед судом господствующим классом эксплуататоров, от структуры судебного аппарата. Так, например, при старом, феодальном режиме во Франции (Франция — родина прокуратуры) задача прокуратуры заключалась прежде всего в том, чтобы отстаивать финансовые интересы короны и наблюдать за поведением судей.

Ее процессуальная роль была, сравнительно,

очень незначительна и ограничивалась возбуждением дел, в которых была заинтересована королевская власть, и дачей письменных заключений по отдельным делам перед принятием судом наиболее ответственных решений. При этом каждый судья мог выполнять прокурорские функции: «каждый судья — генеральный прокурор», гласила французская юридическая поговорка той эпохи. Феодальный суд был послушным орудием королевской власти, не только в отношении общего направления судебной политики, но и в отношении решения того или иного конкретного дела. Там

¹ Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Партиздат, 1937 г., стр. 29.

¹ Передовая. «Известия ЦИК СССР» № 183 от 6/VIII 1937 г.

ный, письменный процесс, протекавший вне всякого контроля общественного мнения, давал королю и его приближенным полную возможность осуществлять свое влияние на суд путем прямых распоряжений судьям. Особой надобности в специальном аппарате, через который правительственная власть могла бы влиять на суд, не было. Поэтому и процессуальные функции прокуратуры в период розыскного процесса времен абсолютизма были невелики.

Точно так же и в России, до 60-х годов XIX в., когда были сделаны первые шаги по превращению России в буржуазную монархию, процессуальная роль прокуратуры была невелика. Петр I, создавая прокуратуру в России, видел ее главное назначение не в ее процессуальных функциях, а в наблюдении за точным исполнением его указов местными органами власти. Петр определял прокурора, как «око царево», и «стряпчего о делах государственных». Таким образом, он особо подчеркивал надзорные функции прокуратуры, а ее процессуальные функции ограничивал теми делами, в исходе которых государство было непосредственно заинтересовано, главным образом, с финансовой стороны. Непосредственная зависимость судей феодальной России от губернаторов, а через них — от центральной полицейской власти, делала излишним широкое развитие процессуальных функций прокуратуры.

Роль прокуратуры в судебном процессе изменилась, когда у власти стала буржуазия. В отличие от феодалов, не только не скрывавших, но даже подчеркивавших классовый характер своего господства (например, особая одежда для двора, которую было запрещено носить лицам других сословий), буржуазия стремилась замаскировать классовый характер буржуазного государства и, в частности, буржуазного суда, выставить его в глазах масс как орган, отстаивающий не классовые интересы буржуазии, а общенародные интересы, как орган руководствующийся не возведенной в закон волей господствующего класса, а принципами вечной, надклассовой справедливости. Буржуазия хотела, чтобы ее суд был не только «слепым», но и «тонким» (Ленин) орудием подавления эксплуатируемых масс, чтобы не сразу было видно, чьи интересы этот суд отстаивает.

Добиться этого при прямой, неприкрытой зависимости судей от органов управления было, очевидно, невозможно.

Буржуазия была вынуждена создавать ряд демократических декораций, за которыми можно было бы скрыть подлинную сущность деятельности буржуазного суда: теорию независимости судей, суд присяжных, гласность, устность и состязательность процесса и т. д. Само собою разумеется, что при тщательном классовом подборе личного состава судей и присяжных заседателей общая классовая выдержанность судебной политики была обеспечена, несмотря на все эти демократические формы. Но, по отдельным делам, иногда и очень важным, при подобной организации суда могли получиться неприятные для господствующего класса результаты. Такие случаи и имели место, как, например, оправдание К. Маркса кельнскими присяжными, оправдание

Веры Засулич присяжными заседателями в Петербурге и т. п.

Поэтому создавалась необходимость в таком органе, который мог бы не только осуществлять повседневный надзор за судом и за судьями, но и мог бы оказать определенное влияние на разрешение судом отдельных конкретных дел в рамках демократических форм буржуазного процесса. Такой орган был найден в лице прокуратуры. Ее процессуальная роль колоссально возрастает. Сначала в Франции, а затем и в других европейских континентальных странах прокуратура превращается в один из основных рычагов уголовного процесса: прокурор возбуждает уголовное преследование, прокурор наблюдает за следствием, прокурор играет решающую роль в стадии предания суду, прокурор обязательно выступает в качестве обвинителя по всем наиболее важным делам, в частности — по всем делам, рассматриваемым в суде присяжных, за которым надо было особенно тщательно следить, прокурор опротестовывает приговоры судов, прокурор дает заключение в кассационной инстанции. Помимо всего этого, прокурор ведет, более или менее явно, надзор за судьями и дает правительству, в лице министра юстиции, характеристику судей.

Но как бы ни казалось радикальным это изменение функций прокуратуры по сравнению с функциями прокуратуры феодального периода, существо ее деятельности осталось неизменным. Как при феодализме, так и при капитализме прокуратура была верным слугой господствующего класса эксплуататоров и всей своей деятельностью содействовала защите его интересов. Во всех буржуазных странах установилась самая тесная связь между прокуратурой и полицией, вообще, и политической полицией — в частности. Прокуроры руководили работой низших агентов полиции, а высшие агенты полиции в свою очередь руководили прокуратурой. Достаточно прочесть «Разоблачения о кельнском процессе» Маркса (Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. VIII), чтобы наглядно увидеть, как полицейский агент Штибер являлся фактически душой этого процесса, как, по сравнению с ним, прокурор отступал на второй план. В России должность прокурора судебной палаты являлась обычно ступенью к занятию должности директора департамента полиции, т. е. — главного руководителя всех охранных отделений.

Выступая в суде, прокурор, по общему правилу, видел свою задачу в том, чтобы добиться обвинения во что бы то ни стало. Такой стиль работы в особенности ярко проявлялся у французских прокуроров. Лабуль, издеваясь над этой тенденцией к обвинению во что бы то ни стало, влагает в уста такого типичного прокурора следующий отрывок обвинительной речи:

«Я беру его (т. е. подсудимого. — С. Г.) со времени рождения: имея год от роду, он укусил свою кормилицу, двух лет он показал язык своей матери, трех лет украл два куска из сахарницы своего деда, четырех лет таскал яблоки из чужого сада и если негодяй в пять лет от роду не сделался отцеубийцей, то лишь потому, что имел счастье быть сиротой!» (Цит. по А. Ф. Кони «На жизненном пути». СПб, 1912 г., т. I, стр. 94—95).

В законодательствах стран фашистской диктатуры эта односторонне обвинительная позиция возводится в непременную обязанность прокуратуры. Так, например, итальянский фашистский уголовно-процессуальный кодекс 1931 г. прямо запрещает прокурору предпринимать какие-либо действия в пользу обвиняемого: возбуждать вопрос о смягчении или отмене меры пресечения, опротестовывать приговор суда по жесткости и т. п. Наряду с этим, обвинительные полномочия прокуратуры в странах фашистской диктатуры возрастают: прокурор не только получает право бесконтрольно вести предварительное расследование, не только самостоятельно решает вопрос о предании суду, но и ставится в судебном процессе в такое положение, что он получает возможность командовать судом. В той системе террористической диктатуры верхаши финансового капитала, которой является фашизм, прокуратура представляет собой одно из важнейших звеньев.

Принципиально иной является роль советской прокуратуры в уголовном процессе социалистического государства рабочих и крестьян. Впервые за все время истории прокуратуры, ее обязанность заключается не в том, чтобы содействовать угнетению громадного большинства населения, а в том, чтобы бороться с угнетателями, защищать и отстаивать права громадного большинства населения. Эту принципиально иную задачу невозможно выполнить теми методами, которыми выполняла свою задачу прокуратура эксплуататорских стран. Поэтому положение советского прокурора в уголовном процессе отличается от положения прокурора в буржуазном уголовном процессе не только по направленности его деятельности, но и по методам его работы, не только по существу, но и по форме.

Задача советского прокурора в суде социалистического государства заключается в том, чтобы добиться по каждому конкретному делу выполнения в наибольшей степени тех задач, которые стоят перед судом. В настоящий момент «борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой конституции» (Сталин) эти задачи могут быть в основном сведены к следующему:

1) беспощадный разгром всех врагов народа, шпионов и диверсантов, всей троцкистско-бухаринской агентуры фашистских разведок, всех посягающих на основы социалистического общества;

2) воспитание новой социалистической дисциплины и укрепление социалистического правосознания среди граждан Советского союза как путем применения принудительных воспитательных мер к отдельным нарушителям правил социалистического общежития, так и путем воспитательного воздействия судебных процессов на широкие массы;

3) охрана гарантированных конституцией прав советских граждан.

Прокуратура борется за выполнение этих задач во всех отраслях ее деятельности: и путем осуществления общего надзора за законностью действий административных органов и общественных организаций, и путем рассмотрения жалоб граждан на нарушение их прав, и путем руководства предварительным расследованием, и путем участия в работе суда, и путем

надзора за местами лишения свободы. Все эти отрасли прокурорской работы находятся в неразрывной связи одна с другой, представляя собой одно нераздельное целое. В действительной работе прокурора все перечисленные функции переплетаются между собой, переходят одна в другую. Так, например, усмотрев при рассмотрении жалобы преступного нарушения закона, прокурор опротестовывает незаконные распоряжения и возбуждает уголовное дело о действиях нарушителей закона. При расследовании этого дела он выявляет ряд других преступлений и привлекает виновных к ответственности. При рассмотрении дела в суде он добивается осуждения преступников и вместе с тем разъясняет всем гражданам, присутствующим на суде, или так или иначе узнающим о ходе процесса, необходимость советского закона, нерушимость гарантированных этим законом прав. Наблюдая за местом лишения свободы, в котором содержатся осужденные по этому делу, прокурор следит, чтобы применяемый к ним режим гарантировал надлежащее воспитательное воздействие и превращение этих лиц в дисциплинированных граждан социалистического государства. Вся эта деятельность прокурора представляет собой одну непрерывную цепь.

Каждое последующее звено обусловлено всеми предшествующими звеньями: неосновательное возбуждение дела уже предопределяет неудачу предварительного расследования, плохое проведенное предварительное расследование предопределяет неудачу судебного процесса и т. д.

Рассматривая в настоящей статье работу прокурора в суде, нельзя отрешиться от всей его предшествующей деятельности, нельзя забыть, что прокурор возбудил дело, что он же руководил предварительным расследованием. Соображение о том, что персонально все эти функции могли выполнять различные прокуроры, не меняет дела: прокуратура — единая и ни один прокурор не может отмежевываться от действий другого прокурора, как от чего-то чуждого и его не касающегося.

Работа прокурора в суде может быть разбита на четыре отдельных стадии: 1) участие в подготовительном заседании, 2) участие в судебном заседании, 3) участие в кассационном производстве и 4) участие в надзорном производстве. Настоящая статья посвящена только второй из этих стадий — участию прокурора в судебном заседании.

Прокурор в судебном заседании — обвинитель, представитель стороны по делу. С этого взгляда это утверждение может показаться противоречащим тому, что было сказано выше о недопустимости односторонне обвинительной позиции для советского прокурора. Но это противоречие исчезнет, только мы будем рассматривать деятельность прокурора в суде не изолированно, а как продолжение всей его предшествующей деятельности. Раз прокурор возбудил дело, раз руководил предварительным расследованием по этому делу, проверяя как обвинительные, так и оправдательные доказательства, раз он по этому делу утвердил обвинительное заключение, отстоял его в подготовительном заседании, значит он убежден в виновности подсудимого.

Иначе быть не может. Иначе он прекратил бы дело, не доводя его до суда.

А раз прокурор убежден в виновности подсудимых, он обязан обосновать это свое убеждение перед судом. Можно сказать, что на практике — это не так, что на практике прокурор, назначенный поддерживать обвинение на суде, впервые сталкивается с тем делом, по которому ему придется выступать. Но и в этом случае он может поддерживать обвинение только тогда, когда он убежден в виновности обвиняемых. Если он в этом не убежден, прокурор обязан поставить вопрос об опротестовании определения подготовительного заседания о предании суду. Но убеждение в виновности обвиняемых в этой стадии процесса может иметь только условный характер: постольку, поскольку эта виновность доказана материалами предварительного расследования и поскольку эти материалы не получают иного освещения на судебном следствии. Выступая обвинителем в суде, прокурор должен всегда допускать возможность такого изменения, иначе все судебное следствие превращается в ненужную обрядность, в пустую формальность, в судебную комедию, каковой оно и является в фашистском суде. Ничего подобного в советском суде быть не должно. Прокурор только тогда сумеет хорошо провести процесс, если он на судебном следствии будет действительно прилагать все силы к выяснению объективной истины, а не подводить базу под заранее составленное предвзятое мнение. Поясним это примером:

Свидетель на суде упоминает об обстоятельствах, о которых не упоминается в протоколе его допроса на предварительном следствии и которые колеблют предъявленное подсудимым обвинение.

При правильном, советском подходе к делу прокурор поведет допрос этого свидетеля таким образом, чтобы всесторонне выяснить новые обстоятельства, о которых говорит свидетель, тщательно проверить его показания, выяснить, почему он не упоминал об этих фактах на предварительном следствии, установить, нет ли других доказательств, подтверждающих или опровергающих эти новые обстоятельства и, в зависимости от результатов, построит дальнейшее обвинение, или вовсе откажется от него.

При односторонне-обвинительном подходе, свойственном буржуазной прокуратуре и официально провозглашенном фашистским законодательством, прокурор в таком случае поставится так повести допрос этого свидетеля, чтобы скрыть, замазать новые обстоятельства, могущие поколебать обвинение, чтобы поскорее увести свидетеля от «опасного места».

Только по окончании судебного следствия, после всесторонней проверки всего доказательственного материала по делу, откладает условный характер убеждения прокурора в виновности подсудимых и складывается окончательное убеждение в их виновности или невиновности, которое прокурор и излагает в своей речи.

Вот почему нет противоречий между определением роли прокурора в суде как обвинителя и утверждением, что односторонне-обвинительная позиция чужда советскому про-

цессу. Прокурор на суде — обвинитель, но не только обвинитель. Он ни на мгновение не перестает быть представителем органа государственной власти, наблюдающего за законностью, за правильностью судебной политики. А осуждение невинного представляет собой столь же грубое нарушение социалистического правопорядка, как и оправдание виновного. Вот почему наш процессуальный закон, в противоположность итальянскому УПК, предоставляет прокурору право принести протесты по поводу нарушения прав и интересов всех участвующих в процессе сторон, а проект УПК СССР прямо возлагает на государственного обвинителя обязанность наблюдать за точным соблюдением в процессе всех прав, предоставленных обвиняемому. Эта роль советского прокурора в суде более всего поражает буржуазных юристов, которым приходится наблюдать советский уголовный процесс.

Американский социолог д-р М. С. Колькотт в своей книге о советской юстиции (*Russian Justice*, New-York, 1935 г.), пояснив читателям разницу между положением советского прокурора в стадии предварительного расследования и на суде, где он становится обвинителем, пишет:

«Но и здесь он (т. е. прокурор. С. Г.) настолько стремится к достижению правосудного приговора, что он может прекратить обвинение, если он приходит к выводу, что при предварительном расследовании дела он был не прав. Он обязан поступить таким образом и убедить суд в правильности своего поступка...»

«Поневоле испытываешь чувство недоверчивости, когда слышишь об обвинителе, ходатайствующем о смягчении наказания или об оправдательном приговоре, но подобный случай описан в следующих главах» (У. С. стр. 135). Автору приходится уверять своих читателей, что он собственными глазами видел и собственными ушами слышал то, что американскому читателю кажется совершенно невероятным.

Но было бы ошибкой и весьма грубой ошибкой удариться в противоположную крайность и представлять себе роль прокурора в процессе как роль «беспартийного» докладчика, который с полным равнодушием взирал на правых и виноватых и с олимпийским бесстрашием докладывает суду дело. Не что подобное хотел сделать из прокурора Стальмахович, проводя в период так называемого «упрощенства» мысль об устранении состязательности из нашего процесса, о превращении прокурора в докладчика суда.

Прокурор должен сделать все возможное для полного выяснения дела, для всестороннего исследования всего доступного суду доказательственного материала. Но, раз это исследование привело его к выводу о виновности подсудимых, он проводит этот вывод со всей революционной страстностью, со всей большевистской непримиримостью. Достаточно прочесть речь т. Вышинского по делу анти-советского троцкистского центра, чтобы убедиться, что самая кипучая революционная страстность обвинителя может сочетаться с ледяной логикой, основанной на детальном анализе фактического материала.

Только правильно уснив себе свое положение на суде как обвинителя, являющегося вме-

сте с тем органом надзора за законностью, за правильностью судебной политики, прокурор может правильно провести процесс.

Другим условием для этого является высокий уровень идейно-политической и юридической подготовки. На суде прокурору приходится сплошь и рядом совершенно неожиданно, без всякой подготовки, высказываться публично по поводу сложнейших политических и юридических вопросов.

Такая необходимость может возникнуть не только при произнесении обвинительной речи, но и в любой другой момент процесса: при допросе свидетеля или обвиняемого, при даче заключения по какому-либо ходатайству и т. п. Судебная аудитория, которая видит в прокуроре представителя государства, чутко прислушивается к каждому его слову и всякая ошибка с его стороны, даже если она будет исправлена судом и не повлияет на существо приговора, может иметь крайне вредные последствия для политического эффекта процесса.

Наконец, третьим необходимым условием для успешного выступления прокурора в суде является хорошее знание дела. Тщательно изучить все дело, прочесть его от первого листа до последнего, изучить все приложения к делу, сопоставить между собой отдельные доказательства — безусловно необходимо, чтобы иметь возможность правильно провести обвинение на суде. В каком неловком положении может попасть прокурор, не соблюдающий этого правила, можно судить по следующему примеру:

Помощник краевого прокурора Х. поддерживал в краевом суде обвинение по делу бывшего народного следователя М., обвинявшегося в совершении ряда должностных преступлений. В числе других обвинений в деле фигурировало и обвинение в проведении с обвинительным уклоном дела некоего К., которого М., как утверждало обвинительное заключение, явно неосновательно привлек к ответственности вследствие личных счетов. При допросе М. об этом случае, Х. особо напирал на то, что невиновность К. была в глаза, что искуственный характер обвинения был очевиден с самого начала. Каково же было положение Х., когда, сразу же после этих его утверждений, суд по ходатайству защиты удостоверил, что на листе таком-то, такого-то тома приложений имеется постановление о заключении под стражу К., санкционированное никем другим, как самим Х., который в то время исполнял обязанности горпрокурора, а на другом листе тех же приложений имеется жалоба К. на неправильное привлечение его к ответственности, на которой Х. наложил в свое время резолюцию: «Оставить без последствий, как явно неосновательную»? Х., конечно, мог не помнить, когда и какие постановления он санкционировал и какие жалобы рассматривал, но, если бы он ознакомился с приложениями к делу, он, по всей вероятности, не принял бы на себя поддержания обвинения по делу М.

Не говоря о таких исключительных случаях, можно с уверенностью утверждать, что без тщательного изучения дела невозможно правильно провести допрос свидетеля или обвиняемого, нельзя дать обоснованное заключение

по тому или иному ходатайству, вообще, нельзя сделать ни шагу.

К каждому выступлению в суде нужно тщательно готовиться. Эта подготовка не ограничивается одним только изучением дела и составлением выписок из него. Судебное следствие, точно так же как и предварительное, не может быть проведено без плана. Готовясь к выступлению в суде, прокурор должен, прежде всего, отчетливо уяснить себе, какое значение имеют для дела показания каждого из вызываемых в суд лиц, без кого из этих лиц можно обойтись на судебном следствии, без кого — нельзя. Заключение о возможности слушать дело в отсутствие неявившихся свидетелей прокурор должен давать не экспромтом, а на основе зрелого суждения этого вопроса. По большим делам, по которым вызывается в суд много свидетелей, лучше не полагаться на свою память, а составить себе список этих свидетелей с краткой характеристикой каждого свидетеля, его отношения к делу и сущности его показаний (например, свидетель Х. — инженер завода им. Орджоникидзе, член ВКП(б), сосед по квартире обвиняемого У., показывает о кулаках У., л. д. 121 и 211). Такой список может оказаться очень полезным в продолжение всего процесса.

Далее, прокурор должен тщательно обдумать вопрос о порядке ведения судебного следствия. Четкость процесса в очень большой степени зависит от того, правильно ли определена последовательность допроса вызванных в суд лиц. А определить это можно только путем сопоставления между собой показаний всех вызываемых лиц и путем оценки всего доказательственного материала, лежащего в основе обвинения.

Дать заранее на все случаи какие-либо общие правила о том, в какой последовательности лучше всего вести судебное следствие — невозможно. Этот вопрос нужно решать каждый раз применительно к особенностям данного конкретного дела. Обычно, в случае сознания подсудимого, судебное следствие лучше всего начинать с допроса самого подсудимого. Если же подсудимый отрицает предъявленное ему обвинение, в особенности если обвинение основано на косвенных уликах, лучше всего произвести допрос подсудимого в конце судебного следствия, а начать его с допроса потерпевших и других свидетелей. Примерами той и другой системы ведения судебного следствия могут служить, с одной стороны, дело антисоветского троцкистского центра, с другой, дело Семенчука и Старцева (дело об убийстве д-ра Вульфсона на о. Врангеля). В деле антисоветского троцкистского центра подсудимые признали себя виновными и судебное следствие было начато с допроса подсудимых. В деле Семенчука и Старцева, наоборот, оба они отрицали свою виновность, обвинение основывалось на косвенных уликах и поэтому допрос подсудимых был произведен в конце судебного следствия, после рассмотрения всех других доказательств. По очень сложным делам, по которым обвинение складывается из нескольких самостоятельных эпизодов, бывает целесообразно вести судебное следствие по отдельным эпизодам.

Само собою разумеется, что эти правила не имеют абсолютного значения. Как видно по примеру того же дела антисоветского троцкистского центра, иногда бывает целесообразно отступить от принятой схемы и, например, включить допрос какого-либо свидетеля между допросами двух подсудимых.

Но, во всяком случае, к моменту открытия судебного заседания прокурор должен уже иметь готовый, вполне продуманный проект последовательности ведения судебного следствия, который он мог бы предложить суду.

Затем, прокурор должен заранее наметить себе план допроса подсудимых и важнейших свидетелей. Обойтись без особого, заранее составленного, плана можно только в отношении тех свидетелей, которые вызываются для удостоверения одного-двух несложных фактов.

Для допроса таких свидетелей достаточно упомянутого выше списка свидетелей с краткими пометками о сущности их показаний. Методика составления плана допроса на судебном заседании отличается от предварительного следствия. Основное отличие заключается в том, что, планируя допрос на предварительном следствии, следователь еще не знает, какие показания даст допрашиваемый. Поэтому, составляя план допроса, он исходит из того, что это лицо может знать.

Составляя план допроса на судебном следствии, прокурор уже знает, какие показания данное лицо давало на предварительном следствии, и, планируя допрос, исходит из этих показаний.

Поэтому начинать составление плана допроса в этом случае надо с тщательного изучения показаний данного лица (обвиняемого или свидетеля) на предварительном следствии. Изучая эти показания, прокурор должен отметить, примерно, следующее: какие из этих показаний необходимо повторить на судебном следствии; какие пробелы и неточности были допущены в протоколе допроса, которые нужно пополнить или исправить на судебном следствии; нет ли противоречий между различными показаниями данного лица или между его показаниями и другими обстоятельствами дела, которые надо выяснить на судебном следствии. Если данный свидетель или обвиняемый допрашивался на предварительном следствии несколько раз, прокурор, составляя план допроса, должен прочесть подряд один за другим все протоколы его допросов, так как иначе он легко может не заметить очень существенных противоречий между различными показаниями того же лица.

Нередко постепенное изменение показаний в определенную сторону служит ключом к выявлению мотивов, заставивших данное лицо изменить свои показания. Изучая такие противоречия в показаниях, прокурор должен обращать внимание на дату, когда давалось то или иное показание, на положение следствия в те моменты, когда давались сопоставляемые между собой показания, и должен постараться выяснить, что могло случиться между этими двумя моментами, что могло быть причиной изменения анализируемых показаний.

Только путем такого всестороннего анализа показаний, данных на предварительном следствии, можно обеспечить правильное состав-

ление плана допроса на судебном следствии. Составляя этот план, прокурор должен иметь в виду, что судебное следствие ведется не только для суда, но и для судебной аудитории.

Поэтому в план допроса нужно включить все вопросы, которые имеют существенно-значение для дела, независимо от того, оставляют ли материалы предварительного следствия какие-либо сомнения по данному поводу или не оставляют.

Нельзя обойти молчанием на судебном следствии какие-либо существенные обстоятельства на том основании, что они совершенно бесспорно установлены материалами предварительного следствия, которые хорошо известны и суду и сторонам. Судебная аудитория этих материалов не знает и легко может воспринять основанный на них приговор суда как необоснованный и недостаточно убедительный. От этого сильно страдает массово-политический эффект процесса.

Составляя план допроса экспертов, прокурор должен убедиться, что ему понятны, хотя бы в основных чертах, научные доводы экспертизы. Если эти доводы ему совершенно непонятны, то необходимо ознакомиться с соответствующей литературой. Это не значит, конечно, что прокурор должен так изучать данную науку, чтобы знать ее не хуже эксперта. Но прокурор должен ознакомиться с этой наукой, с ее методом, с ее терминологией настолько, чтобы понимать экспертов и иметь возможность самому ставить экспертам точно и правильно сформулированные вопросы. Так, например, если по делу производилась экспертиза кровяных пятен, то прокурор должен знать такие термины как гемоглобины, эритроциты, кровяные пятна и т. п., должен иметь понятие об основных методах, применяемых для исследования кровяных пятен, и знать, какими возможностями в этом отношении располагает экспертиза.

Только зная эти методы и возможности, прокурор может, изучив заключение, данное экспертизой на предварительном следствии, наметить план допроса эксперта на суде.

Определенной, установившейся формы плана допроса на судебном следствии не существует. Каждый прокурор делает себе заметки так, как ему удобно. Но, в какой бы форме ни был составлен план допроса, в нем всегда должны быть отмечены все важнейшие обстоятельства, по поводу которых нужно допросить данное лицо на судебном следствии. Тут же должно быть вкратце указано, какие материалы имеются в деле по каждому пункту плана, на каких листах дела эти материалы находятся. В особенности важно отметить сущность показаний, данных на предварительном следствии тем лицом, план допроса которого составляется, и листы дела, на которых находятся протоколы его допроса. Это необходимо для того, чтобы иметь возможность при допросе этого лица на судебном следствии сразу же уловить каждое противоречие между его показаниями на судебном и на предварительном следствии и сразу же просить суд об оглашении соответствующего протокола его допроса с точной ссылкой на лист дела, где этот протокол находится.

Без описанной подготовки нельзя правильно провести обвинение в судебном процессе. Но, само собою разумеется, что как бы тщательно прокурор ни готовился к делу, он никогда не будет застрахован от разного рода неожиданностей. В любой момент судебного процесса могут выплыть новые обстоятельства, в корне изменяющие всю перспективу дела. Прокурору приходится в этом случае перестраиваться «на ходу» и намечать новые варианты плана ведения судебного следствия.

Поэтому никакая специальная подготовка к тому или иному конкретному делу не может

заменить общей политической и юридической подготовленности прокурора, не может устранить требования высокого культурного уровня.

Человек, не овладевший учением Ленина и Сталина, не знающий текущей политики, не знакомый с нашим законодательством и криминалистикой, не имеющий тех основных знаний и навыков, которые являются основой для правильного обвинения, не может быть хорошим обвинителем на суде.

М. САНИН

О некоторых фактах и методах подрывной деятельности на водном транспорте Средней Волги фашистских разведок и их троцкистской правой и иной агентуры

«Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи партийные и беспартийные большевики, имели возможность заниматься с целями и задачами, с практикой и техникой вредительской, диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

(И. Сталин — Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г.).

В докладе на пленуме ЦК партии 3—5 марта 1937 года товарищ Сталин указал:

«Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе и троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты».

Исходя из этих указаний вождя народов товарища Сталина, нам хочется осветить некоторые факты и методы подрывной деятельности троцкистской, правой и иной агентуры международного фашизма, на водном транспорте Средней Волги.

На XVII съезде партии товарищ Сталин подчеркивал всю важность транспорта и его бесперебойной работы для нашей страны.

Помимо колоссального значения и роли транспорта в экономике нашего социалистического государства, велико его значение в деле обеспечения обороноспособности нашей великой родины.

Вот почему транспорт, в том числе и водный, а в частности бассейн Средней Волги, явился объектом преступных посягательств

вредителей, диверсантов, шпионов, троцкистско-правых агентов фашизма и прочее контрреволюционных бандитов.

Практика нашей работы устанавливает, что контрреволюционные бандиты свили себе целый ряд гнезд на различных участках Средней Волжского пароходства.

Путь является одним из важнейших участков речного транспорта. На этом участке, возглавлявшемся исключительно из партии, ставленником вредителя вердина — Гвоздковым, свила свое основное гнездо банда вредителей и диверсантов, действовавшая по прямым заданиям контрреволюционного вредительского центра троцкистско-правой агентуры фашизма в Наркомводе. Ставив свои силы на различных местах и ставив своей задачей разрушение транзитного пути на Волге, эта банда осуществляла свою задачу следующими методами:

Разработка перекаток, лимитирующих скорость движения, производилась явно неправомерно, ходы прорезывались так, чтобы нарушить доходство, вызвать аварии и простои. В результате вредительской работы этой банды Вязовский, Подвальский, Бабаковский, Щербаковский, Красновидовский, Ташовский и другие перекаты стали очагами аварий и простоев флота в 1935—36 гг.

В этих целях вредителями производилась а) задержка земляных снарядов на водных транзитных работах, в то время когда земляные снаряды должны были работать транзите;

б) основные перекаты с начала землечернения разрабатывались с поднятой рамой не полную глубину, а мелкими слоями, земляные работы не на полную производственную мощность, земснаряды перебрасывались с одного переката на другой. Это вызывало

непроизводительную затрату времени на их разработку, буксировку, сборку и установку. Таким образом, разработка перекатов тормозилась и состояние их ухудшалось.

В целях сокращения непроизводительного использования земснарядов производилось завышение выработки грунта земснарядами против фактической путем выписки фиктивных нарядов, что демобилизовывало команды земснарядов, уменьшало производительность земснарядов; кроме того, выплачивались денежные суммы за непроизведенную работу.

Очередность разработки перекатов была построена так, чтобы те перекаты, которые по своему гидрологическому состоянию являлись неустойчивыми и разработка их требовалась в первую очередь (как, например, Ташовский, Красновидовский перекаты), — разрабатывались в последнюю очередь, а в первую очередь разрабатывались более устойчивые перекаты. Это приводило к переформированию перекатов, затрудняло их разработку и нарушало нормальное судоходство.

Поднимались вывески на сигнальных мачтах перекатов, не соответствовавшие действительным глубинам на них. Это вызывало аварии.

Примером может служить происшедшая 5 августа 1936 г. авария баржи «Красная Шапочка» на Красновидовском перекате.

Проведенными выше вредительскими действиями состояние транзитного пути было ухудшено до такой степени, что на ряде перекатов создавались пробки из большого количества судов и происходили аварии судов и плотокранов. Это причиняло колоссальный убыток государству и срывало выполнение графика и планов перевозок.

Совершенно неправильно производилось смелечерпание на пароходах к ведущим пристаням бассейна, в частности к Куйбышеву, у входа в реку Самарку и на подходах к Саратову. Установлено, что подходы разрабатывались так, что их заносило уже через несколько дней после работы.

Общие данные об аварийности на Средней Волге в известной мере отражают последствия вредительства. Так в навигацию 1936 г. было зарегистрировано свыше 400 случаев аварий, с общей суммой убытков около 2500 тысяч руб., из них технические убытки достигли миллиона руб.

Органы советской разведки, органы государственной безопасности, стоящие на страже интересов советского народа, возглавляемые одним из лучших соратников товарища Сталина — Николаем Ивановичем Ежовым, сумели вскрыть вредительство в службе пути и уничтожили осиное гнездо троцкистско-правой фашистской сволочи.

По делу об аварии дамбы на Н. Тарханко (у Саратова), причинившей государству убытков свыше 2,5 млн. руб., прокуратурой Средневолжского бассейна было установлено, что:

а) в процессе осуществления правительственного задания по постройке регуляционных сооружений, обеспечивающих приближение Волги к Саратову, было большое количество аварий, причинивших огромный материальный ущерб государству и тормозивших окончание комплекса гидротехнических работ у Саратова.

Вместо 3 лет, установленных для окончания этих работ, они были затянуты на 7 лет. Бывшие начальники Сарводстроя: Гвоздков и другой ставленник шпиона и диверсанта Чзвердина — Войцехович скрыли эти аварии и их тяжелые последствия от Наркомвода путем подлогов в финансовых и информационных отчетах Наркомводу.

Не удовлетворяясь этим, Гвоздков за два месяца до окончания и сдачи в эксплуатацию сооружений законсервировал строительство. Эта попытка вредительства была ликвидирована вмешательством Наркома т. Пахомова. Тогда Войцехович, после сдачи строительства комиссии Наркомвода, снимает технический надзор и охрану с тех сооружений, которые должны были впервые в этом году выдержать высокий подпор воды. В результате благодаря целому ряду конструктивных недостатков, допущенных в проектировании и строительстве, 8 мая с. г. местными рыбаками был обнаружен прорыв дамбы водой. Враги действовали коварно с заранее обдуманной намерением: отсутствие охраны, ухода и надзора за дамбой предопределили большие масштабы аварии и колоссальные убытки;

б) установлено, что вредитель Войцехович, вместе с своими сообщниками, преднамеренно ослабляли конструкции сооружений путем уменьшения толщины тюфяков, уменьшения количества закладываемого камня и разворывания камня с уже сданных в эксплуатацию гидротехнических сооружений и проч.

Таким образом, враги народа создавали, с одной стороны, видимость экономии и, с другой стороны, создавали денежные фонды, которые затем расхищались. Расхищено было ими около 240 тысяч руб.

На не менее важном участке Средневолжского пароходства — в механико-судовой службе также засела банда вредителей, поставившая своей задачей ослабление технической мощности, а отсюда provozоспособности флота и срыв выполнения плана перевозок. Они осуществляли свою контрреволюционную подрывную деятельность на этом участке следующими методами:

а) Преждевременный вывод из эксплуатации судов путем искусственного завышения количества судов, ставящихся в капитальный ремонт, тогда как эти суда могли бы еще находиться в эксплуатации и перевозить грузы.

б) Разассигнование отпускаемых правительством средств на ремонт «широким фронтом», т. е. так, чтобы вывести из эксплуатации возможно большее количество судов и произвести ремонт их в значительно меньшем объеме работ на тех судах, где капитальный ремонт был действительно необходим.

в) Ремонт планировался и дефектные ведомости на суда составлялись так, чтобы неизбежна была постановка уже бывших в ремонте судов в последующие годы. Так, на судах, требующих разборки палубы и надстройки, ремонтировали котлы и механизмы, а ремонт надстроек не делался (жилые помещения экипажа, каюты и службы для пассажиров и т. п.).

В последующие годы, наоборот, предусматривался ремонт палубы и надстроек, и суда эти снова выводились из эксплуатации (При-

меры: пароходы «Джон-Рид», «Средняя Волга», «Перевозный», «Владимир»). Так, на вновь строящихся экспрессных судах «Мечников» и «Гоголь» были поставлены котлы со стажем в 34 и 42 года, не обеспечивающие по площади нагрева и паросъему обслуживания на полную мощность механизмов. Надстройки на этих судах переделывались несколько раз под различными предлогами лучшего и архитектурного оформления и на это были истрачены сотни тысяч рублей. Между тем суда эти простояли в стройке 7 лет и вышли в эксплуатацию в таком состоянии, что налицо прямая угроза частых выходов их из строя.

Пароход «Волгострой» переоборудован полностью, а котел у него оставлен старый с ограниченным сроком работы на одну-две навигации. До сих пор судно не выпущено из ремонта.

В 1931 г. пароход «Свирстрой» получил капитальный ремонт, а в 1936 г. назначена его реконструкция, задержавшая пароход до 17 июля с. г. в затоне, причем и этот пароход был выпущен с рядом дефектов.

г) Суда ставились в ремонт при отсутствии проектов смет и даже денег на ремонт, подымались на клетки и разбирались. Уже после вывода судов из эксплуатации годами длилась переписка по поводу проектов. Ремонт шел без проектов, с переделками, и на него затрачивались оборотные средства заводов (пароходы «Ломоносов», «Волгострой», «Свирстрой», «11 лет Татарстана», «Герой СССР Водопьянов»). Из этих судов пароходы «Водопьянов», «11 лет Татарстана», «Свирстрой» могли вполне плавать и быть в эксплуатации.

Для того чтобы скрыть следы своего вредительства, враги народа сорвали паспортизацию судов, механизмов и заводов, а без паспортизации немислим ни правильный технический надзор, ни уход за флотом, ни правильная его эксплуатация.

д) План расстановки судов для ремонта по затонам был построен так, чтобы неравномерно загрузить затоны: одни — сверх их производственных возможностей, другие — ниже их производственных возможностей. Так, на 1936—37 гг. по затону Аракчино по плану предусматривалась постановка 85 судов, фактически было поставлено 103; в затон им. Куйбышева вместо 3 судов поставлено 10; в Крушинский затон — вместо 82 поставлено 3.

е) В самых затонах на часть судов ставились заведомо негодные детали и имел место массовый брак, главным образом, внутриводской и по литью.

По флоту, находящемуся в капитальном ремонте только в Балаковском затоне, действиями вредителей причинен государству ущерб на сумму свыше 9 млн. руб., не считая, конечно, того, что годами консервировавшийся в Балаковском затоне флот не перевозил грузов, необходимых государству.

Несмотря на то, что на судах и в затонах имели место случаи пожаров (всем известен из ряда вон выходящий случай пожара на пароходе «М. Лядов») — случаи эти не изучались, и дело ограничивалось в большинстве из них благодарностями пожарной охране за быструю ликвидацию пожаров. До сего вре-

мени не выкорчеваны последствия вредительства на участке энергетики.

Для обеспечения задач, поставленных партией и правительством перед транспортом, организованы политотделы пароходств. Широким развертыванием массовой, политической, воспитательной работы, политотдел Средне-Волжского речного пароходства должен был обеспечить высокую боеспособность, дисциплину и чистоту кадров на Средней Волге.

Однако и этот участок работы стал объектом вредительской и разложенческой деятельности троцкистской агентуры фашизма. должности пом. начальника политотдела комсомольской работе подвизался разоблаченный троцкист Панков, насаждавший троцкистскую агентуру в самом политотделе и разливший на отдельных участках работу. Точно в одном из ответственных участков политической работы партком Управления Средне-Волжского пароходства пробрался ставленный Панкова Аносов.

На заводах и пристанях при содействии Панкова работала группа преступников.

В своей остервенелой ненависти к рабочим, трудящимся и коммунистической партии фашистские бандиты до того обнаглели, что открыто вели контрреволюционную пропаганду.

Они пытались вербовать себе сторонников из разложившихся элементов, каторжников, пьяниц, создавая, таким образом, свою вредительскую агентуру.

Вредительская и разложенческая деятельность врагов народа, прикрывавшихся политическими и комсомольскими билетами и засевших в политотделе СВРП, могла иметь место только в результате полнейшего отсутствия большевистской бдительности, идиотской беспечности и в атмосфере зажима самокритики, созданной руководителями политотдела СМЗ и Костромитиным. Эти горе-руководители подбирали кадры по принципу семейственности, перетаскивали за собой «своих людей». Среди этих людей были заведомые троцкисты. Инструкторский аппарат политотдела был почти полностью засорен.

Только благодаря бдительности органов сударственной безопасности была разоблачена гнусная подрывная и вредительская деятельность как их самих, так и их покровителей в политотделе.

Эти факты ярко говорят о том, что руководство политотдела совершенно забыло черпывающие указания товарища Сталина: «Теперь узловым вопросом для нас является ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям случайно заполучившим партийный билет» (Сталин).

Сталинское указание о том, что «кадры шают все», игнорировалось руководством пароходства и политотдела.

Во главе отдела кадров и в транзитной се были осужденные недавно судом Дроздин, Лепешкин, Хохлов, Набоков и др. преднамеренно засоряли кадры, судовые команды аварийщиками, дезорганизаторами дисциплины, воровскими элементами и пьяницами.

Из Куйбышевского райфодторгпита, насчиты-
вающего 195 человек служащих, уволено за
текущую навигацию 85 человек, из них сня-
то с работы, в связи с недостатками и хище-
нствами, с передачей дел в суды и следствен-
ные органы 54 человека. Как там подбираются
кадры можно судить хотя бы потому, что из
10 директоров магазинов снято с работы по
вышеуказанным причинам 4 человека. Из трех
зав. столовыми снято 2. Из 9 зав. киос-
ками снято 6. Из 40 продавцов снято 25. Об-
щая текучесть там значительно большая.

Засоренность руководящих кадров способст-
вовала нарушению революционной законности
охраняемых Сталинской Конституцией прав
граждан. По далеко еще не полным данным
процент удовлетворенных прокуратурой жа-
лоб трудящихся падает на жалобы по трудо-
вым делам. Это говорит о влиянии вражеской
деятельности и на этом участке, выражающем-
ся в нарушении социалистической законности.
До сих пор в управлении и службах СВРП
продвигается волокита в рассмотрении жалоб
трудящихся, главным образом, потому, что
руководители не проявляют Сталинской забо-
ты о человеке.

Совершенно забытым участком в работе
Басейного комитета союза речников (пред-
седатель Баскомреча т. Мизютин) является
работа профессиональных органи-
заций по осуществлению ими
функций низового контроля. Эта
область работы не руководили политотдел
и первичные партийные организации.

Далеко еще не возглавлено профсоюзам
стахановское движение. В практике работы
руководства пароходства преобладают мето-
ды администрирования и почти отсутствует
работа лучших людей транспорта —
стахановцев и ударников социалистического
производства. Стимулирование этих лучших
людей проводится чрезвычайно слабо.

Безобразная работа в СВРП в области
планирования (руководитель Глазков)

приводит к тому, что планы часто меняются
и в результате этого дезориентируются луч-
шие люди, борющиеся за выполнение и пере-
выполнение государственных планов перево-
зок.

В условиях капиталистического окружения,
обостряющихся противоречий между капита-
листическими странами, в условиях возрастаю-
щих противоречий между нашим социалисти-
ческим государством, представляющим собой
систему новых социалистических отношений,
и между капиталистическими и фашистскими
странами, наконец, в условиях нарастающей
угрозы новой мировой войны — нужна мак-
симальная большевистская бдительность, нуж-
но глубочайшее изучение марксистско-ленин-
ско-сталинской теории, овладение большевиз-
мом, под знаменем которого трудящиеся мас-
сы побеждают своих врагов.

На водном транспорте — этом решающем
участке социалистического хозяйства, еще
больше, чем где бы то ни было, нужна боль-
шевистская перестройка работы, глубочайшее
изучение недостатков работы транспорта, ве-
личайшая бдительность.

Мы должны каждый день, каждый час пом-
нить о подрывной работе иностранных разве-
док, их агентуры, троцкистско-правых и иных
вредителей, диверсантов и шпионов и, в ча-
стности, на водном транспорте.

Мы должны помнить: «Что в борьбе с со-
временным троцкизмом нужны теперь не ста-
рые методы, не методы дискуссий, а новые
методы, методы выкорчевывания и разгро-
ма»¹.

Трудящиеся нашей страны преодолели все
трудности и добились светлой, радостной и
счастливой жизни под мудрым и гениальным
руководством нашей ленинско-сталинской пар-
тии.

Под руководством Центрального комитета и
великого учителя и вождя народов товарища
Сталина мы разгромим наших врагов до кон-
ца и окончательно победим.

А. ТРАЙНИН

Борьба за мир и проект нового уголовного кодекса

Основной закон социалистической демокра-
тии — Сталинская Конституция служит неис-
черпаемым источником политических идей и за-
конодательных предположений. Уже началась
еще развернется огромная работа по зако-
нодательному внедрению во все сферы народ-
ной жизни великих начал Конституции. «Кон-
ституция, — сказал тов. Сталин в докладе
президиуму VIII съезду советов, — не ис-
черпывает, а предполагает законодательную ра-
боту будущих законодательных органов. Кон-
ституция дает юридическую базу для будущей
законодательной деятельности таких органов».
Среди подготовляемых законов видное ме-
сто занимает проект Уголовного ко-
декса. Перед авторами проекта встает серь-

езная задача: отразить в УК основные идеи
Конституции — идеи социалистического демо-
кратизма и гармонического сочетания интер-
есов личности и коллектива. Но этого еще не-
достаточно: чтобы органически и неразрывно
связать будущий УК с его «базой», — Ста-
линской Конституцией, необходимо отразить в
новом УК также и центральную внешнепо-
литическую идею Конституции, — идею
мира. Как Конституция социалистиче-
ского государства, так и его Уголовный
кодекс, должны в борьбе за мир итти

¹ И. Сталин. «О недостатках партийной
работы и мерах ликвидации троцкистов и иных
двурушников». Партиздат, 1937 г., стр. 21.

своим путем, путем единым и глубоко отличным от извилистой политики капиталистических стран.

Конституции капиталистических стран, как известно, широковещательны и многословны. Они охотно предусматривают ответственность власти перед богом (Польская конституция ст. 2), великодушно устанавливают, что «никто не может быть куплен или продан в качестве раба» (Греческая конституция ст. 13) и заботливо регулируют убой скота на бойнях (Швейцарская конституция ст. 25 бис). Неизменно вязнет язык в гортани бого- и скотолубивых авторов конституции лишь тогда, когда речь идет об избежании всеобщей человеческой бойни, когда встает вопрос о конституционных гарантиях мира. И польская, и греческая, и множество других конституций неизменно пишутся так, словно никаких договоров, служащих делу мира (пакт лиги наций, пакт Бриана Келлога и др.), договоров, к которым эти государства примкнули, в природе не существовало и не существует.

Отражая общую политику империализма, послушно плетутся по стопам конституции уголовные кодексы капиталистических стран. Разумеется, роль уголовного закона в борьбе за мир не может быть очень значительной. Однако в системе мер, направленных к защите мира, уголовный закон может сыграть свою положительную роль, увеличивая тем самым «потенциал мира». Уголовные кодексы капиталистических стран этим вопросом не озабочены. Они более склонны карать недозволенную охоту за зайцами, чем организацию военного истребления людей. Такое положение тем менее обосновано, что даже с точки зрения буржуазных криминалистов существует тесная связь проблемы мира с проблемами уголовного правосудия.

«Главная задача уголовного права, — писал в 1930 г. в докладе Пражскому пенитенциарному конгрессу английский профессор Sayre, — не в том, чтобы регулировать индивидуальные права, а в том, чтобы оградить публичную безопасность в интересах общества».

Казалось бы, интересы «публичной безопасности» должны были побудить законодатели уделить в уголовных кодексах особое внимание охране мира: что могут, например, значить цифры убийств, прошедших перед уголовным судом, по сравнению с неисчислимым количеством убитых на войне. В действительности можно отметить обратное.

Во всех капиталистических странах действуют специальные военно-уголовные кодексы, ограждающие от посягательства и смуты оплот диктатуры капитала — армию. И несмотря на существование этих специальных военных кодексов, нет ни одного общегосударственного уголовного кодекса, который в свою очередь также не содержал бы дополнительных постановлений о посягательствах против армии и военной мощи государств; и вместе с тем ни одного кодекса, в котором нашло бы реальную защиту дело мира.

Итальянский уголовный кодекс 1930 г. выделяет в особую главу «преступления против личности государства как члена международного общения». Эта глава — кодекс в миниатюре состоит из 35 статей (241—275), преду-

сматривающих разнородные посягательства, способные ослабить военную мощь Италии. Итальянский УК вспомнил и о «мире». Вспомнил своеобразно и поучительно. Действительно, ст. 245 итальянского УК устанавливает: «Кто вступит в сношения с иностранцем целью связать Италию обязательством оказать или сохранить нейтралитет или войну наказывается исправительным домом от 5 до 15 лет». Таким образом, итальянский УК угрожает одинакового наказания предостерегающим от содействия войне, так и от содействия нейтралитету, тем самым обнищая, что для итальянского фашизма война и нейтралитет — «блага» равноценные. Итальянская интервенция в Испании показала всему миру, что действительно итальянский так называемый «нейтралитет» ничем не отличается от войны.

Действующий германский уголовный кодекс в специальном разделе предусматривает преступления против иностранного государства и его главы (§ 102—104). Однако не о том государстве печется закон: речь идет о странах, с которыми Германия находится в дружественных отношениях (Peindliche Beziehungen gegen befreundete Staaten). Некоторые германские теоретики ранее, в догитлеровские годы, пытались, правда, разъяснить, что государство «дружественное» означает государство, с которым Германия находится в мире. Толкование, однако, находится в явном противоречии с указанием закона и всей практикой фашизма, открыто и «принципиально» различающего свою и чужие, враждебные отношения.

Нюрнбергский съезд фашистской партии в сентябре 1936 г., съезд, провозгласивший борьбу с Советским союзом, с которым Германия находится в мире, основной задачей фашизма, в достаточной степени показывает, как цену придают официальному миру фашистские правители. По существу съезд явился спланированным «враждебным действием» против Советского союза.

В подготавливаемом фашистскими юристами проекте германского уголовного кодекса защита военной мощи выдвигается в качестве первоочередной задачи. Особенная часть проекта начинается с «охраны державного существования государства во-вне». Сюда проект посылает обширный ряд делитов государственной и военной измены. О мире проект УК молчит, о мире в фашистском законодательстве не принято.

По сравнению с этими кодексами европейской «цивилизации» значительно более прогрессивным является китайский уголовный кодекс 1928 г. Действительно, в китайском уголовном кодексе специальная глава посвящена «посягательствам, наносящим ущерб отношениям между Китаем и другими государствами». Глава эта состоит из семи статей. Закон предусматривает в частности следующие враждебные действия против иностранного государства, нарушение правил о нейтралитете, установленных китайскими властями, оскорбление флага или эмблемы другого государства и др. Закон (ст. 124) карает и подготовительные к этим преступлениям деяния.

Непрекращающаяся японская агрессия, жертвой которой продолжает оставаться Китай, привела к тому, что глубокое миролюбие, отличающее китайский народ и нашедшее частичное отражение в приведенных постановлениях уголовного кодекса 1928 г., начинает принимать более осторожную форму. В новом уголовном кодексе редакции 1935 г., в третьей главе, предусматривающей «посягательства против отношений Китая с другими государствами», всего четыре статьи (116—119). Закон говорит о преступлениях против главы государства, дружественного Китаю, или представителя иностранного государства, аккредитованного при китайском правительстве, оскорбления иностранного флага. В обоих случаях возбуждение уголовного преследования возможно лишь по жалобе правительства заинтересованного иностранного государства. В новом уголовном кодексе также предусмотрены нарушения правил о нейтралитете.

Специальная глава о «преступлениях против международного общения» имеется и в японском уголовном кодексе (§§ 90—94).

Непосредственное отношение к проблеме войны имеют два последних параграфа кодекса — 93 и 94. § 94 угрожает тюрьмой на срок от одного до трех лет или штрафом до тысячи иен тому, кто во время войны между иностранными государствами нарушает предписания о нейтралитете. Особого внимания требует § 93: «Кто с целью повести войну против иностранного государства без санкции надлежащих органов делает к этому приготовления или вступает для этого в соглашение с другими лицами, наказывается тюрьмой на срок от трех месяцев до пяти лет».

Согласно прямому указанию § 93 самочинное вовлечение Японии в войну с иностранным государством может и не влечь за собой уголовной ответственности, если виновный заявил о своих действиях. При этом закон не содержит никаких ограничений в сроке этого права путем заявления избежать уголовной ответственности. Оно, очевидно, может быть сделано в любое время, следовательно, даже и тогда, когда в результате действий виновного последовали военные операции.

Как показал опыт войны против Китая, Япония выработала свою особую «методику» агрессии: в первые моменты войны центральное правительство как бы в стороне. Это же генералы-озорники сами начинают военные действия. Мировая пресса не раз отмечала обращение японской военщины к помощи этого метода. Приведенный выше § 93 японского уголовного кодекса непосредственно предусматривает подобные факты. Однако случаи применения § 93 неизвестны.

Таким образом, единственное постановление японского уголовного кодекса, как будто направленное к защите мира, на деле этой цели не служит.

Более того, нельзя не отметить следующего положения: ни один уголовный кодекс в мире не содержит постановлений, тождественного приведенному выше § 93 японского кодекса о подготовке военных действий против иностранного государства без санкции надлежащих органов. И в то же время ни одна страна в такой мере не прибегает к методам как

бы «самочинных» вылазок японской военщины: достаточно вспомнить «инциденты» 1936 г. на манчжуро-монгольских границах. Отсюда непосредственно встает вопрос о специальном назначении § 93 формальным запретом «аскировать» реально практикуемые методы. В этом понимании в качестве средства, прикрывающего провокацию военных конфликтов, а не в качестве орудия мира, § 93 японского уголовного кодекса действительно заслуживает внимания.

Для иллюстрации того, в какой мере законы капиталистических стран о войне и мире непосредственно зависят от их мирной или империалистической политики, поучительно ознакомление с законодательством Швейцарии.

Швейцария, как известно, является страной, стоящей и стоящей вне сферы военных конфликтов. Швейцария не питает агрессивных планов. Швейцария в силу договоров и создавшейся международной ситуации не рассматривается и в качестве возможного объекта агрессии. Этот пацифизм, характеризующий положение Швейцарии среди других стран, нашел выражение в швейцарском уголовном законодательстве.

В Швейцарии действуют самостоятельные кантональные уголовные кодексы. Но помимо отдельных общесоюзных уголовных законов (например закон 30 марта 1906 г. против анахистов) действует поныне и общесоюзный уголовный кодекс несколько сокращенного типа: первый раздел — общая часть состоит из 34 статей и второй раздел — особая часть из 32 статей.

Этот общесоюзный уголовный кодекс издан восемьдесят три года назад — 4 февраля 1853 г., но его мирные постановления угли бы воспринять многие уголовные кодексы новейшего западно-европейского образца. Действительно, вторая глава миниатюрного «общешвейцарского уголовного кодекса» имеет специальный заголовок: «Посягательства против иностранных государств». Она состоит из следующих трех статей:

«Кто посягает на чужую территорию или совершает иное нарушение международного права, карается заключением или штрафом» (ст. 41).

«Кто станет публично поносить другой народ или его суверена или правительство, карается штрафом до 2000 франков, а в более серьезных случаях заключением на срок до шести месяцев» (ст. 42)

«Кто нанесет оскорбление полномочному представителю другого государства, карается заключением на срок до двух лет или штрафом до 2000 франков» (ст. 43).

Вскоре после возникновения мировой войны федеральным советом Швейцарии был издан специальный закон, расширявший объем ст.ст. 41 и 42.

Действующий французский уголовный кодекс в первом же разделе первой главы предусматривает преступления против общественной безопасности государства и устанавливает ответственность за всякого рода способствование неприязни и ослабление военной мощи Франции. Ценность мира находит признание в ст. 84 французского уголовного кодекса,

устанавливающей ответственность тех, «которые враждебными действиями, неопробованными правительством, создают опасность объявления войны». Кроме того, ст. 85 французского уголовного кодекса карает тех, кто незаконными действиями подвергнет французских граждан репрессиям.

Опубликованный недавно, в 1934 году, проект нового французского уголовного кодекса дает более широкую конструкцию преступлений против мира: в особом разделе § 3 «Преступления или в проступке против международных отношений» французский проект предусматривает более широкий круг «враждебных действий», способных создать опасность войны или внести расстройство в отношения Франции с другими государствами. Нормы, ограждающие военную безопасность, распространяются не только в защиту Франции, но и дружественных ей и союзных государств.

Дух воинственности и враждебности, который господствует в международных отношениях империалистических государств и находит отражение в уголовном законодательстве, порою сменяется духом солидарности и сопереживания. Вместо пороха начинала пахнуть фиалками. Эта метаморфоза происходит тогда, когда встает вопрос о защите господствующей политической системы, ее престижа и ее «главы».

Так бельгийский закон 1 марта 1858 г., говоря о «преступлениях и проступках против международных отношений», в действительности карает тюрьмой от двух до пяти лет заговор или приготовительные действия, имеющие целью «разрушить или изменить форму правления иностранного государства или возбудить население иностранного государства вооружиться против главы правительства этого государства».

Той же идеей охраны политического порядка в чужой стране проникнут один из новейших уголовных кодексов — датский уголовный кодекс 1933 г., в ст. 107 предусматривающий посягательства на главу иностранного государства.

И другой уголовный кодекс, вступивший в силу в том же 1933 г., уголовный кодекс Латвии, в специальной главе «Преступления против иностранных государств» предусматривает также посягательства против государственного порядка чужой страны: «Кто в Латвии, — говорит ст. 117, — попытается насильственно изменить государственный порядок иностранного государства, находящегося в мирных отношениях с Латвией, или совершит приготовительные к такому преступлению действия, — наказывается, если существует взаимность или заключена конвенция, заключением».

Латвийский уголовный кодекс, таким образом, оставляя безнаказанными всякого рода посягательства на территорию или политическую независимость иностранного государства, в то же время даже приготовление к политическому перевороту рассматривает как серьезное преступление.

На такого рода «интернационализм» было способно даже царское правительство. каравшее крепостью «виновного в учинении в пределах России покушения на насильственное

низвержение правительства дружественного России государства или на насильственное изменение существующего в нем образа правления, или в учинении приготовительных для сих целей действий, или в участии в составившемся с теми же целями обществе, если относительно по наказуемости таких деяний существует взаимности» (ст. 135 уголовного кодекса 1903 г.).

Самостоятельного внимания заслуживает постановление польского уголовного кодекса, ибо авторы его кичатся тем, что они сказали новое и сильное слово в защиту мира.

В польском уголовном кодексе имеется специальная норма — ст. 113, карающая заключением на срок до пяти лет всякого, «кто ставит публично призывать к агрессивной войне».

В объяснительной записке к кодексу с гордостью отмечается, что норма эта «продукт творчества польской правовой мысли, стремившейся защитить идею мирного сожительства народов». Так гласит закон; так «гласят» его авторы. А вот летом 1936 г. в органе польских помещичьих сынков «Бунт молодых» было напечатано заявление, содержащее в себе прямой призыв к разбою, прямой призыв к агрессии. Таково реальное значение ст. 113 Польского УК. Может быть, сей прославленный авторами «продукт творчества польской правовой мысли» протух в удушливой атмосфере германо-польской дружбы? Факты говорят больше: ст. 113 с момента ее возникновения была заведомо обречена на бездействие.

Действительно, согласно § 2 той же ст. 113 польского УК, «преследование за пропаганду агрессии имеет место только на началах взаимности, т. е. только в том случае, если пропаганда признается наказуемой и по законам той страны, против которой призыв был направлен». Однако такой страны не существует. Единственные уголовные кодексы, помимо польского УК, предусматривающие пропаганду агрессии, — УК Румынии и Бразилии говорят исключительно о пропаганде агрессивной войны против этих стран. Таким образом, при наличии приведенного выше § постановление польского УК об уголовной ответственности за пропаганду агрессии на деле лишено всякого практического значения; «продукт польской правовой мысли» с первого дня его изготовления был, таким образом, преддурком фальсифицированным¹.

Таков убогий пацифистский актив законодательства капиталистических стран. В фашистских странах уголовные законы, как все воды и фабрики, мобилизованы для одной цели — подготовки агрессии.

Сталинская Конституция — первая и единственная в мире, в которой международные мирные обязательства нашли полное и безусловное признание, первая и единственная Конституция, в которой проведена отчетливая резкая грань между обороной и нападением.

Согласно ст. 49 Конституции «Президиум Верховного Совета СССР»... в период между сессиями Верховного Совета СССР объявля-

¹ Подробно об уголовном законодательстве капиталистических стран см. мою работу «Защита мира и уголовный закон».

«состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии».

Таким образом, президиум Верховного Совета войны по своей инициативе не объявляет. Он лишь объявляет состояние войны, если на СССР совершено нападение или нападению подверглось государство, в отношении которого СССР связан международными обязательствами по взаимной обороне от агрессии. Здесь, следовательно, Сталинская Конституция в конкретных и точных постановлениях в соответствии со всей мирной политикой советов и мирными идеями пактов Лиги наций и Бриана-Келлога закрепляет отказ СССР от агрессивной войны.

Отражая общую политику мира, неуклонно проводимую Советским союзом, отражая гарантии мира, устанавливаемые в Сталинской Конституции, Уголовный кодекс СССР должен также ввести в отличие от всех кодексов капиталистических стран ряд конкретных постановлений в защиту мира.

В последние годы в связи с лихорадочной подготовкой фашистской агрессии получил широкое развитие терроризм особого рода, экспортный терроризм, направленный к подрыву мирного сожительства народов. «Особенностью этого рода новейшего терроризма, — сказал т. Литвинов в декабре 1934 г. на заседании совета Лиги наций, — является то, что он почти всегда готовится и осуществляется на чужой территории, финансируется из иностранных источников и сознательно или бессознательно становится орудием иностранной политики; эта особенность и заслуживает внимания совета, ибо мы имеем здесь дело с явлением, явно угрожающим миру. Ни одно государство не может мириться с тем, чтобы на территории других государств допускались подготовка и организация покушений на жизнь его представителей, в особенности когда имеются основания подозревать не только попустительство, но и сочувствие и пособничество со стороны центральных или хотя бы местных властей этих государств. На почве таких актов создаются трения, инциденты, конфликты между государствами, угрожающие иногда переходить в вооруженные столкновения».

Огромная опасность для мира, содержащаяся в новейшем терроризме, была, как известно, признана и Лигой наций: советом Лиги был создан комитет для разработки интернациональной конвенции по борьбе с терроризмом. В настоящее время имеются два проекта этой конвенции. В ноябре 1937 г. созывается интернациональная конференция по рассмотрению этих проектов.

Советский уголовный кодекс должен содержать специальную норму, направленную против экспортного терроризма, норму, предусматри-

вающую призыв к совершению террористических актов или организацию террористических актов против деятелей других государств.

Терроризм новейшего типа есть один из методов подготовки агрессии. Наряду с этого рода посягательством против мира должна быть предусмотрена и пропаганда в устной или письменной форме против мирного сожительства народов, пропаганда, содержащая призыв к агрессии. Мир неделим. Любая агрессия является посягательством против всеобщего мира; поэтому в советском уголовном кодексе призыв к агрессии должен влечь за собой уголовную санкцию независимо от того, против какого государства призыв направлен, независимо от того, предусмотрена ли законодательством других стран наказуемость подобного призыва.

Ценной гарантией мира являются международные договоры, ограждающие мирное сожительство народов. В соответствии с этим всякого рода действия, направленные к срыву мирных договоров и созданию опасности военных конфликтов, должны также рассматриваться как преступления против мира.

Деликты против мирных отношений между государствами кажется целесообразным выделить в специальную главу «Преступления против мирного сожительства народов».

***

В странах «торжествующего» фашизма все ухудшающаяся хозяйственная конъюнктура, ненависть рабочих и разочарование мелкой буржуазии с каждым днем увеличивают опасность революционных взрывов. Фашизм, следуя примеру своих деспотов, пытается спастись от собственного народа путем провокации войн с другими народами.

С каждым днем наглость фашистских поджигателей войны растет и ширится. Пиратские действия фашистских бандитов в Средиземном море — потопление советских пароходов — являются беспримерными посягательствами против всеобщего мира. Трудящиеся всех стран, все передовое человечество, весь мир должен сплотить свои силы для сокрушительного отпора агрессорам. Трусы и предатели, действующие из-за угла, фашистские разбойники нагледят только в условиях попустительства со стороны капиталистических государств, на словах неоднократно провозглашающих свою преданность делу мира.

Одушевленная величайшими идеями и сплоченная единой волей, Страна советов всемерно занята мирным строительством. Уголь, металл, хлеб, школа — лучшие показатели ее достижений и лучшее орудие ее политики. Советский союз — наиболее последовательный и наиболее решительный борец за дело всего человечества, за мир. Оттого Сталинская Конституция — единственная конституция, отвергающая агрессию, оттого Советский УК должен быть первым УК, ведущим борьбу с преступлениями против мира.

Иски о восстановлении на работе

Одним из величайших завоеваний сталинской эпохи, закреплённым в Сталинской Конституции, является право на труд (ст. 118 Конституции).

В упорной и ожесточенной борьбе с величайшими трудностями добились трудящиеся нашей страны уверенности в завтрашнем дне, веры в то, что с каждым днем жизнь будет лучше.

В историческом докладе товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов Союза ССР дана гениальная по своей простоте и ясности характеристика новой экономики, экономики эпохи социализма.

...«Мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной культурной жизни.

Это обеспечивает непрерывный и бурный рост нашего народного хозяйства, максимальное использование производительных сил нашей великой родины. В этих условиях и речи быть не может о безработице, о лишних людях. Каждому трудящемуся, каждому добросовестному труженику есть где приложить свои силы и знания.

Таким образом, основная гарантия реальности записанного в Конституции права на труд — наша социалистическая экономика.

Твердое и неуклонное выполнение законов нашей страны и решительная борьба со всеми нарушителями социалистической законности дополняют эту гарантию и создают необходимую, в наше время, устойчивость общественных отношений эпохи социализма.

Борьба за укрепление социалистической законности в трудовых отношениях означает, в первую очередь, непримиримую борьбу со всеми явными и замаскированными врагами народа, разваливающими трудовую дисциплину, подрывающими устой социалистического производства в городе и деревне. Наряду с этим мы должны бороться с отсталыми настроениями отдельных рабочих, особенно среди новых кадров, недавно пришедших из деревни, недостаточно дисциплинированных, не переваливших еще в рабочем котле.

Борьба за укрепление социалистической законности требует строгого надзора за соблюдением законов о труде как в вопросах регулирования рабочего времени, отдыха и техники безопасности, так и в части регулирования правил найма и увольнения с работы. Твердое и неуклонное проведение трудовых законов требует от нас чуткого и внимательного отношения к жалобам трудящихся, умения отличать рвачей и шкурников от честных тружеников, преданных нашей родине, партии и правительству, незаслуженно, несправедливо обиженных бюрократами и чиновниками.

При этом совершенно нетерпим в судебно-прокурорской работе излишний либерализм, огульная защита всех жалующихся на неправильное увольнение, точно так же как нетерпима и другая крайность: отрицательное, бар-

ско-пренебрежительное отношение ко всем жалобам на неправильное увольнение. К чем приводит излишний либерализм, какой вред он приносит и работнику и предприятию — мы покажем на 2—3 примерах.

Гр. Х. уволен был со склада крупной строительной организации в Москве, где он работал кладовщиком по взрывчатым материалам. Народный суд, куда обратился Х. с иском о восстановлении его на работе. Исполняя решение суда, администрация решила восстановить Х. на работе, однако, учитывая имевшие место неполадки в работе Х., администрация назначила его кладовщиком на том же складе, но в кладовой инертных материалов (гранит, мрамор и т. п.). Условия работы и оклад были сохранены Х. те же, что и на прежней работе. Но Х. к работе не приступил, и, придравшись к тому, что его назначили в другую кладовую, отказался от работы, после чего администрация уволила его за отказ от работы. Х. снова обратился в суд. Народный суд решил восстановить его на работе; ГKK Московского городского суда отменила это решение и в иске Х. отказала. Президиум Московского городского суда отменил решение ГKK и оставил в силе решение народного суда, обязав администрацию оплатить прогул за все время конфликта, т. е. около 10 месяцев. В результате Х. получает несколько тысяч рублей за «вынужденный» прогул, не работает и продолжает настаивать либо на восстановлении на прежней работе, либо на оплате за время, когда он фактически ничего не делает. Народный суд продолжает выдвигать ему исполнительные листы. Только вмешательство Прокуратуры СССР, опротестовавшей в Верховный суд РСФСР неправильное постановление президиума МГС, приостановило незаконное разбазаривание государственных средств и поощрение безобразного поведения этого труженика.

Другой такой же пример. Рабочий типографии Т. уволен был за подделку сведений о своей выработке. Администрация, по просьбе Т., выдала ему справку об увольнении по сокращению. После этого Т. предъявил иск о восстановлении на работе, доказывая в суде, что сокращения в типографии не было. В результате началось судебное дело, которое тянулось много месяцев. Одни решения были в пользу Т., другие против него. В конечном итоге Т. было отказано в иске, так как суд выявил истинную причину увольнения. Но Т. не успокоился на этом и свыше года «ходил по профсоюзным, судебным и прокурорским инстанциям, настаивая на восстановлении на работе и оплате за прогул за 1½ года. Квалифицированный полиграфист Т., оказавшийся типичным сутяжником и тупельцем, работал свыше года и занимался только тем, что днями просиживал в приемных прокуратуры, суда и профсоюзных органов.

Нерешительная, либеральная политика отдельных звеньев судебно-прокурорских профсоюзных органов вслила в него веру в возможность легко получить полугодовую зарплату. После того как в Прокуратуре СССР

Т. было окончательно отказано в его жалобе, он увидел, что дальше тянуть так нельзя, и поступил на работу. Через неделю его встретили работники прокуратуры и не узнали. Т. был прилично одет, глядел бодро и весело и шутил благодарил за отказ в жалобе. А ведь в мытарствах Т. частично были виноваты те из либералов прокуроров, судей и профработников, которые своими колебаниями поддерживали в нем веру в легкий заработок.

Было бы ошибочно обобщать приведенные выше случаи. Стахановское движение охватило уже значительные слои рабочих промышленности, транспорта и совхозов. Стахановец — рабочий, сознательно борющийся за высокую производительность труда, перекрывающий во много раз нормы, увлекающий своим примером других рабочих — это тип рабочего наших героических дней. Но наряду с ними встречаются еще только что описанные Х. и Т.

По делам о неправильных увольнениях и связанных с ними исках об оплате вынужденного прогула мы прежде всего сталкиваемся с вопросом о круге лиц, иски которых поданы в суд.

Наше трудовое законодательство для отдельных категорий работников исключает возможность судебного разрешения споров по поводу увольнения, предоставляя им лишь право обжалования по административной линии. Сюда прежде всего относятся перечисленные в ст. 65 Постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. и в изданных на этом основании НКТ СССР списках (пост. НКТ СССР от 18 октября 1929 г.) лица, пользующиеся правом найма и увольнения, и другие ответственные руководители учреждений и предприятий, руководители отделов, начальники цехов и т. п. Не могут обращаться также в суд по поводу неправильного увольнения лица, уволенные в порядке уставов о дисциплине на транспорте, в органах связи и др. Распространительное толкование этих законов недопустимо. Это с несомненностью вытекает из духа нашей Сталинской Конституции и созданных ею максимальных гарантий права на труд и усиления роли судебной защиты наших прав. Однако мы имеем немало случаев, когда отдельные суды, прокуроры и даже профессиональные союзы пытаются расширить этот круг лиц.

Декабрьское (1936 г.) совещание судебно-прокурорских работников решительно высказалось против таких незаконных тенденций, направленных к сужению компетенции суда. Однако практика говорит о живучести этих кадровых тенденций.

Характерный в этом отношении случай произошел совсем недавно. В городе Егорьевске уволен был на одном из заводов заведующий планово-распределительным бюро слесарно-машинного цеха К. «за срыв планирования». РПК рассмотрела этот конфликт и нашла увольнение К. правильным. Когда же К. обратился с жалобой на решение РПК в профсоюзные инстанции и к местному прокурору, то райпрокурор разъяснил ему, что он «может обжаловать на имя главка Станкостроения как инженерно-технический персонал», тем самым

дав ему понять, что он не вправе обращаться по поводу неправильного увольнения ни в РПК, ни в суд. Центральный комитет союза разъяснил К., что он по занимаемой им должности заведующего ПРБ, на основании постановления НКТ СССР от 18 октября 1929 г., лишен права обращения в суд и РПК по поводу своего увольнения.

Что же касается до того, что РПК все же разобрала его конфликт и призвала увольнение правильным, то, по мнению инспектора труда ЦК союза, это решение РПК считается не имеющим никакой юридической силы, так как РПК не могла заниматься вопросом об увольнении К.

На этом основании инспектор труда ЦК союза отказался даже рассматривать по существу жалобу К. на решение РПК.

В это дело вмешалась Прокуратура СССР, обратившая внимание ЦК союза на неправильное толкование закона инспектором труда ЦК союза, который произвольно расширил список № 1 НКТ СССР от 18 октября 1929 г. Прокуратура СССР указала также ЦК союза, что неправильное решение РПК, впредь до его отмены, сохраняет свою силу. В ответ на это секретарь ЦК союза выступил с абсолютной неправильной защитой незаконных действий инспектора труда. Он доказывал, что, хотя той должности, которую занимал на заводе К., и нет в списке НКТ № 1, но так как в этом списке имеются другие должности, например мастера, менее ответственные, чем заведующий ПРБ, и так как в 1929 г. такой должности как заведующий ПРБ в природе не было, то ЦК союза считает, что заведующий ПРБ цеха также не имеет права обращаться в РПК и суд по поводу увольнения, и, следовательно, действия инспектора труда правильны.

Мы подробно остановились на этом примере, потому что ошибочные соображения, высказанные Егорьевским райпрокурором, который всех инженерно-технических работников лишает права обращения в суд по поводу увольнения, а также распространительное толкование списка № 1, допущенное руководством одного из ЦК союзов, к сожалению, имеют последователей.

Верхсуд РСФСР, правда, неоднократно высказывался по этому поводу, правильно ориентируя судебные органы на борьбу с подобными вредными тенденциями. К сожалению, суды других союзных республик и отдельные судебные звенья РСФСР держатся иных взглядов. Так на Украине, где практика по трудовым делам гражданской коллегии Верховного суда, а по ее примеру и облсудов и нарсудов, страдает рядом существенных недостатков, вытекающих из неправильного толкования наших законов, мы встречаемся нередко с такими решениями, которые приводят к сужению компетенции суда по делам об увольнении. В Гражданской кассационной коллегии одесского областного суда в конце прошлого года рассмотрено было дело по иску Я., заведующего вознесенским пунктом «Заготсено», о восстановлении на работе и оплате за вынужденный прогул. Народный суд решил дело в пользу Я., а ГКС облсуда решение суда отменила и дело производством прекратила за отсутствием у истца права на

иск как у лица, пользовавшегося правом найма и увольнения. Обсуд не обратил внимания на то, что Я. обжаловал свое увольнение по административной линии и директор Всесоюзной конторы «Заготсено» признал увольнение его неправильным.

Ввиду отказа областной конторы выполнить распоряжение вышестоящей организации он вправе был обратиться в суд с иском об оплате за вынужденный прогул. Нередко мы имеем дело с исками работников, включенных в список НКТ № 1 об оплате за вынужденный прогул, после того как возбуждено уголовное преследование прращено, либо если вышестоящая администрация признала увольнение неправильным.

Президиум Верховного суда РСФСР в разъяснении от 1 ноября 1936 г. № 03/60 указал, что оплату за вынужденный прогул могут требовать в судебном порядке также те из работников, кто не может предъявлять в суд исков о восстановлении на работе.

Днепропетровские облсуд и прокуратура смотрят на это иначе. Гражданин П. — начальник ПВО одного из заводов — уволен был в связи с привлечением его к уголовной ответственности. После прекращения дела в уголовном порядке, П. предъявил иск о восстановлении его на работе и оплате за прогул, но суд прекратил дело на том основании, что П. пользовался правом найма и увольнения. После этого П. обратился в НКТП, где признали необходимым оплатить П. прогул, происшедший по вине дирекции завода. П. снова обратился в суд, представив решение НКТП. Но трудсуд вторично прекратил дело по тем же основаниям, что и в первый раз, а облсуд оставил это решение в силе.

Второй пример. Кассира Киевского нарпита З. уволили за недостачу абонементов на обеды, с одновременным возбуждением против него уголовного преследования. После оправдания З. в уголовном суде, он предъявил иск о восстановлении на работе и оплате за прогул.

Трудсуд ему в иске отказал. Кассационная коллегия областного суда оставила это решение в силе. Гражданская коллегия Верховного суда УССР признала увольнение З. правильным на том основании, что З. был кассиром и администрация нарпита могла на основании постановления НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. уволить З. в связи с тем, что больше ему не доверяла.

Прокуратура СССР не согласилась с этим решением и внесла протест в президиум Верховного суда УССР, полагая, что Гражданская коллегия Верховного суда УССР допустила явно неправильное толкование постановления НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. По мысли Гражданской коллегии Верховного суда УССР администрация вправе бесконтрольно уволить кассира, мотивируя это потерей доверия. В случае с кассиром З. суд в уголовном порядке признал, что З. невиновен в исчезновении абонементов. И хотя это было единственным основанием к его увольнению, все это не помешало судебным инстанциям отказаться от рассмотрения дела по существу и отказать З. в иске о восстановлении на работе по фор-

мальным и явно неправильным соображениям, так как президиум Верховного суда УССР не согласился с протестом, — прокуратура Союза опротестовала это решение в судебно-надзорную коллегия Верховного суда Союза ССР.

Такая тенденция к сужению компетенции суда, как мы уже отмечали выше, противоречит закону и не соответствует роли и задаче суда по Сталинской Конституции.

Перейдем к следующему, особенно спорному в нашей судебно-прокурорской практике, вопросу об оплате вынужденного прогула в связи с неправильным увольнением.

Прежде всего надо отметить устарелость редакции ст. 68 пост. ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г., которая говорит о том, что при восстановлении на работе суд присуждает за вынужденный прогул в пределах до 1 месяца во всех случаях, а сверх этого в том лишь случае, «если неправильно уволенный работник в течение одного месяца со дня увольнения зарегистрировался на бирже труда и не отказывался без уважительных причин от предлагаемой работы».

В условиях ликвидации безработицы и упразднения за ненадобностью бирж труда, буквальное толкование ст. 68 указанного закона лишило бы суды возможности присуждать в каких бы то ни было случаях за прогул за срок больше чем за месяц. Вместе с тем нередко требования работников об оплате за вынужденный прогул за срок больше чем за месяц являются справедливыми и вполне обоснованными.

Судебная практика по этим искам отличается значительной пестротой.

В ряде решений украинских судов, включая и ГК Верховного суда УССР, мы встречаемся с отказом в оплате за вынужденный прогул более чем за один месяц на том основании, что в СССР ликвидирована безработица, а потому истец мог при желании найти работу.

Так, например, в определении Гражданской коллегии Верховного суда УССР по делу М., хотя и признано было грубое нарушение администрации законов о труде, выразившееся в увольнении командира запаса М. во время нахождения его на лагерных сборах, однако, на работе суд не восстановил его и отказал оплатить за прогул свыше месяца на том основании, что в СССР ликвидирована безработица и, очевидно, М. сам недостаточно энергично искал работы.

Прокуратура СССР опротестовала это судебное решение, и президиум Верховного суда отменил его.

Несомненно, что факт ликвидации безработицы в нашей стране надо учитывать при разборе решений подобных исков. Страна, нуждающаяся в работниках всех специальностей, не может терпеть такого положения, когда здоровые люди сидят без дела. Наша Конституция наряду с правом на труд, записала и обязанность каждого трудящегося участвовать в социалистическом производстве.

...«Труд, как обязанность и долг чести каждого работоспособного гражданина по формуле: «Кто не работает, тот не ест» (доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде

советов СССР). Это означает, что каждый работоспособный трудящийся нашей страны обязан не сидеть без дела, а искать работу, не дожидаясь, пока ее предложат.

Из этого и надо исходить при разборе претензий об оплате за вынужденный прогул. Если установлено судом, что в силу тех или иных причин работник, после незаконного увольнения, не мог найти себе некоторое время работы, он вправе требовать оплаты прогула за срок более длительный чем один месяц. В частности, по делу М. было установлено, что он ряд месяцев усиленно искал и не находил себе работу по своей специальности торгового агента. При этих условиях отказ в оплате М. за вынужденный прогул более чем за один месяц был незаконным.

Возьмем другой случай из судебной практики г. Москвы.

Р. был уволен с московского завода по сокращению. Это совпало с переходом Р. на инвалидность, и администрация выдала ему при увольнении путевку на курорт и выходное пособие. Пробыв месяц с лишним на курорте, а затем отдохнув еще два месяца, Р. обратился в РКК завода с заявлением по поводу неправильного его увольнения, а также с просьбой о предоставлении ему какой-либо более легкой работы, которую он по состоянию своего здоровья мог бы выполнять. РКК отказала ему ввиду отсутствия надлежащей работы. Инспекция труда отменила решение РКК и передала дело в суд. После неоднократных рассмотрений этого дела, суд решил восстановить Р. на работе с оплатой ему прогула за все время со дня увольнения, включая и время пребывания на курорте. При этом суд не выяснил даже, есть ли на заводе какая-либо работа для Р., искал ли он где-либо работу, так как администрация завода, уволив его по сокращению, ничем не препятствовала ему найти себе какую-либо работу на другом заводе.

В таком виде решение утверждено было президиумом Мосгорсуда. По протесту Прокуратуры СССР Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР отменила все решения суда по этому делу и передала его на новое рассмотрение для выяснения указанных нами моментов, без чего нельзя было решать вопроса ни о правильности увольнения, ни об оплате прогула.

Еще более показательным является дело инженера П., которое рассматривалось на Украине.

Инженер П., начальник силового отдела одного из наших крупнейших металлургических комбинатов, уволен был в июне 1936 г. как не справившийся с работой. С самого начала это дело приняло неправильное направление. Дело об увольнении начальника отдела комбината инженер П. занялась РКК несмотря на то, что дело это было ей не подсудно. Все же РКК по существу решила спор, признав увольнение П. правильным. Инспектор труда отменил решение РКК и предоставил П. право обращения в суд. Дело было рассмотрено в суде 21—25 ноября 1936 г., т. е. спустя 5 месяцев после увольнения. Народный суд решил восстановить П. на работе с оплатой за прогул по день восстановления. ГКК областного

суда оставила это решение в силе, изменив лишь решение в части восстановления, признав это нецелесообразным, и обязала директора комбината выдать П. справку об увольнении по собственному желанию. 27 марта 1937 г. ГКК Верховного суда УССР восстановила решение народного суда об обратном приеме П. на работу и утвердила решение об оплате прогула по день решения трудсуда, т. е. по 25 ноября 1936 г.

Оставляя в стороне вопрос о подсудности суду иска о восстановлении на работе начальника отдела промышленного предприятия, а также и основательность решения суда о восстановлении П. на работе (Прокуратура СССР считает увольнение П. правильным), мы обращаем внимание на необоснованность решения суда об оплате за вынужденный прогул. Квалифицированный специалист по одной из тех специальностей, в которых наша страна особенно нуждается, в течение года занят только своей тяжбой, нигде не обращаясь за работой и с помощью суда получает с государства несколько тысяч рублей за абсолютное безделье. Вместе с тем П. безусловно имел возможность поступить на другую работу еще в июне 1936 г., так как дирекция не выдала ему таких документов о работе, которые мешали бы его поступлению на работу. С ноября же 1936 г., когда трудсуд полностью реабилитировал его, он уже во всяком случае мог начать работать. Но П. не работал до июля текущего года, настаивая на оплате за время до восстановления. В его бездельи и незаконном получении им государственных денег в известной мере повинны суды, выносившие неправильные решения. Прокуратура СССР опротестовала это решение Гражданской коллегии Верховного суда УССР в президиум Верховного суда УССР.

Наряду с подобного рода примерами, следует остановиться на примере справедливого требования оплаты вынужденного прогула за длительное время.

Экономист М. работал в Якутии около 3 лет и был уволен «за срыв работы по планированию с одновременным привлечением к уголовной ответственности». Около года М. находился под следствием. Выехать из Якутии он в связи с этим не мог. Поступить там на работу с той формулировкой причин увольнения, которая была записана в его трудовом списке, да к тому же еще будучи подследственным, он также не мог. Только через год суд разобрав его дело и осудил М. Главный суд Якутии смягчил наказание, а Верховный суд РСФСР вовсе отменил приговор и дело прекратил за отсутствием в действиях М. состава преступления. После этого М. предъявил иск об оплате за вынужденный прогул. И хотя разбиравшая это дело Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР признала грубое нарушение трудового законодательства со стороны администрации, уволившей М. и возбудившей против него уголовное дело без всяких оснований, однако, за прогул М. присудили лишь за 6 месяцев.

Прокуратура опротестовала это определение Гражданской коллегии Верховного суда, указав на необоснованность присуждений всего за 6 месяцев прогула. Прокуратура требовала

оплаты прогула за год, то есть за то время, когда М. находился в Якутии в таких условиях, когда лишен был возможности найти себе другую работу. Президиум Верховного суда согласился с протестом, отменил определение Гражданской коллегии Верховного суда, предложив ей снова обсудить вопрос о сроке, за который следует оплатить прогул.

Мы нередко встречаемся еще с такими явлениями, когда дирекция предприятия или руководитель учреждения, правильно увольняя работника, выдает ему справку о работе, в которой записаны явно недопустимые с точки зрения нашего законодательства формулировки причин увольнения. Вследствие этого работник не сразу может устроиться на работе, некоторое время вынужден оставаться без работы, обращаясь за помощью об изменении формулировки причин увольнения в КСК, к прокурору и в суд. Не говоря уже о таких грубо нарушающих закон формулировках, как например: «уволен за развал работы, уволен за связь с преступным элементом, уволен за срыв стахановского декадника» и т. п., мы встречаемся нередко с такими, казалось бы, невинными формулировками, как «уволен согласно приказу №... от ...». Это приводит к требованию приказа об увольнении, в котором записаны такие мотивы, которые заставляют воздержаться от приема на работу этого работника.

В связи с этим также возникают судебные дела об изменении формулировок увольнения и оплате за вынужденный прогул, либо только об оплате за прогул.

Такие иски суд обязан принимать к рассмотрению, независимо от того, кто бы ни был истец, хотя бы и работник, принадлежащий к кругу лиц, лишенных права обращения в суд с иском о восстановлении на работе.

Суды и прокуроры должны помнить, что на основании кодекса законов о труде, правил ведения трудовых списков, постановления III пленума КСК и циркуляра Прокурора РСФСР от 9 июля 1932 г. в трудовые списки, а следовательно и другие документы, выдаваемые при увольнении, запись причин увольнения должна производиться в соответствии с теми формулировками, которые приведены в ст.ст. 47, 48 и других статьях Кодекса законов о труде. Некоторые суды и прокуроры впадают в крайность, полагая, что в документе об увольнении вообще нельзя записывать какие-либо дискредитирующие работника сведения, а потому требуют либо исключать причину увольнения, либо указывать явно неправильные сведения, указывая во всех случаях «сокращение», «собственное желание», «болезнь», «переход на другую работу» и тому подобные невинные формулировки. Такие действия

не основаны на законе. Если работник уволен за систематическое нарушение трудовой дисциплины (п. «г» ст. 47 КЗоТ РСФСР) или за прогул (ст. 41^а), или в связи с осуждением его уголовным судом (п. «д» ст. 47) и т. п., то так и надо писать в трудовом списке, не допуская при этом отступлений от истины.

Если же суд, проверив все обстоятельство дела, найдет, что запись в трудовом списке или справка о работе выдана была с такой формулировкой увольнения, которая не соответствовала действительности, или хотя и близка была к истине, но в таких выражениях, которые отступают от требований закона, и что вследствие этого работник некоторое время не мог устроиться на работе, суд обязан предложить администрации выдать другой документ о работе, а если работник докажет, что он вследствие неправильно выданных документов о работе имел вынужденный прогул, то и присудить за прогул, независимо от правдивости увольнения.

Резюмируя затронутые в этой статье вопросы, необходимо прийти к следующим выводам:

а) В современных условиях борьбы за укрепление социалистической законности суды, прокуратуры и профсоюзные органы должны всячески ограждать трудящихся от незаконных посягательств на одно из основных конституционных прав — право на труд; а это обязывает к строжайшему соблюдению трудовых законов при разрешении дел о неправильных увольнениях.

б) Существующие ограничения права обращения в суд по поводу увольнения охватывают слишком широкий круг лиц и нуждаются в пересмотре в сторону значительного сокращения. Во всяком случае следует решительно осудить, как не соответствующие принципам Сталинской Конституции, попытки по тем или иным предлогом расширить списки этих лиц. С этими вредными тенденциями следует вести решительную борьбу.

в) При разрешении дел о восстановлении на работе и оплате за вынужденный прогул, суды должны лишь в том случае присуждать за прогул свыше 1 месяца, когда судом установлено будет, что по вине администрации или по ряду объективных причин работник длительное время, пока у него длился конфликт с администрацией, не мог устроиться на работу, хотя и принимал все зависящие от него меры.

Настоящей статьей мы далеко не затронем всех спорных вопросов, связанных с рассмотрением дел о неправильном увольнении. В одном из ближайших номеров нашего журнала мы вернемся еще к этому вопросу.

Проблемы кассации в истории советского уголовного процесса

1. Советский кассационный процесс в том виде, как он существует в настоящее время, был создан не сразу. Он формировался и развивался постепенно. Многие элементы его наметились и привились в судебной практике еще до того, как нашли свое место в законодательных текстах. И в настоящий момент есть еще целый ряд весьма важных кассационных проблем, выдвинутых судебной практикой и ждущих своего законодательного разрешения.

Наряду с этим первоочередной задачей является выработка на почве огромного, накопленного за 20 лет опыта теории советской кассации. Это тем более необходимо, что в советском процессуальном праве совершенно создан совершенно новый тип кассационного процесса.

В досоветский период считалось, что механизм кассации может быть использован лишь по образцу французского процесса, что кассация французского типа является единственно возможным видом кассационного процесса и что этот процесс так называемой «чистой кассации» совпадает с родовым понятием кассации вообще.

После создания советского типа кассационного процесса такая точка зрения уже больше невозможна. Кроме созданного французской революцией кассационного процесса французского типа, существует созданный Октябрьской революцией советский тип кассационного процесса. Этот факт заставляет заново пересмотреть все теоретические проблемы кассации и в первую очередь дать новую и иную, чем давалась до сих пор, формулировку самому родовому понятию кассации.

2. Обращаясь к указанию основных проблем кассации в истории советского уголовного процесса, нельзя прежде всего не обратить внимания на то, что в советском уголовном процессе существование кассации не сопряжено с одновременным существованием апелляции. Совершенно естественно, что в процессуальной системе, не знающей апелляции, кассация должна выглядеть иначе, чем в процессуальных системах, пользующихся обоими институтами — апелляцией и кассацией.

Советский уголовный процесс с самого начала отказался от апелляционного порядка пересмотра приговоров. Уже первый советский декрет о суде от 24 ноября 1917 г. устанавливал, что приговоры уголовного суда не подлежат обжалованию в апелляционном порядке и могут быть проверяемы вышестоящими судами лишь в кассационном порядке¹. И декрет № 2 о суде от 28 февраля — 7 марта 1918 г. вновь повторял, что обжалование в апелляционном порядке отменяется и допу-

скается только кассация решений¹. При этом надо отметить, что текст декрета № 2 был проверен лично В. И. Лениным. Им собственноручно внесены в текст те исправления, которые он считал необходимыми. Отрицательное отношение к апелляции не вызвало с его стороны никаких замечаний и возражений². И после этого все дальнейшие законодательные акты, касавшиеся организации суда, повторяли в различной редакции, но всегда решительно и категорически, мысль о недопустимости апелляционного пересмотра дел в советском уголовном процессе. Так продолжалось вплоть до кодификации судебного права в 1922 г. Ту же отрицательную точку зрения на порядок апелляционного пересмотра приговора усвоил и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, а вслед за ним и уголовно-процессуальные кодексы других союзных республик. На этой же точке зрения стоят изданные в 1924 г. «Основы судостроительства СССР и союзных республик» и «Основы уголовного судопроизводства СССР»³.

Таким образом, апелляционный пересмотр приговоров уголовного суда отвергался и отвергается последовательно советским законодательством на протяжении всего двадцатилетнего существования советской юстиции. Можно, поэтому, утверждать, что это отрицание апелляции не случайно в советском уголовно-процессуальном законодательстве, а имеет принципиальный характер и принципиальное значение.

Не знает сторонников введения апелляции в советский уголовный процесс и советская процессуальная литература. Там, где советские процессуалисты высказывались об апелляции, отношение к ней было с их стороны обычно резко отрицательным⁴.

Таким образом, в основу системы обжалования и проверки приговоров положен в советском уголовном процессе лишь один только принцип — принцип кассаций.

Поскольку апелляционный принцип принципиально отвергнут советским уголовным процессом, постольку точное установление процессуальных признаков различия между кассацией и апелляцией имеет не только теоретическое значение, но и практическое. Установление этих признаков необходимо практически для того, чтобы советская кассация и в своем построении и в своем применении не превращалась в апелляцию, хотя бы и без употребления этого термина.

3. Система кассационных судов была создана в советском уголовном процессе не сразу. В первоначальных судостроительных актах установлен был такой порядок, при котором

¹ С. У. РСФСР № 26 за 1918 г.

² XXI Ленинский сборник, стр. 216.

³ С. 3. СССР № 24 за 1924 г.

⁴ См., например, А. Я. Вышинский, Курс уголовного процесса. 1927, стр. 187; Н. В. Крыленко, Судостроительство. 1924, стр. 56—57.

¹ С. У. РСФСР № 4 за 1917 г.

Народный комиссариат юстиции имел право входить в Центральный исполнительный комитет советов с предложением об отмене приговоров и назначении вторичного рассмотрения дела. Это еще не был порядок кассационного обжалования приговоров. Пользуясь позднейшей терминологией, можно было бы сказать, что это был своеобразный порядок надзора — через НКЮ и Президиум ВЦИК. Но это был тот судоустройственный росток, из которого затем выросла советская кассация. Когда для осуществления указанных выше полномочий Наркомюста в его составе был создан специальный орган, то он был назван кассационным отделением. Жалобы на приговоры революционных трибуналов должны были подаваться в это отделение, а оно от себя уже входило в Президиум ВЦИК ¹.

В сфере общей юстиции декретом № 2 о суде в феврале 1918 г. были созданы областные народные суды в качестве судебных, кассационных инстанций ².

Следующий шаг был сделан вновь в области трибунальной юстиции: декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. создан Кассационный отдел при ВЦИК, куда должны были непосредственно, т. е. минуя Наркомюст, поступать кассационные жалобы на приговоры революционных трибуналов ³. Другими словами, рассмотрение кассационных жалоб непосредственно этим Кассационным отделом при ВЦИК заменяло собой направление жалоб в президиум ВЦИК через Кассационное отделение НКЮ. Тем самым была создана нормальная судебная кассационная инстанция для руководства деятельностью революционных трибуналов.

Пока существовали раздельно система народных судов и система революционных трибуналов, до тех пор различно было и построение кассационных инстанций. Для трибунальной юстиции кассационная инстанция была централизована: сначала Кассационный отдел при ВЦИК, затем Кассационный трибунал при ВЦИК и, наконец, Верховный трибунал при ВЦИК.

Кассационные инстанции для народных судов были построены по признаку децентрализации. В центре единого кассационного суда для всей системы народных судов не было. Это положение сохранилось и в последующем. В связи с последовательными судоустройственными изменениями, кассационной инстанцией для народных судов был сначала совет народных судей, затем губернские суды, затем окружные суды, а в настоящий момент краевые или областные суды (или верховные суды в автономных республиках и в союзных республиках, не имеющих областного или краевого деления).

Для краевых или областных судов, кассационная инстанция централизована в лице Верховного суда республики.

Наконец, в особые системы выделены органы военной юстиции, транспортные суды и водно-транспортные суды. Кассационной инстанцией для них являются соответственно Военная коллегия Верховного суда СССР,

Транспортная коллегия того же суда и Водная транспортная коллегия того же суда.

Таким образом, единство кассации максимально обеспечено для военных трибуналов, транспортных и водно-транспортных судов. Меньше всего единство кассации обеспечено для системы народных судов. Тому причиной являются размеры Советского союза, благодаря которым нет возможности построить единую кассационную инстанцию для всей системы народных судов ⁴.

4. Согласно традиционному пониманию института кассации в буржуазно-демократическом процессе, самый механизм кассации пригоден лишь для разрешения в кассационном порядке правовых вопросов. Поэтому в кассационном процессе французского типа кассационное рассмотрение ограничивается вопросами о соблюдении процессуальных норм и правильности применения карательных законов. Вся работа суда первой инстанции в области существующих дел считается принципиально недоступной для проверки кассационными методами. В связи с этим в традиционном понимании, почерпнутом из буржуазно-демократического процесса, кассация противопоставлялась апелляции как рассмотрению правовых вопросов — рассмотрению дела по существу. Такое именно построение кассационного процесса во французском революционном и послереволюционном законодательстве совершенно объяснимо исторически. Но, вместе с тем, нет никаких теоретических оснований считать такой тип кассационного процесса единственно возможным и отождествлять этот исторический вид кассационного процесса с родовым понятием кассации вообще.

С теоретической точки зрения правильно противопоставить институт апелляции институту кассации по одному единственному признаку: при апелляционном пересмотре дел, выходящий суд, рассматривая все дело так же, как его рассматривала первая инстанция, ставит вновь дело по существу и ставит решение по существу дела на место обжалованного решения суда первой инстанции, хотя бы по содержанию своему оно и совпадало с этим последним.

При кассационном рассмотрении — выходящий суд никогда не должен ставить своего решения по существу дела на место решения суда первой инстанции. Если решение первой инстанции неудовлетворительно с точки зрения кассационного суда, то он отменяет

¹ С. У. РСФСР № 21 за 1918 г.

² С. У. РСФСР № 26 за 1918 г.

³ С. У. № 45 за 1918 г.

решение и направляет дело для нового рассмотрения в суд первой инстанции. Этот основной, конститутивный признак института процессуальной кассации приговоров удачно и правильно выражен самими терминами «casse», «cassation». Таким образом, единственным основным для родового понятия кассации является именно этот признак: кассационный суд не решает дела по существу, а ограничивается лишь отменой, кассацией, т. е. «сломкой», аннулированием неудовлетворительного по его мнению приговора, с направлением, в случае надобности, дела для повторного рассмотрения в суд первой инстанции. Именно этот признак необходим для признания того или иного процесса кассационным. Без этого признака нет института кассации. С другой стороны, этого признака достаточно для признания того или иного процесса процессом кассационным. Таким образом, по различному могут быть определены поводы кассационного обжалования и пределы кассационного рассмотрения, но если методом работы является принципиальный отказ от пересмотра дела по существу и отмена неудовлетворительных приговоров с направлением дела для нового разрешения по существу в первую инстанцию, то мы имеем дело с процессом кассационным. В тех же случаях, когда на высшем суде, производящем приговор низшего суда, лежит обязанность решить дело по существу, т. е. вынести свой приговор и поставить его на место приговора суда первой инстанции, мы имеем дело с институтом процессуальной апелляции. Таким образом, терминологически правильно говорить об апелляционном порядке пересмотра приговоров и о кассационном порядке отмены приговоров. Советское процессуальное право создало новый тип кассации, резко отличающийся от кассации французского типа. С политической точки зрения советский тип кассационного процесса отличается от французского типа тем же, чем отличается советская судебная система в целом от буржуазного суда: буржуазный суд охраняет интересы господствующего класса — буржуазии и борется с посягательствами на буржуазное государство. Советский суд стоит на страже государства бесклассового, социалистического общества и борется с нарушителями социалистического права. Главным и основным процессуальным нововведением советской кассации по сравнению с кассацией французского типа является организация кассационного надзора за работой судов первой инстанции по разрешению ими дела по существу. Именно это наиболее отличительная особенность кассации советского типа по сравнению с кассацией французского типа. Именно это нововведение дает право говорить о создании нового процессуального типа кассации, в котором кассационный механизм приспособлен для достижения гораздо более значительных целей и задач, чем те, которые могут быть достигнуты при помощи так называемой чистой кассации. Задачи, следовательно, состоят в том, чтобы строить институт советской кассации, не подменяя ее апелляцией. Это означало, что многие процессуальные задачи, которые до того решались

лишь методами апелляционного производства, теперь следовало решать методами кассационными.

Еще в период времени до 1922 г. в законодательстве и в кассационной практике были уже совершенно отчетливо вырабатаны два вида кассационного контроля над работой судов первой инстанции по существу дела. Это — проверка справедливости репрессии, определенной в судебном приговоре, с одной стороны, и проверка правильности и полноты расследования, произведенного до вынесения приговора, с другой стороны¹.

5. Первым из этих двух видов развился в советском праве кассационный надзор за правильностью определения в конкретном судебном деле наказания, хотя бы и не выходящего за пределы максимума и минимума, установленных в законе. Именно в этой последней оговорке и заключается особенность этого кассационного полномочия. В кассационном процессе французского типа кассационный суд вправе проверить лишь вопрос о том, не выходит ли назначенное судом наказание за пределы, установленные в примененном карательном законе. Если назначенное наказание уместается в пределах законного минимума и максимума, то у кассационного суда, в процессе так называемой чистой кассации, по вопросу о репрессии более никаких задач нет.

Такая проверка формальной законности наказания возложена и на советский кассационный суд. Но на нем лежит еще и другая задача: не ограничиваясь проверкой формальной законности определенного наказания, проверить также еще и по существу конкретную его справедливость в данном именно случае. Это не значит, что имеется какая-то

¹ Иногда ошибочно считается, что рассмотрение дела кассационным судом в ревизионном порядке является рассмотрением его по существу, в противоположность кассационному рассмотрению. Эта точка зрения неверна. Ревизионный порядок нельзя в советском уголовном процессе противопоставлять кассационному порядку. Ревизионный порядок изучения и рассмотрения дела есть неотъемлемое свойство советского кассационного процесса. В кассационном процессе французского типа кассационный суд вправе рассматривать вопрос об отмене приговора лишь по тем поводам, которые указаны в принесенной кассационной жалобе. Если кассационный суд усмотрит сам хотя бы очень существенное нарушение прав и интересов жалобщика, то он не может положить его в основу отмены приговора, поскольку оно не указано в кассационной жалобе. Ревизионный характер советского кассационного процесса дает возможность кассационному суду положить в основу отмены приговора и удовлетворения кассационного protesta или кассационной жалобы также и такое нарушение прав и интересов кассатора, которое им самим осталось неуказанным. Так же в известных случаях может быть рассмотрен вопрос о кассации приговора и в отношении лиц, оставивших его без обжалования. Более подробно на проблеме ревизионного характера рассмотрения дел мы останавливаться, к сожалению, не имеем возможности. ✕

противоположность между советской законностью и советской справедливостью, но, при большом размахе полномочий суда в выборе репрессии между законным минимумом и законным максимумом, конкретно назначенное наказание должно быть не только формально законным, но и справедливым по существу.

Что же касается процессуального порядка осуществления этого кассационного полномочия, то было выработано два различных пути. В области общей юстиции выработан был строго кассационный порядок: другими словами, констатируя несправедливость назначенного наказания, кассационный суд должен был отменить приговор и направить дело для нового рассмотрения. В области трибунальной юстиции законодательство стало на другую точку зрения, предоставив кассационному суду право понижать несправедливое наказание собственной властью, без передачи дела для нового рассмотрения в низшую инстанцию. Законодательством 1922 и 1924 гг. оба эти полномочия были слиты, и все виды кассационных судов получили право по своему усмотрению либо отменять приговор по несправедливости определенного наказания, с направлением дела для повторного рассмотрения в первую инстанцию, либо понижать репрессию собственной властью.

Это последнее право проверяющего суда на понижение репрессии без направления дела в первую инстанцию представляет собой единственный, но несомненный элемент апелляционного производства в нашем процессе. Планомерно проводимое использование кассационными судами своего права на отмену и исправление приговоров по причине неправильно определенной репрессии дало возможность советской кассационной системе поднять свой контроль за правильностью назначения репрессии в конкретных делах на высоту осуществления большой государственной задачи по уголовно-политическому регулированию репрессии в стране.

На почве осуществления этой задачи по инициативе Верховного суда РСФСР в советское законодательство было внесено очень интересное начинание, формулированное в примечании к ст. 6 и в ст. 8 УК. Введение этих статей в состав Уголовного кодекса видоизменило всю структуру последнего, при помощи удачного использования материального понятия преступления, вместо только формального. С другой стороны, это очень интересный пример влияния, оказанного кассационной практикой на законодательство.

Ныне на кассационных судах, в свою очередь, лежит весьма важная задача по кассационной проверке правильности применения и неприменения судами первой инстанции указаний, содержащихся в примечании к ст. 6 и в ст. 8 Уголовного кодекса по отдельным судебным делам.

6. Вторым методом проникновения кассационного суда в существо дела является кассационная проверка правильности и полноты проведенного расследования, на основе которого вынесен приговор первой инстанции. Этот вид кассационного надзора развился полностью в области общей юстиции. Трибунальная юстиция этого вида кассационного надзора не знала вовсе.

К моменту кодификации процессуального права в 1922 г. этот вид кассационного надзора также уже был полностью создан законодательным и судебным творчеством первых пяти лет существования советской юстиции.

При кодификации процессуального права в 1922 г. неполнота расследования включена была в кассационную систему как самостоятельное основание для кассационной отмены приговоров, независимо от всяких других кассационных поводов. С тех пор этот вид кассационной проверки занимает одно из основных мест всей работе кассационных судов.

Структура кассационного процесса французского типа не допускает даже постановки вопроса о том, чтобы кассационная инстанция занялась проверкой степени полноты проведенного по существу расследования. Введение подобного полномочия в советский кассационный процесс дает совершенно иную постановку ряду проблем уголовного процесса и с теоретической стороны.

В первую очередь совершенно по иному ставится и разрешается проблема о материальной истине как цели уголовного процесса. О материальной истине говорят и буржуазные теоретики. Но, оставляя даже в стороне гносеологический вопрос о том противоречии, которое несомненно существует между рассуждениями о материальной истине в уголовном процессе, с одной стороны, и философскими рассуждениями идеализма и агностицизма об ограниченности познания, с другой стороны, нельзя не отметить и чисто процессуального противоречия. Если процесс в целом имеет своей целью достижение материальной истины, и если в этом заключается одна из самых основных его задач, то все без исключения стадии процесса должны быть организованы так, чтобы они могли этой цели служить. Между тем совершенно несомненно, что устраняя из сферы своего рассмотрения вопрос проверки полноты расследования и вопрос проверки правильности установления фактических обстоятельств дела в приговоре (см. об этом ниже), кассационный суд в процессе французского типа устраняет тем самым процесса вопрос о материальной истине в окончательной и решающей его стадии.

Совершенно иначе в советском процессе. Поставляя как вопрос о полноте расследования, и вопрос о правильности установления фактических обстоятельств дела в приговоре, советский кассационный суд ставит перед собой вопрос о том, насколько удачно и убедительно разрешил суд первой инстанции вопрос овладения материальной истиной по делу. Другими словами, кассационный суд как контрольный орган, в порядке осуществления контрольных полномочий, так же подчиняется своей деятельности принципу материальной истины, как и суд первой инстанции.

Далее, чрезвычайно большое значение в судебном деле имеет выработка критериев определения пределов судебного следования. Кассационный процесс французского типа совершенно не приспособлен к этому. Кассационный суд в процессе французского типа, не входя в обсуждение вопроса о степени полноты расследования, и не имея на себя руководства судами по разработке принципов, определяющих пред-

судебного исследования, вообще, и пределы этого исследования по отдельным родам преступлений, в частности.

Все это доступно советскому кассационному суду в порядке осуществления своих полномочий по проверке полноты расследования. Следует пожелать, чтобы в дальнейшей своей работе кассационные суды более планомерно и более систематично осуществляли это задание.

Далее, полномочие кассационного суда на проверку правильности произведенного расследования ставит на очередь совершенно новую проблему о проверке в кассационном порядке применения криминалистических методов. Кассационная практика уже знает ряд случаев такой кассационной проверки. Их, к сожалению, еще очень немного. Между тем применение криминалистических методов в судебно-следственной практике далеко не всегда правильно. И в тех случаях, когда допущенные дефекты являются с одной стороны, существенными, а с другой стороны, поправимыми, задачей кассационного суда является дать посредством кассации приговора возможность повторного, улучшенного расследования. В тех случаях, когда допущенные дефекты непоправимы, но существенны для дела, на обязанности кассационного суда лежит оценить значение этих дефектов для судьбы всего обвинения в целом.

Наконец, рассматриваемое кассационное полномочие вызвало и еще одну кассационную проблему: о возможности представления новых доказательств в кассационной инстанции. Судебная практика по этим вопросам необычайно пестра, некоторые кассационные суды не принимают никаких новых доказательств, другие принимают в неограниченном количестве любые документы; некоторые производят допрос свидетелей в кассационных заседаниях. За последнее время весьма распространился порядок организации экспертиз в кассационной стадии процесса.

Все эти вопросы нуждаются в законодательном регулировании. Нет оснований возражать против предоставления жалобщику права представить кассационному суду имеющиеся в его распоряжении доказательства. Фактом их представления он наиболее наглядным образом докажет существование этих доказательств, а значит и неполноту расследования. Но не на каком основании предоставлять самому кассационному суду права затребования доказательств, производства допросов свидетелей, организации экспертиз и т. д. Ибо совершенно несомненно, что, вызывая того или иного свидетеля, требуя то или иное доказательство, создавая новую экспертизу, кассационный суд тем самым уже исходит из признания неполноты расследования. Такого признания, если оно неполно, существенно, достаточно для отмены приговора. Незачем кассационному суду принимать на себя хотя бы частично функции первой инстанции. Поэтому и рассмотрение новых доказательств, представленных кассационному суду, может иметь место лишь в целях разрешения вопроса об отмене, т. е. о кассации приговора, а отнюдь не с целью перерешения дела по существу властью самого кассационного суда.

7. Если указанные выше два вида кассационной проверки дел с точки зрения их существа — контроль над справедливостью репрессии и контроль над правильностью и полнотой расследования — были созданы законодательством и судебной практикой еще до кодификации судебного права в 1922 г., то третий вид кассационной проверки — существа дела — развился значительно позже. В законодательных текстах этот третий вид не регламентирован вовсе, и появление его обязательно судебной практике. Мы имеем в виду кассационную проверку работы суда первой инстанции по оценке судебных доказательств и установлению фактических обстоятельств дела.

И с теоретической точки зрения и со стороны практической, этот вид кассационного надзора является наиболее трудным и наиболее сложным. Именно при осуществлении этого вида кассационного надзора особенно велика опасность перехода с кассационных рельс на апелляционные.

Решение теоретической проблемы о формах, методах и пределах кассационной проверки приговора с точки зрения правильности установления фактических обстоятельств дела зависит от предварительного разрешения трех отдельных вопросов. На первом из них мы уже останавливались: это вопрос об отношении советского законодательства к принципу апелляционного пересмотра дел. Выше мы уже указали на принципиально отрицательное отношение советского уголовного процесса к институту апелляции. Это значит, что при проверке правильности установления фактических обстоятельств дела принципы апелляционного пересмотра не должны находить себе осуществления в работе кассационных судов — ни прямо, ни косвенно, ни открыто, ни скрыто, хотя бы и под иными наименованиями.

Далее, организация кассационного контроля над работой судов первой инстанции по оценке ими доказательств и установлению фактических обстоятельств дела должна непременно считаться с тем, какими правилами регламентирована в законе эта указанная выше работа суда первой инстанции. Это второй из трех вопросов.

В ст. 23 «Основных начал уголовного судопроизводства СССР», в ст. 319 УПК РСФСР и соответствующих ей статьях уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик установлено два процессуальных принципа, которые обязательны для суда при оценке судебных доказательств и установлении фактических обстоятельств дела. Это именно два принципа, а не один принцип. Каждый из них может быть подвергнут самостоятельному теоретическому анализу. Каждый из них может быть нарушен на практике. Но реальное свое правовое содержание каждый из них получает лишь в сочетании с другим принципом.

Один из этих принципов может быть формулирован как принцип объективного соотнесения содержания приговора в его фактической части реальной действительности, отраженной в совокупности доказательственного материала. Это — то задание, которое дано суду законом.

Другой принцип касается метода оценки доказательственного материала судом и формулируется как метод оценки доказательств по внутреннему убеждению суда. Метод оценки нельзя, конечно, смешивать с заданием, которое нужно выполнить посредством применения этого метода. Таким образом, суд должен, руководствуясь своим внутренним убеждением, постановить приговор, в котором фактическая картина соответствовала бы доказательственному материалу.

Каждый из этих двух принципов имеет контрольное значение по отношению к другому принципу. При рассмотрении дела в первой инстанции, представленные суду доказательства должны пройти через контроль внутреннего убеждения суда и могут быть положены в основание приговора, лишь завоевав на свою сторону судейское убеждение. Таким образом, судебные доказательства должны быть, прежде всего, убедительны для суда. Именно с этой точки зрения приговор должен быть основан на судейском убеждении. Но, в свою очередь, и сам приговор должен быть убедителен в своих выводах. В том и заключается главное значение и главная ценность метода оценки доказательств по внутреннему убеждению, что именно он является наилучшим методом, наиболее пригодным и наиболее эффективным для того, чтобы обеспечить убедительность приговора. Субъективная убежденность судей и объективная убедительность приговора — вот те два элемента, к совпадению которых должен стремиться каждый процесс. Разрыв между убежденностью судей и убедительностью приговора свидетельствует о той или иной порочности судебного решения.

И если при рассмотрении дела в первой инстанции совокупность судебных доказательств должна пройти через контроль внутреннего убеждения, то при кассационной проверке, наоборот, самый приговор должен быть проверен с точки зрения своей убедительности, посредством сопоставления его с совокупностью доказательственного материала.

Проведенная в 1936 г. дискуссия по вопросу о значении метода внутреннего убеждения для советского уголовного процесса должна быть признана весьма своевременной и плодотворной по своим результатам¹. Она способствовала тому, что были вскрыты ошибки, допущенные так называемой теорией «объективизации» оценки судебных доказательств, предложенной взамен принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению судей².

¹ Наиболее активное участие в дискуссии приняли А. Я. Вышинский, М. С. Строгович, С. А. Голунский. Статьи их помещены в «Социалистической законности» №№ 5 и 7 за 1936 г., в «Советской юстиции» №№ 15 и 22 за 1936 г. и в «Проблемах уголовной политики», кн. 4.

² Наибольшей разработки теория «объективизации» оценки судебных доказательств достигла в работах М. С. Строговича. Если сравнить его статьи и последовательные издания его учебника уголовного процесса, то можно констатировать постепенное смягчение первоначальных резкостей этой теории и отход от целого ряда прежних его утверждений.

Намечены были те пути, по которым в соответственных вопросах должно идти дальнейшее научное исследование. В частности, сделана совершенно ясной невозможность получения четких теоретических решений в процессуальной области, без ясно и четко формулированной философской позиции. Несмотря на то, что дискуссия непосредственно касалась лишь работы суда первой инстанции и не затрагивала вовсе кассационных проблем, тем не менее итоги ее могут быть с большой пользой учтены и при анализе кассационной проблем.

Как мы выше уже указали, основной функцией и основным заданием внутреннего убеждения судьи является — дать убедительный судебный приговор. Но мало декларировать желательность или даже обязательность вынесения убедительных приговоров. Необходимо найти процессуальные способы, которые были бы приспособлены, с одной стороны, к обеспечению убедительности приговоров, а с другой стороны, к обеспечению возможности кассационной проверки приговора именно с точки зрения его убедительности.

Так появляется проблема мотивировки приговора. Это третий из намеченных нами вопросов.

Именно мотивировка приговора максимально повышает его убедительность, если эта мотивировка качественно высока и правильна. Именно мотивировка помогает при контроле констатировать отсутствие убедительности приговора, если мотивировка низка с качественной стороны и неправильна по своему содержанию. В нашей юридической литературе проблеме мотивировки приговоров не уделялось достаточного внимания. На ней иногда останавливались с точки зрения повышения качества работы суда первой инстанции. Иногда за ней отрицалось какое-либо значение. Иногда об ней говорилось с точки зрения удобства кассационных инстанций. Начиная со Всесоюзного совещания, состоявшегося в апреле 1934 г., можно отметить более значительное внимание к проблеме мотивировки. Во время упомянутой выше дискуссии о методе внутреннего убеждения было, наконец, подчеркнуто, что мотивировка приговора качественно повышает его убедительность.

Первая редакция УПК РСФСР 1922 г. стояла на точке зрения обязательности мотивировки приговоров. Все последующее процессуальное законодательство, начиная 1923 г., наоборот, относилось отрицательно к идее обязательности мотивировки приговоров. Проект УПК СССР вновь становится на точку зрения обязательности мотивировки приговоров. И эту точку зрения следует считать единственно правильной и, притом, не только с точки зрения организации работы суда первой инстанции, но также и с точки зрения кассационной.

Можно прямо утверждать, что при отменении мотивировки приговора вряд ли можно организовать именно кассационный, а не апелляционный порядок проверки работы суда первой инстанции по оценке доказательств и установлению фактических обстоятельств дела. История советской кассационной практики этот вывод прекрасно подтверждает. Когда начал развиваться этот вид кассационной

ционной проверки, то кассационные суды имели перед собой сплошь немотивированные приговоры и проверка этих приговоров с точки зрения правильности установления фактических обстоятельств дела пошла по явно апелляционному пути. Вряд ли это могло быть иначе, ибо проверить правильность работы по установлению фактических обстоятельств дела можно при немотивированном приговоре не иначе, как повторив вновь с начала и до конца оценку каждого из доказательств в отдаленности, а затем всех доказательств в совокупности. Это и приводило проверяющий суд к постановке своего решения на место решения суда первой инстанции, т. е. давало явно апелляционный эффект.

При мотивированном приговоре кассационный суд может всесторонне проверить правильность работы суда первой инстанции по оценке доказательств и установлению фактических обстоятельств дела, не впадая в апелляционную процедуру, не ставя себя на место суда первой инстанции, не повторяя всей работы суда первой инстанции по оценке доказательств, а оставаясь лишь в пределах своих контрольно-кассационных функций и полномочий.

Таким образом, с кассационной точки зрения, вопрос о мотивировке приговоров суда первой инстанции — это не вопрос простого удобства или большей легкости кассационного рассмотрения. Это вопрос о самой возможности проверки, именно в кассационном порядке и при помощи кассационных методов, весьма важной части работы суда первой инстанции по установлению фактических обстоятельств дела. Проверка убедительности мотивов приговора будет проверкой убедительности его выводов, т. е. проверкой убедительности всего приговора в целом.

При немотивированном приговоре возможен один из двух выходов: или отказ от проверки правильности произведенной судом первой инстанции оценки доказательств, или пересмотр приговоров в апелляционном порядке.

Лишь при мотивированном приговоре может быть реализован кассационный надзор в рассматриваемом вопросе. Вопрос об обязательности мотивировки приговора приобретает, таким образом, первостепенное значение для организации кассационного процесса как с точки зрения его объема и пределов, так и с точки зрения его методов.

Особо надо остановиться на истории вопроса о кассационном значении процессуальных нарушений.

Принципиальным для советского кассационного процесса является признание серьезного кассационного значения процессуальных нарушений. Таким решением вопроса открывается история советского процессуального права. Такое же решение дано при первой кодификации советского судебного права в 1922 году. Под тем же углом зрения происходят работы по выработке проекта Уголовно-процессуального кодекса СССР. Иной и не может быть точка зрения процессуального законодательства, опирающегося на Сталинскую Конституцию и осуществляющего в судебной области ее принципы. И лишь период времени, примерно, от 1927 г. по 1930 г. отмечен колебаниями в этом вопросе.

Серьезное кассационное значение процессуальных нарушений было признано советским законодательством с первых шагов организации органов советской юстиции и при этом как в сфере общей юстиции, так и в области трибунальной юстиции. Все судоустроительные акты еще задолго до судебной кодификации 1922 г. всегда отводили нарушению процессуальных требований одно из основных мест в перечне тех оснований, по которым должны были кассироваться судебные приговоры. Различна была редакция этих судоустроительных актов, различные термины применялись для обозначения процессуальных нарушений, но эти различные термины всегда обозначали одно и то же: существенное нарушение процессуальных требований, установленных для деятельности суда, — всегда должно влечь за собой кассацию, т. е. отмену приговора¹.

За весь почти пятилетний промежуток времени, предшествовавший созданию и введению в действие первых советских кодексов, действительно не было ни одного законодательного акта, посвященного вопросам организации советской юстиции, который бы в той или иной редакции не говорил о необходимости соблюдения народными судами и революционными трибуналами установленных как для тех, так и для других процессуальных правил, и который бы прямо и точно не указывал, что существенное нарушение этих процессуальных правил должно являться одним из основных и, притом, самостоятельным поводом для кассационной отмены приговоров.

В наказе кассационным коллегиям Верховного трибунала от 10 декабря 1921 г. была уже подытожена значительная кассационная практика трибунальной юстиции в области процессуальных нарушений.

При кодификации судебного права в 1922 г. кассационное значение процессуальных нарушений также не подвергалось какому-либо серьезному сомнению. Значение существенных процессуальных нарушений для отмены приговоров совершенно точно и ясно подчеркнуто уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1922 г., повторено в редакции того же кодекса 1923 г. и вслед за ним всеми уголовно-процессуальными кодексами других союзных республик, а затем и «Основными началами уголовного судопроизводства СССР» от 1924 г.

В первые годы применения уголовно-процессуальных кодексов (1924, 1925, 1926) процессуальным нарушениям уделялось весьма боль-

¹ См. Инструкцию местным судам от 25 июня 1918 г. (С. У. № 53 за 1918 г.), Положение о народном суде от 30 ноября 1918 г. (С. У. № 85 за 1918 г.), Положение о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. (С. У. № 13 за 1919 г.), Положение о полковых судах от 10 июля 1919 г. (С. У. № 31—32 за 1919 г.), Положение о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. (С. У. № 22—23 за 1920 г.), Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. (С. У. № 83 за 1920 г.), ст. 415 УПК РСФСР, изд. 1923 г. и соответствующие ей статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

шее внимание в кассационной практике всех кассационных судов. Кассационная статистика указывала, что среди отмененных приговоров весьма значительное место занимают приговоры, кассированные именно вследствие существенных процессуальных нарушений.

При этом необходимо указать, что самое понятие существенного процессуального нарушения, влекущего за собой отмену приговора, было определено в советском процессуальном праве совершенно иначе, чем, например, в буржуазно-демократических системах. И это различие также определяется различным отношением к вопросу о возможности рассмотрения в кассационной инстанции существа дела. Для кассационного процесса типа так называемой «чистой кассации» всякое рассмотрение существа дела запрещено. Это значит, что существенность того или иного нарушения не может определяться его значением для того или иного дела по существу. Поэтому существенность процессуального нарушения определяется абстрактным знанием того процессуального закона, о нарушении которого идет речь. Иначе в советском процессе: в нем существенность того или иного процессуального нарушения определяется конкретным значением этого нарушения для содержания данного конкретного дела. Особо выделяется лишь группа так называемых абсолютных или безусловных кассационных поводов, т. е. таких процессуальных нарушений, которые с точки зрения закона всегда и во всех случаях могут оказать влияние на правильность решения дела по существу.

Таким образом, в буржуазно-демократическом процессе идет речь о нарушении существенных форм судопроизводства, в советском процессе — о существенном нарушении форм судопроизводства.

В 1927 г. в вопросе о кассационном значении процессуальных нарушений наступил перелом, который стоит в связи с распространением упрощенческих тенденций в судебной практике и с появлением псевдонаучных, антиленинских и вредительских теорий Пашуканиса и его последователей.

Отрицательное отношение к вопросу о возможности существования социалистического права, отрицательное отношение к правовому регулированию в социалистическом государстве, провозглашение всякого права явлением буржуазным привело в процессуальной области к отрицанию самой необходимости уголовно-процессуального законодательства и к предложению о замене развитого процессуального права — ведомственными техническими инструкциями.

Под революционной фразой эта теория, в сущности, боролась с демократическим содержанием уголовно-процессуального законодательства. Конечно, такое нигилистическое отношение к процессуальному законодательству вообще должно было логически привести к столь же нигилистическому, упрощенческому отношению и к процессуальным нарушениям, а значит к нуллификации их кассационного значения.

В этот период времени были выработаны проекты уголовно-процессуального кодекса (1927 и 1928 гг.), которые уделяли процессуальным нарушениям минимальное внимание. Не

будучи осуществлены в законодательном порядке, проекты эти, в особенности проект 1928 г., оказали однако очень сильное влияние на судебную практику¹. Для кассационной практики, относящейся к периоду, последующему за выработкой указанных проектов, весьма характерно постепенное и резкое падение процента приговоров, отмененных по процессуальным нарушениям. Если сравнить цифры 1929—1930 гг. с цифрами 1924—1926 гг., то можно будет констатировать, что процент приговоров, отмененных по процессуальным нарушениям, упал почти в сто раз (в круглых цифрах около 20% всех отмененных приговоров в 1925 г. и 0,2% в 1929 г.)².

К 1931 г. относится обратный перелом. В 1931 г. началось оздоровление на правовом теоретическом фронте. Тогда же в 1931 г. был выработан новый проект УПК, значительно уже отличавшийся от проекта 1928 г. Судебная практика постепенно возвращалась к признанию серьезного кассационного значения процессуальных нарушений. Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников в апреле 1934 г. протекало под знаком уже совершившегося перелома, который состоял в решительном отходе от упрощенческих позиций и в категорическом признании необходимости последовательно проведенной законности и в процессуальной области. Резолюции этого совещания и основанные на них директивные указания пленума Верховного суда СССР включают в себе резкие и определенные распоряжения о строгом и неуклонном выполнении судами процессуальных требований. Тем самым поставлена на надлежащую высоту и оценка кассационного значения процессуальных нарушений. Упрощенческие опыты были таким образом, осуждены и оставались уже позади. Впереди открывалась перспектива дальнейшей демократизации советского уголовного процесса, основанного на строжайшей процессуальной законности и признании тем самым серьезного и самостоятельного значения за существенными процессуальными нарушениями.

9. Общее значение института процессуальной кассации для советского государства стоит в связи с тем, насколько при его помощи можно выполнить в судебной области те общие задания, которые поставлены всем вообще руководящим государственным органам.

Задачей кассационного процесса в советской системе является не только обеспечение правильного решения по отдельному судебному делу, но также и организация руководства работой судебной системы в целом. Поэтому качество организации этого руководства имеет

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Узбекской ССР представляет собою не что иное, как незначительно видоизмененный текст проекта УПК РСФСР 1928 г. со всеми недостатками последнего. В частности, в вопросе о кассационном значении процессуальных нарушений этот УПК Узбекской ССР находится в резком противоречии со всеми остальными действующими на территории СССР уголовно-процессуальными кодексами.

² См. «Судебную практику» № 23 за 1927 г. стр. 7 и «Судебную практику» № 8 за 1930 г. стр. 11.

первостепенное значение для всей работы судебной системы.

Указание И. В. Сталина о необходимости поднять уровень организационного руководства до уровня политического руководства должно быть полностью осуществлено и в работе системы судебных органов.

Организация руководства конкретной, текущей судебной работой — это и есть организация кассационного процесса.

Конкретное руководство в судебной области, т. е. руководство низшими судами со стороны высших судов осуществляется при помощи рассмотрения и разрешения судебных дел в кассационном порядке. Именно кассационное определение по конкретному делу является основной формой конкретного судебного руководства в конкретной ежедневной работе суда. Организовать надлежащим образом кассационный процесс — это значит решить проблему конкретного руководства в области судебной работы. Качеством кассационного процесса будет определяться качество организованного судебного руководства.

Поднять в судебной области организационное руководство на уровень политического руководства — это значит в первую очередь поднять на надлежащую высоту институт кассации в советском процессе.

Идею и задачу организации руководства И. В. Сталин сочетал в своем докладе на XVII съезде с другой идеей, о которой и он сам говорил не раз, и которая в свое время была одной из любимых идей В. И. Ленина. Это — идея систематической организации проверки исполнения. Такая проверка исполнения, — как не раз подчеркивал В. И. Ленин, — должна происходить на регулярной, повседневной работе¹. Она должна быть, по мысли Ленина и Сталина, не случайной, а планомерной, не чрезвычайной, а нормальной, не эпизодической, а систематической. «Нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения... Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом — только в этом теперь гвоздь всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет»².

«Подбирайте нужных людей и проверяйте практическое исполнение — и это народ оценит», — говорит Ленин в одном из последних своих выступлений³.

«Правильная организация проверки исполнения», — говорил И. В. Сталин на XVII съезде, — имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной... Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших проorex и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения»⁴.

Естественно, что все эти указания полностью относятся и к работе органов суда.

Проверка высшими судами работы низших судов в кассационном порядке, есть не что иное, как организация проверки исполнения в судебной области. Надлежащая организация работы кассационных судов поэтому и есть надлежащая организация проверки исполнения в судебной области. При этом — это подлинная проверка на регулярной, конкретной, повседневной работе. Это проверка, осуществляемая квалификационным руководящим составом.

Качеством кассационного процесса и кассационной работы будет определяться поэтому качество проверки исполнения в судебной области.

Начиная с самого первого года существования советской системы высшие органы государства не раз обращались к вопросу о необходимости обеспечения во всех областях государственной жизни революционной законности. Начиная с Всероссийского съезда областных и губернских комиссаров юстиции в июле 1918 г., вопрос об обеспечении революционной законности, вообще, и, в частности, в судебной области всегда привлекал к себе большое внимание. Этим вопросом занимались Всероссийские съезды советов (VI — в 1918 г. и IX — в 1921 г.) и съезды советов СССР (III — в 1925 г. и Чрезвычайный VIII — в 1936 г.). Вопросом о революционной законности занимался XIV конференция ВКП(б) в 1925 г. Вопросу о революционной законности не раз посвящали свои выступления В. И. Ленин и И. В. Сталин. Судебным работникам хорошо известно знаменитое письмо В. И. Ленина И. В. Сталину о двойном подчинении и законности от 23 мая 1922 г., и если В. И. Ленин в особенности подчеркивал в нем идею единства законности для всего Союза, то И. В. Сталин, докладывая проект Конституции, особенно подчеркнул необходимость обеспечения стабильности законов.

Обеспечение стабильности законов и единства законности в судебной области есть прямая и непосредственная задача кассационной процедуры.

От надлежащей организации кассационных судов, от надлежащего построения кассационного процесса, от надлежащей работы кассационных инстанций зависит, поэтому, успешность обеспечения в судебной деятельности таких первостепенной важности государственных принципов, как стабильность советского закона и единство понимания и единство применения революционной, социалистической законности в работе судебных органов.

Так институт кассации ставится на службу основным принципам обеспечения диктатуры пролетариата и росту социалистической культуры.

Обеспечение революционной законности тесно связано с обеспечением гражданам широкой и организованной возможности принесения жалоб на действия органов государства и должностных лиц, нарушающие законы и законные права и интересы граждан. Без такой обеспеченной возможности обжалования и без хорошо организованного рассмотрения и раз решения принесенных жалоб господство революционной законности достаточно обеспечено быть не может.

¹ В. И. Ленин, т. XXII, стр. 50.

² В. И. Ленин, т. XXVII, стр. 179.

³ В. И. Ленин, т. XXVII, стр. 258 и 256.

⁴ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 401—402.

На эту именно точку зрения и стало с первых же своих шагов советское государство. Уже VI съезд советов в своем постановлении от 8 ноября 1918 г. вменил всем советским учреждениям и должностным лицам в обязанность оказывать всяческое содействие любому гражданину республики, желающему обжаловать их действия, волокиту или чинимые ему в его законных притязаниях затруднения.

Ленин еще в 1918 г. указывал, что совершенно необходимо «обязательно приучить население к тому, что делные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам»¹.

В мае 1919 г. И. В. Сталиным, тогда Народным комиссаром государственного контроля, была создана для обслуживания населения целая сеть и система бюро жалоб. Ряд постановлений правительства посвящен уже за последние годы вопросу об улучшении положения с рассмотрением и разрешением жалоб. В своем постановлении от 14/17 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» Президиум ЦИК СССР предлагает всем должностным лицам обеспечить выполнение решений партии и правительства и личных указаний товарища Сталина о том, «чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они не работали».

22—26 мая 1936 г. состоялось утвержденное Советом народных комиссаров СССР постановление 3 пленума Комиссии советского контроля при Совете народных комиссаров СССР «О рассмотрении жалоб трудящихся». «Успехи социалистического строительства и рост общественной активности трудящихся, — говорится в этом постановлении, — ставят с особой остротой вопрос об усилении борьбы с недостатками и бюрократическими извращениями в советском аппарате, а также с фактами нарушения революционной законности. Это требует действительно внимательного и чуткого отношения со стороны всех советских и хозяйственных организаций к заявлениям и жалобам трудящихся, указывающим на эти недостатки и извращения, устранение которых поможет дальнейшему росту наших успехов».

Совершенно ясно и несомненно, что все эти указания полностью и целиком относятся и к кассационным судам, рассматривающим кассационные жалобы граждан.

Таким образом, судебная проверка высшим судом работы судов первой инстанции по кассационным жалобам на их приговоры дает возможность осуществить в судебной области то двойное требование, которое советское государство предъявляет решительно во всех областях работы, а именно: с одной стороны, обеспечение гражданам широкой возможности обжалования неправильных и незаконных действий органов власти и должностных лиц, а с другой стороны, обеспечение при помощи специального, т. е. процессуально-регламентированного порядка рассмотрения высокого качества судебной работы при рассмотрении и разрешении жалоб.

Совершенно ясно, какое большое значение имеет, таким образом, надлежащее построение кассационного процесса с первых его моментов, начиная с подачи кассационной жалобы и кончая последним моментом, т. е. провозглашением кассационного определения.

10. Для того, чтобы задачи кассации в советском уголовном процессе были полностью выполнены, работа кассационных инстанций должна быть поставлена на надлежащую высоту. Это не значит, что достаточно ограничиться заявлением о необходимости высокого качества подготовленности работников кассационных судов и высокого качества самой кассационной работы. Необходимо обеспечение целого ряда организационных мероприятий.

Поскольку кассационные суды призваны осуществлять руководство работой судов первой инстанции, а не только проверять правильность отдельных решений, постольку со всей категоричностью, и в первую же очередь, должен быть поставлен вопрос о необходимости для кассационных судов мотивировать свои решения как утверждающие приговоры, так и отменяющие приговор, так, наконец, изменяющие его.

Нужно прямо сказать, что немотивированное кассационное решение никакого руководства осуществить не может. Немотивированное решение кассационного суда, даже правильно разрешающее отдельное судебное дело, для осуществления руководства пропадает целиком.

Этот принцип мотивирования кассационных определений был за последнее время не только подчеркнут указаниями различных руководящих органов. Но этого мало. Необходимо организовать работу таким образом, чтобы кассационные определения, лишенные мотивировки, отменялись по этому одному признаку надзорном порядке, с направлением дела для повторного рассмотрения в кассационную инстанцию. В связи с этим нельзя не обратить внимания и на то, что вынесение мотивированных кассационных определений значительно сэкономит труд надзорных инстанций, рассматривающих дело после кассационной инстанции, ибо кассационная мотивировка локализует спорные вопросы. А без такой мотивировки надзорные инстанции должны продолжать заново всю ту работу, которая проделана уже кассационными инстанциями, так, как будто кассационная инстанция дела еще вовсе не рассматривала.

Если бы удалось осуществить систематическое вынесение мотивированных определений, то можно было бы поставить на очередь вопрос об издании сборников кассационных определений, вынесенных как центральными кассационными судами, так и местными. При нем мотивированных кассационных определений издание подобных сборников не представляло бы никакого интереса.

Для того, чтобы работа кассационного суда могла осуществлять функции руководства работой местных судов, весьма полезно организовать периодическую проработку в местных судах кассационных определений, вынесенных по делам этих судов. Но это возможно опять-таки лишь при наличии мотивированных

¹ 21 Ленинский сборник, стр. 227.

кассационных определений. Без мотивов — нечего прорабатывать.

Выше мы говорили о том, что мотивировка судебного решения повышает его убедительность. Это полностью относится и к решениям кассационных судов, которые так же, как и все судебные решения должны стремиться к тому, чтобы быть максимально убедительными. Мотивировка в этом случае будет способствовать не только повышению, но и созданию такой убедительности кассационного определения.

Далее, в настоящее время в кассационных судах не производится никакого более или менее систематического контроля за эффективностью вынесенных кассационных определений. После кассационного определения дело уходит в первую инстанцию и кассационный суд теряет дело из виду.

Если дело вновь не возвращается по кассационной жалобе на новый приговор, то кассационный суд не знает, что произошло в результате кассационной отмены, что дало новое рассмотрение, что дало следствие дела, насколько кассационное определение было на правильном пути и т. д. Кассационным судам можно было бы рекомендовать организацию у себя систематической проверки тех результатов, которые имеют место после отмены приговоров и направления дела для нового расследования и рассмотрения. Изучение подобных материалов служило бы делу самопроверки и самокритики в деятельности самих кассационных судов.

Наконец, нельзя не обратить внимания, что такой контроль имел бы и еще одно благоприятное последствие. Наблюдения над прак-

тикой показывают, что при направлении дела для нового расследования весьма часты случаи, когда такое расследование затягивается на совершенно ненормальные сроки времени. Приходилось наблюдать, что, благодаря такой медлительности доследования, сроки предварительного заключения обвиняемых достигают десятков месяцев. Это, конечно, совершенно ненормально. И проверка кассационными судами судьбы дела после отмены приговора могла бы быть одним из способов устранения указанной ненормальности. Это прямо относится к реализации тех указаний, которые содержатся во всех постановлениях, касающихся положения дел с жалобами трудящихся.

Мы в нашей статье не могли, конечно, охватить всех тех проблем, которые возникают в ходе развития советского кассационного процесса. Мы могли сосредоточиться лишь на самых основных проблемах, которые являются характеризующими советский кассационный процесс, как новый тип кассационного процесса, рожденный советским социалистическим правом. Советская кассация ставит перед собой процессуальные задачи и более широкие и более глубокие, чем в состоянии осуществить кассация буржуазного суда, например, кассация французского типа. Историческое изучение советской кассации может весьма помочь выработке теории советской кассации. И то и другое вместе окажут значительную помощь при выработке законодательных текстов. Есть целый ряд кассационных проблем, выдвинутых судебной практикой, которые ждут прямого и точного законодательного разрешения.

С. БОГУСЛАВСКАЯ

Действенно бороться за закон 27 июня 1936 г.¹

Партия и правительство проявляют огромную повседневную сталинскую заботу и помощь женщинам-матерям, все более укрепляя нашу семью и наш новый построенный на злоровых социалистических основах быт. Помощь в деле реализации и практического внедрения этих принципов в жизнь возложена также и на судебно-прокурорские органы, призванные специальными законами, заниматься этими вопросами.

Однако, как это уже многократно освещалось в печати, в работе судей, прокуроров и судебных исполнителей до настоящего времени нередко проявляется бездушное и формальное отношение к людям, волокита, беспомощность, неумение, подчас и нежелание, вовремя принять необходимые меры, разыскать, помочь, а когда нужно — призвать к порядку и даже привлечь к уголовной ответственности зарвавшихся наглецов, попирающих наши законы и бравирующих своей безнаказанностью и умением «выходить сухими из воды».

Несмотря на громадную заботу о семье, детях, матерях и нетрудоспособных, несмотря на материальную помощь, оказываемую государ-

ством многодетным, обслуживание большой сетью специальных детских и лечебных учреждений, и несмотря на общественно-воспитательную работу — остатки гнилого наследия мелкобуржуазной животной-эгоистической психологии еще до сих пор не изжиты не только в отсталых углах нашей родины, но и у людей, считающих себя культурными и достойными уважения.

Примером этого служит письмо в редакцию газеты «Ленинградская правда» женщины-инженера Людмилы Сноповой о своем бывшем муже Бахтине. Письмо это привожу полностью:

Я — молодой инженер. Недавно окончил Лесотехническую академию и сейчас работаю на одной из ленинградских фабрик.

В Лесотехнической академии я познакомилась с гражданином Бахтиным, ныне работающим в тресте «Авиалес» в качестве инженера. Двухлетнее знакомство закончилось браком

¹ Обзор, составленный по материалам местной прессы.

Трогательно-нежный, заботливый до женитбы Бахтин быстро преобразился после того, как он стал мужем, и, в особенности, когда я забеременела. Он стал настаивать, чтобы я бросила академию, швырял мои книги, доказывал, что рожать детей и варить обед можно и без высшего образования.

Вскоре я узнала о некоторых моментах из биографии Бахтина, которые он от меня тщательно скрывал. Оказывается, он был раньше дважды женат. Я все же надеялась, что жизнь наша уладится и не порвала с ним, стремясь сохранить для ребенка отца. В последние месяцы беременности — в самое тяжелое время для каждой женщины, собирающейся стать матерью, — поведение Бахтина по отношению ко мне стало совершенно невозможным. Отправившись в очередную командировку в Лодейное Поле, но завел там себе новую жену, о чем во всеуслышание заявлял родным и знакомым. Меня же он всячески пытался спровадить на мою родину во Владивосток, откуда я несколько лет назад приехала молодой, жизнерадостной, полной энергии, желая работать, учиться.

Семь месяцев я вынуждена была жить в одной комнате с этим бездушным человеком, наругавшимся надо мной как женщиной и матерью. Но и после того, как мы развехались, мои мучения не кончились. Бахтин затеял постыдную, позорную тяжбу из-за алиментов. Он исходил десятки организаций, торгуясь за каждый рубль. Тем временем я часто оставалась без всяких средств к существованию, так как на студенческую стипендию жить с ребенком было очень трудно.

Алиментная тяжба закончилась для Бахтина неудачно. Тогда Бахтин прибегает к новому маневру. Он разыгрывает сцену «покаяния», изображает из себя любящего отца и предлагает вновь начать совместную жизнь. С новой женой — заявил он мне — все покончено. Я поддалась его увещаниям и вскоре горько в этом раскаялась. Уехав в командировку в Карелию, он заводит там себе новую — уже пятую жену. Так он несколько раз уходил и возвращался, давая «в последний раз» обещания быть «любящим отцом».

В конце концов я решила раз навсегда порвать с этим человеком, погрузилась в учебу, в работу, начала писать дипломный проект. Но Бахтин, искалечивший мою молодость, не считает даже нужным выполнять свои элементарные гражданские обязанности по отношению к ребенку. Он систематически уклоняется от уплаты алиментов. Его задолженность мне превышает тысячу рублей. Он таскает меня по судебным инстанциям, дает обязательства и не выполняет их. Как это ни странно, Петроградская районная прокуратура вместо того, чтобы призвать к порядку Бахтина, ограничивается новыми и новыми «напоминаниями» и «предписаниями». Чувствуя свою безнаказанность, Бахтин продолжает издеваться надо мной.

Неужели нельзя найти управу на этого человека, лишенного элементарной порядочности?

Людмила Снопова.

Или другой случай с преподавателем Пугачевской средней школы Иваном Ивановичем Чириковым, позволившем себе резко изменить свое отношение к уборщице школы Борисовой. Когда последняя от него забеременела, Чириков после этого прибегает ко всяким уловкам, чтобы уклониться от отцовства и платежей алиментов. Вот что пишет об этом Борисова.

«В феврале месяце с. г. у меня родился ребенок от незарегистрированного брака. Отцом этого ребенка является Чириков Иван Иванович, с которым мы вместе работали в средней школе: я уборщицей, а он — преподавателем. До рождения ребенка он относился ко мне хорошо, а когда ребенок родился, он стал избивать меня. Я вынуждена была обратиться в народный суд. На суде он сказал, что отцом ребенка является не он, а другой и указал на человека, которого я мало знаю. По его заявлению суд отложил дело, и вот уже течение четырех месяцев я хожу к судьбе Патрикееву с просьбой ускорить разбор моего дела. Судья посылал меня к прокурору. Помощник прокурора заявил мне: «подавай край, там разберутся».

Я вторично пошла к Патрикееву, Патрикеев сказал мне, что дело передали в милицию для вызова гражданина Павлова для того, чтобы установить, кто из них является отцом: Чириков или Павлов. В милиции никаких дел не оказалось.

Живу я в тяжелом материальном положении с маленьким ребенком; работаю уборщицей, получаю 38 рублей, а ведь мне надо воспитывать ребенка!

Прошу помочь мне.

Борисова

Не возвращает ли это нас к безвозвратным ушедшим временам барства, так широко описанным в старой литературе?

Как же наш советский суд разоблачает таких типов? Как воздействует на них? К сожалению, нередко суды, руководствуясь судейскими формальными соображениями, не только не воздействуют на подобных отцов, но и помогают им уклоняться от своих обязанностей.

С этой точки зрения не безинтересно другое письмо пр-ки Деркачевой, живущей в Благодарненском сельсовете Отраденского района Азово-Черноморского края.

Деркачева, дойдя до полного отчаяния и добившись какой-либо поддержки у местных общественных организаций, обратилась с письмом в редакцию «Большевистская смена», в котором описала свои мытарства и издевательства, которым подвергалась она после рождения ребенка.

В октябре 1936 г. у Деркачевой родился сын Гугучко ребенок. Узнав о том, что она зарегистрировала ребенка на его имя, Гугучко стал устраивать ей скандалы, отрицать отцовство и в результате подал заявление в Назначенный на 27 ноября 1936 г. в суд разбор дела не состоялся. Начались бесконечные переносы судебного разбирательства, после пятикратного откладывания дела установил, что отцом ребенка Деркачевой Гугучко. Тогда ответчик Гугучко подал лобу в Азово-Черноморский краевой суд.

Кассационная коллегия Азово-Черноморского краевого суда решение народного суда отменила и вернула дело к новому судебному рассмотрению. Этим мытарства Деркачевой не закончились. Первое заседание народного суда 1 участка Отрядненского района 28 февраля 1937 г. не состоялось. Дело откладывалось 6 раз и Деркачева каждый раз выезжала в район на судебные заседания. Получая неизменно стандартный ответ: «Придите завтра», «зайдите послезавтра», она терпеливо ждала. Ключ к таким ответам легко найти у председателя комиссии «Красное знамя», которого беззастенчиво запрашивали прокурорские работники, где жила, с кем проводила время и кто знает Деркачеву. А пока что 8 месяцев как на содержание ребенка Гутучко заплатил ни копейки, и беспомощная женщина не может найти необходимой поддержки.

«Хождение по мукам» Деркачевой только началось, так как дело еще по существу не рассмотрено. У других алиментщиц стаж по роковым приговорам присужденных алиментов значительно больший.

Работница сталинградской центральной бани С. Шауфлер уже два года как, заручившись обещанием Сталинградского районного прокурора, разыскивает скрывающегося в Москве и зарабатывающего по 400 руб. в месяц отца ее ребенка.

Шауфлер уже надоело обивать пороги прокурорских кабинетов, в смутной надежде добиться все же выхода из тяжелого положения. Однако, «воз и ныне там».

16-летняя дочь директора десятилетки гор. Дмитрова — Гречишина Ф. пытается пристыдить своего отца, получающего 1000 руб. в месяц, что, мол, не совсем удобно, насаждая советскую культуру и воспитывая детей, от своего ребенка отмахиваясь, как от назойливой мухи и не подчиняясь законам. Однако, в течение трех лет этот «носитель культуры» не высылает своей дочери ни копейки, несмотря на судебное решение, заведомо зная, что дочь его живет у чужих людей. Казалось бы, на защиту Гречишиной должен был стать прокурор. Чем же помог ей дмитровский прокурор. Тщетно запрашивала Гречишина прокурора о положении дела. Он также упорно бездействовал.

Нередко встречаются случаи, когда подобные отцы не стесняются побоями и гнусным издевательством над ребятами и их матерями. Мать троих детей Компанейцева Евдокия Ивановна, преследуемая побоями своего бывшего мужа, чтобы спасти своих детей, должна была оставить двоих ребят при отце, а с третьим скрываться по соседям. Однажды, не выдержав побоев, Евдокия обратилась в суд, прося защитит от Компанейцева. В апреле этого года народный суд Кантского района под председательством народного судьи Магараева разобрал дело о систематическом издевательстве над женщиной и детьми, и, установив безусловную виновность Компанейцева, осудил его на 6 месяцев исправительных трудовых работ. Кантский райпрокурор (Киргизия) опротестовал чрезмерно мягкий приговор в Киргизский верховный суд. Пока верховный суд разбирается в деле, Компаней-

цев остается на свободе, преследует бездомную, истрадавшуюся, беззащитную женщину, угрожая убить ее и третьего ребенка.

Вот еще одна краткая, но достаточно говорящая сама за себя страничка из жизни гр-ки Корнильевой.

Жить с мужем Эрнстом Корнильевой становилось не под силу. Ежедневные побои до синяков, ругань и скандалы доводили женщину до болезненного состояния. Она не выдержала и развелась с мужем-истязателем. Однако, положение не улучшилось: хулиган Эрнст, проживая в одном доме с Корнильевой, продолжает над ней издеваться. Он почти ежедневно является на квартиру Корнильевой и устраивает там скандал. Бьет Корнильеву, ребенка, 76-летнюю старуху. Эрнст состоит в секте евангелистов. Считая женщину неравноправной, он расправляется с ней, как учит это делать их секта.

Корнильева пробовала обращаться с жалобой на Эрнста в милицию, народный суд, к районному и транспортному прокурору, но никто не помог забитой женщине. Узнав, что Корнильева жалуется на издевательства, Эрнст стал преследовать ее еще больше. Не проходит дня, чтобы он не избил старуху, ребенка и Корнильеву. Все это происходит на глазах у всех, и никто, в том числе и лица, непосредственно призванные заниматься этими вопросами, не считают для себя необходимым положить конец всем безобразиям.

В ряде мест, особенно в национальных республиках, где еще, несмотря на бурный рост культуры, не изжиты остатки религиозного или националистического дурмана, положение беспомощной женщины еще тяжелее.

Доведенная до отчаяния бездушными бюрократами, к которым обращалась О. К. Ленкова за помощью, прося призвать к порядку проходимца Золотова, она обратилась к газете «Красная Чувашия», справедливо вставшей на ее защиту и требовавшей привлечения Золотова к уголовной ответственности.

Однако, прокурор Чебоксарского района Ефремов, которого зря тревожила общественность, и судебный исполнитель Толстов, у которого преспокойно вылеживается исполнительный лист Ленковой, предпочли не заглядывать в газету и тем самым не отравлять себе настроение. А между тем, равнодушные этих бездельников, не желающих реагировать на сигналы печати, привело к тому, что золотовская компания, воодушевленная безнаказанностью, начала открыто издеваться над Ольгой Ленковой и уже сделала попытки изуродовать ее.

Жена Золотова несколько раз пыталась свести счеты с Ольгой Ленковой, гоняясь за ней с топором, вилами и колыями. 13 июня опасность быть избитой была настолько реальной, что Ольга была вынуждена бросить находившегося у нее на руках ребенка и убежать, из опасения быть заколотой вилами.

Пока «блюстители закона и общественного порядка» собираются принять меры, беззащитная женщина находится каждую минуту под угрозой дикой расправы. Золотовы способны на всякую пакость.

Вложил свою лепту в издевательство над колхозницей и председатель колхоза Борисов. Он и не подумал выдать причитающиеся Ленковой трудовые за период беременности. Он

не думает оплатить ей 40 незаконно удержанных трудодней. Все это не тревожит ни прокурора, ни судебного исполнителя, ни председателя сельсовета Иванцова, на глазах которого, кстати сказать, травят ни в чем неповинную колхозницу.

Но травят не только Ольгу. Золотовы не дают покоя и ее родным. Сам Золотов пытался свести счеты с сестрой Ольги — Анной. Встретив ее поздним вечером около аэродрома, когда Анна возвращалась из Чебоксар, Золотов пригрозил:

— Теперь ты от меня не уйдешь!

Расправе помешал случайно догнавший Золотова односельчанин Алексей Черемухин.

Трудно не предвидеть печальной развязки всей этой истории, если ею по-настоящему не займется представитель местной власти. Увы, они не спешат!

***

В Байрам-Алийском районе Туркмении за этот год судебно-следственными органами зарегистрировано 18 случаев выдачи замуж и хищения малолетних в жены, калыма, задержания замужних по обычаю «кайтарми», избиений женщин и даже убийства.

Пытаясь уклониться от добровольного выполнения отцовских обязанностей и избежать ответственности, находятся бесчестные люди, которые рассчитывают на полную безнаказанность своих действий, переезжая с места на место, как только вплотную перед ними ставится вопрос об уплате алиментов.

Так поступил Яковенко А. Д., проживший со своей женой три года, после чего он ее, беременную, с грудным ребенком, бросил, имея прежний богатый опыт с первой женой. Оставив жену, Яковенко отправился... путешествовать по СССР. Сначала Яковенко появился в Москве, потом побывал в Одессе, наконец, обосновался в городе Куусары (Азербайджан), откуда он прислал жене письмо, в котором «извиняется, что не высылает денег, так как «путешествует по СССР».

Яковенко — член партии. Благодаря помощи партийного комитета два месяца жена Яковенко получала от него деньги, но потом Яковенко уехал в Баку. Снова возобновились страдания женщины и поиски Яковенко. Яковенко появился в Ташкенте, где он преспокойно зажил, упорно не выплачивая алиментов. Так Яковенко успешно уклоняется от уплаты алиментов, пользуясь бездействием и бездушием бюрократов.

Точно так же шофер Желтиков В. П. еще в 1933 г., не разведясь с первой женой, женился на второй. Первую жену он бросил с тремя малолетними детьми без всякой помощи.

По заявлению Желтиковой, народный суд на содержание и воспитание детей присудил с Желтикова 50% его заработка. Казалось, все в порядке: решение суда есть, Желтиков его не обжаловал, остается только ежемесячно производить удержание — и все.

Но эта простая операция для некоторых учреждений оказалась чрезвычайно сложной и невыполнимой. Каждый раз, когда исполнительный лист поступал в учреждение, где работал Желтиков, и дело приближалось к удержанию из его заработка необходимой суммы, он исчезал в неизвестном направлении.

Так он кочевал из одного учреждения в другое, живя с новой женой припеваючи.

Прошло около 4 лет. Желтиков всячески уклонялся от уплаты алиментов. Распоряжения прокуратуры о взыскании с Желтикова алиментов и розыски милиции никак его изловить не дали. Наконец, Желтиков после 4-летнего «путешествия» приехал в Мичуринск и устроился на работу. Он попрежнему работал шофером, пьянствовал и открыто издевался над своей бывшей женой.

Так длилось до 25 апреля 1937 г., когда участковому инспектору милиции Просветову поступило заявление Желтиковой с просьбой привлечь к ответственности ее мужа.

Но мягкосердечный инспектор явно не спешил. Просветов продержал жалобу в портфеле ровно два месяца.

Достойный презрения и наказания отец брошенных детей до сих пор не привлечен к ответственности. Дело находится в прокуратуре. Тем временем ответчик, в совершенстве овладевший техникой внезапного исчезновения, подготовил новые планы уверток. Удастся ли ему их реализовать?

Техник дорожного строительства в Сухуми Владимир Кебурия поступил еще проще. Чтобы не платить алименты бывшей жене Фене Хартомаджи, после того как он разошелся с другой женщиной, он похитил у Фени семилетнего сына Жору.

Кебурия за 9 лет совместной жизни все издевался над Феней, надолго бросал ее с двумя детьми без всяких средств к жизни. В мае прошлого года он скрылся вовсе, а вместе с ним исчез и ребенок. Случайно, после долгих поисков, Феня натолкнулась на похитителя. Кебурия, скрываясь от жены, проживал в приморском санатории в Афоне. Увидев ребенка возле чужой женщины, Феня выдержала, силы оставили ее, она упала в обморок, а Кебурия, воспользовавшись суматохой, скрылся, прихватив с собой и ребенка.

Вернувшись в Сухуми, Феня подала жалобу в народный суд первого участка с просьбой вернуть ей ребенка. Суд вынес решение в ее пользу и обязал Кебурия возвратить ребенка. Кроме того, по решению суда Кебурия должен был платить Фене алименты на держание обоих детей.

Но одно дело — решение, другое — исполнение его. Прокуратура ничего не сделала, чтобы немедленно отобрать у беглого отца ребенка и передать сына Фене. Кебурия остался в Сухуми и даже имел наглость обжаловать решение суда, и когда Верховный суд Абхазии решил дело опять-таки в пользу Фени, Кебурия вторично скрылся.

Он таскает мальчика за собой как «багаж», бросает его одного в номерах гостиницы, «переделяет» на несколько дней в какой-нибудь детский сад, как, например, в Очечиринский детский сад, куда, например, в Очечиринском детском саду часто можно видеть в прокуратуре, милиции, и даже в опекуновском совете Сухуми. Можно видеть ее и на вокзале, автостанции, на пристани, куда привозят теплоходы. Грустная, с заплаканными глазами она расспрашивает знакомых, не видели ли они ее мужа и подростка — сына Жору.

И все это известно местным властям, и кто не берет на себя труд положить кон-

издевательствам над несчастной женщиной и ребенком и привлечь к ответственности зарвавшегося негодяя, нагло попирающего наши законы.

Впрочем, бессовестно попирают законы, направленные в защиту матери и детей, не только «алиментчики», уклоняющиеся от уплаты на содержание своих детей.

В нашей практике довольно значительны случаи глумления сыновей над выросшими матерями, потерявшими трудоспособность, вынужденными прибегать за отсутствием каких-либо иных источников к существованию, к поддержке своих детей. Вот несколько примеров.

Анна Ивановна Федорова — мать восьми детей. В тяжелых условиях и в упорном труде воспитывала она своих малолетних ребят. Дети выросли, приобрели специальности и один по одному покинули инвалидку-мать, оставив ее без всяких средств к существованию.

Федорова, оскорбленная и униженная, обращается за помощью к государству:

«Мне шестьдесят лет, я инвалидка и не имею сил зарабатывать на свое существование. Своих детей мне приходилось воспитывать без мужа. Я работала день и ночь на местных кулаков, чтобы прокормить своих детей. Но когда они выросли, я осталась одна с исполнительным листом на руках, обязывающим моих сыновей Якова и Григория оказывать мне материальную помощь».

Так говорит Анна Ивановна.

К сожалению, такие сыновья, как Яков и Григорий, не единственные. Хуже того, некоторые «сыновья» доходят до прямого издевательства над своими матерями. Жертвой такого издевательства явилась Прасковья Анисимова — мать учителя Екатерининского района Сергея Анисимова.

Вместе со своей женой, учительницей Варварой Цигулевой, Сергей переманил мать к себе из Каширинского района и отобрал ее ничтожные пожитки. А когда вынужденные Прасковья Анисимовой внучки подросли и она перестала быть им нужной, Цигулев выжил свою старуху-мать из дома. Ей пришлось искать приют у чужих. Когда старушка-мать попросила у сына отдать ей ее корову, жена сына избила старуху до полусмерти.

Мы знаем, что в нашей стране матери, которым не помогают изверги-сыновья, всегда найдут защиту у нашего государства. Право граждан на материальную помощь при старости и нетрудоспособности записано в Сталинской Конституции.

Органы суда и прокуратуры охраняют законы советского государства, защищают права матери. Однако, к великому удивлению, некоторые «блюстители законности» сами нарушают наши законы.

Мать прокурора Матвеевского района Антиясова Павла Ефимовича одиннадцатый год разыскивает своего сына. Одиннадцатый год прокурор Матвеевского района скрывается от своей родной матери!

«Я уже совершенно слепая, — пишет Варвара Антиясова, — мне 68 лет, родных, кроме сына, не имею. Связь с ним потеряла и думала, что его нет в живых. Потом случай-

но мне наши колхозники сказали, что мой сын работает прокурором в Матвеевском районе. Я писала сыну письма, посылала телеграммы с просьбой взять меня к себе, но на мои письма я не получила ответа...»

Такому «прокурору» не место в органах прокуратуры, откуда он должен быть немедленно изгнан с позором!

Исклнчительная забота о людях, стремление нашего правительства и партии оказать помощь выразились в последнем законе о помощи роженицам и беременным женщинам.

Однако, находятся такие люди, которые пытаются и этот закон обойти каким-нибудь способом.

Полгода назад, после рождения девятого ребенка, Елена Мешкова обратилась за содействием в получении пособия по многосемейности к председателю Украинского сельсовета Черепановского района Кубанову Н. А.

Она просила оформить документы, необходимые для получения пособия. Председатель сельсовета Кубанов вместо того, чтобы удовлетворить законную просьбу многосемейной матери, отнесся к ней, как бюрократ и чиновник.

Свой отказ в оформлении документов он объяснил, тем, что «два сына при ней не живут, хотя один из них служит в РККА, следовательно, права на получение пособия Мешкова не имеет».

Командование части, где служит сын гражданки Мешковой, пыталось разъяснить Кубанову его незаконный поступок, но бесполезно.

Прошло уже полгода, а ретивого бюрократа — председателя сельсовета — никто не призвал к порядку, и многосемейная мать до сих пор не получила законного государственного пособия.

Была подана жалоба районному прокурору, но и он ничем не помог.

Закон о повышении пособий по беременности предусматривает ряд мер, вплоть до привлечения к уголовной ответственности за отказ в принятии беременных женщин на работу.

Тем не менее еще до сих пор находясь такие администраторы, которые всячески изощряются, чтобы избавиться от беременных сотрудниц.

В мае месяца этого года в правление туапсинского райтрансторгпита была принята на работу счетовода с испытательным сроком гра Филлипова. Работая до самых последних дней испытательного срока, она не имела буквально ни одного замечания и только в день, когда испытательный срок кончился, ей приподнесли приказ... об увольнении «как не соответствующей своему назначению».

В действительности дело обстояло иначе. В последние дни испытательного срока бухгалтер Симоненко узнал, что Филлипова беременна и должна скоро пойти в декретный отпуск. Это вызвало у Симоненко глубокое разочарование, вследствие чего появился хитрый, наспех сочиненный приказ.

В это дело вмешался прокурор железной дороги т. Савченко. Он предложил принять Филлипову на работу. Тогда в защиту своего приказа выступил директор Овчинников.

— Как так принять, да не бывать этому,— заявил он, — что я — собес?

Пришлось в это дело вмешаться прокурору, который поставил вопрос перед трестом Транс-торгпита о том, чтобы понудить туапсинских чиновников, как бессовестно попирающих советские законы, восстановить гр-ку Филиппову на работе.

Или другой случай.

Четыре года бесменно работала преподавателем-зоотехником в Уватской районной школе гр-ка Тальнишних Е. В апреле 1937 г. районная колхозная школа была ликвидирована. Тальнишних обратилась в райзо с предложением работать, не скрывая, что она беременна на шестом месяце. В райзо ей ответили: «Мы тебя переводим в распоряжение окрзу». Она обратилась к окрзу к т.т. Матвееву, Трушникову и Кузенкову, но получила тот же ответ.

Так безответственно бюрократически, перебрасывая, как мячик, беременную женщину, ни райзо, ни районная колхозная школа, ни окрзу ей денег за декретный отпуск не платят.

Как же судебно-прокурорские органы защищают беспомощных и нуждающихся в их помощи людей? К сожалению, нередко, очень плохо!

Наш советский суд и прокуратура делают немало, укрепляя социалистическую законность на местах.

Однако, до сих пор еще не изжиты глубокие язвы волокиты и бюрократизма, безучастно-безответственного, наплевательского отношения к чужому горю и нуждам людей, посетителям и жалобщикам.

Эти беззащитные люди месяцами обивают пороги судебных исполнителей, судей и прокуроров в поисках эффективной помощи.

Увы, до сих пор не всеми и далеко не всегда эта помощь своевременно и правильно оказывается.

Этот трудный участок нашей работы должен быть преодолен в самое ближайшее время, так, как этого требует наша великая эпоха.

От редакции. Редакция ждет срочных сообщений прокуроров о принятых ими действенных мерах для ликвидации безобразных фактов, приводимых в статье т. Богуславской. Редакция считает, что органам прокуратуры на местах большинство этих фактов известно. Они обязаны действовать в точном соответствии с законом 27 июня 1936 г.

Редакция надеется, что прокурор РСФСР т. Рычков сумеет заставить подчиненные ему органы по-большевистски выполнять советские законы и отобьет у некоторых, застрявших в прокурорских органах, бюрократов охоту покрывать такие гнусные безобразия своим бездействием.

А. СОЛЫЦ

О хулиганстве

Недалеко ушло то время, когда трудящиеся в нашей стране не были хозяевами жизни и за эту жизнь, за ее порядки, не отвечали.

Наступило радостное, счастливое, полное творчества время, когда мы, хозяева жизни, строим ее по определенному, заранее намеченному плану.

В такое время вопрос о хулиганстве приобретает серьезное значение.

Товарищ Сталин исключительно хорошо и своевременно подметил, что «человек сейчас ценен как никогда». Человек, творец и строитель жизни, должен осознать свое особое положение в нашей стране и вести себя согласно своему высокому званию. В частности, совершенно не к лицу этому новому человеку хулиганить.

Поэтому советская власть в лице ЦИК и СНК СССР 29 июля 1935 г. издала постановление, по которому за злостные хулиганские действия установлено наказание до 5 лет лишения свободы.

Чем люди ценнее, тем более мы к ним требовательны, и мы иначе поступить не можем.

Мы творим не только новую жизнь но и новых людей. Мы суровы по отношению, к тем, которые портят жизнь, но мы одновременно и создаем условия, при которых явления хулиганства не должны иметь места. И для этого мы в том же законе от 29 марта 1935 г. запретили изготовление, хранение, сбыт

и ношение без разрешения холодного оружия.

Мы очень ценим работу коллектива и на этом основании крепко осуждаем, когда хулиганство носит групповой характер. Мы стоим же сурово должны судить, когда хулиганство проявляется злостно, когда оно носит в себе элементы протеста против структуры нашей жизни, нового быта, когда оно происходит в общественных местах, клубах, на собраниях, в общественных вечеринках, когда оно имеет серьезные последствия и сопровождается применением холодного или огнестрельного оружия или, наконец, когда оно носит повторный характер (рецидив).

Поэтому Союзная прокуратура отказала в опротестовании приговора некоему Маслову, который учинил скандал в избе-читальне. По этому мы отказали в протесте по делу (Чуаково, Одесской области), когда выяснилось, что в этой деревне процветало групповое хулиганство, для ликвидации которого требовались суровые меры. Но такой политики мы всегда, к сожалению, придерживаются товарищи судьи. Большинство судебных работников после постановления ЦИК и СНК СССР от 29 июля 1935 г., взяли себе за правило во всем делам о хулиганстве, независимо от обстоятельств, независимо от личности подсудимого, выносить суровые приговоры.

Статья 74 ч. 1 совершенно исчезла из практики суда, все хулиганские дела стали квали-

фицироваться по ст. 74 ч. 2 и по ней почти всем дают лишение свободы не меньше 2 лет, весьма часто 3—4 года и больше всего 5 лет, без всяких к тому оснований, только потому, что имеют формальное на сие право.

Суд и прокуратура подходят к делам о хулиганстве механически.

29 апреля 1935 г. советское правительство подчеркнуло необходимость усиленной борьбы с явлениями хулиганства, и они это выполняют, не затрудняя себя внимательным изучением дела и преступника.

Так, 29 мая 1936 г. народный суд г. Вольска приговорил к трем годам лишения свободы 3 человек. Все они до того не судились, все хорошо работали. Однако, получили по 3 года. Саратовский областной суд приговор утвердил только по протесту Союзной прокуратуры. Верховный суд 28 апреля 1937 г. снизил им наказание до пределов фактически отбытого срока.

Грузчик Талалаев, 37 лет, имеет трех малолетних детей, один раз был осужден на 1 год исправительно-трудовых работ по ст. 74 ч. 2 в 1935 г., в 1936 г. он напился льяным, побил стекла на 50 рублей и сопротивлялся, когда арестовывали. Суд за это дал ему пять лет. Крайсуд приговор утвердил и только по протесту Союзной прокуратуры Верховный суд снизил ему наказание до двух лет.

13 ноября 1936 г. в Спасском районе, Московской области, подралась группа крестьян. Дра-

ка была случайная, никем не организованная и не подготовленная. Однако, и народный и областной суды квалифицировали ее по ст. 74 ч. 2 — трем дали по 2 года, а четвертому 1 год исправительно-трудовых работ, применив здесь ст. 74 ч. 2 совершенно неправильно. Только по протесту Союзной прокуратуры действия осужденных были переквалифицированы Верховным судом РСФСР по ст. 74 ч. 1, и они получили по 3 месяца исправительно-трудовых работ.

Так действуют и работают почти все суды и прокуроры районные, областные, краевые и республиканские, когда сталкиваются с хулиганскими делами.

Подтверждается это огромным количеством дел, решения которых оставались неизменными до вмешательства Союзной прокуратуры. Тогда с ее указаниями соглашались. А это значит, что ошибочные решения эти легко можно изменить, уделив делам больше внимания и разобравшись в них по-настоящему.

Постановление советской власти о хулиганстве диктует необходимость крепко и сурово бороться с хулиганством. Но эта борьба не исключает обязанности вдумчивого подхода к конкретным делам, дифференциации дел, строгой индивидуализации вины и, наконец, применения и воспитательных мер, когда хулиганские проступки совершены случайно и нет нужды в изоляции провинившихся людей.

ХОЛОДНОВ
РУЗОВ
КУБИЦКИЙ

Следы на дереве

В начале августа 1936 г., в полдень, председатель колхоза и член сельсовета Г. пошел из своей деревни С. в соседнюю деревню А., что в расстоянии 4 километров, в сельсовет на заседание налоговой комиссии. Заседание это не состоялось, и Г., два часа спустя, направился обратно в свою деревню, но домой не возвратился и с этого момента исчез.

Г. был организатором и лучшим председателем колхоза в своем районе. Как активный член сельсовета он неуклонно проводил в жизнь мероприятия советской власти, почему имел врагов в лице антисоветски настроенных и деклассированных элементов.

Личная жизнь Г. не давала никаких предпосылок к объяснению его исчезновения.

Было заподозрено убийство.

Дорога, по которой возвращался Г. домой, пролегла по лесу. Организованные на следующий день после исчезновения Г. поиски безрезультатно продолжались 6 дней.

На седьмой день в нескольких шагах от дороги, по которой Г. должен был возвращаться домой, в молодом ельнике привлекли к себе внимание два торчавших в земле пенек от недавно срубленных под корень молодых елок. Благодаря их порубке образовалось свободное пространство, в котором, судя

по прямоте и разбросанности хвои, помещался человек. Вход в это место, которое по видимому служило засадой для убийцы, сверху и со стороны дороги был замаскирован срубленными ветками. С противоположной стороны дороги шел след от волочения какого-то тяжелого предмета шириной в полметра. След этот углублялся в лес и на расстоянии 185 метров от дороги заканчивался в мелком кустарнике. Здесь было обнаружено место сжеженой земли, замаскированное воткнутыми в землю березовыми и ольховыми ветками с полуувядшими листьями.

У колхозника Б., бывшего красноармейца-пограничника, привлеченного к поискам Г., и первым обнаружившего это место, возникла мысль, не зарыл ли здесь труп Г.

На эту мысль его навели последовательно: место засады, след волочения, соответствовавший по размеру человеческого телу, и, наконец, полуувядшие листья на ветках.

И действительно, по удалении служивших для маскировки веток, на небольшой глубине был обнаружен труп Г. В карманах его одежды оказались в целости все принадлежащие ему личные вещи и документы.

Представитель следственных органов, производивший осмотр места происшествия, обра-

тил внимание, что плоскости порубки некоторых веток, служивших для маскировки места захоронения трупа Г., а также веток, маскировавших засаду у дороги, имели на себе следы в виде борозд, которые могли произойти от дефектов лезвия топора.

Концы этих веток (черенки) в количестве 21 шт. были сличены, пронумерованы, подробно описаны, с точным указанием места обнаружения их, и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Осмотром и судебно-медицинским вскрытием трупа Г. было установлено, что смерть его последовала от огнестрельного ранения в голову. Выстрел был произведен в затылок из охотничьего гладкоствольного ружья на расстоянии нескольких шагов. При вскрытии из головы трупа было извлечено 15 деформированных кусков саморубленного свинца. Направление канала ранения и его местонахождение указывали на то, что убийца стрелял стоя. Изъятый из головы трупа свинец был также приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

Результаты осмотра места происшествия и судебно-медицинского вскрытия трупа дали следствию основание воспроизвести обстоятельства совершенного убийства.

О том, что Г. должен был возвращаться домой по этой дороге в этот день и примерно в эти часы (днем) было известно его односельчанам.

Преступник заблаговременно устроил в лесу возле дороги засаду, и когда Г. миновал его, выстрелил ему в затылок. Допросом свидетелей было установлено, что в день исчезновения Г., примерно в то время, когда он шел домой, со стороны леса был слышен выстрел.

Г. — мужчина высокого роста, атлетического телосложения, весил 94 кг. Поднять и перенести труп его было не под силу одному человеку, а потому преступник волочил его по земле.

Личная жизнь Г., отсутствие каких бы то ни было признаков грабежа и картина заблаговременной подготовки к преступлению говорили за то, что убийство было совершено на почве общественных отношений.

Под изложенным углом зрения подозрение падало на нескольких человек, имевших против Г. злобу на почве классовой вражды.

Некоторые из них были охотниками, и при обыске у них оказались куски свинца, которые были изъяты для сопоставления с зарядом, служившим для убийства. Помимо этого, у всех подозреваемых были изъяты принадлежащие им топоры с целью сличения их со следами на срубленных ветках.

Исследование вещественных доказательств производилось в Государственном научно-исследовательском институте судебной медицины.

Химический анализ свинца не дал никаких результатов для направления следствия. Оказалось, что состав свинца, извлеченного из трупа, неоднороден с кусками свинца, изъятого у подозреваемых (наличие в исследуемых кусках иных примесей и в иных пропорциях).

Одновременно с химическими анализами свинца в криминалистической лаборатории института проводилось исследование черенков и топоров.

Методика идентификации в основном складывалась из нескольких этапов. Прежде всего были исследованы лезвия топоров, причем все они оказались с известными изъянами. На фотографии № 1 представлена часть лезвия

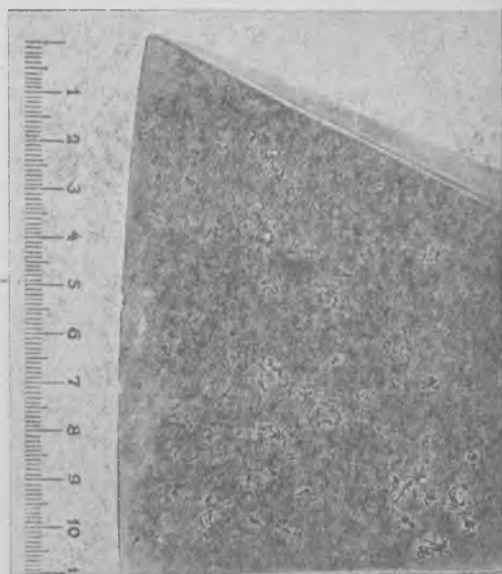

Фото 1

одного из пяти топоров. Это давало основание полагать, что при рубке топоры должны оставлять следы на соответствующем материале.

Из числа 21 черенка явные следы были обнаружены только на 8 из них. На фото

Фото 2

графии № 2 представлены плоскости порубки 2 из этих черенков.

Стал вопрос о том, одним ли топором рубились все эти черенки?

Для разрешения возникшего вопроса плоскости мест порубки 8 черенков были сфотографированы в натуральную величину.

Части фотографий каждого из 8 черенков совмещались — монтировались друг с другом. При этом оказалось, что представленные на фотографиях следы-борозды во всех подробностях совпадают друг с другом. На фотографии № 3 показан один из таких монтажей, где номерами помечены соответствующие номера черенков.

Фото 3

Таким образом, было с очевидностью установлено, что все исследуемые ветки рубились одним и тем же топором.

Следующим этапом являлось разрешение вопроса, не рубились ли ветки каким-либо из данных топоров. Для этого нужно было получить следы топоров на соответствующем пластическом материале, который не влиял бы на индивидуальность лезвий. После многократных экспериментов с топором, не имевшим отношения к данному делу, была найдена соответствующая для исследования поверхность. Лезвия топоров проводились под разными углами по равномерно застывшим тонким слоям воска на зеркальных стеклах. На фотографии № 4 показан полученный след одного топоров.

Поверхности со следами соскобов исследуемых топоров были сфотографированы в натуральную величину.

При совмещении-монтаже частей фотографий плоскостей порубки черенков с фотографиями следов, воспроизведенных по воску, оказалось, что борозды черенков во всех деталях совпадают со следами топора, изъятых у подозреваемого К. На фотографии № 5 представ-

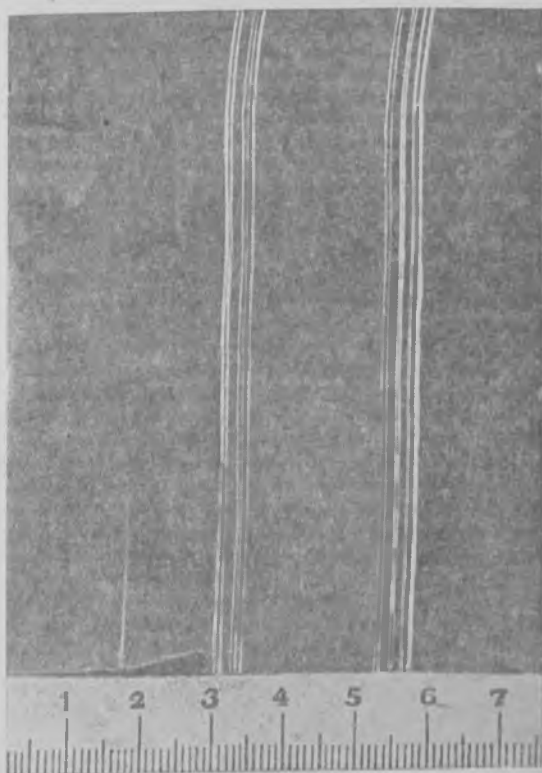

Фото 4

Фото 5

влено это совпадение. Это дало основание утверждать, что ветки, служившие для маски-

ровки места захоронения трупа, рубились топором К.

В своих показаниях как на следствии, так и на суде К. утверждал, что он никому своего топора не давал и сам этим топором в период убийства Г. не пользовался. По показанию его жены никому из посторонних он своего топора, вообще, не давал и он всегда хранился в доме в определенном месте.

Указанная экспертиза являлась единственной материальной уликой против К.

В судебном заседании она демонстрировалась на экране посредством проекции диапозитивов, иллюстрирующих ход и результаты идентификации.

Надо отметить, что этот способ, оказавшийся весьма наглядным и убедительным не только для суда, но и для многочисленной аудитории, был применен в нашем судебном процессе впервые.

К. был приговорен судом к высшей мере наказания. Кассационная инстанция не нашла никаких формальных поводов для отмены приговора, но сочла возможным заменить К. высшую меру 10 годами лишения свободы.

Какие практические выводы можно сделать из описанного дела?

Тщательно проведенный осмотр места совершения преступления дал в руки следствия исходные нити по двум направлениям: во-первых, при сопоставлении со свидетельскими показаниями, точно определил круг подозреваемых и, во-вторых, указал на способ избития преступника.

Приобщение к делу для исследования заряда которым был убит Г., являлось элементарным следственным действием. Однако, этот заряд при исследовании не дал уличающего материала.

Приобщение черенков, свидетельствующее об особой тщательности осмотра и вдумчивости лица, производившего расследование, логически повлекло за собой изъятие топоров. В итоге идентификация их с черенками дала блестящие результаты.

Это лишний раз подчеркивает, насколько внимательно, тщательно и продуманно должно производиться осмотр места происшествий.

Сам по себе этот редкий в криминалистической практике случай идентификации топоров со следами порубки на ветках говорит о тех многообразных возможностях, которые дает тщательный осмотр самых различных объектов на местах происшествий.

С. АБКИН

Из практики расследования дел о несчастных случаях на железнодорожном транспорте

Практика расследования дел о так называемых несчастных случаях на транспорте дает основание утверждать, что эта категория дел, не входящая по учету в число аварий, крушений или даже брака, является наиболее неблагоприятной в смысле извлечения уроков, анализа причин и т. д.

Достаточно сказать, что несчастные случаи независимо от причин, характера и последствий проходят мимо руководства дороги и соответствующих выводов из них оно не делает. Материалы о несчастных случаях в управлении дороги не посылаются. Там лишь регистрируют их без анализа причин и выявления виновных лиц.

Даже ревизорский аппарат отделения движения эти случаи не считает нужным расследовать. Вообще не ясно, какая служба и кто из должностных работников отвечает за расследование этой категории дел.

Обычно начальник станции ограничивается посылкой телеграммы. В лучшем случае он отбирает два-три ничего не дающих объяснения от причастных к этим случаям лиц и направляет их в паровозное отделение.

Если при расследовании аварий и крушений на место выезжают представители всех служб и начальник дороги, производится служебное (техническое) расследование, случай обсуждается на специальном оперативном совещании при начальнике дороги, то при несчастных случаях (когда поездом задавило кого-либо, причинило работнику тяжелое увечье) никто из работников дороги не выезжает, и по су-

ществу такие дела в служебном порядке расследуются.

Получается довольно странная картина: когда разобьют вагон, немедленно выезжают на место, устанавливают причины, обсуждают на оперативном совещании при начальнике дороги. Когда же погибает человек, когда объектом аварии является не вагон, а самый ценный капитал в нашей стране — человек, то полное бездействие или только регистрация фактов.

Между тем, значительное количество уголовных дел о несчастных случаях, расследованных прокуратурой, квалифицируются по статье 59^{3в} УК, т. е. как грубое нарушение трудовой дисциплины и правил технической эксплуатации. Расследование этих дел доказывает, что причиной несчастного случая является нарушение правил движения, игнорирование инструкции о сигнализации, неправильное производство маневров и т. д., следовательно, грубое нарушение правил технической эксплуатации.

Однако станции, и службы, и дорога в этом фиксируют их лишь как несчастные случаи, без указания причин и, таким образом, грубые нарушения правил технической эксплуатации не учитываются и по ним не делаются никаких выводов.

Вот несколько примеров из моей практики. 2 февраля 1937 г. стрелочница станции Клевая Хлебнова, исполняя служебные обязанности у стрелки № 6, была задавлена смерть маневровым паровозом, в результате

того, что старший стрелочник Хохлин по приговору маршуту на отправление поезда символично пропустил маневровый состав. Хохлин не предупредил и не дал сигналов стрелочнице Хлебновой о заезде маневрового паровоза на главный путь, где она находилась за очисткой стрелки.

В действиях старшего стрелочника Хохлина установлено грубое нарушение §§ 98 и 463 правил технической эксплуатации, а также § 25 технического распорядительного акта станции, запрещающего заезд маневрового состава на главный путь. Линсуд приговорил Хохлина по ст. 59^{3а} ч. 1 УК к трем годам лишения свободы и транспортная коллегия Верховного ССРС приговор оставила в силе.

Между тем, заместитель начальника станции Князевка Мартыщенко (даже не начальник станции), отобрав объяснение от причастных лиц, в своем заключении ни слова не написал о виновности старшего стрелочника Хохлина. Инспектор труда Масленников, выезжавший на место, формально подойдя к расследованию дела, тоже не заметил грубейших нарушений правил технической эксплуатации и технического распорядительного акта станции со стороны старшего стрелочника Хохлина.

28 марта 1937 г. на 44 километре перегона Никольский-Татищево был задавлен насмерть паровозом-толчком под управлением машиниста Иванова семилетний сын путевого обходчика Дмитриев, наблюдавший за коровой, которая паслась вблизи пути.

Машинист Иванов, следуя по перегону, вперед не смотрел, за путем не наблюдал. Несмотря на то, что прямая началась за 600 метров до места несчастного случая, Иванов, по собственному признанию, никого на путях не видел, оповестительных сигналов не давал и о том, что задавил мальчика, узнал лишь приехав на станцию Татищево, где ему об этом сказал начальник станции. Мальчик был задавлен именно этим паровозом на глазах свидетелей, которые кричали машинисту, но машинист утверждает, что он ничего не слышал и не видел.

За такое грубое нарушение трудовой дисциплины, § 431 правил технической эксплуатации и § 74 инструкции о сигнализации, Иванов был привлечен к уголовной ответственности по статье 59^{3в} ч. 1 УК и линейным судом приговорен к двум годам лишения свободы.

Начальник же паровозного отделения Ванин, ограничившись отбором одного объяснения у машиниста, который, естественно, показал, что знает ничего не знает и ведать не ведает, вынес заключение, что вины машиниста нет.

9 апреля 1937 г. у стрелки № 35 на ст. Саратов-Товарная стрелочник Редин при исполнении служебных обязанностей был сшиблен движущимися вагонами и получил тяжелые увечья. Произведенным расследованием по этому делу установлено, что машинист Иванов и его помощник Скитев без сигнала самовольно тронулись в путь по неготовому маршруту, не следили за путем, не смотрели за подаваемыми им сигналами остановки, в результате чего наехали на стрелочника Редина, занятого в это время своим маневровым составом.

За грубое нарушение правил технической эксплуатации §§ 427 и 428 Иванов и Скитев привлечены к уголовной ответственности по ст. 59^{3в} ч. 1 УК. Дело это еще в суде не разбиралось.

Эти примеры из следственной практики взяты лишь по одному моему участку за последние три месяца, но они характерны и для остальных участков дороги.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы сигнализировать руководству дороги и НКПС о том, что:

Во-первых, за многими несчастными случаями, которые по существующему учету не попадают под аварии, крушения и брак в работе, кроется грубое нарушение правил технической эксплуатации.

Во-вторых, эта категория дел требует такого же расследования, как аварии и крушения, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ю. ПОЗАН и Т. МОШКОВИЧ

Кризис капитализма и преступность несовершеннолетних

Капиталистический мир переживает крайние обострения межимпериалистических и внутренних противоречий.

Мировой экономический кризис, небывалый по своей продолжительности и опустошительной силе, протекающий в обстановке общего кризиса капитализма, «когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и Октябрьской революции, когда промышленность капиталистических стран получила в наследство от империалистической войны хроническую недогрузку предприятий и миллионные армии безработных, от которых

она не в силах больше освободиться»¹, — потряс до основания всю капиталистическую систему.

Наблюдаемое за последние годы в ряде капиталистических стран некоторое увеличение объема промышленной продукции, достигнутое путем необычайного роста военных заказов, усиления эксплуатации, снижения до неслыханных размеров жизненного уровня трудящихся масс, ни в какой степени не является показателем нового подъема промышленности.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 540.

Здесь, по блестящему определению товарища Сталина, «мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка»¹.

Это означает, что мировой буржуазии не удалось, как не удастся и впредь, выйти из тупиков, или хотя бы задержать дальнейшее обострение противоречий, раздирающих капиталистическую систему.

В бесплодных поисках выхода из создавшегося, небывало обостренного экономического и политического положения буржуазия разжигает новую мировую войну, готова в первую очередь нападение на Советский союз, неистовствует в своем бешеном наступлении на жизненный уровень пролетариата и трудящегося крестьянства, подвергая их неслыханному политическому угнетению, путем все усиливающегося применения открыто террористических фашистских методов борьбы.

Но если буржуазия ищет выхода из тупика на путях войны и фашизма, то рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчаяния безработицей, нищетой и политическим гнетом, становится на путь революции.

«Это значит, что зреет и будет назреть революционный кризис. И революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия в своих военных комбинациях, чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян»².

«Соотношение классовых сил в мировом масштабе все более изменяется в сторону роста сил революции»³.

Рабочий класс всего мира прекрасно знает, что только пролетарская революция в капиталистических странах принесет трудящимся освобождение от мук голода, нищеты и политического бесправия.

Одним из проявлений разрушительного действия мирового экономического кризиса является массовая, хроническая безработица, достигшая огромных размеров, каких не знала история капитализма. Как известно, в 1933 г. число безработных в капиталистических странах составляло 50 миллионов человек, а вместе с членами семей — 150—200 миллионов.

Несмотря на то, что с начала экономического кризиса прошло уже 8 лет, контингент занятых рабочих, в преобладающем большинстве стран, значительно ниже, чем в 1929 г. — первом году мирового экономического кризиса.

Это видно из следующих данных: в США в 1936 году число занятых рабочих по сравнению с 1929 годом было меньше на 20%; во Франции — на 25%; в Польше — на 25%; в Чехословакии — на 13%⁴.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 543.

² Там же, стр. 548.

³ Резолюция VII всесоюзного конгресса Коммунистического интернационала, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. 10.

⁴ Там же.

В одних лишь Соединенных штатах Америки количество безработных достигло к началу 1937 года свыше 10 миллионов человек.

Экономическая политика фашистской Германии, разоряющая народное хозяйство страны, обрушивается всей тяжестью своего бремени на трудящиеся массы Германии.

Несмотря на все лживые заявления фашистских «вождей», фальсифицированные сообщения официальной фашистской статистики, направленные на явное преуменьшение данных безработицы, последняя в действительности чрезвычайно велика. Армия безработных Германии насчитывает в своих рядах около 3 миллионов человек.

Аналогичная картина наблюдается и в Польше, заслуженно снискавшей себе печальную известность страны голода, нищеты и безработицы.

Проблема безработицы приняла настолько острый характер, что ее не в силах замалчивать даже буржуазная пресса.

Вот что пишет, отражая тревогу буржуазии, одна из польских газет, по поводу катастрофического положения с безработицей в стране.

«Это явление — безработица — приняло у нас такие размеры, что вышло далеко за пределы отдельных предприятий, отдельных отраслей производства или отдельных районов. Оно нависло над всей страной, над всей жизнью и чудовищными своими последствиями начинает подрывать самые устои нашего существования. Толпы безработного пролетариата выступают все сильнее и агрессивнее.

Предмесья столицы изменили свой характер. В Польше существуют города, которые в буквальном смысле слова превратились в поселения людей без хлеба и без работы...».

В погоне за прибылью капитализм широко вовлекает в производство женщин и детей. Нещадно эксплуатирует их труд, оплачивая его во много раз меньше, чем труд взрослых мужчин.

«Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот»¹.

Эти замечательные слова Ленина, характеризующие дикую эксплуатацию труда в капиталистических странах, полностью относятся к условиям и характеру труда женщин и детей.

В своей хищнической эксплуатации капитализм не щадит детей даже в самом раннем их возрасте.

Так, например, во Франции допускается детский труд с 13-летнего возраста, в Италии — с 12 лет, в Германии, Венгрии, Португалии с 12 лет; в Югославии с 10 лет, в Японии и Манчжурсии зачастую встречаются дети-рабочие в возрасте 4—6 лет.

Для многих капиталистических стран является обычным такое положение, когда дети на свой скудный заработок содержат целые семьи. В то время как взрослые члены этих семей находятся в состоянии хронической безработицы.

Работающие в капиталистических предприятиях дети и подростки ставят в невероятные условия: оплата их труда, как правило, в 4—5 раз ниже оплаты труда взрослых.

¹ Ленин. т. XVI, стр. 340.

ных рабочих, продолжительность рабочего дня достигает 12—16 и даже более часов, отсутствует охрана труда, дети используются без всякого ограничения как в ночных сменах, так и на вредных производствах и т. д.

Как сообщает американская газета «Нейшен», в 1926 г. 85% детей, работающих на сборе сахарной свеклы в США, были заняты от 9 до 14 часов в сутки, 75% детей занимавшихся разделкой свеклы, работали от 9 до 13 часов. Такой рабочий день сохранился в большинстве районов и до настоящего времени.

При этом широким распространением пользуется применение ночного труда детей.

Говоря о тяжчайших условиях труда американской рабочей молодежи, необходимо иметь в виду, что значительная ее часть обречена на безработицу.

По имеющимся данным, в 1935 г. в США насчитывалось 5 миллионов юношей и девушек, которые нигде не учились и не могли получить работу.

То же самое явление имеет место в Англии, где ряды безработных неуклонно пополняются тысячами и десятками тысяч безработной молодежи.

По сообщению английской печати, в 1934 году только в восточной части Южного Уэльса насчитывалось 5 000 безработных подростков в возрасте от 14 до 18 лет.

Наряду с этим печать приводит данные из отчета Шотландского национального совета о труде подростков, где говорится, что в Ланкашире из молодежи, оканчивающей школу в 1937 году, не найдут работы 13 тысяч человек, а в 1940 году по крайней мере 10 тысяч человек.

В Германии, Польше, Италии и других странах десятки тысяч молодых людей, ежегодно оканчивающих школы и высшие учебные заведения, точно так же систематически ставятся перед фактом невозможности получения какой-либо работы.

Для иллюстрации сказанного достаточно привести данные, опубликованные в конце мая 1937 года в материалах германского управления по страхованию от безработицы. Согласно этим, несомненно весьма преуменьшенным данным, число лиц, окончивших школу и ищущих работу, только за апрель 1937 года увеличилось на 55 000, достигнув в общей сложности 611 000 человек¹.

Таков страшный бич безработицы, висящий над трудящейся молодежью капиталистических стран.

Прямым следствием экономического кризиса и депрессии особого рода, вызвавших колоссальное обнищание масс и обостривших до крайности все противоречия, раздирающие капиталистическую систему, является безудержный рост преступности.

Этот рост настолько очевиден, что его нуждается констатировать даже буржуазная уголовная статистика, несмотря на ее всемерное стремление затушевать и явно преуменьшить цифры, характеризующие действительную динамику преступности.

¹ В. Воронов, Новое в германской безработице, «Известия» от 5 июня 1937 года.

Наглядным показателем этого роста могут служить следующие среднегодовые данные по Англии, характеризующие движение преступлений, ставших известными полиции¹.

1925—1929	1930 г.	1931 г.	1932 г.
127 640	147 031	159 279	208 175

Причем основную массу этих преступлений составляют преступления против собственности.

Не менее характерным является рост преступлений в США, этой стране наиболее высоко развитого капитализма и в то же время наиболее развитой «организованной» преступности.

По безусловно преуменьшенным данным, приводимым Ривом в его книге «Золотой век преступности», количество преступлений, совершенных в Америке, за период с 1920—1930 гг. увеличилось в полтора раза.

Говоря о состоянии преступности в фашистской Германии, необходимо иметь в виду, что здесь отнюдь нельзя исходить из данных официальной статистики, поскольку последние явно тенденциозно искажает действительное положение вещей.

По этим данным, например, число осужденных за кражи, грабежи и вымогательства в 1933 году уменьшилось по сравнению с 1932 годом с 114 039 человек до 103 882 чел.². А общее число осужденных в 1934 году понизилось по сравнению с 1932 годом с 690 000 до 460 000 чел.

Не говоря уже о том, что эти цифры являются плодом фальсификации фашистских криминалистов, они, кроме того, ни в коей мере не отражают подлинного состояния преступности, так как ими не охватывается применение внесудебной расправы, являющейся, как известно, основным методом борьбы с преступностью в Третьей империи.

Разоблачая махинации фашистской уголовной статистики, С. Ауфхейзер в журнале «Die neue weltbühne» совершенно правильно указывает:

«Статистика ограничивается судебными приговорами. Но в современной Германии уголовное преследование в административном порядке приняло гигантские размеры и стало на место судебных приговоров. Десятки тысяч бросаются за их убеждения в полицейские тюрьмы и концентрационные лагеря...» и дальше:

«...Действительные преступления, оскорбления, насилия, угрозы, кражи, растраты, мошенничество, подлоги, нарушения неприкосновенности жилища, грабеж, вымогательства не доходят больше до суда, ибо сотни тысяч потерпевших от этих преступлений — коммунисты, социал-демократы, католики, евреи и другие нечлены национал-социалистической партии давно уже потеряли защиту их судом. Если их противник национал-социалист, то обращение к суду вызвало бы, кроме того, месть со стороны его друзей. Миллионы людей под-

¹ Бюллетень иностранной информации, 1935 г. № 2—3, стр. 3.

² Цифры заимствованы из статьи М. Авдевой «Движение преступности в капиталистических странах», «Сов. юстиция», 1936 г., № 21, стр. 10.

судны военным судам. Совершенно изъята из статистики преступность национал-социалистов, заканчивающаяся «наказаниями», выносимыми фашистскими партийными органами. Не охватываемой статистикой подсудностью обладают и лагеря трудовой повинности.

Таким образом, статистика преступности, подчиненная задачам пропаганды, не дает ни общей картины преступности в Германии, ни ее размеров, ни картины того бесправия, которое характеризует нацистскую юстицию»¹.

Совершенно очевидно, что за годы фашистской диктатуры в Германии преступность, вопреки всем утверждениям германской уголовной статистики, не только не уменьшилась, а напротив колоссально выросла, что целиком вытекает из факта обнищания трудящихся и беспрестанно возрастающей безработицы в стране.

Костяная рука голода, дикая эксплуатация труда, колоссальная безработица, приводящие к экономическому подрыву семьи, вызывают наряду с сильным увеличением общеуголовной преступности катастрофический рост преступности несовершеннолетних.

Это обстоятельство, несмотря на все попытки правящих кругов замаскировать действительное положение и фальсифицировать данные о динамике детской преступности, вызывает у них огромную тревогу, вынуждая время от времени кричать через печать об огромном росте преступности несовершеннолетних.

Так, например, английский консервативный журнал «Спектейтор» сообщает:

«Полицейский инспектор полковник Аллан в своем донесении о состоянии западного полицейского района пишет, что в одном городе, где в 1933 году насчитывалось 3100 человек, совершивших преступления, не меньше чем 31% преступников приходится на возраст моложе 16 лет. Из 473 человек, обвинявшихся во взломе, 45% принадлежало к возрасту моложе 16 лет. Это обстоятельство внушает тревогу. Почти половина преступлений совершается детьми; по мнению инспектора полиции, это объясняется недостатком родительского надзора, безработицей и плохой средой»².

И это беспокойство не лишено оснований.

В самом деле, из статистических данных о преступности в Англии за 1933 год явствует, что из общего числа осужденных 23% не достигли 16-летнего возраста и 20% были в возрасте от 16 до 21 года.

Почти половина всех случаев взлома помещений совершена лицами, не достигшими 16 лет.

Огромное увеличение детской преступности в Англии за последние годы подтверждается также и тем, что если в 1927 году в Борстальские учреждения было направлено 602 человека, то в 1932 году это число возросло до 1958 человек.

Среднесуточный состав содержащихся в этих учреждениях равнялся в 1927 году 1253 чел., в 1932 году 1895 чел.

¹ Б. У., Уголовная статистика фашистской Германии.

² «Правда», 6 марта 1935 года.

В связи с все возрастающим количеством несовершеннолетних правонарушителей и переполнением мест заключения встал вопрос необходимости открытия дополнительного реформатория для мужской молодежи.

В Соединенных штатах Америки сотни тысяч подростков, обреченных на голодное существование, скитаются по стране в бесплодных поисках работы, становясь под влиянием нищеты на путь совершения преступлений.

Каких огромных размеров достигает преступность молодежи США, можно судить по тому, что почти ¼ всех привлекаемых к суду за тяжкие преступления насильственного характера, как это отмечает Ривв, падает на лиц в возрасте от 17 до 20 лет.

Говоря о состоянии детской преступности в США Люблинский пишет: «По умеренному исчислению американских специалистов в 1928 году для всей страны число несовершеннолетних правонарушителей, ежегодно проходящих через детские суды, должно быть исчислено в цифре, близкой к 200 000 человек. К настоящему времени, когда преступность несовершеннолетних заметно выросла, число это определяется уже около 300 000 несовершеннолетних в год»¹.

Наиболее распространенными являются преступления имущественные, составляющие свыше ½ общего числа преступлений несовершеннолетних.

Ужасающая нищета и голод, переживаемые трудящимися массами Польши и в особенности польской деревни, являются источником порождающим интенсивный рост преступности не только взрослых, но и не в меньшей степени молодежи.

На VII конгрессе Коммунистического интернационала т. Димитров весьма ярко охарактеризовал положение польского крестьянства, приведя выдержки из реакционной польской газеты «Час», которая по этому вопросу пишет:

«Польский крестьянин пользуется способами и средствами, применявшимися, пожалуй, только в эпоху средневековья, он охраняет огонь в печи и одалживает его соседу, спичку он делит на несколько частей, друг друга одалживает грязные обмылки, он вываривает бочки из-под селедок, чтобы получить соленую воду. Это не басня, но действительно положение в деревне, в которой каждый может убедиться»².

В свете этого совершенно понятно, почему в деревнях фашистской Польши «дети выглядят маленькими покойниками. Они апатичны, неподвижны. Те, в ком еще теплится искра жизненной энергии, ищут спасения от голодной смерти в бегстве»³.

Понятно также и то, что множество этих несчастных, голодных детей ради поддержания своего существования идет на совершение различного рода имущественных преступлений. Ровно

¹ Сборник по детской преступности в капиталистических странах, изд. Института уголовной политики, М. 1935 г., стр. 19.

² Г. Димитров, Наступление фашизма на задачи Коммунистического интернационала, борьба за единство рабочего класса, 1935 г., стр. 14.

³ «Правда», 1 июня 1935 г.

этих преступлений характеризуется тем, что за период с 1929 по 1931 гг., т. е. за 3 года экономического кризиса, одни только кражи возросли на 24%. Об этом же непрекращающемся росте детской преступности говорят цифры, относящиеся к несовершеннолетним преступникам, которые содержатся в общих тюрьмах со взрослыми:¹

1929 г.	881 чел.
1930	899 "
1931	973 "
1932	1 126 "
1933	1 192 "

Как видно из этих данных, количество осужденных подростков возрастает из года в год. В фашистской Германии с каждым годом удельный вес преступности молодежи все больше и больше возрастает и в настоящее время преступность молодежи в возрасте до 25 лет составляет уже $\frac{1}{4}$ к общему числу осужденных.

А так как общее количество осужденных в 1932 г. выражалось в 564 000 чел., в последующие же годы оно еще более увеличилось, то из этого следует тот бесспорный вывод, что в уголовную преступность в фашистской Германии ежегодно вовлекаются многие десятки тысяч несовершеннолетних.

О стремительном росте преступности среди молодежи в гитлеровской Германии красноречиво говорят следующие данные, взятые из официальной германской статистики:

В 23 крупнейших городах Германии количество правонарушителей в возрасте от 14 до 18 лет возросло с 5 482 чел. в 1934 г. до 7 582 чел. в 1935 г., т. е. на 38%.

В средних городах с количеством жителей от 50 000 до 200 000 чел. за этот год преступность среди молодежи выросла на 75%.

Характерно, что возрастает преступность среди девушек. В 1932 году на их долю падало в крупнейших городах 12% и в среднем 12,6%, а в 1935 году процент соответственно составлял 16,7 и 23,1.

Сильно возросли кражи, которые составляют почти половину всех преступлений среди молодежи.

Количество преступлений на сексуальной почве возросло на 60%².

Таковы цифры и факты. Да и может ли быть иначе, когда многомиллионная масса трудящихся города и деревни обречена на безработицу, голодное существование и нищету.

Общезвестно, что в фашистской Германии далеко не редким исключением являются судебные процессы над доведенными до отчаяния родителями, которые под влиянием безработицы убивают своих детей, чтобы избавить их от мучений голода.

Не менее характерно и то, что даже по чрезвычайно скромным данным, приведенным в меморандуме Баварского правительства, опубликованном на страницах «Берлинер Тагеблат», 70 тысяч бездомных, безработных, обнищавших, просящих поаяния людей, бродя-

жи в 1934 г. по германским дорогам, несмотря на самые суровые полицейские меры.

«Что это, опустившиеся бродяги, не желающие работать?» — спрашивает меморандум. И отвечает: «Отнюдь нет, среди этих людей, странствующих по дорогам Германии, находится чрезвычайно много молодых людей, отбывших год трудовой повинности и не сумевших все же, несмотря на все усилия, получить работу»¹.

Процент безработных среди несовершеннолетних правонарушителей по отдельным городам Германии в 1933 году составлял²:

Берлин	41,8%
Кельн	58,8%
Гамбург	36,6%
Франкфурт на Майне	40,7%
Дортмунд	43,5%
Эссен	35,0%
Бохум	33,3%

Выполняя социальный заказ буржуазии, ее теоретики тщательно скрывают подлинные классовые корни преступности и в том числе преступности несовершеннолетних. В этих целях они делают все для того, чтобы отвести внимание трудящихся масс от непримиримых противоречий капиталистического общества, объясняя преступность несовершеннолетних как неизбежное следствие их умственной отсталости, моральной дефективности, преступных наклонностей и т. п. Особенным цинизмом в этом отношении отличаются рассуждения фашистских «теоретиков». Чего стоит, например, следующее заявление, сделанное фашистом Ширах в Академии немецкого права: «Надо покончить с остатками марксистской идеологии, выражающейся в том, что молодой преступник рассматривается всегда как объект окружающей его среды. При этом забывается совершенно, что его сверстники выросли в такой же среде, но не сделались преступниками»³.

Еще дальше идут многочисленные фашистские евгенисты, расовые гигиенисты и другие представители фашистской «науки», которые, отбрасывая всякую необходимость заботы о несовершеннолетних правонарушителях, открыто призывают к их физическому уничтожению.

Так, Л. Фейхтенбейнер, делая клеветническое утверждение об умственной отсталости и неполноценности пролетарских детей, с исключительной наглостью заявляет: «Но когда-нибудь должен иссякнуть этот могучий поток неполноценности, который здесь открывается, там течет открыто у всех на глазах. Там, где он возникает, порождается и растет, он должен быть схвачен и навсегда уничтожен»⁴.

Но как бы ни изощрялись во лжи фашистские писаки, как бы ни клеветали они на пролетарскую молодежь, им не удастся обмануть

¹ «Правда», 13 мая 1935 г.

² Сборник по детской преступности в капиталистических странах, изд. Института уголовной политики, М. 1935 г., стр. 10.

³ С. Ю. 1935 г. № 3, стр. 20.

⁴ Сборник «Расовая теория на службе фашизма», 1935 г. Госмедиздат, стр. 65—66.

¹ Сборник по детской преступности в капиталистических странах, М. 1935 г., стр. 99.

² «Известия», 24 марта 1937 г.

трудящихся относительно настоящих корней детской преступности.

Трудящиеся массы хорошо знают, что детская преступность в буржуазных странах есть прямое порождение и неизбежный спутник непримиримых противоречий капиталистического общества. Они хорошо знают, что капитализм прокладывает свой кровавый путь, подвергая бешеной эксплуатации детский труд, беспощадно уродуя и калеча миллионы детских жизней.

Нечего и говорить, что в условиях капиталистического общества задача ликвидации детской преступности неосуществима, ибо сам капитализм является источником и питательной средой детской беспризорности, безнадзорности и преступности.

Трудящиеся капиталистического мира освободятся от этих тягчайших социальных бедствий лишь в результате пролетарской революции, блестящим доказательством и подтверждением чего является вся практика строительства социализма в Союзе ССР.

Только в нашей стране, где окончательно и навсегда ликвидированы нищета масс и безработица, где материальное благосостояние и непрерывный культурный рост трудящихся города и деревни обеспечены всем ходом социалистического, строительства, устранены коренные причины детской беспризорности, безнадзорности и преступности.

В Союзе ССР, где человек является «самым ценным и самым решающим капиталом» (Сталин), всенародная забота о детях призывает все законодательство и является одной из важнейших задач, стоящих перед государственными учреждениями и общественными организациями.

Сталинская Конституция — величайший итог борьбы и побед трудящихся СССР на всех фронтах социалистического строительства — обеспечивает всем детям и юношам нашей страны полную возможность получения образования, выбора квалификации, всестороннего применения своих сил и способностей.

В результате последовательного проведения в жизнь директив партии и правительства, отражающих всемерную заботу о детях, в нашей стране в основном ликвидирована детская беспризорность, достигнуты значительные улучшения в работе детских воспитательных учреждений, резко сократились детская безнадзорность и преступность. Снижение преступности несовершеннолетних может быть иллюстрировано следующими данными:

Если число осужденных по РСФСР в 1932 году принять за 100 процентов, то было осуждено в 1932 году — 81,8, в 1933 году — 82, в 1934 году — 60,2, в 1935 году — 42 и в 1936 году — 17 (по неполным данным за этот год).

Конечно, в области борьбы с детской преступностью, у нас до сих пор еще имеется целый ряд недостатков как в отношении расследования этой категории дел, так и в отношении организации судебного рассмотрения и реализации мер воздействия, применяемых к несовершеннолетним.

Однако, решительно вскрывая и устраняя эти недостатки, мы твердо и уверенно идем по пути окончательной ликвидации детской преступности — этого печального и тяжелого наследия капитализма. И нет никакого сомнения в том, что эта историческая задача, выполнение которой не может быть и речи в условиях капиталистических государств, будет в кратчайший срок успешно разрешена в нашей великой, цветущей стране социализма.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета

О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.

Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по рассмотрению дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях:

1. По делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде.

2. Кассационного обжалования по делам о

преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58⁷ УК РСФСР (вредительство) и 58⁹ УК РСФСР (диверсия) и соответствующими статьями других союзных республик — не допускать.

3. Приговоры о высшей мере наказания (расстреле) приводить в исполнение немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании.

Председатель ЦИК СССР М. Калинин

Секретарь ЦИК СССР А. Горкин

Москва, Кремль, 14 сентября 1937 г.

Обмен опытом

К вопросу экспертизы спорного отцовства¹

Экспертиза по вопросу спорного отцовства в Ленинграде стала проводиться с 1925 года, когда нарсуд обратился за помощью в отделение судебно-медицинской экспертизы Ленгорздрава.

Бывший зав. отделением судебно-медицинской экспертизы д-р Н. И. Ижевский собрал комиссию в составе проф. Корниловича, Надеждина, Рыбальченко и д-ра Барского, поручив им заняться проведением экспертизы. Комиссия выработала схему исследования, состоящую из 120 вопросов, включающих отделы дактилоскопии, словесного портрета Рейсса и группового анализа крови.

Помимо комиссии при Ленгорздраве экспертизой отцовства занялся б. зав. кафедрой судебной медицины Ленгидува проф. Н. Л. Поляков, который тоже выработал схему из 125 признаков.

На каких научных данных должна базироваться экспертиза отцовства? Базой является генетика — данные о наследственной передаче сходственных признаков. Что было известно до 1925 года по линии наследственной передачи сходственных признаков? Очень немногое, ибо учение о наследственности вообще молодая наука, а генетика человека находится лишь в периоде новорожденности. Жизнь заставила судебных медиков нашего Союза заниматься генетикой человека, и профессора Попов Н. В., Надеждин В. А., Поляков Н. Л. занялись этим вопросом в связи с экспертизой спорного отцовства. Проф. Попов Н. В. занялся изучением групповой реакции крови, а проф. Надеждин В. А. и Поляков Н. Л. — изучением морфологических признаков. Найдены ли какие-либо закономерности в передаче признаков по линии дактилоскопии, антропологии и группы крови? Да, найдены и изучаются. Было известно раньше (Гальтон, Фэрз, Сэнэт и др.) и подтверждено теперь (Сальков, Семеновский, Волоцкий, Матвеев, Боннэви, Нюренберг и др.), что дактилоскопические узоры передаются по родству от родителей детям, но до сих пор еще не установлены окончательно точные законы этой передачи. Много писалось о передаче по наследству цвета глаз, и этот вопрос имеет свое разрешение. Лишь за небольшим исключением могут быть отступления от общего правила в передаче цвета глаз, когда от голубоглазых родителей дети имеют карие глаза, а от кареглазых — голубые, но это бывает очень редко. Совершенно почти не была раньше изучена генетика уха, и лишь теперь намечилась возможность и в этом отделе признаков выявить некоторые интересные данные. Так, например, большой редкостью является такое положение, когда родители с от-

вислыми мочками имеют детей с приросшей мочкой; чтобы родители с выпуклым противокозелком имели детей с вогнутым противокозелком; чтобы родители с широким бордюром уха имели детей с узким или открытым бордюром. Но если наследственная передача морфологических признаков изучена еще слабо и изучение их находится сейчас только в стадии углубленного анализа и проверки, то этого нельзя сказать о генетике крови.

Изучением наследственных свойств крови занялось огромное большинство исследователей, в том числе и судебные медики. В настоящее время имеется большая литература по вопросу применения группы крови в связи с экспертизой спорного отцовства. Наследственная передача группы крови (OxP, AP, Bx, ABO), подгруппы (A₁, A₂, A₁B и A₂B), типовых факторов M, N настолько хорошо и детально изучены, что у нас имеется теперь полное право делать в некоторых случаях категорическое отрицательное заключение при экспертизе спорного отцовства, что такой-то гражданин «не является отцом». Итак, теперь мы можем в некоторых случаях категорически отрицать отцовство, но вот категорически утверждать об отцовстве у нас нет еще точных научных данных, и старое изречение римлян, что *Pater semper incertus* (отец всегда неизвестен) остается в силе до сих пор.

Доцент М. А. Бронникова привела в своей статье, напечатанной в журнале «Социалистическая законность» № 1 за 1937 г., таблицы по наследственной передаче группы крови. Нам сейчас точно известно, какую группу крови может иметь ребенок, при той или другой комбинации групп крови у родителей, и какой группы крови ребенок не может иметь.

До ноября 1936 года мы по техническим условиям не применяли при групповом анализе крови исследование факторов M, N.

В период с 1927 г. по 1932 год мы из 939 экспертиз спорного отцовства в 220 случаях дали предположительный отрицательный ответ «не мог быть отцом», базирясь в 16% случаев, главным образом, на несовместимости группы крови детей с группами крови предполагаемых родителей.

С ноября 1936 г. мы начали делать исследование крови с применением сыворотки анти-M и N. За период с 1 ноября 1936 г. по 1 мая с. г. нами проведено 196 экспертиз с учетом типовых факторов M. Все сыворотки Ленгорздрав покупает в Ленинградском институте по переливанию крови.

Из 196 случаев экспертиз мы, на основании современных данных об учении наследственных свойств групп крови и типовых факторов M, N, дали в 31 случае категорический отрицательный ответ, что «гр-н X не является отцом ребенка». При этом в 18 случаях имела место несовместимость группы крови детей с комбинацией групп предполагаемых родителей по основным группам (OxP, AP, Bx, ABO), в 11

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

случаях по типовым факторам крови М, N и в 2 случаях по обоим факторам.

В 128 случаях мы дали предположительный ответ, что «гр. X мог быть отцом» и в 37 случаях ответили, что «гр. X не мог быть отцом».

Таким образом, наш вывод бывает трех вариаций: одна категорическая — отрицательная и две условных, предположительных — «мог быть» или «не мог быть».

При этом, путем исследования только крови можно дать два ответа: «не является отцом» или «мог быть отцом». Известно, что работников юстиции удовлетворяет лишь категорический ответ, когда эксперт дает определенное заключение, и мало удовлетворяет, когда ответ дается не определенный — предположительный.

Проводя экспертизу спорного отцовства только путем анализа крови, суд относительно редко, в 16—20%, получает категорический отрицательный ответ, а чаще получает лишь предположительное мнение, «что гр. X мог быть отцом ребенка, но и всякий другой гражданин, имея такую же группу крови, может быть отцом данного ребенка». И такой ответ особенно затрудняет суд, когда на экспертизу является два—три или более предполагаемых отцов и когда случайно у них группа крови совпадает с группой крови ребенка, тогда вывод эксперта, что все экспертируемые мужчины могли быть отцами, конечно, является бесценным. Вот почему мы проводим эту экспертизу не только путем исследования крови, но учитываем и другие факторы. Мы проводим экспертизу комплексным методом. Этот метод включает: 1) кровь, 2) дактилоскопию, 3) ухо (бюрдюр, мочка, козелок, противокозелок, складка), 4) цвет глаз и верхнее веко, 5) нос, 6) губы, 7) подбородок, 8) форма лица, 9) дополнительные данные — сроки беременности, половая способность мужчин, уродства и пр. Правда, этот метод значительно сложнее в смысле технического производства экспертизы и не многие врачи им владеют, но при желании каждый судебный врач может быстро усвоить всю технику и особенности проведения экспертизы таким методом. Когда проводим исследование таким способом, то вывод получается более достоверный, более приближающийся к истине, ибо здесь учитывается не один, а несколько признаков. Экспертиза спорного отцовства по существу является решением задачи с одним неизвестным. Мать и ребенок известны, а отец неизвестен. Когда вы решаете задачу по крови теми методами и способами, которые существуют в настоящее время, то совпадение сходства крови с предполагаемым отцом может быть случайным, ибо тут учитывается всего лишь один признак. Но когда вы решаете эту задачу с большим количеством признаков, когда вы получаете сходство в крови, в части дактилоскопии, ушах, глазах, подбородке и т. д., когда сроки беременности совпадают с половой связью, когда «папаша» сомневается в своем отцовстве и т. д., то, естественно, что совпадение сходства в целом ряде признаков наводит на весьма правдивое умозаключение, что такой-то гр-н «мог быть отцом» такого-то ребенка. Возможно ли случайного совпадения ряда признаков с предполагаемым отцом в каждой нашей экспертизе мы считать, как правило, не можем. Ведь мать,

которая не отрицает принадлежности ей ребенка, точно также имеет сходство в ряде учитываемых нами признаков, а мать всегда известна. Было бы логическим абсурдом, если бы такие признаки сходства матери с ребенком считали случайностью, совпадением. Так как признаки исследуются у всех троих лиц — мать, ребенок и «отец» и оценка признаков делается одним и тем же способом для всех троих лиц, то элемент случайности совпадения должен быть редкостью, а не правилом. Вот почему мы, делая вывод о возможности отцовства при нашем исследовании комплексным методом, считаем, что мы значительно приближаемся к истине, нежели если бы мы заявляли о возможности отцовства только на основании анализа крови. Но можем ли мы пользоваться комплексным методом, делать категорические положительные выводы, что «гр. X является отцом». Нет, не имеем права; наука пока еще не дала нам точных бесспорных данных в этом отношении. Когда мы делаем вывод, что «гр. X не мог быть отцом»? В том случае, если исследование крови не позволяет нам категорически отрицать; когда дактилоскопия дает отрицательный результат; когда значительное большинство признаков не имеет сходства. Такой результат обычно бывает при экспертизе сразу двух «отцов», и комплексным методом более точно выявляется возможность положительного или отрицательного вывода, когда один гражданин имеет в ряде признаков сходства, а другой их не имеет.

Ввиду того, что наша экспертиза в большинстве случаев не имеет категорического ответа, то она вполне правильно не является обязательной для суда. Этим обстоятельством, по видимому, нужно объяснить небольшое обращение суда в экспертизу. Но был бы совершенно ошибочным такой взгляд, что наша экспертиза совершенно не имеет значения для суда. Мне думается, что если эксперт дает категорический отрицательный ответ на базе группового анализа крови, то суд также вывод эксперта должен принять как основной момент при решении своего постановления. Я вполне согласен с заключением М. А. Бродянской о том, что суд должен чаще обращаться в судебно-медицинскую экспертизу по вопросу спорного отцовства. Что касается Ленинградского суда, то я должен заявить, что он использует нашу экспертизу на все 100%. Но если Ленинград, Москва, Харьков, Киев, Саратов и некоторые другие города могут проводить эту экспертизу по анализу крови и другим признакам, то в относительно большей части нашего Союза эту экспертизу поручить каждому судебно-медицинскому эксперту пока, пожалуй, нельзя.

В этом отношении нужно провести определенные организационно-научного характера мероприятия. Нужно, во-первых, быть уверенным, что врач, делающий этот анализ крови, безусловно владеет методом исследования, знает хорошо его. Во-вторых, необходимо иметь определенную базу, откуда бы доставлялся предварительный безупречный материал для производства группового анализа крови, т. е. сыворотки. Такой базой может быть Институт судебной медицины НКЗ в Москве.

Если десять лет назад судебно-медицинские эксперты нашего Союза были почти бессильны

в вопросах экспертизы спорного отцовства, то теперь мы имеем относительно большой материал, овладели техникой проведения экспертиз, уверенно, в некоторых случаях категорически отрицаем отцовство, также уверенно делаем вывод о возможности отцовства.

А. Леонтьев

Права сторон в надзорном производстве¹

Надзорное производство по гражданским делам предусмотрено статьями 254-а, 254-б, 254-в, 254-г и 254-д ГПК. Ни в одной из этих статей нельзя усмотреть даже намек на то, чтобы заинтересованная сторона могла привести в надзорную инстанцию доводы, клонящиеся в ее пользу. Надзорное производство по гражданским делам может, разумеется, возникать вообще без инициативы той или другой стороны. Однако, практически обычно это бывает не так. Сторона, недовольная решением суда, приносит через прокуратуру жалобу в порядке надзора. Если доводы, приведенные в жалобе, кажутся органу прокурорского надзора убедительными, он истребует дело и, ознакомившись с ним, либо оставляет жалобу без последствий, либо приносит протест в вышестоящую судебную инстанцию в установленном порядке. Разумеется, орган надзора не связан доводами жалоб заинтересованной стороны, но нередко практически протест основывается на тех указаниях, которые сделаны в жалобе, по данной недовольной стороной.

Противная сторона, довольная решением суда, не знает ни о подаче жалобы в порядке надзора, ни о судьбе, постигшей эту жалобу, ни о содержании протеста прокурора, — она узнает только конечный результат, если решение суда опротестовывается и протест этой вышестоящей судебной инстанцией полностью или частично удовлетворяется.

Таким образом, кроме кассационного производства, в котором сторона все же может участвовать, существует надзорное производство, в котором обе стороны никакого участия не принимают. Однако, последствием этого надзорного производства может быть полное перерешение дела. В ст. 254-б ГПК указывается, что в результате надзорного производства решение по делу может быть отменено с передачей на новое рассмотрение; дело может быть производством прекращено; может быть оставлено в силе одно из нескольких противоречивых решений, имеющихся по делу; решение может быть изменено и, наконец, может быть вынесено совершенно новое решение.

Таким образом, надзорная инстанция, рассматривающая дело без участия сторон, имеет все права и первой и кассационной инстанций. Заинтересованные же стороны вообще никаких прав не имеют.

Такое положение вещей вряд ли можно признать нормальным с точки зрения охраны имущественных прав граждан и с точки зрения последовательного соблюдения процессуальных прав стороны в процессе.

Если мы обратимся к надзорному производству по уголовным делам, то мы здесь увидим совершенно аналогичную картину. Надзорное производство по уголовным делам предусмотрено статьями 427—430 УПК. Однако, здесь права судебной инстанции, рассматривающей дело в надзорном порядке, не столь широки; но во всяком случае заинтересованная сторона — т. е. осужденный или оправданный по делу — ничего не знает ни о протесте прокурора, ни о дальнейшей судьбе своего дела до тех пор, пока дело в надзорном порядке не будет закончено. Да и в том случае сплошь и рядом заинтересованная сторона узнает об этом тогда, когда получает извещение о вызове в суд для нового рассмотрения дела.

Это создает ряд неудобств, скажем, такого порядка: оправданный подсудимый, не зная, что по его делу подан протест, может уехать навсегда из места своего постоянного жительства, так как после оправдательного приговора суда всякая ранее принятая мера пресечения должна считаться отмененной. То же самое может сделать приговоренный, допустим, к штрафу, уплативший этот штраф.

Необходимо признать, что и в производстве по уголовным делам полная неосведомленность подсудимого о том, что его дело не закончено производством, и полная невозможность возражать против протеста, даже если случайно ему о таковом станет известно, вряд ли соответствуют тем принципам суда, судопроизводства и охраны интересов каждой отдельной личности, которые заложены в Сталинской Конституции.

В силу изложенного нам казалось бы, что в Гражданско-процессуальный кодекс и в Уголовно-процессуальный кодекс Союза ССР в порядок надзорного производства должны быть внесены некоторые изменения сравнительно с существующим порядком.

Рассмотрим сначала общие принципы надзорного производства для обоих процессов.

Первым из них следует признать следующий: с того момента, когда жалоба стороны по гражданскому или уголовному делу, поданная в прокуратуру в порядке надзора, увенчалась успехом, все заинтересованные в этом лица и учреждения должны быть об этом осведомлены и им должна быть сообщена копия протеста.

Второе. Каждой из заинтересованных в деле сторон должно быть предоставлено право представить в ту инстанцию, куда направлен протест, свои объяснения и возражения по поводу поданного протеста.

Нам представляется правильным, что с того момента, когда жалоба в порядке надзора повлекла за собой протест прокуратуры или этот протест принесен по собственной инициативе прокурорского надзора, заинтересованные лица должны об этом узнать. Совершенно недопустимо, чтобы за спиной у гражданина и совершенно неведомо для него созревала какая-то опасность его личной свободе или имущественным правам, а он об этом даже не подозревал бы.

С другой стороны, поскольку участие заинтересованных лиц в надзорном производстве исключено, нельзя лишить этих лиц возможности: во-первых, узнать, какая именно опасность им угрожает и на чем эта опасность

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

базируется и, во-вторых, представить свои соображения, опровергающие или ослабляющие доводы протеста.

Совершенно непонятно, почему судьи, рассматривающие дело в надзорной инстанции, могут, прочтя доводы только одной стороны, выносить свое постановление. В дальнейшем следовало бы урезать чересчур большие полномочия надзорной инстанции по гражданским делам, приравняв их, примерно, к полномочиям надзорных инстанций по делам уголовным.

В конечном счете это должно свестись к тому, что надзорной инстанции не должно быть предоставлено больше прав, чем имеет кассационная инстанция.

Совершенно нелогично предоставление надзорной инстанции права выносить новое решение исключительно на основании письменных материалов дела, так как в конце концов это есть посягательство на гласность и устность процесса.

Существует возражение против надзорного производства вообще, сводящееся к тому, что надзорное производство является по существу третьей инстанцией. В этом есть доля истины, но совершенно отказаться от надзорного производства, разумеется, невозможно. Пересмотр дел в порядке надзора должен быть практически ограничен теми случаями, которые имеют принципиальное или исключительно важное значение. Но сохранением этого порядка производства нельзя оставлять заинтересованные стороны в том бесправном положении, в котором они находятся сейчас, лишенные возможности как бы то ни было реагировать на недобросовестность со стороны подавшего жалобу в порядке надзора или на невнимательность прокурорского надзора, приносящего протест на основании недосмотра, ошибки или явно неправильного представления о существе дела.

А. Кирзнер

Установление симуляции преступления¹

В № 5 «Социалистической законности» под вышеуказанным названием помещена статья т. Кривицкого. Бесспорно, что установление симуляции преступления составляет известную трудность и требует от органов расследования знания техники и тактики раскрытия преступлений.

Но совершенно неправильно подходить в данных случаях прежде всего с узко психологической точки зрения, как это делает т. Кривицкий. Общеизвестно, что каждый человек имеет свою особенность; некоторые, даже в довольно трудных условиях, при довольно веских уликах, сохраняют спокойствие и выдержку и логично стараются отвести от себя обвинение; другие, и не обвиняемые, путаются, допускают неточности и т. д. Здесь дело должно заключаться в оценке показаний с учетом объективных данных по делу.

Говоря об установлении симуляции преступления, надо прежде всего сказать, что здесь никакого иного рецепта, как кроме общих

требований, предъявляемых при расследовании, «прописать» нельзя. Следовательно обязать исследовать всесторонние обстоятельства по делу, проверить показания участвующих лиц, установить и т. д. и сделать заключение, действительно ли имело место преступление, или данное случае — симуляция.

Правда, в отдельных случаях симуляции прямо из заявления «потерпевшего» возникают довольно реальные сомнения в действительности события, о котором идет речь, но это не значит, что «психологический момент» должен играть решающую роль.

Итак, первое требование, которое надо предъявить при установлении симуляции, это выполнение всех тех действий, которые вытекают из характера события (действительного или искусственно созданного, будет видно потом).

Проиллюстрируем примером. Часа в 3—4 утра, зимою в больницу был доставлен комсомолец с огнестрельным ранением икры левой ноги; ранение сквозное. Потерпевший показал, что он, возвращаясь часов в 12 ночи с собрания и идя лесом, подвергся нападению бандитов. Потерпевший указал, что возвращаясь он с двумя комсомольцами, от коих немного отстал, и в этот момент навстречу ему, из леса вышли двое неизвестных, вооруженные обрезам и револьверами. Один вышел прямо к нему, а второй остался стоять сбоку дороги. Бандиты скомандовали ему «руки вверх», одновременно последовал сбоку выстрел и упал. Нападавшими ничего не было взято, о мотивах нападения потерпевший высказал предположение, что оно возможно за его комсомольскую работу. В районе оперировала банда, и нападение не исключалось. Потерпевший подробно обрисовал дорогу и места, где событие произошло.

Ночь была ясная, морозная. Снегопада не было. Естественно, вытекала необходимость немедленно выехать на место. Быстро было найдено место, где сходил с дороги потерпевший, но сколько ни искали, не могли найти других следов по обочинам дороги. Присутствие иных, кроме потерпевшего, лиц в этом месте исключалось.

Тут уже возникло сомнение в действительности события, т. е. возник вопрос о симуляции.

Допрошенные спутники комсомольца твердо утверждали только оставание его и выстрел, но ни крика, ни вообще голосов как в момент совместного движения, так и после не подтвердили; после выстрела криков о помощи тоже не было. Вернувшись в район, осмотрев валежник, который был на ноге, и с южной стороны по ходу нашли пороховое оплывание вокруг входного отверстия. Экспертиза это подтвердила. Ясно, что был «самострел». Легко удалось установить и мотив: происхождение из кулацкой семьи и желая заработать «авто-ритет», этот «комсомолец» сам в себя стрелял, выбрав наиболее безопасное для здоровья и жизни место — икру ноги.

Что позволило установить симуляцию? Соблюдение требований о расследовании подобных преступлений, именно — немедленный выезд на место и тщательный осмотр его. Можно сказать: надо было сразу осмотреть обувь, но обувь-то не пропадет, а вот на месте про-

¹ В порядке обсуждения.

щества, если сразу туда не выехать, картина может измениться.

Прав, конечно, т. Кривицкий в том, что симулянт создает искусственную обстановку преступления, но на то и следователь, чтобы разоблачить эти преступные махинации. Бесспорно, что симулянт не может все предусмотреть и обязательно в цепи фактов события у него будет разрыв или противоречия.

Как мы выше указывали, установление симуляции — это правильное с точки зрения техники и тактики расследование.

Вот еще пример симуляции. Придя в 9 часов утра на работу, заведующий складом «Тортына» К., открыв склад, обнаружил пропавшего сахара, круп, муки и других продуктов, о чем и сделал заявление угрозыску. Осмотром места происшествия никаких следов взлома обнаружено не было: замки и пломбы были целы и исправны. К. выдвинул версию, что под замки были подобраны ключи, а к пломбам — ломбир. Снятие натурных остатков установило недостачу около двух тонн сахара, затем несколько мешков муки, крупы и т. д.

Склад охранялся круглосуточно, сторожа были на месте и проверялись. Находился склад на оживленной, одной из центральных, улице города. Вывезти со склада три тонны груза и не быть никем не замеченным, даже сторожами, личности коих были проверены, вызвало большое сомнение. Но сомнение еще не улика. Заявление о краже последовало как раз накануне инвентаризации. Работники склада указали, что расположение товара (мешков) в утро заявления о краже сказалось измененным. Но количество похищенного также вызвало сомнение. Учет по складу сортовой. Если была симуляция, то она должна что-то преследовать. Нужно было это установить. Решили обратиться к движению товаров по первичным документам, так как по сумме расходований с заявлением К. не было. Прделали большую работу, выводя результаты на каждый день, и установили мошеннические операции с переоценками муки, на чем К. «заработал» около 300 рублей золотом, которые и извлек сахаром. Но, боясь быть разоблаченным при сортовом учете, К. и сделал ложное заявление о краже сахара, так как суммарно наличие товара совпадало с книжным остатком.

Таким образом, по данному делу для установления симуляции пришлось проделать значительную ревизионную работу.

Перечисление фактов симуляции можно было бы продолжить, но можно ограничиться и приведенными и, как вывод, отметить: для установления симуляции преступления надо тщательно исследовать все обстоятельства по делу, основываясь исключительно на учете о технике и тактике расследования преступлений.

Мих. Виноградов

* * *

В статье т. Кривицкого имеется ряд неправильных положений как с точки зрения техники расследования, так и с точки зрения уголовного процесса.

Прежде чем перейти к рассмотрению основ-

ных ошибок т. Кривицкого, необходимо, на мой взгляд, сделать ряд замечаний общего порядка. Тов. Кривицкий, приводя пример с гр. П., смешивает два совершенно различных по своей квалификации преступления: грабеж и кражу. Если это грабеж, как об этом говорил заявитель П., то, следовательно, он происходил на глазах у П. и его жены. Здесь поэтому должна быть намечена одна тактика допроса П. и его жены. Если же была кража, т. е. действия, совершенные тайно от гр. П., то здесь требуется уже другая, тактика допроса.

В статье т. Кривицкого указано: «Стало ясным, что ночью вор-домушник похитил мешок муки». А, затем: «П., будучи арестован, на следующий день в симуляции ограбления сознался». Следовательно, ясности, столь необходимой нам, в этих случаях нет.

Дальше т. Кривицкий не договаривает. Когда он говорит, что гр. П. сознался в симуляции, то не мешало бы указать в статье, выдал ли он следователю 8000 руб. и как дело прошло в суде, ибо мы знаем случаи, когда, видя отсутствие прямых доказательств обвинения, обвиняемые очень часто отказываются от своих показаний. Эти неясности в статье т. Кривицкого не дают возможности глубже подойти к анализу его ошибочных положений.

Тов. Кривицкий, на основе обобщения ряда индивидуальных особенностей преступников, независимо от того, совершают ли они одинаковые или разные по своему характеру преступления, пытается выделить таких преступников в особую группу «симулянтов», в отношении которых следователь должен заранее определить линию своего поведения.

Проследим, как т. Кривицкий разрешает этот вопрос. Установив, что существует особая группа симулянтов, т. Кривицкий определяет симулянтов по следующим «трафаретным» признакам: «Фантазер, самоуверен, словоохотлив, настойчив, почти всегда развязен, рассказ логичен, последователен. А отсюда вывод, — говорит т. Кривицкий, — что там, где следователь встречается с комплексом признаков, указанных выше и характеризующих личность допрашиваемого, уместно в лице такого типа заподозрить преступника-симулянта».

Во-первых, наша криминалистика не знает такого типа преступников, со свойственными им индивидуальными особенностями. Такое определение типа преступников означает разнородность ломброзианства. Разница только заключается в том, что у сторонников антропологической школы преступники имеют определенные физические признаки (длинные уши, узкий лоб, выдающиеся челюсти), а у т. Кривицкого преступники обладают определенными «индивидуальными особенностями» психологического порядка.

Мы знаем, что симуляция преступления в нашей практике встречается, особенно по делам ограбления и убийства, но это почти закон, что преступник, симулируя преступление, действует непродуманно и неумело, если, конечно, этому преступнику противопоставить опытного следователя. Неумело преступник действует потому, что он не в состоянии придать обстановке ту естественность, которая придается ей в результате совершения преступления при естественном ходе событий. Например,

убийца, желая симулировать самоубийство, вкладывает в правую руку убитого револьвер (оставляя, между прочим, губительные для себя отпечатки пальцев на металлических частях оружия), тогда как в большинстве случаев или почти во всех случаях самоубийцы оружие роняют.

Поэтому, с точки зрения техники расследования, необходимо начинать не с впечатления, которое на вас производит заявитель, а с объективного осмотра места происшествия, трупа. Надо начинать с обыска там, где это требуется ходом осмотра, и т. д.

В самом деле, что получится если следователь, встретив в лице допрашиваемого такого типа (?) с «комплексом признаков», заподозрит его в симуляции преступления. Следователь может на основании ст. 145 УПК арестовать заподозренного. А какие к этому основания? Только внешнее впечатление? А не лучше ли сначала осмотреть место происшествия, произвести обыск и на основании объективных данных искать подозреваемого? Нам кажется, что так лучше.

Не случайно, что т. Кривицкий запутался и своего типа преступника-симулянта свел на нет.

«Рассказ подкупает своим умелым построением, — говорит Кривицкий о симулянте, — тщательная распланировка действий, продуманная, подтасовка фактов, почти правильная расстановка предметов, рисующая естественную связь между сопутствующими обстоятельствами».

Посмотрим, оказался ли гр. П. на высоте своего положения. То, что натворил П., это довольно нелогичная, довольно непродуманная и даже глупая симуляция. Какой преступник, обладающий такими качествами, как логичность, последовательность и т. д., станет рассказывать о краже у него 8000 руб. казенных денег при такой глупой обстановке, какая была создана П. Он даже не сообразил, что вор не станет любовно складывать вещи обратно в сундук, к тому же лисью шубу. Он даже не позаботился разбросать вещи! Как же можно после этого утверждать, что П. «умело построил свой рассказ, умело подтасовал факты и правильно расставил предметы?».

Но П. оказался вовсе не настоящим, как об этом пишет т. Кривицкий при определении «типа симулянта». Он легко уступил и создался в симуляции. Но тут, мне кажется, следователь допустил одну ошибку. То, что П. сознался, это хорошо. Но плохо будет, если он откажется в суде от своих показаний. Суд тогда должен будет строить свой приговор на основании шатких ули, вроде того, что «раз вор не взял лисью шубу, а польстился на такой громоздкий объект, как мешок муки, то значит он в сундук и не заглядывал».

Следователь должен был произвести тщательный осмотр замка и, может быть, даже предъявить его специалисту. Затем произвести тщательный обыск для обнаружения орудия взлома и денег. Принять возможные меры к розыску вора, если кража муки действительно имела место. В общем сделать все необходимое, что должно объективно подтвердить обвинение.

Тов. Кривицкий неправильно считает, что «решающую роль в обнаружении симуляции

сыграли индивидуальные особенности самого преступника». Объективные данные сыграли решающую роль в обнаружении симуляции: осмотр места происшествия и отсутствие логики в действиях обвиняемого.

Тов. Кривицкий ошибочно думает, что симулянта преступления следует искать в том впечатлении, какое он производит на следователя своим внешним поведением. Следователь должен быть беспристрастным, критичным, но не односторонним и не подходить к расследованию с предвзятостью, а т. Кривицкий, может быть сам этого не замечая, толкает начинающего следователя на путь необъективного отношения к делу. Что такая опасность необъективного отношения к делу вытекает из концепции т. Кривицкого и имеется в практике, можно видеть из следующего дела о краже продуктов из магазина. 6 октября 1936 г. в пресне, примерно в 4 часа, в дежурную часть II отделения милиции явился милиционер с мешком, набитым продуктами. Милиционер объяснил, что этот мешок бросил шедший ему навстречу неизвестный в белом халате, а сам убежал. По дороге гр. этот сбросил халат и скрылся. Через некоторое время милиционер явился зав. магазином № 5 Красной Пресненского райпищеторга С. и заявил, что ночью на 6 октября неизвестными лицами была совершена кража из магазина на крупную сумму. Предъявленные халат и продукты он признал как принадлежащие магазину.

Заявление заведующего С. вызвало сомнение у работников милиции. Было высказано подозрение, что С., зная о недостатке, симулировал кражу. Подозрение может быть, с точки зрения бдительности следователя, правильное. Но плохо, когда подозрение, основанное только на чутье, переходит в убеждение.

Командированный на место происшествия сотрудник милиции составил такой поспешный протокол (считаю важным привести его дословно с сохранением стиля):

«Осмотром обнаружено: магазин помещается на улице Красная Пресня дом 37/34. Окна выходящие на улицу Красная Пресня и Б. Трехгорный пер. двери магазина парадная и черной ход, замки не повреждены. От угла второй рамы с Б. Трехгорного пер. было разбито стекло и злоумышленник вошел в магазин до закрытия спрятался в магазине совершил кражу продуктов изнутри разбил рамы стекло и вылез в окно — с продуктами. Проходя по улице Заморенного злоумышленник заметил на дальнем расстоянии проходившего в это время постового милиционера 3-го Гордивизиона Гонцова, бросил мешок с продуктами, бросился бежать и скрылся. Мешок с продуктами был доставлен в II отд. милиции до прихода завмага, о чем составлен настоящий акт в присутствии понятых».

Осмотр, как это зафиксировано в протоколе, длился всего 30 минут. 30 минут достаточно только для того, чтобы создать такой безграмотный документ, заранее обрекающий на провал следствие.

Но корень такого пренебрежительного отношения работников милиции к осмотру кроется именно в том, что они пошли дальше подражаний, на основании (кто его знает) может быть, такого же «комплекса признаков», о котором говорит т. Кривицкий.

Все следствие пошло по неправильному пути. С. и заместители были привлечены к уголовной ответственности на том основании, что по показаниям свидетелей такого количества товаров, как на 7800 руб., не могли вытащить через окно (после снятия остатков было установлено, что недостает товаров на 7800 руб.). В обвинительном заключении сказано: «выходом на место работником II-го отд. милиции было установлено, что стекло было разбито изнутри магазина, т. к. большинство осколков стекла было на троттуаре». Суд, конечно, дело вернул на доследование.

Если бы работники милиции не находились под давлением этого подозрения, они бы:

1. Тщательно, в присутствии специалиста осмотрели окно, магазин, подсобные помещения, улицу и т. д. (Ведь это было на рассвете.). Осмотрели бы внимательно осколки стекла, постарались бы установить, нет ли на осколках отпечатка пальцев!

2. Выяснили бы, каких именно товаров недостает.

3. В зависимости от результатов сделали бы следственный эксперимент, например: можно ли через разбитое стекло протаскать ящик с вином или мешок с сахаром, ящик с папиросами.

4. Проверили бы акт снятия остатков при последнем учете до кражи и движение товаров за этот период. (Может быть, остатки были искусственно увеличены, чтобы скрыть имеющуюся недостачу).

Результат возможно был бы совершенно иной. Такие факты отрицательного влияния на расследование предвзятости и необъективности нередко происходят в результате всякого рода психологических догадок, подобных догадкам т. Кривицкого.

Вот почему с «теорией» т. Кривицкого, мне кажется, согласиться нельзя.

Сапожников

О состоянии судебной экспертизы¹

Вопросам, касающимся улучшения нашего следственного аппарата и повышения качества самого следствия, Прокуратура Союза ССР придавала большое значение и предъявила жесткие требования о соблюдении материальных и процессуальных норм при проведении предварительного следствия по делам, находящимся в производстве нашего следственного аппарата.

Наряду с требованиями повышения качества предварительного следствия уместно поставить вопрос о повышении ответственности за качество работы подсобных органов, к помощи которых в своей повседневной работе прибегают следственные органы по делам, связанным с производством научных экспертиз, ибо повышение качества предварительного следствия по отдельным категориям дел (связанных с экспертизой) во многом зависит от качества работы эксперта, от четкости данного им заключения на поставленные следователем вопросы.

Само собой разумеется, что следователь при производстве предварительного следствия по

делу не связан заключением эксперта. Он может взять под сомнение правильность данного ему заключения, не согласиться с таковым при наличии определенных к тому данных и назначить новую (повторную) экспертизу. Но для того, чтобы не согласиться с тем или иным заключением эксперта, следователь несомненно должен уметь разобраться в обоснованности этого заключения, для чего он сам должен иметь достаточные знания в области проводимой экспертизы, необходимые для правильного и четкого разрешения вопросов, вытекающих из представленного ему заключения, и дать критическую оценку.

Нечего скрывать то обстоятельство, что значительное количество наших следователей, по причине своей низкой квалификации, не могут разобраться не только в заключении эксперта, но даже не умеют изложить перед экспертами вопросы, на которые последние должны дать ответы. Обычно вопросы ставятся эксперту «по-семейному», т. е. следователь вызывает эксперта к себе в камеру, вручает ему дело и предлагает дать заключение по «интересующим» его, следователя, обстоятельствам. Причем, эти вопросы, как правило, письменно не излагаются.

Не имея достаточных (хотя бы элементарных) познаний в области экспертизы, наши следователи весьма часто всецело полагаются на заключение эксперта и дальнейшее следствие ведут исключительно в сторону собирания доказательств, устанавливающих, т. е. подтверждающих заключение эксперта, забыв иногда о необходимости объективного исследования всех обстоятельств дела как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого.

В результате односторонне проведенного по делу следствия, в разрезе подтверждения заключения эксперта, дело, если не получает правильное направление, то в лучшем случае оно принимает волокитный характер, возвращается на доследование и пр. вследствие (иногда) явно нелепого заключения, данного по делу экспертом.

Предварительное следствие у нас все еще отстает, но не меньше отстает и работа институтов судебной экспертизы и, в частности, судебно-медицинской.

Мы уже указали, что иногда заключение эксперта имеет для дела не только существенное, но и решающее значение, поэтому вполне естественно, что это заключение должно быть ясным, четким, обоснованным не только на сведениях, имеющихся в деле, но оно должно быть и научно обосновано. Заключение эксперта, таким образом, не может быть двойственным или половинчатым, оставляющим за собой неясности или вызывающим сомнения в смысле категоричности утверждения результатов экспертизы.

Насколько плохо обстоит у нас дело в области судебных экспертиз, мы увидим из следующих примеров:

1) По делу о выяснении причин смерти врач, производивший осмотр трупа, дал следующее заключение:

«гр-н Ш. Д. повесился самолично вследствие неурожая на его земле».

Нет надобности комментировать всю нелепость этого заключения о причинах смерти, данного врачом «специалистом». Достаточно

¹ В порядке обсуждения. Редакция.

указать, что оно свидетельствует об абсолютной общей медицинской, а тем более политической безграмотности врача.

2) Врач Л. при осмотре трупа утонувшего дал заключение:

«На основании данных осмотра трупа гр-на К. прихожу к заключению, что смерть наступила вследствие длительного действия низкой температуры на поверхности всего тела, нарастающая сердечная слабость и наконец остановка сердечной деятельности».

Общезвестно, что при наступлении смерти температура организма снижается, сердечная слабость нарастает и деятельность прекращается, но к сожалению, на главный вопрос, решающий дело по существу, т. е. была ли смерть насильственной или естественной — врач ответа не дал. Таким образом, эта экспертиза относится к дефектным не только из-за отсутствия указаний на причины смерти, но и из-за безграмотности изложения заключения.

3) При исследовании случая утопления врач А. дал следующее заключение:

«Принимая во внимание гусиную кожу, грязь под ногтями — считаю, что смерть наступила от утопления. Ввиду того, что признаков насилия на трупе не обнаружено, этот случай был как самоутопление».

Таким образом, получается, что при осмотре трупа достаточно установить наличие гусиной кожи и грязи под ногтями, чтобы утверждать о наличии утопления, а для определения самоутопления достаточно отсутствия на трупе признаков насилия.

Само собой разумеется, что подобное определение причин смерти не выдерживает никакой критики и противоречит здравой логике, т. к. грязь под ногтями может быть не только у утопленников, а отсутствие признаков насилия ни в какой степени не дает оснований утверждать о «самоутоплении».

4) Врач Т. при осмотре трупа дал следующее заключение:

«На основании наружного осмотра трупа, смерть наступила от внутренней причины».

5) Врач Н... при осмотре трупа гр-на Е. дал следующее заключение:

«Специальное вскрытие желудка показало: наполнение его содержимым, запах которого вполне соответствовал водочному запаху. Ввиду чего прихожу к такому заключению, что гр-н Е. умер от того, что перепился водкой, желудок его был весь изменен и неспособен к выполнению функций, а наряду с этим и другие органы быстро пришли в негодность из-за чего и наступила смерть».

Означенное заключение свидетельствует об общей медицинской безграмотности и отсутствии представления о порядке изложения заключений.

Приведенных фактов вполне достаточно для суждения о состоянии и качестве работы судебно-медицинской экспертизы.

Попутно с этим обратимся к вопросу о качестве работы наших институтов научно-судебной экспертизы, в частности Одесского.

Следует иметь в виду, что в этих институтах имеются все возможности для хорошей постановки работы.

Приведем отдельные факты, свидетельствующие о неудовлетворительности работы Одесского института:

1) По требованию нарследователя Ленинской райпрокуратуры была произведена графическая экспертиза (наст. реестр института № 7008). Заведующий секцией института Е. дал заключение следующего содержания:

«Есть определенные данные в пользу допущения того обстоятельства, что подписи «К...» на подорожном листе № 268 выполнил гр-н Кучук. Более категорического заключения дать нельзя».

2) По другому делу (реестр № 7005) тот же эксперт дал заключение:

«... есть данные для предположения о том, что подписи получателя накладных выполнены не гр-н Ц..., а кто-то другой... более категорического заключения дать нельзя».

3) По делу о подделке рацпредложения (реестр 6996) сказано:

«Есть основания полагать, что подпись Я... на подлиннике рацпредложения также является подложной и выполнена тем же лицом, что и подпись на «копии», однако категорически утверждать это нельзя».

4) По делу об убийстве гр-на Г... (реестр № 6860) экспертиза дала следующее заключение:

«Не исключается возможность, что волосы обнаруженные в руке убитого, принадлежат Б. или К., однако эта возможность мало вероятна».

5) По делу установления принадлежности подписей получателей счета (реестр № 6831) указано:

«... не исключается возможность подделки со стороны гр-на К.».

Приведенные факты характеризуют работу института научно-судебной экспертизы с отрицательной стороны, так как даваемые произведенным экспертизой заключения страдают отсутствием категоричности утверждения результатов исследования, половинчатостью, неясностью и двусмысленностью, которые по существу не помогают следователям разобраться в делах, связанных с необходимостью производства научной экспертизы, осложняют следствие и создают неясности.

Наконец, приведем весьма характерный факт: когда следователь пытался переложить на институт научно-судебной экспертизы свои собственные функции.

На одном из заводов г. Кирова 14 апреля с. г. был обнаружен повесившийся гр-н С. Произведенным наружным осмотром, а затем вскрытием трупа судебно-медицинским экспертом было установлено, что смерть последовала от асфиксии, обусловленной самоповешением.

Таким образом, из заключения врача со все очевидностью явствовало, что в данном конкретном случае отсутствуют признаки насильственной смерти и что мы имеем дело с самоубийством (самоповешение).

Народный следователь, не имея оснований усомниться в правильности заключения врача о причинах смерти, совершенно правильно решил установить причины, толкнувшие гр-на С. на самоубийство, но... на основе ему одному (следователю) ведомых соображений он пришел к выводу, что выяснение и установление причин, побудивших гр-на С. на самоубийство, не относится к компетенции следователя, и направил все следственное производ...

ство в институт НСЭ с предложением установить причины самоубийства гр-на С. Совершенно очевидно, что этот факт свидетельствует об отсутствии у следователя представления о задачах и функциях института НСЭ, как равно о незнании функций, относящихся к компетенции следователя.

Приведенные выше данные свидетельствуют о явном неблагополучии в области экспертизы и требуют принятия срочных мер к улучшению этой работы.

Учитывая, что аналогичное положение является повсеместным, нам представляется совершенно необходимым:

1) Просить Прокурора Союза ССР поставить перед соответствующими органами вопрос о необходимости переподготовки наличных кадров судебно-медицинских экспертов и плановой подготовки новых кадров путем создания отдельных медицинских институтах специальных кафедр судебной медицины, направляя окончивших студентов в распоряжение главных (областных, краевых, республиканских) судебно-медицинских инспекторов для использования их по специальности, обеспечив тем самым качество работы области судебной медицины.

2) Обратить внимание соответствующих органов, в частности НКЮ СССР, на неудовлетворительную работу институтов научно-судебной экспертизы, дающих совершенно неудовлетворительные, а подчас неправильные заключения (неясность выводов, отсутствие категоричности результатов, половинчатое двусмысленное заключение и т. д.) по произведенным по предложению следственных органов экспертизам, обеспечив в будущем высокое качество исследовательской работы.

Имея в виду, что работа этих институтов производится без участия широких масс следственно-прокурорских и судебных работников, могущих в значительной степени оживить работу институтов (входящих в систему Прокуратуры Союза и НКЮ) и обогатить последние своей богатой практикой, необходимо разработать положение о вовлечении практических работников следствия, прокуратуры и суда в работу институтов.

3) Методическому совету Прокуратуры Союза ССР и следственному отделу при разработке учебных планов по проведению краткосрочных семинаров и учебных конференций по повышению квалификации следователей и прокуроров включить специальный раздел с расчетом глубокого ознакомления слушателей со всеми видами судебных экспертиз, разработав одновременно методическое письмо о порядке и технике назначения экспертиз по отдельным видам преступлений.

Кроме того, необходимо пересмотреть учебные программы наших правовых институтов и юридических школ с стороны более углубленного изучения дисциплин, связанных с производством различного рода экспертиз, а также вопросов, вытекающих из криминалистики, связанных с применением научных методов расследования преступлений, так как выкладки очень слабо (если не совсем) ориентированы в этих важных вопросах.

4) Следует признать целесообразным для контингента недостаточно квалифицированных следователей направление им копий постанов-

ления о назначении экспертизы в следственные отделы областных прокуратур, если не для предварительного согласования необходимости производства экспертизы и поставленных перед экспертом вопросов, то, во всяком случае, для изучения и дачи надлежащих указаний следователю об изменении, дополнении поставленных перед экспертом вопросов и т. д.

Крониг

О качестве работы судов и судебных исполнителей по делам обобществленного хозяйства

Воспитание к дисциплине — одна из основных задач, стоящих перед советским судом. Однако к выполнению этой задачи суд сможет приступить тогда, когда сам суд в глазах обращающихся к нему граждан и учреждений будет образцом дисциплинированности и порядка. К сожалению этого еще нельзя сказать в отношении многих судебных учреждений.

Взять хотя бы работу народных судов по делам обобществленного хозяйства. Правда, до сего времени к ведению народных судов (с соблюдением всех процессуальных форм) отнесены только мелкие иски госучреждений (до 1000 руб.), тогда как иски на большую сумму разрешаются органами Госарбитража. Возможно, что это и служит поводом для некоторого пренебрежительного отношения со стороны нарсудов к делам между организациями обобществленного хозяйства. Однако, является фактом и то, что госучреждения, вынужденные согласно установленной подсудности, обращаться с исками до 1000 руб. в народные суды, очень часто долго не могут добиться разрешения своих споров. Всякий юриконсульт, которому приходится направлять искивые заявления в индородные суды, знает, сколько нужно потратить сил, чернил и бумаги, чтобы добиться присылки копии решения, исполнительного листа или просто ответа о положении дела.

Весьма любопытно, что по большей части с внешней стороны дело обстоит таким образом, что обвинить суд в затяжке разрешения дела нельзя. Как правило, суды стараются уложиться в установленные для них сроки рассмотрения дел. Но дальнейшее их уже мало интересует. И вот госорган — истец, предъявивший иск, тщательно добывается от суда высылки копии решения, исполнительного листа или хотя бы уведомления о том, чем дело кончилось. Запросы остаются без ответа.

Автор настоящей заметки, юриконсульт, получил в июле 1936 г. из бухгалтерии своего учреждения материалы по дебиторской задолженности для предъявления исков. В одно и то же время часть исковых заявлений была направлена в органы государственного и ведомственного арбитража и другая часть в индородные народные суды. По истечении 2 месяцев все дела, направленные в арбитраж, были полностью закончены, т. е. вынесены и присланы решения, получены приказы и деньги. Совершенно другая картина с делами, направленными в народные суды. По некоторым

до сих пор нет повесток. По другим, хотя и были получены повестки, но этим дело не ограничилось: ни решений, ни ответов на запросы не было получено.

Вот на выдержку несколько примеров:

1) В мае отослано исковое заявление по делу с заводом Комсомолец (Казань) о взыскании 287 руб. По сообщению Главсуда Татарской АССР исковое заявление было передано для рассмотрения в народный суд Ленинского района г. Казани. На запросы народный суд молчит. Ни повестки, ни решения не прислано по декабрь включительно.

2) В июне отослано исковое заявление по делу с Хобатовским крахмальным заводом (с. Хобатово Воронежской области) о взыскании 792 руб. 34 коп. Имеется подтверждение почты о том, что пакет с иском заявлением выдан по назначению под расписку секретаря суда. Имеется копия распоряжения зам. предобсуда на имя народного суда Хобатовского района ускорить рассмотрение дела и выслать решение. До сего времени из народного суда не прислано ни повестки, ни решения.

3) 19 июня 1936 г. отослано исковое заявление в народный суд г. Актюбинска по делу с Северо-Казакской стройкомторгой о 244 руб. 79 коп. До сего времени не получено ни повестки о назначении дела к слушанию, ни решения.

4) 17 августа 1935 г. отослано исковое заявление в народный суд г. Майкопа по делу с Майкопским мебельным комбинатом о 756 руб. Первый запрос сделан 19 декабря 1935 г. Ответа не получено. 26 марта 1936 г. сообщено Азово-черноморскому краевому суду. Ответа нет, 17 мая 1936 г. вторично — в краевой суд, копия — в народный суд. Ответа нет. И только после обращения к уполномоченному Комиссии советского контроля по Азово-Черноморскому краю получена 11 декабря 1936 г. копия постановления народного суда об отказе в иске. Решение по существу неправильно, однако, кассационная жалоба не принесена в виду явной нецелесообразности ставить вопрос о пересмотре решения по делу, касающемуся взыскания пени и неустойки по договору, спустя полтора года после возбуждения иска.

Волокита народных судов с ответами на запросы обращающихся к ним госорганов до сих пор носит массовый характер. Если какой-нибудь народный суд сразу отвечает, то это воспринимается всегда с некоторым удивлением и такие случаи запоминаются. Неплохо наладила работу, например, народный суд Московского района Ленинграда, практику которого можно было бы рекомендовать другим судам. Направленное исковое заявление, отосланное из Москвы 27 ноября, народный суд назначает к слушанию на 14 декабря. После того как решение вступило в законную силу народный суд сам, не дожидаясь особого заявления, направляет исполнительный лист непосредственно судебному исполнителю и одновременно посылает извещение об этом истцу, для чего выработаны особые бланки со следующим содержанием:

«Народный суд Московского района (Ленинград, Советский пер., 11) сообщает, что исполнительный лист за №... нами отослан судеб-

ному исполнителю... района... для взыскания с ответчика... Рб. и судебных издержек Рб. в Вашу пользу. Ссылайтесь на №... судебного исполнителя...».

Судебный исполнитель при народном суде Советского района г. Ленинграда также в волокитит и взысканные деньги перечисляет через финансовую часть народного суда и т. д.

Практика народного суда Советского района г. Ленинграда показывает, что достаточно вести несколько небольших организационных мероприятий, чтобы не было места для недовольства и жалоб со стороны клиентуры.

Выше мы касались по преимуществу работы народных судов по обслуживанию обобществленного хозяйства. Но еще больше недостатков в работе судебных исполнителей.

Совершенно пассивно ведут себя судебные исполнители по части взысканий с госорганов по исполнительным документам на сумму не свыше 500 руб. на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 7 мая 1935 г. «О возможности обращать взыскания по исполнительным документам на сумму не свыше 500 руб. на банковские счета организаций обобществленного сектора».

В большинстве случаев участие судебного исполнителя выражается в механической пересылке исполнительного листа в банк. Таким образом, создается только лишняя передаточная инстанция и проволочка.

В течение ряда месяцев один государственный орган не мог получить деньги с другого по приказу Госарбитража по причине отсутствия средств на расчетном счете должника и в результате затребовал приказ из банка и передал судебному исполнителю для обращения взыскания на имущество. Что делает судебный исполнитель? Направляет приказ в банк, откуда приказ вернулся. Банк возвращает приказ с указанием, что на счете должника попрежнему средств нет. Судебный исполнитель выжидает несколько дней и опять направляет приказ в банк. В итоге дело движется, а судебный исполнитель только пишет препроводительные и отмечает по входящему и исходящему.

17 сентября 1935 г. Закавказской краевой канторой Госбанка была наложена исполнительная надпись на взыскание с Грузинского га 8685 руб. и исполнительная надпись передана судебному исполнителю района имени Орджоникидзе в г. Тбилиси. В течение госорганизация-кредитор безуспешно обращалась с запросами и жалобами к судебному исполнителю, в народный суд, в прокуратуру. Извещивая еще какой-нибудь способ добиться получения сведений о положении дела, кредитор написал в ноябре письмо лично управляющему Закавказской краевой канторой Госбанка с просьбой оказать содействие в получении ответа от судебного исполнителя района имени Орджоникидзе г. Тбилиси. Через 5 дней пришел исчерпывающий ответ из Закавказской канторы Госбанка, которая затребовала письменные объяснения от судебного исполнителя. Таким образом, только путем обращения в Закавказскую кантору Госбанка и нажима последней удалось добиться от судебного исполнителя сведений о причинах задержки взыскания. Автору настоящей заметки

приходилось и по другим делам несколько раз посылать запросы судебному исполнителю района имени Орджоникидзе в г. Тбилиси и ни разу непосредственно от судебного исполнителя ответа получить не удалось.

Если кредитор и должник — госорганы, плохая работа судебных исполнителей еще победы. Несравненно хуже, когда судебный исполнитель также механически и безинициативно работает по взысканию по исполнительным листам с должников — частных лиц — в пользу госорганов. Такие отношения к делу нельзя охарактеризовать иначе, как пособничество расхищению социалистической собственности и, конечно, ни в какой мере не может быть оправдано. Вот несколько примеров такого возмутительно спокойного отношения судебных исполнителей по приведению в исполнение разрешенных в пользу госорганов дел о взыскании с частных граждан:

1) 29 июля 1935 г. был сдан судебному исполнителю Октябрьского района г. Москвы исполнительный лист на взыскание с Кольцова И. И. 500 руб. 17 марта 1936 г. после ряда запросов судебный исполнитель 12 уч. Октябрьского района т. Шубина уведомляет о том, что: 1) ответчика заработок 600 руб., 2) что исполнительный лист отослан 8 декабря 1935 г. по месту работы ответчика, что описано имущество Кольцова на 110 руб. Проходит еще полгода и в связи с поданной жалобой на медленность взыскания в сентябре 1936 г. от судебного исполнителя за подписью той же Шубиной поступает объяснение о том, что исполнительного листа на взыскание с Кольцова в производстве нет, что «узнать, где находится исполнительный лист на гр-на Кольцова не представляется возможным, так как основной (?) судебный исполнитель был уволен, а поэтому, ввиду того что исполнительный лист нигде не значится, нужно обратиться в народный суд, запросить дубликат исполнительного листа, сдать в производство и в срочном порядке будет выполнено». 15 октября 1936 г. судебному исполнителю т. Шубиной был сдан дубликат исполнительного листа, а 19 декабря дубликат исполнительного листа получен обратно взыскателем с лаконической надписью: «Возвращаю без исполнения согласно справки домоуправления о непроживании ответчика. Имущество все увезено на Дальний Восток».

2) С 1934 г. не удается реализовать исполнительный лист на взыскание 720 руб. с гр-на Шеймана. Сперва исполнительный лист был послан в Тбилиси, но пока судебный исполнитель собирался приступить к взысканию (тоже в этом случае пришлось посылать дубликат исполнительного листа), ответчик выехал в Москву. С 16 мая 1936 г. исполнительный лист находится в народном суде Ленинского района г. Москвы и переходит от одного судебного исполнителя к другому. В настоящее время лист находится у судебного исполнителя т. Второвой. За два с лишним года не взыскано ни одного рубля.

3) 4 апреля 1935 г. был сдан судебному исполнителю Ленинского района г. Москвы т. Архаровой исполнительный лист на взыскание с Жигунова 484 руб. Этот Жигунов работает управляющим дома № 20 по Варварке. Судебный исполнитель т. Архарова отослал

исполнительный лист по адресу «Варварка, 20», и в результате лист попал в руки самого должника. Повидимому у последнего нет желания с самого себя взыскивать, и вот в течение одного года и 8 месяцев дело это на мертвой точке. На запросы и жалобы один ответ: «Исполнительный лист передан по месту работы ответчика — домоуправлению дома № 20 по ул. Разина». Не помогло обращение к инструктору судебных исполнителей г. Москвы при Мосгорсуде.

4) С 11 декабря 1933 г. находится у того же судебного исполнителя Ленинского района г. Москвы т. Архаровой исполнительный лист на взыскание с Медведева И. И. 536 руб. После ряда обращений, лишних и письменных, к самому судебному исполнителю, к старшему народному судье Ленинского района, в прокуратуру, удалось получить ответ от инструктора судебных исполнителей при Московском городском суде от 28 ноября 1936 г. № 816-с-ж о том, что исполнительный лист 25 сентября 1936 г. направлен по месту работы ответчика заводу Шарикоподшипник № 1. Однако уже прошло 3 месяца, но ни одного рубля пока не получено.

5) 7 апреля 1935 г. народным судом Краснопресненского района было присуждено с гр-на Федотова 2107 руб. в покрытие растраты, и 5 мая 1935 г. исполнительный лист сдан судебному исполнителю Архаровой. Несмотря на то, что у Федотова было описано имущество на всю сумму долга, в течение целого года судебный исполнитель не взыскал ни одного рубля, ссылаясь на всякие объективные причины: «Еще ничего не продано за отсутствием магазина» (14 октября 1935 г.), «имущество не вывезено ввиду болезни Федотовой» (20 ноября 1935 г.) и так далее и тому подобное. Тем временем гр-ка Федотова (жена осужденного за растрату) добила исключения большинства вещей из описи и до настоящего времени, т. е. почти за 2 года, удалось получить только 500 руб. и то только путем невероятных усилий: несколько посещений судебного исполнителя, жалобы в народный суд, городской суд и проч.

6) В июне 1934 г. были отосланы два исполнительных листа судебному исполнителю первого электротехнического участка Сталинского района на взыскание с гр-на Балабанова 1351 руб. 85 коп. За 2½ года судебному исполнителю удалось взыскать с ответчика только 327 руб. 55 коп. Письмом от 26 апреля 1935 г. за № 490 судебный исполнитель электротехнического участка уведомил о том, что взыскание остатка задолженности 1024 руб. 03 коп. задерживается по той причине, что «ответчик пока без работы». Так с апреля 1935 г. это дело без движения, причем судебный исполнитель ни на запросы не отвечает, ни исполнительный лист не возвращает. Не помогло обращение к старшему народному судье Сталинского района (в июле 1936 г.) и в Мосгорсуд (в ноябре 1936 г.).

7) 14 мая 1935 г. народный суд Краснопресненского района присудил с гр-на Демьяненко 1120 руб. В момент суда гр-н Демьяненко проживал по Нижней ул., д. 7/9, кв. 29 и лично присутствовал при разборе его дела в суде. 27 мая 1935 г. исполнительный лист был сдан судебному исполнителю Краснопресненского

района т. Юдиной. Только в июле т. Юдина собралась проверить имущественное положение Демьяненко и со слов жильцов квартиры составила акт о том, что якобы Демьяненко без работы и имущества не имеет, после чего вернула исполнительный лист взимателью. Тем временем Демьяненко из дома № 7/9 выбыл, и все попытки выяснить его местопребывание до сего времени не дали положительных результатов.

Таких примеров отвратительной работы судебных исполнителей можно было бы привести сколько угодно. И в большинстве случаев все это «сходит совершенно безнаказанно, так как к сожалению борьба с волокитой чаще проводится на бумаге, чем на деле. Кроме ущерба государственному карману, от этой плохой работы больше всего терпят юриконсульты и главные бухгалтера (начальники финансовых частей) госучреждений, которые вынуждены терять много ценного времени на хождение и переписку с целью добиться какого-нибудь толку или хотя бы ответа о положении дела

Мои предложения сводятся к следующему:

1) Должно быть издано распоряжение НКЮ или Верховного Суда Союза о том, что суды и судебные исполнители не имеют права оставлять без ответа ни одного обращенного к ним запроса и что недача ответа на запросы будет рассматриваться как серьезный поступок, влекущий наложение взыскания.

2) Издать распоряжение о том, что в исковых заявлениях по делам обобщественного сектора должны указываться, кроме адресов сторон, также местонахождение и номера их расчетных счетов.

Целесообразно обязать суды направлять исполнительные листы на сумму свыше 500 руб. непосредственно в банк, а до 500 руб. непосредственно судебному исполнителю с одновременной посылкой уведомления организации истцу. Это позволит избежать «встречные перевозки», когда исполнительный лист пересылается например с Дальнего Востока в Москву и сейчас же обратно, на Дальний Восток.

Нужно обязать суды, в случае отказа в иске полностью или в части, немедленно высылать организации-истцу копию решения.

3) Необходимо активизировать роль судебных исполнителей по делам о взысканиях в пользу госорганов, с тем чтобы в обязанности судебных исполнителей входило не только «исполнение» в узком смысле слова, т. е. обращение взыскания только на те объекты, которые ему указаны организацией-кредитором, но и выяснение, по своей инициативе, всех возможных путей и способов взыскания, без особых указаний, требований и напоминаний.

Работа судебных исполнителей должна быть построена таким образом, чтобы исполнитель был непосредственно ответственен за доведение до конца взыскания по поступившему к нему исполнительному документу (исполнительный лист, приказ Госарбитража, исполнительная надпись и проч.).

Б. Сипиц.

Об уголовной ответственности истцов и ответчиков за заведомо ложные показания

Гр. Е. Кякшт (Ленинград) обратился к Прокурору Союза ССР тов. Вышинскому со следующим письмом по вопросу об уголовной ответственности истцов и ответчиков за дачу заведомо ложных показаний по гражданским делам в суде:

«Ожидая в суде разбирательства дела, которому я был вызван случайным свидетелем, я с негодованием убедился в том, что истец и ответчик, воскрешая судебские нравы, описанные Диккенсом и Сухово-Кобылиным, могут безнаказанно давать суду ложные показания. Если одному из них удастся доказать ложность заявления своего противника, то суд довольствуется установлением истинности, но не привлекает солгавшего к уголовной ответственности. На прямой вопрос, который я после этого ставил четырем разным юристам в четырех разных юридических консультациях, — значит истец и ответчик имеют право безнаказанно врать суду — я получил уклончивые ответы, что они мол «не должны искажать истину», но что «поскольку каждая тяжущийся заинтересован в выигрыше дела, естественно может освещать вопрос с выгодной для него точки зрения».

В моем сознании не укладывается мысль, что в советском суде может выиграть не тот, кто убежден в правоте своего дела и честно говорит суду правду, а тот, кто лучше лжет, врет, или — как выразился один из крючкотворов в консультации — «кто сможет представить дело наиболее правдоподобно».

... Я хочу получить на мой прямой вопрос прямой, большевистский ответ: Имеет кто-либо право безнаказанно давать советскому суду ложные показания или нет?

... И не мне следовало ставить этот вопрос нашим судьям. Я случайно столкнулся с ними и возмущился. Они же встречаются с ложью в суде десятки раз на день и все-таки спокойны.

Отвечая мне здесь, Вы укажете и им, всякий солгавший Советскому суду, должен тут же привлекаться за это к уголовной ответственности и не его противником — может быть незнакомым с тонкостями судопроизводства, не случайным посетителем суда, а самим судьей.

Конкретно, я предлагаю изложить ст. 95 Уголовного кодекса в такой редакции: «Заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти или иным, имеющим право возбуждать уголовное преследование должностным лицом равно заведомо ложные показания, даваемые свидетелем, экспертом, переводчиком, истцом, ответчиком, обвиняемым, юристом и прочими лицами, опрашиваемыми при производстве дознания, следствия или судебного разбирательства по делу, — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до 3 лет» и т. д.

Мера наказания за дачу ложных показаний определяется судьями, немедленно вслед за установлением факта дачи ложного показания.

Полагаю, что такая постановка вопроса, которую без сомнения поддержит каждый честный гражданин, раз навсегда отобьет у судьи охоту дискредитировать советский суд разными изворотами и недостойными увертками.

Е. Кякшт».

Вопрос, поставленный в письме г-р. Кякшт представляет безусловный интерес и должен получить ясный ответ.

Прежде всего, надо иметь в виду, что требование правдивости перед судом всех участвующих в нем лиц является требованием здоровым, законным и вытекающим из правознания общества высшей культуры.

Перед судом, ставшим подлинно народным, стороны и другие участвующие в деле лица доказывают правдиво не только, вернее не столько, потому, что боятся кары за ложь, нечестность, обман, сколько вследствие повышения все более и более сознательности и понимания своего долга, желания быть честным гражданином своей социалистической страны, помогающим вести борьбу с нарушениями революционной законности. Не случайно, ведь, именно сейчас самые «отъявленные» рецидивисты являются с повинной, не желают больше скрываться от государства, совершать преступления, хотя бы правдивыми перед своим государством, хотя бы жить честной трудовой жизнью. Не случайно также и то, что задача правдивых и честных показаний обвиняемых и сторон (по гражданским делам) в наших судах — явление обычное в то время как, например, в фашистской Германии, бесстыдно-демагогически провозгласившей и выдающей за свои многие основные принципы нашего гражданского процесса, пришлось прибегнуть к установлению уголовной ответственности за неправдивость или умолчание сторон в гражданском суде (см. об этом «Соц. законность» № 3 за 1937 г. стр. 97).

Наш уголовный кодекс не предусматривает уголовной ответственности за ложные показания истцов и ответчиков перед судом. И в этом нет никакой необходимости. Нельзя забывать, что истец и ответчик являются лицами, заинтересованными в исходе дела. Поэтому многие показания их, объективно представляющие из себя неправдоподобный и живой показательственный материал, субъективно самой стороне кажутся правдивыми, соответствующими истине. Нередко такая сторона со своими претензиями и показаниями доходит до высших органов правосудия, настойчиво доказывая одно и то же, будучи при этом убеждена, что ее показания абсолютно правильны. Очень часто бывает весьма трудно определить, когда сторона дает суду явно ложные показания и когда она сама заблуждается.

Известно, что и многие свидетели, давая показания, бессознательно лгут, искажают факты. Поэтому закон (ст. 95 УК) устанавливает уголовную ответственность их лишь при условии сознательной, заведомой лжести их показаний.

Следует ли из сказанного, что истцы и ответчики вольны безнаказанно лгать на суде. Нет, конечно! Такое мнение является довольно распространенным, и в практике судов редко можно встретить случай привлечения ист-

ца или ответчика к уголовной ответственности за заведомо ложное и преступно-нечестное псевдение их в суде. С ростом правосознания масс борьба с этим явлением становится актуально необходимой; трудящиеся уже не терпят подобных поступков и требуют наказания за это; и они правы, тем более, что закон наш предусматривает в определенных случаях уголовную ответственность сторон за их преступное поведение в суде. И точно также, как за последние годы увеличилось количество случаев требования привлечения к ответственности за клевету и другие преступления, порочащие имя и честь гражданина, встал также вопрос о том, что и в гражданском суде нельзя безнаказанно порочить гражданина.

Считая за мелочь дела частного обвинения, многие суды и прокуроры до сих пор еще оставляют безнаказанными даже лиц, которые в своих заявлениях возводят заведомо ложные обвинения в серьезных преступлениях на тех или иных граждан, а особенно на должностных лиц. По поводу заявлений таких людей, которых необходимо было бы привлекать к уголовной ответственности пост. 91 УК, ограничиваются обычно тем, что пишут: «факты, изложенные в заявлении такого то, не подтвердились», и на этом успокаиваются.

Вот против этого-то все чаще и чаще справедливо протестуют граждане, на которых возводились ложные обвинения в указанных заявлениях.

С недооценкой подобных преступлений, совершаемых в суде или вне суда, надо покончить. Вот в чем задача, а не в том, чтобы расширить круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за заведомо ложные показания, истцами и ответчиками по гражданским делам.

Ответственность истцов и ответчиков за заведомую ложь, клевету, обман с целью получить личную выгоду (мошенничество), подлог и т. п. определяется соответствующими статьями уголовных кодексов союзных республик на общем основании (напр. по ст.ст. 95, 120, 161, 187 и др. УК РСФСР).

Ответственность истцов и ответчиков (являющихся лицами, заинтересованными в исходе дела) за заведомо ложные показания на суде не может трактоваться так же, как и ответственность свидетелей, экспертов, переводчиков. Об этом уже сказано выше. Но отсюда не следует, что во всех указанных случаях стороны в гражданском процессе остаются безнаказанными.

Возьмем пример: гражданка А. в своем заявлении о взыскании алиментов указывает на то, что отец ребенка, гражданин В., в течение 5 лет злостно уклоняется от платежа алиментов и не признает себя отцом ребенка. Она просит суд взыскать с г-р. В. алименты. Суд, проверив все доказательства по делу, приходит к выводу, что истица, заведомо зная, что отцом ребенка является другой, предъявила в корыстных целях указанный выше иск к гражданину Б. На этом основании суд в иске отказывает. Но ответчик справедливо возражает против действий суда. И он прав. Так как действия истицы представляли собой не только неосновательное возбуждение гражданского иска, но и заведомо ложный донос судебной власти о преступлении дру-

гого лица, да притом еще с корыстной целью. Это преступление истицы, предусмотренное частью II ст. 95 УК РСФСР, не могло и не должно было остаться безнаказанным.

Точно также безнаказанным не должна оставаться сторона в гражданском процессе, представляющая суду подложные документы. Ст. 151 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР говорит об этом следующее: «в случае, если суд придет к убеждению в подложности документа, он уstraняет его из числа доказательств и возбуждает дело в уголовном порядке».

Нередко в гражданском процессе бывает весьма трудно выявить преступные действия сторон, облакаемые ими в ту или иную легальную форму. Тщательное выявление действительных отношений сторон, являющееся основной задачей нашего суда согласно ст. 5 Гражданско-процессуального кодекса, дает возможность вскрывать преступления сторон, «безбоязненно» обращающихся со своими незаконными претензиями в гражданский суд.

Так, например, бывший директор Одесского сахарного завода Зозуля, по распоряжению Главсахара получивший от завода больше года назад 1400 рублей (дополнительную зарплату к основной, получаемой по новому месту работы в Киргизии), в 1936 г. предъявил в нарсуд г. Москвы иск к Главсахару на ту же самую сумму, воспользовавшись тем, что новое руководство Одесского завода выдало ему неправильную справку о том, что эта сумма им (бывшим директором завода) не получена.

Нарсуд, не разобравшись в деле как следует, удовлетворил иск, несмотря на возражения Главсахара. И только спустя полгода получивший уже эти деньги истец с санкцией Прокуратуры СССР был привлечен к уголовной ответственности за мошенничество.

В другом деле истец Ремов, член РЖСКТ (в г. Москве), предъявивший в нарсуд иск о выселении из его комнаты гр-на Вдовенко, скрыл от суда суть дела и добился решения нарсуда в свою пользу. При проверке дела по поручению Прокуратуры СССР оказалось следующее: мать ответчика Вдовенко купила у истца Ремова его комнату, но стороны «оформили» эту сделку путем заключения фиктивного брака. Ремов долгое время отказывался перевести пай на имя своей «жены» Вдовенко, требуя от нее еще денег сверх тех трех с половиной тысяч, которые он получил уже, выдав расписку. На суде при рассмотрении иска Ремова к Вдовенко о выселении фигурировала эта расписка, тем не менее суд признал ответчицу женой Ремова и вынес решение выселить сына Вдовенко из комнаты (как постороннего супруга ее человека), а Ремова вселить к своей «жене».

Само собой понятно, что за подобную ложь перед судом и преступное злоупотребление своими гражданскими (материальными и процессуальными) правами стороны подлежат уголовной ответственности. Поэтому Прокуратурой г. Москвы по предложению Прокуратуры СССР было возбуждено против обоих сторон уголовное преследование.

О пробеле, требующем заполнения

Нельзя не согласиться с авторами одной из последних статей по вопросу о порядке активирования количественной недостачи товаров (В. Ланда и К. Граве, «Больше бдительности к вопросам недостачи», «Арбитраж», 1936 г. № 18, стр. 8—10), заявляющими, что «в действующем законодательстве по вопросу о недостачах — зияющий пробел». Действительно, если вопрос о порядке активирования качественной недостачи в адрес грузополучателя товаров разрешен инструкцией Госарбитража при СНК СССР от 2 января 1935 г., то вопрос о порядке активирования количественной недостачи и порядке регламентации при недостачах остается до сих пор открытым.

Между тем этот вопрос сплошь и рядом является достаточно сложным: взять, например, порядок определения такого товара, как кожполуфабрикаты, обмер которых должен производиться с помощью специальных приборов (футомер, планометр) и сведениями лицами, целый ряд вопросов неизбежно возникает при определении состояния упаковки прибывшего товара, что необходимо для определения места хищения товара (склад поставщика, железная дорога и т. д.).

Необходимо признать, что отсутствие регламентации порядка активирования количественной недостачи товара безусловно затрудняет раскрытие ряда хищений: односторонний акт опспоренный поставщиком товара, приводит к прекращению дела в целом, и при этом в большинстве случаев и к прекращению розыска виновных в хищении товара лиц. К тому же приводит и отсутствие указаний в актах о состоянии тары и упаковки, так как определить в таких случаях виновность конкретных работников отправителя или получателя, или работников транспортных организаций представляется зачастую затруднительным или просто невозможным.

С другой стороны, нельзя не отметить, что отсутствие регламентации порядка активирования недостачи неизбежно приводит к ненужным искам и спорам, к загромождению судебных и арбитражных органов многочисленными делами, которые при наличии твердых правил порядка активирования недостачи в целом ряде случаев вовсе не имели бы места, так как при соблюдении установленных законом правил акты в одних случаях являлись бы бесспорным доказательством недостачи и ее размеров и возмещение убытков происходило бы в добровольном порядке; при нарушении же основных правил эти акты, наоборот, не являлись бы основанием для предъявления претензий и передачи спора в суд или арбитраж. В настоящее время, при отсутствии регламентации этого вопроса и при разном по существу разрешении этих споров судебными и арбитражными органами, по сути трудно и винить стороны в обращении для разрешения спора в суд или арбитраж. Действительно, хозяйственник или юрист-хозяйственник, зная, что в ряде случаев односторонние акты судами признаются имеющими доказательную силу, ограничиваются такими актами, предъявляют на них претензии и обращаются с исками в судебные органы.

Т.

Вызывает наибольшее количество споров вопрос о составе производящих проверку количества товара лиц. Является ли односторонним и вследствие этого недоказательным акт, составленный с участием представителя рабочего контроля, члена ФЗК, члена горсовета (из работников предприятия, получившего товар и обнаружившего его недостаток)?

Достаточно ли участие представителя «третьей, незаинтересованной организации» и нет ли оснований к точному определению, какой именно организации? Нет ли оснований требовать в более сложных случаях участия представителя госэкспертизы, а в случаях, явно указывающих на наличие хищения, и представителей следственных органов?

Необходимо издать такую инструкцию о порядке активирования недостачи товара, которая бы в основном решала все спорные вопросы, установила сроки и порядок предъявления рекламаций, обеспечила обязательность розыска виновных в хищениях лиц.

Окиншевич.

Еще о протоколах судебных заседаний

Тов. Лукьянович («Социалистическая законность» № 3 за 1937 г.) по вопросу о ведении протоколов судебных заседаний указывает, что как бы ни был квалифицирован секретарь, он не сможет в судебном заседании полностью оформить протокол, а ограничится только лишь кратким содержанием его, оправдывая этим самым практику перепечатывания протоколов на машинке.

Я считаю точку зрения т. Лукьяновича неверной, ибо в протоколе обязательно записывать дословно показания обвиняемого и свидетелей, — нужно уловить основную мысль, которую необходимо записать в протоколе. Перепечатывание протокола — это иррациональное использование рабочего времени секретаря; при этом порядке на одно дело затрачивается вдвое больше времени, что может быть проведено в жизнь в тех судах, где слушается 4—5 дел в месяц и с немногочисленными свидетелями.

Оформляя протокол на 2—3 день при самой наилучшей памяти, не всегда все можно вспомнить, а одно забытое слово иногда меняет смысл целой фразы, и правильнее не полагаться на память, а точно записывать смысл фраз, высказываемых в судебном заседании. Как правило, председательствующий в советательной комнате должен иметь протокол судебного заседания, не надеясь на свою память, а из записок секретаря для председательствующего не всегда все будет понятно.

На страницах нашего журнала уже не один раз обсуждался вопрос о том, чтобы в судебном заседании свидетели и эксперты подписывали свои показания, а если стать на путь оформления протокола через 2—3 дня, или печатания его, надо лишать возможности свидетелей и экспертов подписывать свои показания в судебном заседании.

Я работаю в органах юстиции свыше 5 лет, а секретарем около 4 лет, квалифицированным секретарем себя назвать не могу, так как я неподвиженка, но протоколы по уголовным де-

лам заканчиваю всегда в судебном заседании и за мою работу имела два замечания на протокол и то потому, что неправильно выразила мысль дающего показания.

Вообще я работаю секретарем районного суда, и могут сказать, что у нас сложных дел нет, но я очень много раз секретарствовала на выездных заседаниях областного суда, на процессах в продолжении нескольких дней и протоколы оформляла в судебном заседании и считаю, что любой секретарь при желании это может сделать.

Я прошу, чтобы все секретари судебных заседаний районных и областных судов на страницах нашего журнала высказали свое мнение по этому поводу.

М. Седлецкая

Секретарь нарсуда с. Б—Биски, Одесск. обл.

За точное исполнение Конституции СССР

(к вопросу о выборе народных судов)

Сталинская Конституция Союза ССР, утвержденная Чрезвычайным VIII съездом советов, по-новому решает вопрос о выборе народных судов.

Ст. 109 Конституции Союза говорит: «Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года».

«Народный суд» в общепринятом понимании означает состав народного суда: Народный судья и народные заседатели.

По ст. 23 Уголовно-процессуального кодекса под словом «судья» разумеются как народные судьи, так и народные заседатели... «Сопоставление всех статей Конституции, трактующих о судах, со статьей 112 Конституции ясно указывает на то, что «народные суды» нами понимаются правильно.

Если это так, а мы убеждены, что это именно так, — то следует признать, что выборы как постоянных народных судей, так и постоянно сменяемых народных заседателей для участия в заседаниях народного суда должны происходить по единому правилу, изложенному в цитированной уже 109 ст. Сталинской Конституции.

В подтверждение правильности нашей точки зрения мы в этом случае сошлемся на т. Крыленко. Он 3 мая текущего года в «Правде», говоря о том, что согласно ст. 103 Конституции «Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей кроме и т. д.», продолжает так: «Эти заседатели избираются тем же порядком, что и народные судьи, т. е. гражданами района на основе всеобщих, прямых и равных выборов при тайном голосовании. Так Сталинская Конституция утверждает принципы социалистической демократии в суде»...

В этом утверждении содержится одна неправомерность. В порядке ст. 109 Конституции Союза ССР подлежит избранию, наряду с постоянными народными судьями, только тот контингент народных заседателей, который предназначен для участия в заседаниях народного суда. Что же касается народных заседа-

телей для всех остальных судов, то они подлежат избранию таким же порядком, как и суды, для участия в заседаниях которых они предназначены.

Заканчивая статью в «Правде», т. Крыленко пишет: «... Наши народные заседатели являются представителями трудящихся масс и полноправно участвуют в разрешении судебных дел наравне с народными судьями.

Нам предстоит выбрать около 6 миллионов народных заседателей. Уже одна эта цифра говорит о значительности работы, которую придется проделать»...

Прочитав все, что касается избрания народных заседателей и оценку значения этого института т. Крыленко, можно было бы не сомневаться в том, что вопрос о порядке выборов народных заседателей для народных судов не подвергнется ревизии со стороны... т. Крыленко.

Но несмотря на то, что дело касается основного закона нашей страны — т. Крыленко пытается внести в него некоторые «поправки». Они в части суда сводятся к проектированию установления различного порядка выборов.

Как и в «Правде» от 8 мая текущего года, так и на третьей странице «Советской юстиции» № 9 за 1937 г. говорится, что «Эти заседатели подлежат избранию тем же порядком, что и народные судьи и т. д.».

А вот, что мы читаем на пятой странице того же журнала: «При будущих выборах, как мы уже сказали, нам придется выбрать около 6 млн. народных заседателей. Как это должно быть проведено технически? Конечно, при выборе народных заседателей не может быть того же порядка, что при выборах народных судей.» Как так? Ведь «Эти заседатели подлежат избранию тем же порядком, что и народные судьи!»... А это совсем не то, что пишет т. Крыленко, говоря: «в отличие от выборов судей выборы народных заседателей будут по всей вероятности проводиться единым общим списком, причем каждому должно быть предоставлено право отвода любого из указанных в списке». Выходит, что выборы народных заседателей будут происходить не тем же, а совсем иным порядком. В чем же дело? Откуда такая путаница?

Если давит количество подлежащих избранию 6 млн. народных заседателей, что предполагает большую работу, — то это не аргумент, который бы можно было принять в расчет. Трудности надо преодолевать, а не возводить извекон, его не преидеши. «Значит, надо работать, а не хныкать» (Сталин). Избирательная техника, якобы, сложна, тоже не довод, тем более, что избирательная мысль уже приходит на помощь в этом именно отношении.

Предложение т. Крыленко («то, что мы сказали, в огромной степени, однако, еще лишь проект». — Крыленко, «Советская юстиция» 1937 г.) сводится к ревизии 109 ст. Конституции Союза ССР. Полноправные судьи, народные заседатели должны избираться таким же порядком, как и постоянные судьи. Это мудрое требование Конституции настолько очевидно, что пояснять его излишне — оно должно быть неукоснительно выполняемо.

«Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти

дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития». Так повелевает ст. 1 Конституции. Это требование обязательно только для граждан, но еще в большей степени и в первую очередь для руководящих должностных лиц и, в частности, для Наркома Юстиции Союза ССР.

По сути дела предложение т. Крыленко сводится к сужению судебной демократии, установленной Конституцией.

Ленин учил: «Демократия вообще не знает классовой борьбы, а делает ее лишь знательной, свободной, открытой. Но это довод против демократии. Это довод за последовательное развитие до конца» (Ленин т. XXX, стр. 195). Это еще один довод против предложения т. Крыленко.

Гражданин

Воспоминания о работе в органах прокуратуры

Вернувшись в 1920 г. из Красной армии, вступил в ленинский комсомол. Поскольку окончил только сельскую школу, мне пришлось серьезно задуматься над повышением своего культурного уровня. В 1921 году я был командирован в Первый воронежский коммунистический университет, по окончании которого в начале 1922 г., я был выделен на Первые воронежские 4-месячные юридические курсы.

При прохождении курса я был прикреплен на практику к народному суду 4 участка г. Воронежа.

Конец моей учебы совпал с периодом обучения подготовляемых к выпуску кодексов и организацией советской прокуратуры.

Вскоре после назначения первого губпрокурора я был послан им нарследователем 1 участка Калачевского уезда.

В то время в уезде следователь пользовался всеми правами прокурора и осуществлял надзор за органами дознания. Первая трудность, которую я встретил, — это была моя общая малограмотность, неумение последовательно и логично изложить показания свидетелей и обвиняемых, неумение глубоко вникнуть в суть вопроса. Поэтому я подчас заканчивал следствие поверхностно, с большими ошибками, доходившими порой до курьезов. Сомнительные и недостаточно обоснованные доказательства принимал за чистую монету, загромождал себя маловажными делами в ущерб важным. В течение 8 лет — вплоть до 1930 г. я работал нарследователем, много переживал за свою малограмотность, много получал колких и ядовитых бумажек и замечаний в связи с моими промахами.

Но это время я усиленно работал над собой и в конце концов преодолел свои недостатки в работе. Особенно большую помощь оказал мне актив, с которым я проводил совещания, постоянно держал живую связь и привлекал к расследованию отдельных дел.

Именно активу я обязан тем, что мне удалось раскрыть ряд важнейших дел (подготовка убийства кулаками местных работников др.).

В 1930 г. во время ликвидации округов был назначен прокурором Петропавловского

района. Показав хорошие образцы работы, я был в 1931 г. переведен прокурором в более ответственный — Павловский район.

В 10-летний юбилей прокуратуры я поступил студентом заочного комвуза в г. Воронеж. В начале 1933 г. мне посчастливилось поступить заочником в Московский институт советского права имени П. И. Стучка. Выполняя ответственной работу в аппарате областной прокуратуры по должности помощника областного прокурора и старшего помощника облпрокурора, я в то же время упорно продолжал свою заочную учебу по овладению техникой прокурорской работы. Я не могу без благодарности вспомнить инициативу работников Воронежского областного суда по организации общеобразовательного курса при областном суде, где по утрам за 1½—2 часа до начала занятий я имел возможность работать по повышению своих знаний по русскому языку, математике, географии и т. п.

Упорная работа по заочному образованию,

особенно в последний год учебы (1936 г.) дала положительные результаты, и в конце 1936 г. я успешно закончил Институт советского права. Только тогда я почувствовал твердую почву под ногами.

Сейчас, в день, когда мы празднуем славный юбилей 15-летия советской прокуратуры, я с гордостью вспоминаю, что мне, малограмотному и малоопытному пастуху, ленинский комсомол и коммунистическая партия Ленина — Сталина дали высшее юридическое образование и поставили на ответственный пост советского прокурора, призванного бороться за революционную законность, бороться за соблюдение великой Сталинской Конституции.

Не успокаиваясь на достигнутом, я буду продолжать повседневно работать над собой, одновременно ведя непримиримую борьбу с врагами народа, опираясь на массы, ведя постоянную массовую работу с прокурорским активом.

К. Гученко

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЗАЩИТЫ

К вопросу о методологии судебной защиты

Переживаемая эпоха предъявляет к судебному работнику, в той или иной форме сопрягающемуся с советской действительностью, все более сложные требования.

В уголовном суде перед всяким вдумчивым исследователем открывается обширный район для наблюдений, так как здесь — в суде — нередко отражено все многообразие советского быта.

Так или иначе, перед судом всегда стоит незнакомая ему до этого личность, которую он призван судить и, в то же время, его дорожить, так как интеллектуальным ресурсом являются «люди — кадры».

Сейчас уже нет нужды распространяться о том, в какой мере в связи с действием союзной Конституции повышается ответственность в области ограждения прав личности перед каждым работником суда и, в частности, перед защитой, стоящей в СССР на высоте конституционной гарантии.

Именно в связи с этим поучительно вспомнить выступление Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского на областном съезде московской адвокатуры (см. стенограмму речи в № 10 «Социалистической законности» 1936 г. «На новье рельесы»).

В этом выступлении Прокурор Союза отметил «младенческое состояние организации защиты с точки зрения тех общественных и политических задач, которые стоят перед нами, а главное, с точки зрения понимания тех методов борьбы за разрешение этих задач... и которые обязывают советских защитников за-

щищать иными методами, чем те, которые были в недавнем прошлом».

Своевременность и принципиальность постановки вопроса о методике советской защиты — вне спора.

Методика защиты в советском суде — область совершенно неисследованная и, без того, трудная по существу. Методы защиты, ее приемы в значительной степени определяются духовным обликом адвоката, его интеллектуальными ресурсами, этикой, но, естественно, в основном, мировоззрением адвоката.

Несмотря на крайнее разнообразие судебных дел по своему жизненному содержанию, политико-правовой концепции, бытовым особенностям и пр. и пр., можно, однако, с точки зрения методов защиты, обобщить дела определенных категорий. Например, каково бы ни было содержание хулиганства в данном конкретном проявлении и как бы оно ни различалось от проявлений хулиганства в другом конкретном деле, корни хулиганства, как политико-правового фактора и явления исторического быта, в принципе, остаются одни и те же. Другое дело, что этот анализ хулиганства приходится ставить в одном случае шире и глубже, а в ином — более сжато и схематично, что уже определяется специфическими чертами данного хулиганского «дела».

Таким образом, можно обобщить методы защиты по «хулиганским» делам. В равной степени можно обобщить приемы защиты несовершеннолетних преступников, как, равно, можно исследовать методы защиты в уголовных делах, которые представляют с этой стороны исключительный интерес. В данном случае, мы имеем в виду обобщенную идею защиты в процессе, которую обычно принято называть «общими соображениями».

¹ В порядке обсуждения.

Следует указать, что обобщенные идеи защиты в процессе, т. е. некий синтез, связанный с вскрытием так называемых «общих» и принципиальных вопросов дела, — чрезвычайно действенный элемент в защитительной речи адвоката, так как именно этой обобщенной идеей силен советский судебный оратор, и именно такая идея придает ему принципиальность и идейность, без чего немислима подлинная защита в советском суде.

Естественно, исследование методов защиты не преследует цели создать усовершенствованный рецепт, годный для любого адвоката в любом деле. Так примитивно вопрос не стоит.

Особо следует коснуться вопроса об исследовании личности в процессе. Сейчас, по истечении двух десятилетий революции, мы встречаемся в суде либо с людьми, непосредственно революционной формации, т. е. воспитанных в условиях советского общества, либо с людьми, сложившимися еще в предреволюционную эпоху. Защита, которая наиболее тесно и интимно соприкасается с подсудимым и его душевным миром, нередко вооружается громадным и разносторонним жизненным материалом, который надо уметь донести до сознания суда с должным тактом и деликатностью, не ослабляя, однако, силы и значения этого, накопленного иной раз по крупице, материала.

Здесь защита, как действенный элемент в суде, стоит перед задачей, ею еще не вполне осуществленной. Умение «представить» подсудимого перед судом, т. е. правдиво и всесторонне изобразить человека во всей его реальной оригинальности, наряду с исследованием конкретной ситуации дела, — задача сама по себе достойная особого внимания. Надо сказать, что исследование личности как в стадии следствия, так и суда, до сих пор стоит на весьма недостаточном уровне. Перелистав незатейливую следственную биографию подсудимого, мы обычно узнаем лишь то, что ранее он «не судим» и лишь в виде сюрприза — счастливый день его появления на свет. Между тем, вдумчивое отношение к личности, охрана его прав и интересов требует того, чтобы человек был изучен углубленно, исследован всесторонне с тем, чтобы в судебском сознании подсудимый возник, как живой и настоящий человек, после чего лишь может быть уяснено и его общественное содержание и его значимость в социалистическом обществе. Конечно, мы отнюдь не имеем в виду чрезмерного психологизирования, так как ни один разумный человек не станет заниматься «достоинство» в советском суде.

Советский человек, гражданин нашего многонационального СССР, иной раз проходящий перед судом, порой обнаруживает противоречия, требующие сложного анализа. Этому человеку бывает свойственен, наряду с глубочайшей преданностью своей социалистической родине, и какой-либо предрассудок, толкнувший его на преступление. Естественно, что такой подсудимый и его побуждения требуют надлежащего истолкователя, который сумел бы без малодушного страха за себя подняться на должную идейно-политическую высоту. Таким истолкователем и должен стать тот, комуверяется по Конституции его защита и представительство.

Естественно, что достоинство защиты, ее качества зависят от целого комплекса условий. Сейчас мы хотели коснуться одного из них, прежде всего, мировоззрения адвоката, как творческого фактора в его работе. Это особенно уместно сделать в настоящее время, когда на правовом участке вскрыта преступная вредительская «деятельность» Пашуканиса и его «школки», пытавшихся протащить в сознание работников советской юстиции враждебные марксизму-ленинизму взгляды, отравившие наше мировоззрение ядом антимарксистского лжеучения.

Между тем, очевидно, что советская адвокатура только в том случае может полностью осуществить свою миссию в советском суде, как и вне его, если марксо-ленинское-сталинское мировоззрение станет ее собственным мировоззрением. Вполне очевидно, что от принципиальных взглядов защиты, от характера ее воззрений будет зависеть и внутреннее отношение защиты к тем многообразным жизненным явлениям, которые ежедневно проходят перед судом и которыми изобилует любое судебное дело, большое и малое.

Если советское правосудие в своей конкретной деятельности является передовым носителем идеи социалистической культуры, то защита, как органический элемент суда и апеллирующая к нему, должна быть строго вооружена тем же арсеналом социалистических идей, которые воодушевляют суд в его повседневной борьбе. Здесь не может быть речи о минутном приспособлении к данному процессу, а мы имеем в виду определенную систему идей и мышления, которое по своей внутренней направленности и политической целеустремленности является социалистическим.

Требование это нельзя понимать сколько-нибудь примитивно или фигористично в том смысле, что защита, вооруженная на суде социалистическим мировоззрением, будет лишь наивно повторять общие положения обвинения, связанные с конкретной сущностью дела. Наоборот, чем глубже и полнее защита будет исходить из основ революционного миропонимания, тем свободнее и смелее придет она к конечным выводам и обобщениям, тем шире очертит она и центральную тему процесса и соподчиненный ей служебный круг вопросов, продиктованные сущностью исследуемого дела. Таким образом, не приходится уже доказывать, что у советской адвокатуры, в отличие от дореволюционной, нет коллизии между интересами личности и интересами государства — их интересы солидарны.

Советский адвокат — прежде всего общественный деятель. Если же адвокат только близорукий и преданный слуга клиента и не более того, то такое адвокатское самосознание диктует определенные пути защиты. Такой защитник китайской стеной изолирует себя и клиента от возникающих в деле общих и принципиальных вопросов, определяющих содержание данного процесса и его общественные проблемы. Если же защита, представляя интересы подсудимого, в то же время сознает себя как носителя передовых социалистических идей эпохи, то такое адвокатское самосознание определит уже иные методы, радикально-отличные от приемов защитника, лишнего клиентского слуги.

Наконец, уместно тут же коснуться вопроса и о поведении защиты в случае возникновения у нее коллизии с поведением подсудимого на суде. Легко можно представить себе случай отрицания вины со стороны подсудимого на суде в то время, как защита в ходе процесса может прийти к убеждению доказанности вины, и наоборот. Как быть тогда защите? Обязана ли она идти вслед за подсудимым, либо она вправе занять самостоятельную позицию? Думается, что защите должно быть предоставлено право свободного выбора позиции, независимо от поведения подсудимого. Этот выбор защитительных позиций не находится в неперенной связи с поведением подсудимого в процессе. Иначе говоря, отрицание подсудимым вины, как и в других случаях признание им вины, не является для советской защиты обязательным в том смысле, что в этом случае защита обязана солидаризироваться с подсудимым.

Принятие противоположного взгляда превратило бы защиту в робкого подражателя подсудимого, если не в бессильного клиентского пленника, не могущего тогда уже вести достойной борьбы.

Естественно, что защита лишь обязана разъяснить подсудимому в случаях намечающихся коллизий с ним, что она свободна выбирать ту защитительную концепцию, которая определится естественным ходом судебного следствия. Такая точка зрения кажется нам и принципиально правильной, так как мы исходим из того, что советская адвокатура автономна в выборе средств и способов защиты, и такой свободный выбор является в конечном счете ее творческим правом и определяет он лишь профессиональным опытом, искусством и эрудицией советского адвоката.

Конечно, многое здесь будет зависеть от такта защиты, ее культуры и этики. И, особенно, от последнего.

Поэтому, в данном пункте мы, в сущности, смело можем присоединиться к мнению Квинтиана: «невозможно быть оратором, не будучи добродетельным человеком».

Президиум московской городской адвокатуры за последнее время много уделил внимания вопросу о поднятии уровня молодых кадров. Было бы желательным, если бы президиум организовал при себе некий методологический центр, который специально занялся бы вопросами методики советской защиты.

Мы сознаем, это большой труд, ждущий еще своего разрешения. Если Прокуратура Союза выдает специальные письма, в которых рекомендует определенные методы расследования конкретных преступлений, то не может быть возражений к тому, чтобы методологический кабинет при президиуме московской адвокатуры занялся систематической разработкой методов и приемов защиты в советском суде. Такая работа, систематически проводимая президиумом, имела бы огромное значение по поднятию роста молодых адвокатских сил. Значение такой работы далеко выходит за пределы московской адвокатуры. Такая работа должна быть организована в общесоюзном масштабе.

М. Виноградский

Ответ советского защитника некоторым авторам, мнящим себя учителями

В этом году советская адвокатура празднует 15-летний юбилей своего существования. Оглядываясь назад, на пройденный путь, мы можем сказать, что она пережила три фазиса отрицания, поучения и «поднятия на высоту».

Первый фазис, по самому своему названию, характеризуется отрицательной и даже мрачной оценкой деятельности коллегий защитников. Все только тем и были заняты тогда, что бранили нас, адвокатов, подражая на этом завидном поприще своим многочисленным предшественникам.

На протяжении всей истории правосудия, начиная с того злосчастного дня, когда доисторический Нумитор, дед Ромула и Рема, выступил в защиту своей родной дочери, Реи Сильвии, матери близнецов, с тех пор на нас, словно из рога изобилия, сыплются эпитеты, которые при самом снисходительном к ним отношении нельзя назвать слишком изящными.

Как только нас не называют!

И «клещами», и «подковыркиными», и «брехунцами», и «нанятой совестью», и «растлителями истины» и «прелюбодеями слова».

Готье де-Куанси еще в XIII веке лишает нас надежды войти в царство небесное. Жак де-Витри в одной из своих проповедей, относящихся к тому же веку, говоря о размножении адвокатов, сравнивает это бедствие с одной из египетских казней.

Если Робеспьер считал нас «опорой невинности, бичом преступления», то, наоборот, Фридрих Великий чернит нас «пьявками и пагубными пресмыкающимися», обещая «вздернуть на виселицу» адвоката за одну лишь подачу им прошения о помиловании от имени солдата, и при том вздернуть «без всякой милости и снисхождения и рядом с ним повесить пса».

Наполеон I мечтал «отрезать язык всякому адвокату, который употребил бы его против правительства», а Петр I называл нас «составщиками воров и душевредцев» и постукивал при этом своей тяжеловесной суковатой дубинкой о пол.

Досталось на орехи не только нам, еще больше доставалось нашей профессии, адвокату, которую Цицерон называл «благородным и даже царственным делом», а Робеспьер — «драгоценной для человечества, необходимой для духовного прогресса общества».

Столи же царского консерватизма, Катков, уверял, что «адвокатура по природе своей всегда вносит в храм правосудия торг совестью».

Евгений Марков в либеральном «Голосе» в семидесятых годах провозгласил: «Адвокатура есть своего рода организованное пособничество неправде», и вопил: «Она вносит растление в мир нравственный», с чем был вполне согласен 15 лет тому назад Прушицкий, писавший в «Еженедельнике советской юстиции» в 1922 г., что адвокатура портит людей, но, видимо, сконфуженный соседством либерала, добавлял, смягчаясь: «Портить она портит, но не больше, чем наши тресты, Нижегородская ярмарка, заграничные поездки».

В наше время тоже имеются «адвокатуры».

Рекорд презрения к советскому адвокату побил В. О., стыдливо укрывшийся за двумя начальными буквами, очевидно, из уважения к своему высокому званию сотрудника Верховного суда республики.

Вот что писал он в статье «Нужны ли защитники в советском суде?», помещенной в начале марта 1928 г. в «Вечерней Москве»:

«По мнению судебных работников мест и народных заседателей, рабочих и крестьян, волокита в судебных органах на 70—80% происходит от коллегии защитников. И, действительно, члены коллегии защитников, не получающие от государства жалования, являясь лицами свободной профессии, стремятся не только заработать прожиточный минимум, а подчас строят свое материальное благополучие на лицах, попавших на скамью подсудимых».

Затем автор, напомнив читателю, что наш суд классовый и «сам является беспристрастным защитником каждого трудящегося как в гражданском, так и в уголовном деле» — восклицает:

«А если это так (а это несомненно так) зачем, спрашивается, у нас существует специальный институт защитников и зачем нам нужна такая защита?... Если наша защита не нужна в губернском, окружном суде по характеру разбираемых там дел, т. е. там, куда больше всего защитник лезет, ибо там можно побольше подработать, то в народных судах города защитника можно видеть гораздо реже».

Но не будем далее вдаваться в область этих неприятных воспоминаний и перейдем ко второму фазису жизни коллегий защитников.

Фазис этот характеризуется поучениями советских адвокатов, вроде того, как добрый пастырь поучает своих заблудших овец с единственной целью вернуть их на стезю добродетели.

Открывается этот фазис статьей т. Цыпкина («Социалистическая законность» № 1 за 1937 г.).

Послав несколько легких упреков советской защите по привычке, еще приобретенной в первом фазисе, автор продолжает:

«Чтобы оказаться достойным того места, которое ей отводится, советская защита немалю должна поработать».

Сердце защитника забило от радости. «Поработать! Поработать!» — шепчет он с умилением, готовясь услышать от доброго пастыря поучение, как он сейчас должен работать.

Но, увы! как только доходит дело до программы наших добродетельных учителей типа т. Цыпкина, сейчас же обнаруживается ее полное отсутствие, и раздаются из их холодных уст лишь банальные звуки да прописная мораль:

«Слишком много недостатков и недочетов в работе советской адвокатуры, и за преодоление их защитники должны...».

Так и ждешь, что почтенный автор сейчас скажет: прослушать у меня парочку-другую лекций на тему о том, как надлежит вам, советским защитникам, сейчас, после издания Конституции, работать.

Взволнованный защитник, отогнав от себя всякую земную суету и грешные помыслы, уже настроился на возвышенный лад, уже, превратившись в слух и внимание, приготовился благоговейно внимать глаголу доброго пастыря, но сей последний, не догадываясь о состоянии

души бедной заблудшей овцы, меланхолически провозглашает:

«... и за преодоление их защитники должны взяться сами».

— «Вот тебе и раз! — почесал у себя за ухом советский адвокат. — Ты чаешь откровения от пастыря, ждешь, что он тебя научит как стать «достойным того места», а он тебе «взяться сами»».

Ну, если мы должны «взяться сами» за преодоление «недостатков и недочетов», то к чему же вы, пастыри, пишете свои великолепные статьи и поучаете в них нас таким тоном, что заставляете т. Либермана в № 4 «Социалистической законности» за 1937 г. вам сделать замечание, которое каждый из нас, советских защитников, прочел с чувством глубокой благодарности автору:

«Прежде всего стоит остановиться на общетоне статьи т. Цыпкина, — пишет т. Либерман. — Несмотря на то, что внешне он как будто почтительно и толерантно относится к адвокату, все же в его статье явно сквозит какое-то, я бы сказал, барское пренебрежение к адвокатам, и говорит он о них точно о каких-то «малых сих». Пора уже, выражаясь словами т. Цыпкина, и от этих болезней избавиться».

— Пора, пора! — обрадованный поддержкой шепчет защитник и думает: — Нет, не отстану же я от вас, пастыри, в белоснежных ризах! Выужу я из вас секрет, как должен сейчас я работать. «Скажите же вы мне, наконец, в том ли призвании мое, чтобы часами просиживать за пустыми справками в канцеляриях, да, словно по мукам, годами ходить по одной и той же надзорной жалобе, или в чем то другом? Подлинно достойном советского адвоката, заслужит мое назначение?».

Но так защитник и не услышал ответа от своих учителей, в чем его призвание и назначение в этот второй фазис истории нашей адвокатуры.

Третий фазис, или фазис «поднятия на высшую ступень», открывается знаменательной статьей т. М. Кожевникова в № 8 «Советской юстиции» от 30 апреля 1937 г., озаглавленной «Очерки о защите». Автор обещает «как можно скорее поднять на высшую ступень советскую защиту».

«Прекрасно!» — восклицает благодарный зритель, но тотчас у него закрадывается роковая мысль — «Многие обещали «поднять» и тоже «как можно скорее», но... хватит ли сил? Есть ли еще порохов в пороховницах?».

И, точно предвидя этот роковой вопрос, автор сам себя спрашивает:

«Имеются ли у нас возможности в короткий отрезок времени сделать решительный поворот в работе нашей защиты?».

Зритель, затаив дыхание, ждет: а вдруг имеются, что тогда? Погибла советская адвокатура!

О, счастье!

«Эти возможности имеются, — спокойно провозглашает автор, — и гордо доваляет: Они у нас в руках».

Восторг брызжет из глаз зрителя. «Прекрасно! Прекрасно!» Уже не шепчет, а гремит он и жадными глазами вливается в полотно, отыскивая эти «возможности», которые находятся уже «в руках» художника и «в короткий отрезок» времени.

резок времени» подымут «на высшую ступень советскую адвокатуру».

Но, увы, несмотря на все его жадные по-
иски, он не находит в картине ничего, кроме
старого, давно знакомого сюжета первого фа-
зиса, когда все художники только тем и были
заняты, что рисовали советскую защиту са-
мыми мрачными красками.

Автор справедливо говорит о засоренности
рядов защиты, о том, что некоторые защит-
ники по моральному и политическому облику
своему не удовлетворяют нашим требованиям,
предъявляемым к советской адвокатуре.

Автор говорит о «многих фактах», как «по-
защите в суде, так и по составлению юриди-
ческих бумаг, доказывающих юридическую
безграмотность некоторой части защитников»;
он сообщает, что «случаи морального разло-
нения защитников довольно часты», что
«пьянство, дебош и присвоение полученного
гонорара, к сожалению, пока еще явления да-
леко не редкие» среди защитников.

Против ряда положений и утверждений авто-
ра, к сожалению, спорить не приходится, и
правильно ли делает автор, обобщая эти фак-
ты и пороча большинство членов советской
адвокатуры? Думается, что неправильно. Ведь
сам автор признает, что среди защитников
целая треть с высшим дореволюционным обра-
зованием, а несколько больше 20% окончили
советские вузы. Если принять во внимание,
что среди народных судей, окончивших вузы
всего 4,3%, а больше половины судебных ра-
ботников не имеет никакой правовой подго-
товки (Сов. Юст. 1936 г., № 24), то, казалось
бы, для пессимистических обобщений в этом
вопросе нет достаточных оснований, но автор
и тут остается верным себе и кладет еще
один черный мазок на свое и без того мрач-
ное полотно:

«Надо сказать, что все же большая часть
членов коллегии защитников, включая и полу-
чивших юридическое образование «безусловно
низкой квалификации».

Ну, если лица даже с высшим юридическим
образованием, даже окончившие советские ву-
зы кажутся нашему взыскательному автору
«безусловно низкой квалификации», то, оче-
видно, его пессимизму нет пределов.

«Что следует из всего сказанного?» — спра-
шивает т. Кожевников в конце своей знамени-
той статьи.

Следует только одно: очевидно, у почтенно-
го автора титанические силы, если он надеется
«в короткий отрезок времени» таких защит-
ников, каких он нам намалевал своей черной
кистью, «поднять на высшую ступень».

Поистине с жгучим нетерпением ждали мы,
читая эту статью, когда же, наконец, мрачный
автор откроет миру свой чудодейственный
рецепт превращения порочных Савлов в бело-
снежных Павлов, и где же, наконец, те сокро-
венные «возможности», которые уже «в руках»
нашего реформатора.

Увы, тщетны надежды ожидания! Автор не
открывает их миру, а держит в тайниках
своей души и, подобно многочисленным своим
предшественникам, дарит адвокатский мир де-
шевыми сентенциями:

«Надо неустанно, изо дня в день, пополнять
свои политические и юридические знания...
Надо не забывать, что защита существует для

обслуживания населения, а не население для
защиты».

При таких «Америках» с математической
вероятностью можно ожидать, что т. Кожевни-
ков, как и т. Цыпкин, труд поднятия нашей
защиты на высоту, да еще «в короткий отрез-
ок времени», возложит на наши слабые плечи.

Так именно наш автор любезно и постулат:
«Нет никакого сомнения, что в этом деле, —
пишет он, т. е. в деле поднятия на высоту, —
громадную помощь могут и должны ока-
зать сами коллегии защитников, сама основная
масса защитников, честных, преданных, со
всем энтузиазмом выполняющих свои обязан-
ности».

Вот, наконец-то, они, эти возможности, о
которых гордо сказано: «Они — в наших ру-
ках»!

Но мы не воздали бы достойной дани ува-
жения автору, если бы прошли молчанием
одну «возможность», о которой он упоминает
в своем плане «поднятия на высоту».

Тов. Кожевников выходят из непосредствен-
ного подчинения и руководства судов, и ру-
ководство ими возлагается на народные ком-
миссариаты юстиции через специально создан-
ные отделы судебной защиты».

Сообщив об этой новелле, автор убежденно
заключает:

«Это одно уже подымает роль защиты и ее
авторитет».

С этим убеждением автора можно согласи-
ться, но при одном неперемennom условии: если
отделы судебной защиты будут возглавляться
людьми, далекими от мрачного пессимизма
деятели первого фазиса, о средневековых
взглядах которых на советскую адвокатуру
Прокурор Союза ССР сказал на прошлогоднем
съезде московских защитников!

«Сейчас с этими взглядами откровенно ни-
кто не выступает, но под сурдинку еще эти
взгляды пробуют протасить в нашу жизнь».

Пожелаем же нашим авторам, мнящим себя
нашими учителями, в самый «короткий отрезок
времени», отрешиться, наконец, от педагогиче-
ских приемов первого фазиса истории нашей
адвокатуры и, действительно, по-серьезному,
по-деловому заняться организацией советской
адвокатуры, ждущей и требующей к себе на-
стоящего и квалифицированного внимания и
руководства.

А. Вроблевский

Нужно упорядочить защиту

Тов. Кораблинов в своей статье, помещенной
в порядке обсуждения в журнале «Социали-
стическая законность» № 2, за 1937 г., приво-
дит факты ненормальной постановки защиты
в линейных судах.

Ненормальность, как поясняет т. Корабли-
нов, заключается в том, что, во-первых, за-
щитники, выступающие в линейных судах, не
знают тонкостей железнодорожного дела, а
во-вторых, они получают уведомления суда о
слушании дела за такой короткий срок, как
4—5 дней до начала процесса. Поэтому они
знакомятся с делом поверхностно и, будучи
мало подготовленными по железнодорожным
вопросам, не обеспечивают действительной по-
мощи суду.

Для устранения указанной ненормальности т. Кораблинов рекомендует следующие способы:

1) защитникам должны посылаться одновременно с повесткой и копии обвинительных заключений;

2) необходимо организовать при всех специальных судах специальные коллективы защитников.

В отношении посылки копий обвинительных заключений можно сказать только одно, что этот способ не может гарантировать заблаговременно уведомление о слушании дела, так как вручение обвинительного заключения законом допускается за 3 дня до слушания дела.

Что же касается организации специальных коллективов защитников, то здесь уместно будет привести латинское изречение: —

«Est modus in rebus».

Если перейти на такой принцип, то сколько же должно быть «специализированных» коллективов, и что это за юристы будут в этих коллективах, если одни из них будут выступать только по военным, другие только по железнодорожным и т. д. делам.

Юрист должен иметь высокий уровень развития и широкий кругозор, чтобы в любой обстановке и при различных обстоятельствах, быстро ориентироваться и правильно реагировать на различные вопросы, независимо от их специальности. Он должен быть не узким и ограниченным специалистом, а широко образованным юристом.

Могут ли образоваться кадры тех юристов, о которых идет речь, если последовать теории т. Кораблинова и рассматривать их по узким специальностям? При такой постановке дела и хороший юрист станет плохим.

Таким образом, нужно признать рекомендуемые т. Кораблиновым два способа улучшения защиты нежизненными и даже вредными.

Вообще же т. Кораблинов прав, что благодаря извещению защитников не только линейными, но и другими судами, в лучшем случае за 4—5 дней до процесса защита подчас осуществляется поверхностно.

Какой же может быть радикальный способ поднятия качества защиты на должную высоту?

На этот вопрос дает исчерпывающий ответ резолюция Всесоюзного совещания судебного прокурорских работников и 1-го всесоюзного прокурорского совещания по докладу т. Вышинского, которая предусматривает вызов обвиняемого в распорядительное заседание.

Участие обвиняемого в распорядительном заседании необходимо признать абсолютно обязательным, т. е. также, как и в судебном заседании; причем суд должен ставить в известность обвиняемого о дне распорядительного заседания заблаговременно, предоставляя ему право присутствовать в заседании совместно с своим защитником.

Если у обвиняемого защитника по соглашению не имеется, то тогда суд должен назначить ко дню распорядительного заседания защитника, поставив об этом в известность обвиняемого.

Участвуя в распорядительном заседании, и затем имея достаточное время до дня процесса, защитник сможет детально изучить дело и своего подзащитного и только при этих условиях он выполнит свою ответственную обязанность советского защитника, возложенную на него великой Сталинской Конституцией.

И. Литвинов

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

ПРАВО УЧРЕЖДЕНИЯ НА МАНЕВРЕННУЮ ПЛОЩАДЬ В ДОМЕ РЖСКТ

Бывший секретарь ЦК союза Рабпрос гр-н Кучинский в 1931 году получил на площади маневренного фонда в РЖСКТ «Обрабпрос» квартиру из трех комнат, площадью в 32,98 кв. м по Тихвинскому пер., д. № 10/12, кв. 188.

Эта квартира входит в площадь маневренного фонда ЦК союза Рабпрос, на основании договоров ЦК с РЖСКТ «Обрабпрос» от 3 марта 1928 г., 6 июля 1929 г., 13 мая 1931 г., 28 октября 1931 г. и соглашения от 26 января 1934 г.

10 апреля 1933 г. Кучинский был освобожден от работы в аппарате ЦК союза Рабпрос, в связи с назначением его на должность начальника политотдела МТС.

В августе 1933 г. к Кучинскому на Украину уехала его семья.

Продолжительное время квартира по Тихвинскому переулку оставалась пустой. Затем Кучинский вселил в нее своего знакомого Витенберга, не имеющего никакого отношения к ЦК Рабпрос и занявшего квартиру без его согласия.

ЦК Рабпрос предъявил в нарсуде Октябрьского района г. Москвы иск о выселении Кучинского, основываясь на постановлении пленума Верховного суда СССР, законе от 27 июля 1931 г. и постановлении СНК СССР от 27 января 1933 г. № 96 о сроках сохранения жилищной площади за лицами, направленными на работу в политотделы МТС и совхозы.

Народный суд решением от 1 ноября 1934 г. в иске отказал.

По жалобе истца кассационная коллегия Мосгорсуда подробно мотивированным определением от 19 ноября 1934 г. решение народ-

ного суда отменила, передав дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

4 декабря 1934 г. народный суд вторично рассмотрел это дело с участием в процессе обеих сторон и третьих лиц — РЖСКТ «Обрабпрос» и ред. «Известий» — и вновь отказал в иске о выселении Кучинского.

По жалобе ЦК Рабпрос это решение вновь было отменено определением КК Мосгорсуда от 28 декабря 1934 г. и дело передано на новое рассмотрение.

Однако, по существу дело судом первой инстанции вновь не было рассмотрено, так как председатель Мосгорсуда внес дело в президиум горсуда в порядке надзора и 7 января 1935 г. определение кассационной коллегии Мосгорсуда от 28 января 1934 г. было отменено и оставлено в силе решение нарсуда от 10 сентября 1934 г. об отказе в выселении Кучинского.

Спорную квартиру в 32 кв. метра занимает сотрудник «Известий» Витенберг, никогда в ЦК союза Раброс не работавший Кучинский в Москву не вернулся.

Прокуратура Союза опротестовала постановление президиума Мосгорсуда по следующим основаниям:

Добивающийся восстановления своих нарушенных прав на спорную квартиру ЦК союза политпросветработников — правопреемник ЦК союза Раброс — доказал свою непосредственную заинтересованность в этом деле постановлением ликвидкома Цекпроса от 23 июля 1936 г. о распределении жилищного фонда Цекпроса — маневренной площади по договорам с «Обрабпросом». Согласно этому постановлению квартира № 188 по Тихвинскому пер., площадью в 32,98 кв. м, занимаемая Кучинским, передана ЦК политпросветработников, как правопреемнику ЦК союза Раброс.

На создание площади маневренного фонда в РЖСКТ «Обрабпрос» ЦК союза Раброс израсходовано 105 065 руб. Эта сумма ссуды, выданной РЖСКТ «Обрабпрос» в порядке закона от 27 июля 1931 г., распределена постановлением ликвидкома Цекпроса равными частями между членами ЦК союза (п. 9 постановления), в том числе четвертая доля ссуды передана ЦК политпросветработников, который вправе добиваться восстановления своих нарушенных прав на площадь маневренного фонда в РЖСКТ «Обрабпрос».

В своих жалобах на постановление президиума Мосгорсуда по делу Кучинского, ЦК политпросветработников указывает на большую нужду в жилплощади.

Нарсуд своими решениями от 1 ноября 1934 г. и от 4 декабря 1934 г. об отказе в иске о выселении Кучинского совершенно не исследовал действительных взаимоотношений сторон. Президиум Мосгорсуда, отменив совершенно правильное определение кассационной коллегии Мосгорсуда от 28 декабря 1934 г. и оставив в силе решение об отказе ЦК Раброс в иске о выселении Кучинского, санкционировал решение, грубо нарушающее законы, регулирующие взаимоотношения сторон по существу, и определяющие порядок судебного рассмотрения гражданских споров.

Из имеющихся в деле доказательств следует, что квартира, предоставленная ЦК союза Раброс Кучинскому, а фактически занимаемая

неправомерно Витенбергом, является фондом маневренной площади ЦК Раброс, а ныне ЦК политпросветработников.

Это вытекает из договоров ЦК Раброс с РЖСКТ «Обрабпрос» 1922, 1929 и 1931 гг. о финансировании строительства из средств ЦК Раброс и обобщившего эти договорные отношения соглашения от 25 января 1934 г., а также из справки РЖСКТ «Обрабпрос» от 20 ноября 1934 г. о том, что площадь спорной квартиры являлась и является маневренным фондом Цекпроса.

Кучинский как работник Цекпроса получил эту площадь из маневренного фонда, в связи с трудовыми отношениями с Цекпросом.

Из изложенного следует, что требование Цекпроса о выселении Кучинского, потерявшего трудовую связь с ЦК союза еще 10 апреля 1933 г. и уехавшего с семьей из Москвы, должно было разрешаться судом на точном основании ст. 4 постановления СНК СССР от 27 июля 1931 г. (СЗ 1931 г. № 46, ст. 314), постановления 48 пленума Верховного суда СССР от 17 сентября 1931 г., закона от 8 декабря 1936 г. и специального постановления СНК СССР от 27 января 1933 г. за № 96 «О сроках сохранения жилплощади за семьями работников, направляемых на работу в политотделы».

Решение судебных органов по настоящему делу грубо нарушает указанные выше законы.

Мотивы постановления президиума Мосгорсуда от 7 января 1935 г. со ссылкой на членство Кучинского в РЖСКТ «Обрабпрос» с 1931 г. не могут поколебать законности требования ЦК Раброс и его правопреемника — ЦК союза политпросветработников — так как взаимоотношения сторон в отношении пользования площадью маневренного фонда разрешаются на основании указанных выше законов, независимо от членства в РЖСКТ лица, проживающего на площади маневренного фонда. Его отношения с РЖСКТ регулируются уставом последнего на общих основаниях.

Этот мотив тем более неубедителен, что судом вовсе не исследованы права Кучинского, как члена РЖСКТ: Кучинский с 1933 г. в Москве не проживает, обязанностей тайщика не выполняет и не уплатил даже полностью дождеводского паекопления.

Мотив постановления президиума об установлении права Цекпроса на маневренный фонд в РЖСКТ «Обрабпрос» только в 1936 г. противоречит имеющимся в деле доказательствам: содержанию пункта 1 соглашения от 25 января 1934 г. и справке РЖСКТ «Обрабпрос» от 20 ноября 1934 г.

В нарушение ст.ст. 5 и 148 ГПК суд не проанализировал с надлежащей полнотой взаимоотношений сторон, не вызвал в судебное заседание Витенберга, фактически проживающего неправомерно на спорной площади, никогда не имевшего отношений по работе к ЦК Раброс и нарушающего право ЦК политпросветработников на спорную площадь.

В результате президиум Мосгорсуда, по неправильным соображениям мнимой защиты жилищных прав Кучинского на спорную площадь, допустил незаконное проживание в спорной квартире Витенберга, в нарушение бесспорных прав ЦК политпросветработников на эту квартиру, являющуюся маневренным фондом иста.

Гражданская коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила передать дело на новое рассмотрение в Мосгорсуд, с привлечением гр-на Витенберга к участию в деле в качестве ответчика.

НЕОБОСНОВАННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИМЕЧАНИЯ 2 К СТ. 156 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА

Гр-ка Сорокоумовская в ноябре 1936 г. предъявила иск о выселении гр-на Мирзояна, проживающего в Москве по Измайловскому проспекту, д. № 19, основывая этот иск на том, что в сентябре того же года, она приобрела у гр-на Юдина половинную долю права застройки на земельный участок, на котором построен дом № 19. Согласно договору, приобретенная Сорокоумовской доля права застройки реально выражена в двух комнатах №№ 3 и 4 указанного дома, в каковых, как видно из искового заявления, проживает гр-н Мирзоян. За приобретенную долю гр-ка Сорокоумовская уплатила гр-ну Юдину 12 000 руб. лей.

В исковом заявлении гр-ка Сорокоумовская объяснила, что сама она, совместно с мужем, проживает в доме застройщика, которому выдала обязательство об освобождении занимаемого помещения.

Гр-н Мирзоян, служащий конторы Союззаготскот, не признал иска, указав, что в спорных комнатах площадью в 16 кв. м он с семьей проживает с 1 февраля 1933 г. Соглашение о найме жилплощади было заключено им с женой застройщика Юдина, так как последний находился вне Москвы, и он, Мирзоян, уплачивал ей по 200 руб. в месяц, но получал расписки без указания уплаченной суммы. Возвратившись в Москву, Юдин потребовал уплаты за 8 месяцев вперед по 1 апреля 1934 г. и получил сразу 1 600 руб., а в мае 1934 г. потребовал уплаты 4 000 руб. с условием, что комнаты будут считаться сданными до 1940 г., с освобождением Мирзояна от платежей до 1 апреля 1935 г. и с платежом после этого срока по 60 руб. в месяц. Гр-н Мирзоян утверждал, что соглашение было оформлено в письменном виде, причем договор находится у гр-на Юдина, и что уплата 4 000 руб. была произведена в присутствии гр-ки Дмитриевской. Мирзоян оспаривал право Сорокоумовской на выселение его и утверждал, что Сорокоумовская может обращать свои требования лишь к Юдину.

Нарсуд 4 уч. Сталинского района г. Москвы привлек гр-на Юдина к участию в деле в качестве ответчика.

Юдин в судебном заседании отрицал заключение договора с Мирзояном и получение 4 000 руб. и утверждал, что Мирзоян сообщил как ему, так и Сорокоумовской о предстоящем освобождении комнат.

Свидетельница Дмитриевская в суд не явилась, так как находилась в больнице. Ходатайство ответчика об отложении дела для вызова свидетелей Дмитриевской и Елисеева было судом отклонено.

29 декабря 1936 г. нарсуд вынес решение о выселении Мирзояна, найдя, что из расписок Юдина, представленных суду Мирзояном, сле-

дует, что договор о найме жилплощади ист. 1 июня 1936 г.

В кассационной жалобе Мирзоян, повторив свои утверждения об уплате Юдину 4 000 руб. по заключенному договору, объяснил, что 4 года он уплатил Юдину 7 000 руб., что квартиранты, проживавшие до Мирзояна, уплатили Юдину за 2 года 4 000 руб. и что Сорокоумовская теперь уплатила Юдину за те же комнаты 12 000 руб. При этом Мирзоян отмечал, что уплаченная Сорокоумовской сумма не может считаться ее трудовым доходом, так как он (согласно представленной ею же справке) получает 300 руб. зарплаты в месяц.

ГКК Мосгорсуда 14 января с.г. оставила кассационную жалобу без последствий, найдя, что утверждения Мирзояна об уплате Юдину 4 000 руб. за пользование комнатами до 1940 г. не доказаны, и указав, что договоры на сумму свыше 500 руб. подлежат заключению в письменной форме.

Нарсуд 4 участка Сталинского района 23 января с. г., рассмотрев ходатайство Мирзояна о предоставлении ему отсрочки выселения, отсрочил таковое до 15 мая с. г.

Прокуратура СССР опротестовала решение нарсуда и определение ГКК МГС по следующим основаниям:

Нарсуд, в обоснование решения о выселении гр-на Мирзояна, не нашел необходимым сослаться на какой-либо закон; ГКК МГС также не привела каких-либо ссылок на закон, дающий основание для удовлетворения иска гр-ки Сорокоумовской, привела лишь ссылки (в большей части, притом, неправильные) по вопросу о форме договоров найма.

Не обосновав своего решения так, как того требует закон (ст. 176 ГК), нарсуд не подверг надлежащему анализу и обстоятельству дела. Между тем из проверки материалов дела устанавливается, что Юдин приобрел право застройки 8 июня 1927 г. за 1 500 руб., причем к этому времени, как видно из договора его с продавцами права застройки Мочальскими, постройка дома уже была закончена. Весь дом имеет 39 кв. м жилой площади. Нарсуд не нашел необходимым рассмотреть характер пользования Юдиным своими правами застройщика и сдачи им 16 кв. м жилплощади в наем за сумму, значительно превышающую все понесенные Юдиным затраты, а затем продажей им половинной доли своего права Сорокоумовской за 12 000 руб.

Между тем этот анализ был необходим уже потому, что право Сорокоумовской на выселение Мирзояна является производным от права Юдина.

Нарсуду и ГКК МГС следовало обсудить вопрос, должно ли требование застройщика о выселении жильца в данном конкретном случае получить поддержку суда.

Нарсуд и ГКК МГС не учли того обстоятельства, что истица Сорокоумовская, требующая выселения, пользуется жилой площадью, и что решений о выселении ее не имеется. Не было учтено, с другой стороны, положение трудящегося Мирзояна, оказавшееся затем столь затруднительным, что нарсуд нашел необходимым предоставить ему длительную отсрочку выселения.

Нарсуд и ГКК МГС автоматически применили к данному делу примечание 2 к ст. 156 ГК,

Упустив из виду, что указанное примечание подчеркивает необходимость рассмотрения требований застройщиков о выселении нанимателей в судебном порядке. Последнее, между прочим, означает обязанность суда «всемерно стремиться к уяснению действительных взаимоотношений трудящихся» (ст. 5 ГПК), что было в настоящем случае упущено.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение нарсуда и определение ГKK Мосгорсуда отметить и дело передать в нарсуд на новое рассмотрение.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНОВ О ВЫСЕЛЕНИИ ПО МОТИВУ УТРАТЫ ТРУДОВОЙ СВЯЗИ С УЧРЕЖДЕНИЕМ

Управление делами ВЦСПС в июле 1936 г. предъявило иск к Хмаре А. А. о выселении на основании ст. 171-а Гражданского кодекса.

Как видно из материалов дела, гр-н Хмара, бывший муж ответчицы, с апреля 1922 г. проживал вместе со своей семьей в доме, принадлежащем ВЦСПС по Петровским линиям № 2, занимая 1 комнату в 30 метров. Гр-н Хмара до 1926 г. был председателем одного из ЦК союза, а с 1926 г. — в связи с реорганизацией прекратил работу в ВЦСПС. В 1933 г. Хмара выехал в Хабаровск, закрепив за собой жилую площадь до 1 января 1935 г.

Семья Хмары — жена и дочь — все время занимают спорную комнату, причем гр-ка Хмара развелась с прежним мужем и вышла замуж за другого.

Нарсуд 11 сентября иск о выселении Хмары удовлетворил, а ГKK МГС 28 октября 1936 г. отменила решение нарсуда.

26 ноября нарсуд вторично рассмотрел это дело и в иске отказал. 20 декабря 1936 г. ГKK МГС отменила это решение и иск удовлетворила, обязав ВЦСПС предоставить Хмаре жилплощадь в размере 16 кв. м.

Прокуратура СССР опротестовала определение ГKK МГС от 20 декабря 1936 г. по следующим основаниям:

Как видно из дела, гр-н Хмара вместе со своей семьей въехал в дом еще до закрепления его за ВЦСПС. Хмара въехал в дом в 1922 г., а за ВЦСПС этот дом был закреплен в ноябре 1923 г.

Ст. 171-а Гражданского кодекса и постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1928 г. также неприменимы к настоящему случаю, так как эти законы изданы в 1926—1928 гг., т. е. значительно позже того, как Хмара въехал в этот дом.

Эти законы не могут быть применены к данному спору между ВЦСПС и Хмарой еще и потому, что Хмара как выборный работник, трудового договора с ВЦСПС не заключал, а в этих законах речь идет о предоставлении жилой площади в связи с заключением трудового договора.

Хмара прекратил работу в ВЦСПС еще в 1926 г., иск о выселении его семьи был предъявлен в 1936 г., т. е. спустя 10 лет. Поэтому необходимо признать, что если бы ВЦСПС и мог в свое время предъявлять подобный иск, то сейчас, за истечением срока исковой давности, по основаниям, указанным в ст. 171-а

Гражданского кодекса и постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г., ВЦСПС безусловно потерял право на подобный иск.

В настоящее время гр-ка Хмара может быть выселена лишь по признакам ст. 171 Гражданского кодекса.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, оставил в силе решение нарсуда об отказе ВЦСПС в иске о выселении Хмары.

ПРАВО ТРУДЯЩЕГОСЯ НА ЗАНЯТИЕ СВОЕЙ КВАРТИРЫ ПОСЛЕ РЕМОНТА — ПРЕДУСМОТРЕНО ЗАКОНОМ И НЕ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК САМОУПРАВСТВО

Гр-н Усачев с 1930 г. проживал в доме Госпроекта в Сталинабаде. Вместе с ним проживал и Куликов с семьей. Позднее этот дом перешел в ведение Мельтреста.

В апреле 1936 г. Мельтрест предъявил иск о выселении семьи Куликова, так как Усачев в то время отбывал наказание. Истец мотивировал свой иск отсутствием у Куликова трудовой связи с Мельтрестом и неплатежом квартплаты за 12 месяцев. Нарсуд 23 августа 1936 г. иск удовлетворил, а ГKK Верхсуда 11 октября 1936 г. отменил это решение на том основании, что по другому делу № 765 тот же суд уже однажды отказал в иске о выселении Усачевой. Кроме того ГKK указала, что нарсуд не обсудил вопроса о неплатеже квартплаты.

До нового рассмотрения дела в суде, председатель тresta Парфенов, проживавший в этом же доме, переселил Усачевых из их комнаты под предлогом производства ремонта. По окончании ремонта Усачевы против воли тresta заняли свои комнаты.

При новом рассмотрении дела нарсуд 16 ноября 1936 г. решил выселить Усачеву и Куликова на том основании, что они самоуправно заняли комнаты, создают невозможные условия к совместному проживанию и за 2 месяца не уплатили квартплату.

Это решение нарсуда было утверждено ГKK и президиумом Верхсуда Таджикской ССР.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда по следующим основаниям:

Как видно из первоначального искового заявления, выселение Усачевых и Куликовых мотивировалось ст.ст. 171-а и 171, п. «з» Гражданского кодекса.

Однако, как правильно указала ГKK Верхсуда, отменяя решение суда от 23 августа 1936 г., поскольку уже однажды суд отказал в выселении по ст. 171-а ГК, необходимо было рассмотреть дело в разрезе применения ст. 171, п. «з» ГК.

Нарсуд 16 ноября 1936 г. одним из оснований к выселению признал неплатеж квартплаты в течение 2 месяцев. Однако, вряд ли можно согласиться с решением суда о выселении за неплатеж квартплаты всего за 2 месяца.

Выселение Усачевых и Куликовых за самоуправное занятие по окончании ремонта своей квартиры является явным недоразумением, так как, согласно п. «и» ст. 171 Гражданского кодекса, действия Усачевых и Куликовых являются правильными.

Необосновано также решение суда и о высылении по п. «д» ст. 171 ГК (невозможность совместного проживания), так как единственный случай скандала с гостем Усачевых не дает оснований для высыления Усачевых и Куликовых.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила отменить все состоявшиеся судебные решения и передать дело на новое рассмотрение в Гражданскую коллегия Верховного ТССР в качестве суда первой инстанции.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЛЕНА АРТЕЛИ ЗА УБЫТКИ, ПОНЕСЕННЫЕ АРТЕЛЮ

В результате деятельности артели «Моспромснаббыт» образовались убытки, выявленные по балансу в сумме 270 900 руб. 65 коп.

Промышленно-кооперативная артель «Мосгалообъединение», считая себя правопреемником артели «Моспромснаббыт», на основании постановления общего собрания членов этой артели от 28 августа 1934 г., предъявила иск к гр-ну Вайнштейну о покрытии убытков в причитающейся с него доле, равной 127,7% к общей средней месячной доходности членов товарищества в 1934 г., и просила присудить с него 1181 руб. 70 коп.

В подтверждение иска, артель предъявила выписку из счета Вайнштейна с расчетом его задолженности, выписку из устава артели «Моспромснаббыт» о порядке погашения убытков, копию протокола общего собрания членов артели «Мосгалообъединение» от 13 марта 1935 г. и протокол постановления правления этой артели от 27 апреля 1935 года о порядке и сроках покрытия убытков артели. Этим постановлением определена конкретная разверстка убытков артели между ее членами.

Нарсуд нашел иск обоснованным и присудил с Вайнштейна в пользу истца 1181 руб. 70 коп., с отнесением на ответчика судебных расходов 71 руб. Кассколлегия Мосгорсуда определением от 17 июня 1936 г. отклонила жалобу Вайнштейна и утвердила решение.

Прокурор Союза, считая решение нарсуда и определение кассационной коллегии Мосгорсуда неправильными, опротестовал его по следующим основаниям:

Нарсуд не выяснил с надлежащей полнотой действительных взаимоотношений сторон, допустив существенное нарушение ст.ст. 5 и 118 ГПК.

Имея доказательства о выявлении убыточности артели, в связи с неуплатой бюджетной наценки и налога с оборота по вине руководителей артели, не сумевших обеспечить своевременное выполнение закона о доведении наценок до потребителя продукции (пост. ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г. № 43—365-а), нарсуд не обсудил вопроса о том, должны ли за такие упущения правления артели и ревизионной комиссии нести ответственность рядовые члены артели.

Между тем, устав артели предусматривает, что «убытки, понесенные товариществом, возыскиваются с лиц, персонально ответственных за них» (ст. 38 устава).

Суд не проверил также законности постановления правления и общего собрания артели

«Мосгалообъединение», положенных в основание иска. Конкретное распределение убытков артели между ее членами произведено вопреки уставу (п. 35) правлением, а не общим собранием членов артели.

Решение общего собрания пайщиков «Мосгалообъединение» от 13 марта 1935 г. не проверено судом с точки зрения правильности этого собрания, требовавшего наличия по уставу не менее половины членов артели (§ 39 устава).

Кроме того, из материалов дела не видно, что доказано правомочие артели «Мосгалообъединение» разрешать вопрос об убытках артели «Моспромснаббыта». Суд, не проявив в этом деле надлежащей активности, существенно нарушил ст. 5 ГПК.

Суд не проверил также достаточно внимательно возражений ответчика о том, что основания требований с него убытков отклонены судебным решением от 25 июня 1935 г., присудившим с артели в пользу Вайнштейна 967 руб. 16 коп. Ответчик указывал на то, что истец в порядке возражений в том процессе 1935 года ссылаясь на те же документы об убытках артели, которые положены в основание настоящего иска. Суд не ознакомился с материалами по делу 1935 года для правильного решения вопроса.

Кроме того, суд не принял во внимание возражения ответчика о пропуске артелью срока исковой давности, установленного § 35 устава для взыскания убытков с членов артели.

В результате допущения судом указанных существенных нарушений закона, решение о присуждении с трудящегося Вайнштейна 1181 руб. 70 коп., сверх удержанных уже с него на покрытие убытков 1472 руб. 30 коп., оказалось совершенно необоснованным. Кассационная коллегия Мосгорсуда утвердила это решение без всяких мотивов, грубо нарушив постановление 52 пленума Верховного суда СССР «о строжайшем соблюдении норм гражданского процесса».

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, отменил состоявшееся по делу решение и в иске артели «Мосгалообъединение» к гр-ну Вайнштейну отказал.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛА ОБ ОБЯЗАННОСТИ ВЕРНУТЬ ПОДЪЕМНЫЕ ЕСЛИ ТРУДЯЩИЙСЯ НЕ ПРИСТУПИЛ К РАБОТЕ

17 февраля 1932 г. гр-н Ершов был командирован «Цветметзолото» в распоряжение объединения «Востокзолото» в г. Иркутск для использования его в качестве техника.

Ершов получил подъемные в сумме 1100 руб., а приехав на завод получил аванс в сумме 800 руб., получив всего, таким образом, 1900 руб.

В июне 1932 г. Иркутский метзавод предъявил иск о взыскании с Ершова 1900 руб., по тем основаниям, что Ершов, не приступив к работе, самовольно выехал в Москву, не заявив дирекции завода о причинах отъезда. В исковом заявлении было также указано, что Ершов по приезде к месту работы не явился в отдел кадров и личный стол для оформления и причина выезда Ершова для директора за

вода неизвестна, а потому с Ершова следует полностью взыскать полученные им подъемные и аванс.

9 августа 1932 г. суд в отсутствие ответчика решил взыскать с Ершова в пользу завода 1900 руб.

Это решение было отменено Верховным судом РСФСР 10 апреля 1932 г.

При новом рассмотрении дела 25 августа 1934 г. нарсуд вновь решил взыскать с Ершова в пользу завода «Востокзолото» 1900 руб.

ГКК Мосгорсуда отклонила протест прокурора по тем основаниям, что Ершов, якобы, признал решение нарсуда правильным, ходатайствуя о рассрочке платежа.

Президиум МГС также оставил в силе решение суда.

Прокуратура Союза опротестовала решение нарсуда, определение ГКК и постановление президиума Мосгорсуда по следующим основаниям:

На основании п. 16 постановления ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1934 г., работник обязан вернуть полностью суммы, выплаченные ему в связи с переездом в том случае, если он не явился на работу или отказался приступить к работе без уважительной причины. Если же причина была уважительной, работник обязан вернуть выплаченные суммы, за вычетом понесенных уже путевых расходов.

Из самого искового заявления, в котором указано, что Ершов получил 800 руб. на заводе, видно, что Ершов к месту работы явился. Это подтверждается также и тем, что приказом по заводу от 4 марта 1932 г. Ершову была поручена работа по проведению паспортизации оборудования, а также и тем, что Ершов получил пропуск на завод. Ершов представил также и результаты паспортизации.

Из письма зам. управляющего «Востокзолото» директору завода от 23 февраля 1932 г. видно, что дирекция завода не оформляла Ершова на работу. Дирекции завода предложено было оформить Ершова и указано было недопустимое отношение дирекции к командированным специалистам.

Этими документами опровергается утверждение дирекции завода о том, что Ершов не явился для оформления и самовольно оставил работу.

Несмотря на указание Верховного суда РСФСР, народный суд не выяснил, по чьей вине не был оформлен на работе Ершов и почему он ушел из Иркутска.

При таких условиях, когда есть основания предполагать, что Ершов не был оформлен на работе в Иркутске по вине завода и поэтому он был вынужден уехать, взыскание с него полностью сумм, полученных им при отъезде в Иркутск, противоречит постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1934 г.

Ссылка кассационной коллегии Мосгорсуда на то, что Ершов, якобы, признал решение нарсуда правильным, не основательна, так как просьба к нарсуду о рассрочке платежа не является признанием иска.

Гражданская коллегия Верховного Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила решение нарсуда о взыскании с Ершова 1900 руб. отменить и передать дело на новое рассмотрение в нарсуд.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Постановлением судебного заседания линсуда Южной ж. д. дело по обвинению Сотникова было возвращено на исследование на предмет привлечения дополнительно к уголовной ответственности кочегара Забурскова и ДСП станции Курчаниново — Косякова.

Прокуратура Союза опротестовала это постановление по следующим основаниям:

Согласно § 378 правил технической эксплуатации, разрешением для следования поезду служит жезл или путевая записка. Без наличия такого разрешения машинист обязан немедленно остановиться.

Привлеченный по этому делу в качестве обвиняемого машинист Сотников Архип Прокофьевич, въезжая на разъезд Курчаниново и увидя, что стрелки поезда № 723 сделаны по прямой, решил, что поезд будет следовать с ходу, и поэтому предложил кочегару принять от ДСП станции Курчаниново путевую записку на право занятия перегона. Сотников следовал по разъезду со скоростью 30—35 км в час и не обратил внимания, что ДСП Косяков вышел встречать поезд с красным сигналом, хотя он обязан был, въезжая в пределы станции, сосредоточить свое внимание на подаваемых сигналах.

Кочегар Забурсков, не заметив сигналов остановки, подаваемых ДСП, сообщил машинисту Сотникову, что путевой записки он на ходу поезда не поймал. Сотников, вместо того чтобы немедленно остановить поезд, так как разрешения на право занятия перегона не было, самовольно выехал на перегон Курчаниново — Судажа.

Вина Сотникова усугубляется также и тем, что он, зная требования правил технической эксплуатации о том, что обязанностью машиниста является лично проверить перед отправлением поезда правильность выданного ему разрешения, этого не сделал.

Согласиться с постановлением линсуда Южной ж. д. о привлечении к уголовной ответственности ДСП Косякова нельзя по следующим мотивам:

а) Согласно ПТЭ и инструкции по сигнализации, красный сигнал служит сигналом остановки.

ДСП Косяков, зная, что поезд № 723 должен иметь остановку на разъезде, встречал поезд с красным сигналом остановки, т. е. так, как то требуют ПТЭ.

б) Суд в своем постановлении указывает, что ДСП Косяков не принял всех мер к остановке, не указав конкретно, что же он должен был сделать. Суд не учел того, чтобы если бы даже ДСП встречал поезд с белым огнем и если бы перегон был свободен, то поскольку путевое разрешение не было вручено машинисту, последний обязан был немедленно остановиться.

ПТЭ и Инструкция паровозному машинисту обязывали Сотникова, прежде чем выезжать на перегон, получить от ДСП разрешение на право занятия перегона. После заявления Забурскова машинисту Сотникову о том, что он путевую записку не успел получить, последний немедленно должен был остановить поезд. Однако Сотников этого не сделал и прибыл

на станцию без разрешения ДСП. Таким образом, нет оснований к привлечению Забрускова к уголовной ответственности.

Помощник Сотникова Будников в своих показаниях на предварительном следствии заявил, что он был на левом крыле и следил за сигналами, видел какого-то агента с фонарем, у которого последний светил белым огнем, а затем Будников был занят толпой паровоза. Помощник машиниста Будников поставил машиниста Сотникова в известность об отсутствии путевой записки, но последний не обратил внимания на заявление Будникова.

Будников путеобходчика принял за ДСП, однако суд, не проверив этих данных, постановил привлечь его к уголовной ответственности.

Хотя Будников и несет в известной доле ответственность за проследование поезда № 723 на развезд Курчаниново без путевого разрешения, однако, ввиду того, что он не является основным виновником допущенного нарушения ПТЭ, привлечение его к уголовной ответственности нецелесообразно.

Коллегия по транспортным делам Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: решение линсуда отменить и предложить линсуду дело Сотникова рассмотреть в срочном порядке.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА ПРИ НАЛИЧИИ УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ

Постановлением подготовительного заседания линейного суда Московско-Киевской ж. д. дело по обвинению б. зав. складом топлива 8 отделения паровозного хозяйства Дроздова И. Н., главного бухгалтера склада Щепко Н. С. и старшего бухгалтера Шушенко Ф. С. по ст.ст. 109 и 111 УК было в уголовном порядке производством прекращено по мотивам отсутствия в действиях обвиняемых корыстной цели или какой-нибудь иной заинтересованности.

Прокуратура Союза опротестовала это постановление подготовительного заседания линсуда по следующим основаниям:

Материалами дела установлено (чего не отрицает и суд), что: первичный учет поступающего на склад топлива отсутствовал; отпуск топлива со склада производился без надлежащего оформления; уголь, смазочные, обтирочные и др. материалы часто отпускались без требований — по запискам на клочках бумаги и по словесным распоряжениям зав. складом Дроздова; списание в расход топлива производилось спустя много времени после фактического отпуска, обычно перед наступлением отчетного периода (квартал, полугодие и год), причем списание производилось по документам не оформленным, не подписанным или написанным зав. складом Дроздовым по памяти и т. д.

Бухгалтера Щепко и Шушенко не осуществляли контроля за правильностью и своевременностью документов и все представляемые Дроздовым «документы» принимали безоговорочно и списывали по ним в расход топлива.

В результате образовалась недостача топлива и других материалов на сумму более 3000 руб.

Такая обстановка в области учета создавала полную возможность всякого хищения топлива.

Коллегия по транспортным делам Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение подготовительного заседания отменить и дело передать в суд для рассмотрения по существу.

***

Подготовительным заседанием линсуда Южн. ж. д. от 1 февраля 1937 года дело по обвинению Босенко Антона Елисеевича и Ключко Степана Филипповича по ст.ст. 56—30 п. 1 УК УССР на основании 5 ст. УПК было прекращено производством и передано для рассмотрения в административном порядке.

Прокуратура Союза опротестовала постановление подготовительного заседания по следующим основаниям:

Старший стрелочник Босенко и составитель Ключко при производстве маневров на ст. Харьков-Сортировочная произвели осаживание состава на занятый путь, вследствие чего произошло крушение.

Подготовительное заседание, рассмотрев дело, согласилось с предъявленным обвинением, но прекратило дело по нецелесообразности. Между тем убытки, причиненные столкновением, составляют 5414 руб.

Нарушения правил технической эксплуатации стрелочником Босенко и составителем Ключко чрезвычайно серьезны и имели серьезные последствия.

Босенко и Ключко имеют в прошлом административные взыскания. Так, Босенко в июле 1934 г. был смещен в младшие стрелочники за прием поезда на занятый путь; в июле 1936 г. получил выговор за сход с рельс при маневрах ледника и в декабре 1936 г. выговор за порез стрелки при маневрах.

Ключко в мае 1936 г. получил выговор за сход с рельс вагона.

Таким образом, непонятно — чем руководствовался суд, мотивируя прекращение дела по обвинению Босенко и Ключко нецелесообразностью привлечения их к уголовной ответственности.

Коллегия по транспортным делам Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила решение подготовительного заседания линсуда отменить и дело направить в суд для рассмотрения со стадией судебного следствия.

НАРУШЕНИЕ СТ. 49 УК РСФСР

Приговором народного суда Маймаксанского района Северной области Сальникова Н. А. был осужден по ст. 116 ч. 2 УК к 2 годам лишения свободы и по ст. 109 УК к 1 году лишения свободы, а по совокупности к 3 годам лишения свободы.

Уголовно-кассационная коллегия крайсуда переквалифицировала действия Сальникова по ст. 116 часть 1 Уголовного кодекса, определив ему срок наказания 3 года лишения свободы.

Сальников обвинялся в том, что, работая Маймаксанском рабкоопе в качестве заведующего ларьком № 2, растратил 937 руб. Кроме этого, Сальников обвинялся в причинении убытка рабкоопу в сумме 450 руб. и в при-

своении 240 руб., полученных им от продажи хлеба, который не был им заприходован. Сальников числящийся за ним 937 руб. возместил еще до суда; на остальную же сумму к нему никто никаких претензий не предъявлял. Обвинение, предъявленное Сальникову относительно недостачи 937 руб., подтверждается материалом дела. В остальном предъявленные ему обвинения являются весьма спорными.

Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда и определение УКК крайсуда по следующим основаниям:

1) Нарсуд, определяя меру наказания Сальникову, применил принцип сложения, а не принцип поглощения, чем грубо нарушил ст. 49 УК.

2) Кассколлегия крайсуда, вместо того чтобы своим определением указать нарсуду на допущенную им грубейшую ошибку и ее исправить, сама допустила грубейшие нарушения.

Так, исключив из приговора ст. 109 и 2 часть ст. 116 УК, УКК оставила Сальникову меру наказания, определенную ему судом в результате указанного выше неправильного сложения и, кроме того, нарушила ст. 19 УПК, так как по ст. 116 ч. 2 мера наказания Сальникову была определена нарсудом — 2 года лишения свободы, а УКК переквалифицировала 2 часть ст. 116 УК на 1 часть и оставила меру наказания — 3 года лишения свободы.

3) Недостачу в 937 руб. Сальников покрыл полностью еще до суда. Таким образом, фактически ущерб Сальниковым нанесено не было.

Президиум Северного областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение УКК от 20 января 1936 г. отменить и дело передать в кассколлегию облсуда на новое рассмотрение в ином составе.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЛА

Приговором нарсуда 3 участка г. Кирова 19 февраля 1936 г. Чименев Н. М. был осужден по ст. 116 ч. 1 УК к 2 годам лишения свободы со взысканием с него в пользу «Комилеса» 2000 руб.

Обвинялся Чименев в том, что, уйдя в 1936 г. с работы в тресте «Комилес», не сдал числящиеся за ним деньги в сумме 2000 руб. Предъявленное ему обвинение Чименев хотя и не признал, но на предварительном следствии обязался возратить тресту 2000 руб. в 10-месячный срок.

УКК крайсуда, признав предъявленное Чименеву обвинение недоказанным, приговор Нарсуда отменила и дело производством, на основании ст. 418 УПК, прекратила.

Прокуратура Союза опротестовала определение УКК по следующим основаниям:

Независимо от данных бухгалтерской экспертизы, предъявленное Чименеву обвинение можно считать доказанным, хотя бы уже по одному тому, что он через два года после оставления службы в тресте, при возбуждении против него уголовного дела, согласился уплатить тресту 2000 руб. Поэтому у кассколлегии не было достаточных оснований прекращать данное дело вовсе.

Президиум Кировского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение УКК краевого суда отме-

нить и дело передать на новое рассмотрение в ту же УКК в ином составе.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕПОЛНОТОЙ ПРОВЕДЕННОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО И СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Приговором нарсуда Козловского района Чувашской АССР Макаров Я. Г. по закону от 7 августа 1932 г. был осужден к 10 годам лишения свободы с конфискацией амбара.

По этому же делу Ефимов Н. Т., привлеченный по ст. 111 УК, был оправдан.

Определением кассколлегии Главсуда Чувашской АССР приговор этот был отменен и дело передано на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе, с обязательным назначением новой судебно-бухгалтерской экспертизы.

Постановлением президиума Главсуда Чувашской АССР определение кассколлегии было отменено и дело передано на новое рассмотрение в кассационную коллегию Главсуда, с указанием, что для применения к Макарову закона от 7 августа 1932 г. оснований не имеется.

Определением кассколлегии Главсуда от 25 июля 1935 г. приговор нарсуда Козловского района от 9—10 мая 1935 г. был оставлен в силе; действия осужденного Макарова переквалифицированы по ст.ст. 109 и 116 ч. 2 УК и мера наказания снижена до 5 лет лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда, постановление и определение кассколлегии Главсуда по следующим основаниям:

Макаров был осужден за то, что, состоя завхозом и кассиром Шименевского колхоза «Новая жизнь», растратил 2062 руб. 70 коп. колхозных средств, и за то, что у него оказалась при ревизии недостача 3021 кг зернопродуктов.

Сумма растраты у Макарова складывается из 1669 руб. 50 коп. и 137 руб. 50 коп., уплаченных, по его словам, за овес, купленный на частном рынке через члена колхоза Соловьева, и выведенных в расход по ордеру.

По заключению экспертизы от 29 января 1935 г. овес этот был оприходован мелкими партиями, что и дало основание ревизионной комиссии считать его неоприходованным по продуктовой книге.

Вновь назначенная экспертиза в своем заключении от 26 апреля 1935 г. обошла этот вопрос молчанием. Свидетель Солорьев, который по заявлению Макарова покупал для колхоза овес на рынке, по этому вопросу не был допрошен.

Совершенно не выяснена также и причина недостачи у Макарова 3021 кг зернопродуктов. Утверждение в приговоре суда, что Макаров продавал рожь и пшеницу отдельным колхозам, не находит подтверждения в материалах дела.

Установлен только один случай продажи им 9 пудов ржи и 1 пуда пшеницы гр-ке Шпоровой, но при получении Макаровым за 684 трудовня из урожая 1934 г. 3041 кг зернопродуктов этот факт не может служить объяснением причин недостачи.

Макаров объясняет недостачу у него зерно-продуктов естественной убылью, каковая при ревизии и производстве экспертиз не была принята во внимание и не учтена по отношению ко всему количеству зерна за 1933 год, а за 1934 год были приняты преуменьшенные нормы.

Это обстоятельство также требовало проверки.

Уголовно-судебная коллегия Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: приговор народного суда и постановление президиума Верховсуда Чувашской АССР, определение КК этого же Верховсуда отменить, оставив в силе определение кассколлегии Верховсуда Чувашской АССР о передаче дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с назначением судебно-бухгалтерской экспертизы.

НАЗНАЧЕНИЕ ОДИНАКОВОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМЫМ БЕЗ УЧЕТА ТЯЖЕСТИ СОВЕРШЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАЖДЫМ — НЕПРАВИЛЬНО

Приговором народного суда Кировского района г. Ленинграда 31 марта 1936 г. была осуждена Николаев К. Н. по ст.ст. 116 ч. 2 и 120 ч. 1, УК к 4 годам лишения свободы, Мочалов А. М. по ст.ст. 109 и 120 ч. 1 УК к 4 годам лишения свободы, со взысканием с них солидарно 8314 руб. 75 коп., Каминский М. Н. по ст. 109 УК к 4 годам лишения свободы, Бузаков М. Н. по ст. 111 к 1 году исправ-трудаб.

Николаев, работая агентом жилищно-хозяйственного отдела Кировского завода в период апрель—ноябрь 1935 г., систематически составлял преувеличенные, а частью фиктивные счета на приобретаемые для завода товары. Как установлено судом, Николаев составил подбанных счетов на 40 083 руб., в результате чего обратил в свою пользу 4097 руб. Кроме того Николаев растратил 4216 руб. подотчетных сумм. Мочалов, являясь начальником Николаева, зная о преступной деятельности Николаева, в частности, о факте составления фиктивных счетов, не только не привлек его к ответственности, но, в отдельных случаях, прямо помогал ему. Так, например, он составил акт о приобретении Николаевым обувных заготовок на рынке, что в действительности не имело места.

Каминский, работая продавцом в магазине Горстройснаба, сфабриковал для Николаева счетов на 5764 руб. За эти услуги Николаев неоднократно угощал Мочалова и Каминского в ресторанах и дал Мочалову наличными деньгами около 1000 руб.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Мочалова и Каминского по следующим основаниям:

Суд подошел обезличенно к Николаеву, Мочалову и Каминскому, определив им одну и ту же меру наказания, между тем из обстоятельств дела видно, что роль их по делу не одинакова.

Николаев не только допустил злоупотребления при заготовке товаров, но также присвоил 4216 руб. из подотчетных сумм. Несмотря на то, что это обстоятельство вполне устано-

влено материалами дела, в описательной части приговора об этом ничего не говорится, хотя суд учел это при удовлетворении гражданского иска и при квалификации действий Николаева. По делу не установлено также, что Мочалов принимал участие в растрате этих денег. Не признал его виновным в растрате эти денег и суд, так как квалифицировал деяния Мочалова только по ст. 109 УК. Однако, решая гражданский иск, суд возложил ответственность на Мочалова также и за эту сумму. При условии, что Мочалов явился соучастником Николаева только в злоупотреблении со счетами, установление ему наказания наравне с Николаевым неправильно.

Каминский виновен лишь в том, что помогал Николаеву в составлении преувеличенных и фиктивных счетов на 5764 руб. из общей суммы счетов в 40 083 руб., составленных Николаевым, за что пользовался оценками последнего. Роль Каминского в преступной деятельности Николаева имела второстепенный характер, почему и наказание ему не могло быть установлено одинаковое с Николаевым.

Президиум Ленинградского областного суда рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил: понизить Мочалову Александру Михайловичу и Каминскому Александру Петровичу наказание до двух (2) лет лишения свободы каждому с зачетом времени нахождения под стражей.

Установить ответственность Мочалову по гражданскому иску солидарно с Николаевым в сумме четырех тысяч девяносто семи (4097) руб.

В остальном приговор народного суда и определение УКК Областного суда оставить без изменения.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 7 АВГУСТА 1932 Г.

Логанов Н., Журиков Г. и Козлов В. были осуждены кооперативной камерой суда г. Орла 15 декабря 1936 г. по закону от 7 августа 1932 г. за расхищение социалистической собственности к 10 годам лишения свободы каждый с конфискацией имущества Журикова и Козлова.

Рассматривая дело по жалобе обвиняемых Курский областной суд оставил приговор в силе. В отношении Козлова приговор был опротестован Курской областной прокуратурой. Президиум областного суда, который признал протест неосновательным и отказал в переквалификации действий Козлова по 2 ч. ст. 169 УК.

Журиков Г., совместно со скрывшимся от суда Княжевским, систематически в течение 1934 и 1935 гг. занимался расхищением государственных средств путем покупки по фиктивным доверенностям различных товаров по нормированным ценам и перепродажи их по повышенным ценам госучреждениям. Расхищено ими таким образом было до 10 тыс. рублей.

Логанов Н., работая председателем Герасимовского сельпо, в 1935 г. познакомился с Журиковым, который предложил ему рыбные товары. За купленные партии рыбы Логанов получал поддельные счета от Журикова, а для последних счета были написаны им самим со-

местно с Козловым: один — на 4001 руб. на фактически полученную партию рыбы и другой, фиктивный, на 4013 руб., деньги по которому были присвоены Логановым. Всего по селюпо недостача выразилась в сумме 7639 руб. Часть суммы была покрыта. За Логановым осталась недостача в сумме 6713 руб.

Козлов В., работавший в другом учреждении, познакомившись с Журиковым в 1935 г. по его просьбе заполнил 2 счета и еще 2 счета были заполнены по просьбе Логанова и по его указаниям на купленные партии рыбы.

По показаниям Логанова, Журикова и объяснениям самого Козлова видно, что никакого вознаграждения он от них не получал. В приговоре также указано, что судом не установлено, какие материальные выгоды извлечены Козловым из его действий.

Таким образом, в действиях Логанова имеется состав преступления, предусмотренный не законом 7 августа 1932 г., а ст.ст. 116 и 120 УК. В отношении же Козлова, при отсутствии доказательств получения им какой бы то ни было суммы денег, т. е. при отсутствии корыстных мотивов, могли быть применены только ст.ст. 17 и 120 УК.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Логанова и Козлова.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила действия Логанова Николая квалифицировать по ст.ст. 120 и 2 ч. ст. 116 УК с назначением ему меры наказания — 5 лет лишения свободы, без поражения в правах; действия Козлова квалифицировать по ст.ст. 17—116 УК, назначив ему меру наказания в полтора года лишения свободы, исключив из приговора конфискацию имущества. В остальном приговор суда и последующие решения по делу оставить в силе, Козлова из-под стражи освободить.

Приговором Особой камеры по водному транспорту при Московском областном суде Чечурин А. П. был осужден по закону от 7 августа 1932 г. к расстрелу за допущенную им растрату 3000 руб., полученных в октябре 1932 г. от месткома МОУРП на производство самозаготовок овощей, а Шигунов А. И., Шилов А. И. и Игнатьев Д. А. к 10 годам лишения свободы за соучастие в преступлении Чечурина.

Этот приговор в отношении Чечурина определением судебно-кассационной коллегии Верховного суда РСФСР был оставлен в силе с заменой Чечурина расстрела десятью годами лишения свободы, по мотивам чрезмерной суровости меры наказания, первой судимости Чечурина, его болезненного состояния, в результате ранения в гражданской войне, и прежних заслуг по борьбе с бандитизмом.

Президиум Верховного суда РСФСР, который признал квалификацию преступления обвиняемого Чечурина по закону от 7 августа 1932 г. правильной, преступные действия обвиняемых Шилова, Шигунова переквалифицировал на ст. 109 УК со снижением меры наказания Шилову до двух лет лишения свободы и Шигунову до 5 лет лишения свободы, а в отношении Игнатьева дело производством прекратил за недоказанностью его участия в преступлении.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Чечурина по следующим основаниям.

Как усматривается из материалов дела, приговор в отношении Чечурина не только чрезмерно суров, но квалификация его преступления по закону от 7 августа 1932 г. неправильна. Преступление Чечурина по материалам дела и по приговору заключается в том, что он, получив деньги от месткома МОУРП, не истратил этих денег по назначению, а обратил их на пьянство со своими товарищами и сослуживцами — Шиловым и Шигуновым. Такие действия Чечурина по существу являются не чем иным, как простой растратой и должны быть квалифицированы по ст. 116 ч. 1 УК, а действия Шилова и Шигунова, как соучастников, должны быть квалифицированы по ст.ст. 117, ч. 1 и 1116 УК.

Чечурин был активным участником гражданской войны, имеет ранения и контузию. Судебно-медицинская экспертиза констатировала наличие у Чечурина травматического неврастения, осложненного привычным стремлением к алкоголю.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила переквалифицировать действия Чечурина на ст. 116, ч. 1 УК РСФСР и определенную ему меру наказания снизить до 3 лет лишения свободы без поражения в правах, с соответствующим зачетом времени, проведенного под стражей.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

Действующим уголовным законодательством СССР и союзных республик для борьбы с шпионажем, вредительством, с попытками организации взрывов, крушений, поджогов с человеческими жертвами и других диверсионных актов установлены в качестве мер уголовного наказания — лишение свободы на срок не свыше 10 лет, а для наиболее тяжких видов государственных преступлений — высшая мера наказания (расстрел).

В целях дальнейшей борьбы с такого рода преступлениями и предоставления суду возможности избирать по этим преступлениям не только высшую меру наказания (расстрел), но и лишение свободы на более длительные сро-

ки, Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет:

1. Во изменение ст. 18 «Основных Начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» установить в качестве меры уголовного наказания лишение свободы на срок не свыше 25 лет.

2. Предложить Центральным Исполнительным Комитетам союзных республик привести свое законодательство в соответствие с настоящим постановлением.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. Калинин.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР А. Горький.

Москва, Кремль, 2 октября 1937 г.

По союзным республикам

РСФСР

Казанский юридический институт забыл о своих выпускниках

В статье т. Батанова (пом. директора Казанского юридического института) «Пять лет работы Казанского юридического института по заочному образованию» («Советская юстиция», 1937 г. № 6, стр. 33) сообщалось об успехах, достигнутых Казанским юридическим институтом за истекшее пятилетие. Эти успехи безусловно имеются. Гордостью первых успехов института является выпуск 1936 г. — 48 человек, окончивших юридический институт практических работников суда и прокуратуры. В числе 48 человек выпускников, преодолевших трудность заочного правового образования без отрыва от производства, нахожусь и я.

С тех пор как мы, являясь студентами юридического института, защитили дипломные работы, прошел уже целый год. Дирекция и профессорско-преподавательский состав института при выпуске обещали держать с нами, выпускниками, постоянную связь и даже обещали изредка созывать нас в институт для того, чтобы обменяться опытом работы и ознакомить нас с важнейшими вопросами теории права на современном этапе.

Но увы! Эти обещания так и остались обещаниями до сего времени: институт никакой связи с нами, студентами-выпускниками, не имеет. О созыве выпускников в институт и речи нет, тогда как этот созыв является крайне необходимым, так как после защиты нами дипломных работ на правовом фронте были серьезные изменения. Вскрыта была и разгромлена «школка» Пашуканиса и его контрреволюционной своры, занимавшейся вредительством на правовом теоретическом фронте, а мы в 1935 г. и в начале 1936 г. пользовались в институте их учебниками. Отсюда важность созыва студентов-выпускников на определенный период в институт ясна.

Этого требует новая обстановка. Ибо мы, практические работники суда и прокуратуры, призваны к беспощадной борьбе с врагами народа, к защите социалистической законности, к охране интересов нашего государства и всех граждан нашей великой социалистической родины.

П. Казанцев.

С заочной учебой прокуроров неблагополучно

Жизнь с каждым днем предъявляет все более и более повышенные требования к руководящим работникам и активу партийных, хозяйственных и советских организаций.

Советские прокуроры по характеру своей деятельности принадлежат к категории политических работников.

Чтобы соответствовать этому — каждому прокурорскому работнику необходимо овла-

деть большевизмом, вооружиться учением Маркса, Ленина, Сталина, высоко поднять свой общекультурный уровень и хорошо освоить теорию и практику своего дела, т. е. надо учиться, учиться и учиться.

А вот с учебой прокурорских работников дело обстоит весьма неблагополучно.

Возьмем для примера оперативных работников Западной областной прокуратуры. Из 32-х человек — 20 чел. с низшим образованием; 25 чел. не имеют никакой юридической подготовки, кроме практической работы. Состоят в заочном секторе Ленинградского юридического института только 14 чел., некоторые из них числятся студентами с 1933/1934 гг. и, несмотря на это, большинство еще до сих пор не сдали зачетов даже за первый семестр.

В чем кроется причина такого позорного положения с заочной учебой? Мне приходилось беседовать с рядом товарищей — почему они или совсем не учатся, или плохо учатся в заочном институте? Ответ на это я получил, примерно такой: «За то, что я не учусь, мне ничего не будет, а если я по производству запущу работу, меня обязательно привлекут к ответственности».

Вот в этой безответственности, отсутствии контроля за учебой и заключается в основном причина такого наплевательского отношения к заочной учебе.

Правда, имеются циркуляры НКЮ, Прокурора Союза о необходимости заочной учебы, предложено в этих циркулярах обеспечить особые свободные от работы дни для заочной учебы и зачетных конференций. Все это как будто бы хорошо, условия для учебы как будто бы созданы, но, к сожалению, это пока остается только на бумаге. Никто этого дела по существу не контролирует, никто настоятельно, всерьез этим вопросом не интересуется, никто не требует ответственности за выполнение столь важного политического мероприятия. Получается впечатление, что руководители учреждения как будто бы даже довольны, что оперативные работники не отрываются от дела для заочной учебы. Отсюда и все качества заочной учебы.

Такое положение, очевидно, не только в одной Западной области.

Надо, наконец, сделать решительный поворот в деле улучшения постановки заочного обучения прокурорских работников. Надо обязать оперативных работников областного (краевого) аппарата, чтобы они все в течение ближайших лет получили среднее общее образование и высшую юридическую подготовку, а районные работники — среднее общее образование и юридическую подготовку в правовых техникумах.

Руководителей областных (краевых) прокуратур под их персональную ответственность надо обязать, чтобы они систематически следили за этим и требовали бы от каждого студента-заочника, наряду с производственной работой, и успешных показателей в их заочной учебе.

Б—в

Кустовая учебно-методическая конференция в г. Белозерске

С 13 по 18 июля в г. Белозерске Ленинградской области состоялась кустовая учебно-методическая конференция.

В работах конференции приняли участие прокуроры Череповецкого, Чарозерского, Вышегорского, Пришекснинского, Белозерского, Кирилловского, Андомского, Ковжинского, Важинского, Шимского, Винницкого и Оштинского районов и, кроме того, народные следователи Петринеевского, Белозерского и Кирилловского районов — всего 17 человек.

Конференции предшествовало обследование состояний работы Вознесенского, Оштинского и Вышегорского районных прокуроров за время с 1 января по 1 июля с. г.

Обследованию были охвачены все участки работы райпрокуратуры — следствие, судебный надзор, общий надзор, производство по гражданским делам, работа с жалобами и т. п.

Начальник отдела общего надзора — старший помощник Леноблпрокурора т. Альбицкий провел в первый день конференции занятие на тему: «Методы работы по общему надзору». Этой темой, занявшей 6 часов, были охвачены важнейшие директивы по общему надзору, практика районного прокурора по общему надзору, характер информации по вопросам общего надзора и разбор постановлений ВЦИК от 30 марта 1931 г.

Участниками конференции были разобраны наиболее характерные в практике райпрокуроров протесты по общему надзору и, кроме того, всем райпрокурорам были розданы 13 образцов протестов по различным вопросам общего надзора.

Второй день конференции был посвящен участию прокурора в суде. В прочитанной т. Альбицким лекции были затронуты следующие вопросы: значение судебного следствия в связи с проектом УПК; особенности вопроса при уликах прямых и косвенных; разбор процессуальных норм, обуславливающих ведение судебного следствия; построение обвинительной речи по делам, основанным на косвенных уликах, и методика допроса, произведенного прокурором СССР т. Вышинским на процессе антисоветского центра.

Третий и четвертый дни конференции начальник следственного отдела Леноблпрокуратуры т. Альперин провел занятия на тему: «Важнейшие вопросы уголовного процесса и методика организации надзора и руководства предварительным следствием». Тов. Альперин особо остановился на процессуальном значении экспертизы в предварительном следствии и организации экспертизы.

Занятия на тему: «Основные вопросы гражданского и трудового права» были проведены пом. облпрокурора т. Берлиным. На этих занятиях подробно разбирались извращения на теоретическом фронте «шkolки» врага народа Пашуканиса в вопросах гражданского права.

Последний день конференции заняли отчетные доклады прокуроров Вышегорского и Оштинского районов и заключительный доклад прокурора Ленинградской области т. Позерна Б. П. на тему: «Задачи органов прокуратуры в свете Сталинской Конституции».

Конференция прошла при большой активности участников, отметивших положительное значение конференции как метода руководства и связи с районами.

К числу дефектов конференции следует отнести недостаточность использования материалов из практики райпрокуроров и неправильную организацию педагогического процесса, так как один лектор читал два дня подряд по 6 часов в день, что утомляло и лектора и слушателей. Эти пробелы нужно учесть при организации следующих конференций.

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

Борьба прокуратуры Туркменской ССР с преступлениями против женщин

Сталинская Конституция, воплотившая в своих разделах и статьях всемирно-исторические победы, которых рабочий класс и колхозное крестьянство добились на одной шестой части мира построением бесклассового социалистического общества, закрепила невиданные ни в одной стране великие и неотъемлемые права советской женщины — равноправного и свободного строителя социализма.

В Конституции Туркменской ССР сказано: «Сопrotивление фактическому раскрепощению женщин (выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, государственное управление и общественно-политическую жизнь) — карается законом».

В уголовном законодательстве Туркменской ССР имеется ряд статей, говорящих о преступлениях, связанных с раскрепощением женщин, феодально-байским отношением к женщине, карающих преступников, посягающих на личность и права женщин, длительным лишением свободы, а при убийствах женщин — активисток, общественниц, совершенных в целях препятствия их раскрепощению, культурной и общественно-политической работе, — высшей мерой наказания — расстрелом.

К сожалению борьба с этими важнейшими преступлениями в Туркменской республике проводится чрезвычайно слабо, хотя преступлений этой категории, связанных прямо с раскрепощением женщины, феодально-байским отношением к ней, здесь немало. По сравнению с 1935 г. в 1936 г. и за 4 месяца 1937 г. раскрыто этих преступлений больше примерно на 40%. Это объясняется политическим и культурным ростом колхозников и колхозниц, вскрывающих эти преступления, и некоторым, хотя и далеко не достаточным, улучшением, по сравнению с прошлым, работы органов следствия, прокуратуры и судов.

За последнее полугодие в целом ряде районов республики мы имеем ряд вскрытых преступлений, имеющих политическое значение, как-то: убийства активисток-общественниц в связи с их общественно-политической работой и учебой. Дела эти носили по мотивам совершенных преступлений ярко выраженный контрреволюционный характер. Вместе с этим, органами следствия и прокуратуры по этим

делам вскрыты политическая слепота и беспечность работников аулсоветов, колхозов, руководителей советских, комсомольских и партийных организаций.

Со стороны судебного-следственных и прокурорских работников борьба с преступлениями в области раскрепощения женщин в 1936 г. велась недостаточно. Целый ряд преступлений, имевших общественно-политическое значение, смазывался милицией, следователями и прокуратурой. Преступления квалифицировались как обычные уголовно-бытовые дела, и в результате народные суды и Верховный суд Туркменской ССР выносили преступникам приговоры с мягкими мерами наказания.

Эти политические ошибки в расследовании и рассмотрении дел в народных судах имеют место и в настоящее время.

Прокуратура республики за последнее время обратила особое внимание следственных органов и райпрокуроров на расследование преступлений, связанных с раскрепощением женщин, в частности, райпрокурорам даны специальные указания о том, что все преступления этой категории, как правило, должны расследоваться следователями и в кратчайший срок. По отдельным, наиболее важным преступлениям (убийство, самоубийство, продажа и изнасилование малолетних). Прокуратура республики для расследования командиров в районы своих старших следователей и соответствующих прокуроров. Все дела этой категории следственным отделом прокуратуры Туркменской ССР взяты на особый учет и контроль.

По неполным данным в 1936 г. по республике в целом было возбуждено и расследовано 433 дела, из которых непосредственно следственным аппаратом прокуратуры расследовано 212 дел. Свыше 50% дел были расследованы милицией и, таким образом, учитывая недостаточно квалифицированные кадры работников милиции, их слабую политическую грамотность, — целый ряд дел был расследован неглубоко, в результате — политическая значимость преступлений по ним смазывалась.

За 4 месяца 1937 г. районные и участковые прокуроры рассмотрели 98 дел, из них — по 67 делам расследование производилось следственным аппаратом прокуратуры.

В отдельных районах республики в процессе следствия было вскрыто, что райкомы партии, райкомы комсомола и райисполкомы находились в стороне от борьбы за действительное раскрепощение женщин, не делали соответствующих политических выводов по вскрытым органами следствия и прокуратуры преступлениям, имеющим большое политическое значение (Карабекаульский район, Чарджоу, Мары, Дарган-Ата, Бахарден и др. районы).

По ряду расследованных дел установлено также, что отдельные руководители районов, аулсоветов и колхозов не только не вели никакой борьбы за раскрепощение женщин, но сами потворствовали и допускали феодально-байское отношение к женщинам, проявляли полное бездействие по отношению к нарушителям советских законов, а в ряде случаев — содействовали этим нарушениям.

Приводим наиболее характерные, имеющие политическое значение дела, возникшие за последний период времени в Туркменской рес-

публике, связанные с раскрепощением женщин и феодально-байским отношением к ним.

В феврале 1937 г. в Марийском районе ауле Меджеур-Баба-Сары, в третьей бригаде колхоза «Джемгует» покончила самоубийством путем самоожожения колхозница Айсултан, оставив мужа и двоих малолетних детей. В этом самоубийстве из аулсовета было сообщено заместителю председателя райисполкома Мергенову, который, получив сообщение, сделал распоряжение о высылке карсты скорой помощи, не сообщив следственным властям.

23 марта с. г. в этом же колхозе и в той же третьей бригаде также путем самоожожения покушалась на самоубийство колхозница Яз Баба, которая с полученными сильными ожогами была доставлена в больницу. Произведенным расследованием прокуратурой было установлено, что Яз Баба покушалась на самоубийство потому, что жила с гр. Доу Ильмурадом, который имел еще двух жен и детей от них. Яз Баба, не желая в дальнейшем жить с Доу Ильмурадом, обратилась в аулсовет по поводу развода. Работники аулсовета в расторжении брака ей отказали и продолжали над ней, в результате Яз Баба стыда облила себя керосином и подожгла.

Причины самоубийства колхозницы Ак Султан расследованием пока еще не установлено, так как из допроса близких родственниц покойной Ак Султан и других лиц, устанавливается круговая порука — стремление говорить о причинах самоубийства, причём как установлено расследованием, в этом случае руководящую роль играл муж покойной Ак Султан, в настоящее время арестованный прокуратурой.

В процессе расследования этих двух случаев самоубийств установлено, что в том же колхозе были еще два случая покушения на самоубийство колхозниц тем же способом самоожожения. Расследование по этим делам продолжается (его производят на месте пом. прокурора Туркменской ССР и Марийский учпркурор). Арестованы мужья трех колхозниц, покушавшихся на самоубийство, и муж покончившей с собой Ак Султан. Районные организации выводов из этих фактов не сделали.

В феврале с. г. в Тедженском районе, в совхозе гр-ка Дур Набат, 20 лет, в целях самоубийства облила себя керосином и подожглась. От полученных сильных ожогов вскоре умерла.

Произведенным расследованием было установлено, что причиной самоубийства явилось систематическое издевательство над Дур Набат со стороны ее мужа Кич Кули — работника совхоза, который прокуратурой арестован и предан суду.

В октябре 1936 г. в Байрам-Алийском районе гр. Юсуп Сурабу убил гр-ку Реджеб Куль и ее дочь 4 лет, зарыв оба трупа на территории аулсовета «Захмет», недалеко от колхоза «Ескира».

Расследованием установлено, что мотивом к убийству Реджеб Куль и ее дочери послужило то, что убитая Реджеб Куль в 1933 г. прибыла из Чарджоу в Байрам-Алийский район на постоянное жительство с двумя детьми 11 и 4 лет. Свою 11-летнюю дочь Реджеб Куль продала в жены Юсупу Сурабу за

пудов пшеницы, а сама была вынуждена поселиться в кибитке Сурабу. Последний дважды продавал Реджеб Куль в жены разным лицам, но она от них уходила. По этой причине Юсуп Сурабу в соучастии с гр. Азим Кия решил ее убить и, прожоя Реджеб Куль из Байрам-Али в г. Чарджуй, дорогой ее убил вместе с дочерью. Виновные преданы суду и осуждены к 10 годам лишения свободы.

8 апреля 1937 г. в местечке Чарак-Тепе, Кагановичского района, гр. Болса Джараевым зверским путем была убита его жена Фатма Халмурадова. Причиной убийства явилось феодально-байское отношение Джараева к жене. Джараев ненавидел своих двух детей, вынуждал жену отправить их к родственникам, а сам на-глазах жены стал ухаживать за другой женщиной. Фатма Халмурадова заявила Джараеву о том, что она без детей жить не может и неоднократно пыталась поехать за ними. В апреле 1937 г. Джараев, решив заранее убить свою жену, поехал ее проводить и дорогой нанес Халмурадовой ножом 17 резаных ран. Убийца Джараев арестован, следствие прокуратурой по делу закончено и направлено в суд.

9 мая с. г. Джараев судом осужден к 10 годам лишения свободы.

В марте с. г. в Байрам-Алийском районе убит член колхоза «им. Туркменской кавбригады» Сапарли Вердыли. Труп его был зарыт в арыке возле кибитки члена того же колхоза Чил Алла Назара. Расследованием установлено, что Сапарли Бердыли был убит за то, что, женившись на сестре убийцы, не уплатил полностью обусловленного калыма, вследствие чего его жена под давлением убийцы Чил Алла Назар и др. родственников от Сапарли Вердыли ушла. Последний неоднократно добивался лично и через аулсовет возвращения жены домой, однако, аулсовет мер никаких не принимал, и когда он сам явился за женой, он был убит Чил Алла Назаром и др. его родственниками. Убийца Чил Алла Назар и его соучастники прокуратурой арестованы, расследование по делу закончено и направлено в суд к рассмотрению.

Особенно неблагоприятно с феодально-байским отношением к женщине в Бахарденском районе, в котором за последнее время было зарегистрировано и расследовано несколько случаев самоубийств женщин путем саможжения.

Наиболее разителен следующий факт издевательства и феодально-байского отношения к женщине.

Учитель одной из школ Бахарденского района Буркас Чары Оглы в 1932 г. женился на учительнице той же школы Курбан Тач. Вскоре же после женитьбы Буркас Чары стал систематически издеваться над Курбан Тач, бросил учительствовать и насильно заставил бросить занятия в школе и жену. Позднее Буркас Чары стал пьянствовать, отказался от работы, а жену Курбан Тач заставил работать в ковровой мастерской. Несмотря на наличие у Курбан Тач двух малолетних детей, Буркас Чары работать откидывался и систематически предъявлял требования к жене давать ему деньги на вино. В результате описанных выше фактов, Курбан Тач в январе 1937 г. облила себя керосином

и подожглась. От полученных сильных ожогов она вскоре умерла. Муж ее Буркас Чары прокуратурой предан суду по ст. 137 УК ТССР (доведение до самоубийства) и 12 февраля с. г. народным судом осужден к 4 годам лишения свободы и лишению политических прав сроком на два года.

В апреле с. г. Прокуратурой республики закончено расследованием и направлено в суд несколько дел о многоженстве и о продаже малолетних девочек по Бахарденскому району.

Житель аула Ак-Тепе Бахарденского района Али Кор Ягды Оглы договорился с жителями ст. Келята Аман Гельди Джамамед о продаже по обычаю «кудалык» своей малолетней племянницы Дурд Жахан гр. Чары Кор Ягды, что и было сделано. Малолетняя Дурд Жахан была насильно привезена к Чары Кор Ягды. Прокуратурой республики виновные лица преданы суду по ст. 151 УК ТССР, дело направлено в суд в начале мая с. г. к рассмотрению. Девочка Дурд Жахан передана в детдом.

Бригадир колхоза «им. Пятилетия ТССР» Савдыр Хайды Байрам-Алийского р-на похитил 14-летнюю девочку и, против ее воли, вступил с ней в брак. Через некоторое время Савдыр Хайды, не расторгнув брака с этой девочкой, вступил в новый брак с гр-кой Яз Дурсун. Савдыр Хайды предан суду.

В Карабекаульском районе председатель колхоза им. Сталина Прилимбимского аулсовета Сапар Рахманов, злоупотребив своим служебным положением, в интересах кладовщика колхоза Бегли Сеид Мурад Оглы насильно заставил выйти замуж за Бегли Сеид Мурада гр-ку Яз Гуль Ораз Бердыеву, когда же последняя отказалась жить с Бегли Сеид Мурадом, пред. колхоза Рахман и Бегли Сеид Мурад отобрали у ее близких знакомых 3 верблюдов и нанесли побои Яз Гуль Ораз Бердыевой.

Сапар Рахманов и Бегли Сеид Мурад прокуратурой преданы суду по ст. 105 ч. 2 УК ТССР. В начале мая с. г. дело направлено в суд к рассмотрению.

В Иолотанском районе член колхоза аула «Маматан» Джума Аман Валиев, 31 года, обманным путем, против воли Курбан Гуль Худай Бердыевой 14 лет, женился на ней, вступив в половую связь с ней. Джума Аман Валиев в целях сокрытия своего преступления, обманным путем представил в аулсовет и загс полученную от врача фиктивную справку о том, что Бердыевой 16 лет.

В результате раннего замужества и половой жизни, Бердыева, будучи физически недоразвитой, тяжело заболела. Прокуратурой республики Джума Аман Валиев был предан суду по ст. 156 ч. 1 и 150 УК ТССР и в марте с. г. судом он осужден на 7 лет лишения свободы.

В марте, апреле и мае с. г. было совершено три контрреволюционных, террористических акта — убийства передовых активисток-общественниц: зав. школой, активной комсомолки, члена бюро райкома Карабекаульского района Айпаши Чарыевой; курсантки Чарджоуских автотракторных курсов Базар Гуль Джумаевой и пред. ревизионной комиссии колхоза им. Атабаева Тагановой.

17 марта с. г. исключенный из рядов партии и из Туркменского сельскохозяйственного ком-

вуза за утерю партбилета и участие в контрреволюционных националистических группировках Чарыев Клыч из мести своей жене Айпаше за ее активную общественно-политическую работу несколькими ударами топора в голову убил ее. Классовый враг, сын Бая Рахмедов Худай Кули, два брата которого ссуждены, один к расстрелу за вредительство в колхозе, другой — к 10 годам лишения свободы за убийство жены. Третий брат — бывший служитель религиозного культа — мулла, — на почве феодально-байского отношения к жене Джумаевой, активной колхознице, систематически издевался над ней и избивал ее за то, что Джумаева поступила на автотракторные курсы учиться. Рахмедов неоднократно добивался от Джумаевой, чтобы она бросила учебу и вернулась в колхоз. Джумаева категорически отказалась бросить учебу и пыталась разоблачить Рахмедова как классового врага. Последний пробрался на автотракторные курсы в целях помешать Джумаевой учиться, а затем вскоре, убедившись в том, что Джумаева не хочет бросить учебу, 5 апреля 1937 года несколькими ударами топора по голове зверски убил ее.

Чарыев и Рахмедов заключены под стражу. Прокуратурой им предъявлено обвинение в совершении контрреволюционных, террористических актов, направленных непосредственно против политики партии и советской власти к раскрепощению женщин.

В Калининском районе Ташаузского округа членом контрреволюционной националистиче-

ской группы «Туркмен Азалтык» Курбан Болибековым, на почве противодействия своей жене Огуль Тагановой выполнять общественную работу председателя ревизионной комиссии колхоза им. Атабаева, 21 мая с. г. убил ее топором. Расследование по делу заканчивается.

Убийца Болибеков арестован и ему предъявлено обвинение по ст. 54—8 УК ТССР (террористический акт).

Приведенные примеры показывают, что классовый враг и, в первую очередь, троцкисты и буржуазные националисты, свою контрреволюционную борьбу направляют на важнейшие мероприятия партии и правительства в области раскрепощения женщин. Поэтому в задачу прокуратуры и суда сейчас входит проявление максимальной революционной бдительности, энергии и искусства в расследовании этой категории дел с тем, чтобы в процессе следствия суметь вскрыть не только тех, кто совершил преступления, но и причины и корни, породившие данное конкретное преступление.

Органы прокуратуры ТССР в этой трудной работе нуждаются в конкретной помощи со стороны руководящих партийно-советских органов, особенно по проведению разъяснительной работы среди широких масс населения, без чего работа органов следствия и прокуратуры по борьбе с преступностью в области раскрепощения женщин может дать лишь ограниченные результаты.

Т. А. Мурадов, М. Медведев

АКТИВ ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА ССР

15 августа 1937 г. состоялось очередное собрание актива Прокуратуры Союза ССР.

На собрании участвовало около 300 человек.

С докладом о перестройке работы прокуратуры ж.-д. транспорта в соответствии с решениями февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) выступил Прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский.

Тов. Вышинский начинает свой доклад с информации актива о тех мероприятиях, которые были проведены и проводятся Прокуратурой Союза в порядке реализации постановлений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в части, касающейся работы прокуратуры ж.-д. транспорта.

«Вы помните, — говорит т. Вышинский, — что пленум ЦК ВКП(б) установил необходимость «ликвидировать существующий неудовлетворительный порядок первоначального расследования причин крушения, при котором первоначальное расследование и составление актов о крушениях производится местными и дорожными комиссиями, состоящими из представителей служб, и установить, что первоначальное составление на месте актов причин крушения производится участковым железнодорожным прокурором или, в случае его отсутствия, районным прокурором близлежащего

района, совместно с представителями НКВД и ревизором по безопасности движения, с тем, чтобы дальнейшее следствие велось в установленном судебным следствием порядке».

Это очень важное решение требует радикальной перестройки работы нашей железнодорожной прокуратуры, поднимает роль и значение работы по борьбе с крушениями на большую политическую высоту и возлагает на нас большую ответственность.

27 июля с. г. порядок расследования крушений, установленный ЦК ВКП(б), вошел в силу для 17 дорог первой очереди. К сожалению, надо сказать, что Главной прокуратурой железнодорожного транспорта не было принято должных мер к тому, чтобы прокуратуры этих дорог были надлежаще подготовлены к выполнению важнейшего постановления ЦК нашей партии. Это сказалось раньше всего на том, что самая инструкция о проведении первоначального расследования и составления на местах первоначальных актов о крушениях не была своевременно разослана периферии.

Несвоевременная рассылка инструкции о порядке расследования крушений и отсутствии надлежащего инструктажа районных прокуратур отрицательно сказались на темпах про-

ведения в жизнь постановления пленума ЦК ВКП(б).

Только на этих днях мы приняли ряд решений по обеспечению более правильного ин- структирования районных прокуроров о тех обязанностях, которые на них возлагаются, в связи с новым порядком расследования кру- шений, только на этих днях мы с начальни- ками отделений нашей центральной прокура- туры железнодорожного транспорта разработа- ли ряд мероприятий, должствующих обеспе- чить районным прокурорам действительную возможность решить поставленные перед ними задачи по существу, а не формально. Между тем, это нужно было сделать гораздо раньше.

Подвергая резкой критике работу Главной прокуратуры железнодорожного транспорта, т. Вышинский, в частности, указывает, что до настоящего времени, несмотря на неоднократ- ные директивы со стороны руководства Про- куратуры Союза, не подготовлено методиче- ское письмо о порядке расследования круше- ний на железнодорожном транспорте, не вве- дена плановость в работе прокуратуры желе- знодорожного транспорта, а самое важное — в Главной прокуратуре железнодорожного тран- спорта отсутствует ясное представление о том, что нужно делать. И поэтому работа ведется в Прокуратуре железнодорожного транспорта случайно и стихийно.

Далее т. Вышинский переходит к анализу работы отдельных звеньев Главной прокура- туры железнодорожного транспорта. Касаясь следственного отделения, которое достаточно хорошо сейчас укомплектовано, т. Вышинский показывает, что работа там налажена очень слабо, что следственное отделение до послед- него времени не усвоило еще, что его глав- ная задача заключается в том, чтобы, по воз- можности, находиться на местах, т. е. на са- мых железных дорогах и там непосредствен- но руководить оперативной работой по рас- следованию преступлений, совершаемых на транспорте, в первую очередь по расследова- нию крушений.

— Мне кажется, — говорит т. Вышинский, — что при переходе на новый метод расследо- вания центральный аппарат наш должен быть в гуще самой работы, он должен направить в свои, по крайней мере, основные силы на на- йболее важные участки, чтобы там непосред- ственно учить дорожных и участковых проку- ров, как осуществить этот переход на новые рельсы. А, в действительности, в этом отно- шении ничего сделано не было. Работники следственного отделения прикованы к своим столам и стульям, вместо того, чтобы быть на дорогах имени Кагановича, Южно-Ураль- ской, Куйбышевской и др., где плохо обстоит дело. Поэтому я приказал следственному от- делению прокуратуры железнодорожного тран- спорта из 6 работников в течение ближайших дней, по меньшей мере, 3 прокуроров отпра- вить на места — одного на дорогу имени Ка- гановича, другого на Южно-Уральскую и третьего — на Куйбышевскую дорогу, чтобы на этих отстающих дорогах приняли не- посредственное участие в перестройке работы.

Переходя к оценке работы судебного отде- ления, т. Вышинский отмечает и там отсут- ствие порядка и организованности при наличии ряда неплохих работников.

— В судебном отделении, — говорит т. Вы- шинский, — имеется теперь 108 надзорных дел, которые мы условились в течение пяти дней ликвидировать. Это не очень трудно. В дальнейшем мы решили, что давать кассацион- ные заключения по всем делам нет никакой необходимости. Однако, нельзя так решать во- прос, чтобы давать заключения только по кассационным делам с расстрелом, или по де- лам, предусматривающим меру наказания в ви- де лишения свободы сроком на 10 лет. Та- кое механическое решение вопроса было бы крайне вредно. Нужно прикрепить оператив- ных прокуроров к определенным кассацион- ным коллегиям или их составу с тем, что про- курорский работник данного состава знако- мится с делом и сам решает вопрос о касса- ционном опротестовании дела, независимо от размера наказания, ибо правосудие вовсе не измеряется тяжестью наказания. Если мы без всякого основания будем приговаривать людей, предположим, к одному году исправительно- трудовых работ — это будет прямая дискредита- ция нашего правосудия, хотя само по себе это — ничтожное наказание по сравнению с 10 годами лишения свободы. Но, само собой разумеется, что в тех случаях, когда приговор предусматривает такое наказание как расстрел, которое в дальнейшем нельзя исправить, на- ше вмешательство, тщательная проверка на- ми основательности этого приговора безу- словно обязательны. Прикрепленные к колле- гиям прокуроры должны сами знакомиться с делами, которые к ним поступают и, в случае обнаружения существенных ошибок, упущений или извращений, обязаны принести по этим делам протесты в кассационные инстанции. В первую очередь, это, конечно, относится к де- лам с наиболее серьезными наказаниями, но такая постановка вопроса не исключает на- шего вмешательства и по небольшим делам, где нарушены принципы социалистического правосудия. Я спрашиваю, неужели нельзя было эту работу перестроить раньше, неужели оперативные прокуроры судебного отделения не могли додуматься до этого сами? Конечно, могли. Но в Главной прокуратуре железнодо- рожного транспорта было много трескотни, шумихи, слов, заклинаний и фраз относительно того, что там работают до 3 часов ночи, что там погрязли с головой в работу, а в действительности благодаря председателю Се- галу вся работа часто шла на холостом ходу.

Тов. Вышинский иллюстрирует это положе- ние на ряде примеров работы отделения обще- го надзора Главной прокуратуры железнодо- рожного транспорта.

В частности т. Вышинский останавливается на работе с жалобами и показывает, что в отделение общего надзора Главной прокура- туры железнодорожного транспорта ежемесяч- но поступает в среднем до 600 жалоб, кото- рые, при наличии по меньшей мере двух ра- ботников, вовсе не трудно рассмотреть без особого напряжения. Между тем работники от- деления общего надзора по инерции продол- жают кричать о том, что они задыхаются, сбились с ног и т. д.

Тов. Вышинский критикует отсутствие в ра- боте железнодорожной прокуратуры по обще- му надзору дифференцированного подхода к

людям, к жалобам и указывает на наличие формализма в методах работы.

— Дело заключается в том, — говорит тов. Вышинский, — чтобы уметь выделить факт, который действительно требует прокурорского внимания, над которым следует поработать, от другого факта или многих фактов, которые не дают оснований для вмешательства, которые не дадут никаких результатов. И здесь задача работников общего надзора заключается в том, чтобы по возможности научиться безошибочно определять, за какое дело нужно браться и нужно драться.

Переходя к кадрам, т. Вышинский приводит ряд цифр, характеризующих положение в настоящий момент, и те мероприятия, которые проводятся руководством Прокуратуры Союза для замещения свободных вакансий в связи с проводимой тщательной проверкой работников Прокуратуры.

В частности т. Вышинский указывает, что вторые следователи переводятся туда, где нет ни одного следователя, что в прокуратуру железнодорожного транспорта перебрасываются работники, ранее работавшие на транспорте, которые по каким-либо причинам оказались в территориальной системе, а главное, что крайкомы и обкомы ВКП(б) по телеграмме секретаря ЦК ВКП(б) т. Жданова помогают прокуратуре в деле укомплектования прокурорских кадров на железных дорогах за счет местных ресурсов.

— Нужно твердо помнить, — говорит т. Вышинский, — что сейчас идет речь о подборе строго проверенных людей, настоящих большевиков; речь идет о том, чтобы в конце концов вырвать с корнем последние всякие князевых, лившицев, всей этой ядовитой гнили, которая пролезла на железнодорожный транспорт и вела здесь подрывную, вредительскую, предательскую, изменническую работу.

Я думаю, что та настойчивая упорная работа, которая проведена Л. М. Кагановичем и его аппаратом по оздоровлению железнодорожного транспорта и которая в конечном итоге дала резкое снижение крушений, что работа, которую проводит НКВД во главе с Н. И. Ежовым по разгрому диверсантов, подрывников и прочих контрреволюционных групп, в значительной степени облегчает нашу работу. Но с другой стороны эти задачи разрешаются также нашим участием, а, следовательно, и от нас зависит снижение крушений, подъем дисциплины на железнодорожном транспорте и ликвидация всех вражеских элементов, окончательное разрушение всех подрывных фашистских гнезд, которые кое-где еще уцелели.

Те отдельные крушения, которые, к сожалению, имеют еще место в некоторых пунктах, свидетельствуют о том, что аварийные очаги не везде еще разгромлены, что остатки подрывной работы всех этих фуфрянских, розенцвейгов и прочих бандитов окончательно еще не выкорчеваны.

Поэтому мы никоим образом не должны успокоиться на том, что положение с крушениями на транспорте улучшилось, мы должны повышать качество своей работы, продолжать борьбу с упрощенством, верхоглядством, которые еще имеют место в нашей работе для того, чтобы ни одно крушение, ни одна ава-

рия на транспорте не прошли безнаказанно для действительных виновников.

— Мы дали, — говорит т. Вышинский, — распоряжение, чтобы при арестах обязательно производились обыски, а то принято было при крушениях виновных арестовывать, но обысков не производить. И оказалось, что это мероприятие полностью себя оправдало.

Отсюда видно, что когда стали не просто, изолированно расследовать факты крушения, когда стали по-большевистски, как следует углубляться в каждое дело, то и следствие стало давать такие результаты, с которыми не могут идти в сравнение результаты, которые мы имели раньше, например, по ст. Шумиха, вследствие неправильной ориентации Главной прокуратурой железнодорожного транспорта дорожных прокуроров по вопросам расследования. Теперь становится ясно, какое огромное значение имеет в нашей работе правильное руководство следственным делом.

Если мы сумеем уяснить те задачи, которые перед нами стоят, и по-большевистски будем драться за их разрешение, мы сможем выполнить постановление февральского пленума ЦК нашей партии и помочь партии и правительству сделать железнодорожный транспорт безаварийным.

Прения по докладу товарища Вышинского

Тов. Загер (зам. прокурора Западной ж. д.) указывает, что после решения февральского мартовского пленума ЦК ВКП(б) периферия прокуратуры ж. д. транспорта не получала от своего центра никаких указаний, как нужно реализовать решения Пленума ЦК ВКП(б) по железнодорожному транспорту. Больше того, неоднократные запросы, обращенные к главному транспортному прокурору по вопросам, связанным с перестройкой работы, оказывались безрезультатными. И только в последние дни начали поступать указания, директивы, весь тот материал, который необходим для введения нового порядка расследования.

Далее т. Зегер останавливается на вопросе о том, как прокуроры наблюдают за работой Транспортной коллегии Верховного суда, показывая на ряде примеров исключительный бюрократизм и неповоротливость Транспортной коллегии, в результате которых на оформление определения о немедленном освобождении человека из-под стражи уходит 17—26 и больше дней.

В заключение т. Зегер говорит о той работе, которая проделана на местах, в связи с новым порядком расследования крушений, о проведенных оперативных совещаниях под руководством территориального и железнодорожного прокурора, подчеркивая, что эти совещания оказались чрезвычайно полезными, особенно для районных прокуроров, которые до того не были в курсе нового порядка работы и специфических особенностей работы на железнодорожном транспорте.

— Мы думаем, — говорит т. Зегер, — что если будет организовано правильное руководство следствием, мы безусловно целиком и полностью выполним важнейшие решения пленума ЦК ВКП(б), наладим борьбу с крушениями и сделаем транспорт безаварийным.

Тов. Панкратьев (прокурор ГВП) начинает с

азания, что анализ работы прокуратуры железнодорожного транспорта, данный т. Вышинским, может быть полностью применим и к работе военных прокуратур, которые обслуживают военизированные дороги.

Далее т. Панкратьев подвергает критике ак-первоначального расследования, заявляя, что они подчас составляются поверхностно.

Тов. Панкратьев считает, что надо нажимать только на то, чтобы следствие заканчивалось в срок, но, главным образом, чтобы следствие было проведено правильно, без брака. Особо т. Панкратьев подчеркивает опасность такого положения, когда прокурор не знает в достаточной степени правил технической эксплуатации, вследствие чего он может казаться на поводу людей, которые этой техникой владеют.

В заключение т. Панкратьев указывает на ряд случаев, когда районные прокуратуры оспорова проводили расследование дел о крушениях, нежели участковые железнодорожные прокуратуры, и делает отсюда вывод, что привлечение райпрокуроров к расследованию ж.-д. дел дает положительные результаты.

Тов. Корзюков (зам. прокурора ж.-д. имени Чернинского) указывает, что до последнего времени руководство прокуратуры ж.-д. транспорта совершенно неправильно ориентировало местных работников, не фиксировало их внимания на актуальных вопросах, на разоблачении аварийных очагов. Больше того, некоторые дела, связанные с особо опасными видами крушений, были прекращены по настоянию бывшего главного прокурора железнодорожного транспорта Сегала.

Тов. Синат (начальник судебного отделения Главной прокуратуры ж.-д. транспорта) объясняет недостатки в работе главной прокуратуры ж.-д. транспорта тем, что вопрос о неукором увеличении штатов был решен только недавно и что работа была организована неправильно и путано.

Одной из основных и очень важных задач наших прокуроров и следователей, — говорит т. Синат, — является расследование крушений, выявление врагов и т. д., но, мне кажется, что, наряду с этим, мы должны помнить указание Л. М. Кагановича о том, что бороться с крушениями, бороться за здоровый транспорт — это значит, прежде всего, бороться за здоровый путь, за здоровый подвижной состав.

Что, по моему мнению, мешает этой борьбе прокуратуры с крушениями и авариями, по крайней мере, на тех дорогах, на которых приходится бывать, — это отсутствие у прокуроров дорог систематизированного учета аварийных очагов основных ж.-д. станций и дистанций пути, где на перегонах, обычно, происходят крушения, отсутствие обобщенного материала по крупным крушениям и бракам в материале, для того, чтобы на основе этих материалов можно было конкретно подойти к устранению каждого нового случая крушения.

По вопросу о ремонте пути и подвижного состава имеется целый ряд приказов Наркома путей сообщения. И вот борьба за выполнение этих приказов прокурорами наших дорог плохо ведется, они плохо следят за организующим выполнением этих приказов. Между тем всю работу по борьбе с крушениями

ми прокурорский аппарат обязательно должен увязывать с борьбой за выполнение приказов т. Л. М. Кагановича, без этого мы не сможем выполнить решения ЦК ВКП(б) об окончательной ликвидации крушений на железных дорогах.

В заключение т. Синат останавливается на вопросе о дисциплине, указывая, что расхлябанность на железных дорогах, несоблюдение правил технической эксплуатации создают благоприятную обстановку для работы вредителей.

Тов. Зорин (прокурор по кадрам Главной прокуратуры ж.-д. транспорта) начинает с указания, что в связи с решением пленума ЦК ВКП(б) необходимо было вновь организовать 91 участковую прокуратуру, что потребовало 259 новых работников, из коих 135 прокуроров.

— Решение пленума ЦК ВКП(б), — говорит тов. Зорин, — состоялось в марте, а к вопросу комплектования мы подошли только к началу июля, т. е. за несколько дней до введения в жизнь постановления о новом порядке расследования аварий. До этого мы очень мало делали для подготовки людей.

Тов. Зорин также останавливается на огромной помощи, которую оказал ЦК ВКП(б) прокуратуре в деле комплектования прокурорского состава, в частности, на дорогах имени Ворошилова, имени Кагановича, Москва—Донбасс и др.

В заключение т. Зорин подчеркивает помощь, которую оказывает т. Каганович прокуратуре в деле технической учебы прокурорских работников.

Тов. Леплевский (зам. прокурора Союза ССР) дает анализ недостатков работы руководства Главной прокуратуры железнодорожного транспорта и приходит к выводу, что эти недостатки являются следствием антипартийной, двуручнической политики, которую проводил бывший Главный прокурор железнодорожного транспорта Сегал.

Тов. Спиридонов (прокурор Горьковского ж.-д.) останавливается на недостатках работы Главной прокуратуры железнодорожного транспорта в области судебного надзора.

— Каждый месяц, — говорит т. Спиридонов, — я приношу 4—5 протестов, но мои протесты маринуются по 2—3 месяца. Приезжая в Москву, я выяснял в судебном отделении Главной прокуратуры железнодорожного транспорта причины этого явления. Меня «утешали», что есть протесты, которые лежат по 6 месяцев. Если протесты будут рассматриваться так медленно, то очень будет нецелесообразно вторично ставить процесс.

В Транспортной коллегии кассационные жалобы маринуются не меньше месяца. Получается, что мы, на основании директивы т. Вышинского, напрягаем все силы для окончания дел в максимально короткие сроки, а когда дело поступает в Транспортную коллегию, то там оно лежит по 1½—2 месяца и затем возвращается на вторичное рассмотрение с поручением проверить еще раз. Скажем, какой был туман, когда поезд проезжал закрытый semaфор. В результате таких методов работы многие дела оказываются смазанными.

Тов. Вышинский на совещании прокуроров дорог говорит о том, что дорожных прокуро-

ров нужно вызывать в Москву для защиты своих протестов, но это указание т. Вышинского не проводится в жизнь.

Тов. Спиридонов приводит ряд фактов бюрократического руководства периферией со стороны Главной прокуратуры ж.-д. транспорта. Так на Горьковской дороге было очень много крушений и аварий, половина которых приходилась на одно отделение. Основным виновником такого положения т. Спиридонов считал начальника отделения Бурова, который не принимал никаких мер к ликвидации аварий. Поставив перед Главным транспортным прокурором вопрос о снятии Бурова и привлечении его к судебной ответственности, т. Спиридонов через 1½ месяца получил приказ т. Кагановича об отстранении Бурова от работы.

— Я думал, — рассказывает т. Спиридонов, — что это результат моей записки. Однако, по приезду в Москву я выяснил в Главной прокуратуре ж.-д. транспорта, что моя докладная записка даже не направлялась в НКПС, а приказ т. Кагановича был отдан отнюдь не по материалам прокуратуры.

В заключение т. Спиридонов подвергает критике практику келейного проведения судебных процессов по крушениям и авариям. Печать не освещает эти процессы, политотделы не организуют массы вокруг этих дел, в результате чего судебные процессы не дают должного эффекта.

Тов. Воловникова (прокурор судебного отделения Главной прокуратуры железнодорожного транспорта) подвергает критике работу следственного отделения Главной прокуратуры железнодорожного транспорта, которое фактически не руководит периферией, вследствие чего расследование некоторых крупнейших дел проведено поверхностно.

— Я смею утверждать, — говорит т. Воловникова, — что все дела, которые расследовались следователями прокурорского аппарата, не получили политической заостренности, а в силу этого мы не можем ставить вопроса об увеличении процента дел о крушениях, расследуемых нашим следственным аппаратом.

Тов. Воловникова также указывает, что большим недостатком судебного отдела является отсутствие указаний прокурорам на их промахи, обнаруживаемые в процессе рассмотрения дел.

Заключительное слово товарища Вышинского

В заключительном слове т. Вышинский на основе анализа количества дел, поступающих в прокуратуру ж.-д. транспорта, показал полную возможность наличным составом работников справляться с работой без особых трудностей,

если только будет изменена система работы Главной прокуратуры железнодорожного транспорта.

— Я считаю, — говорит далее т. Вышинский, — что т. Воловникова неправильно поставила вопрос относительно того, почему следователи добиваются увеличения количества расследуемых ими дел. Она сказала, что следователи у нас нигде не годятся, дел рассматривать как следует не могут, большинство дел они не умеют политически свести и поэтому хорошо, что у них только 60% дел по крушениям. Это представляется будто у нас плохие следователи на транспорте — совершенно неправильно и противоречит фактам. Я могу назвать таких следователей, как Анощенко, Калинин и др., которые дали прекрасные образцы работы по очень запутанным делам. Нельзя говорить, что дела расследуемые следователями, не имеют политической заостренности, что наши следователи не имеют закалки для борьбы с врагами. Неправильно ставить вопрос — у нас 60% давайте будем драться за 80% дел. Проблемы процентов — вовсе не прокурорская проблема. Наша задача добиваться высшего качества расследования дел следственным аппаратом прокуратуры.

Здесь говорили относительно оперативных совещаний. Я думаю, что оперативные совещания как метод работы — не вечен, а зависит от условий работы и тех задач, которые перед нами стоят на данном этапе. Чем меньше недостатков, тем меньше оперативных совещаний. Меняются условия, меняются формы работы. В известный период нужны были оперативные совещания по транспорту, а в настоящее время оперативные совещания, я думаю, могут в основном вредить и это потому, что мы чрезмерно разбалованы болтологией, а нам теперь нужно поменьше болтовни, побольше оперативности в работе.

Мы будем практиковать созыв начальников отделений для инструктажа и решений текущих или других важнейших оперативных вопросов. Каждому нашему транспортному прокурору нужно понять, поглубже взвесить все имеющиеся в нашей работе недостатки. Это будет в значительной степени означать процесс самоликвидации недостатков, которые имеются в нашей работе. Это будет практическим осуществлением принципа самокритики.

В основном наш оперативный состав достаточно грамотный, достаточно подвижной, дисциплинированный, то есть он имеет те качества, которые необходимы для того, чтобы поставить работу на должную высоту. Я уверен, что когда через месяц товарищи будут отчитываться в своей работе, мы сможем отметить подъем нашей работы на более высокую ступень.

Прав процесс судостроительств в капиталистических странах

Уголовные законы и уголовная политика австрийского фашизма

В развитии государственного устройства Австрии послевоенного периода следует различать три периода.

Первый период начинается с издания «Объединенной конституции Австрийского государства» в 1920 г., согласно которой все законодательство и весьма широко допускаемый контроль над действиями правительства был возложен на парламент — национальный совет (Nationalrat), избиравшийся всеобщим, равным и тайным голосованием всех граждан государства. Эта конституция является типичным образцом парламентарно-демократического документа.

Ко времени издания этой конституции в период окончания империалистической войны буржуазия и руководство социал-демократической партии стояли перед задачей — воспрепятствовать переходу власти к органам пролетариата — советам, противодействовать революционному развитию масс и образованию коммунистической партии. Под давлением масс, добивавшихся участия в управлении страной, стремившихся к социализму, буржуазия была вынуждена предоставить парламенту, когда вынуждена предоставить всеобщего голосования, который выбирался путем всеобщего голосования, широкие права. Парламент и только парламент являлся единственным законодательным органом.

Однако, не может быть такой буржуазной конституции, которая не имела бы про запас «черного хода», через который она бы могла выбросить вон все права и гарантии, ею предоставляемые, и установить диктатуру.

Австрийская конституция 1920 г. оставила в силе все законы королевской диктатуры Австрии. В частности, остался в силе закон об исключительном положении 1867 г., дающий правительству право в случае войны или внутренних беспорядков открыто объявлять диктатуру. Далее, «постановление о военных полевых судах», которые в соответствии с указом австрийского уголовно-процессуального кодекса могли быть назначаемы в случаях мятежа, тоже были оставлены в силе. Право назначения военно-полевого производства было предоставлено, как «ландсшесфам», так и в особо важных случаях, местным полицейским органам, но в обоих случаях с разрешения органов юстиции (§ 429 уголовно-процессуального кодекса).

В силе остался и важнейший закон диктатуры военного времени, озаглавленный «Законом от 24 июля 1917 г., дающий правительству право, в силу исключительных обстоятельств, издавать чрезвычайных постановлений в области хозяйственной жизни». Этот закон давал правительству возможность «издавать чрезвычайные постановления, служащие целям восстановления хозяйственной жизни и охраны от хозяйственной утраты» без согласования с парламентом. Несмотря на то, что срок действия этого закона был совершенно ясно ограничен в самом его тексте временем «действия вызванных войной чрезвычайных обстоятельств» все же, правда, не в самой конституции, а в «переходном законе» к ней (§ 7, абз. 2) провозглашается, что вышеупомянутый военно-хозяйственный чрезвычайный закон 1917 г. остается в силе и предоставленная им диктатуре власть переходит к союзному правительству.

Первый период характеризуется следующей государственно-правовой ситуацией: конституция давала парламенту право весьма решительного ограничения исполнительной власти, находившейся, в основном, все же в руках реакции.

В первые годы республики буржуазия была вынуждена под давлением пролетарских масс, достигших после падения австро-венгерской монархии большого могущества, управлять «в соответствии с конституцией». Эта задача упрощалась для нее в силу того обстоятельства, что руководство социал-демократической партии работало с ней рука об руку.

В связи с кризисом капитализма в 1929 г., который вызвал новый подъем революционного движения, буржуазия открыто заговорила о конституционном кризисе, утверждая, что парламентарно-демократическая конституция сделалась «недееспособной». Боясь того, что большинство в парламенте перейдет к рабочим партиям, буржуазия стала изыскивать «легальные» средства разогнать парламент и установить диктатуру, обеспечив себе большинство в парламенте. Этого она могла достигнуть лишь в союзе с социал-демократической партией. В середине 1929 г. между христианско-социалистическим правительством и руководством социал-демократической партии был достигнут компромисс, в результате которого руководство социал-демократической партии дало свое согласие на изменение конституции 1920 г. и установление диктатуры правительства.

Эта «конституционная реформа», проведенная при участии социал-демократических депутатов парламента, состоялась 7 декабря 1929 г.

Основная суть этой реформы заключается в присвоении органами исполнительной власти чрезвычайных прав и в исключительном положении, в которое была поставлена полиция.

§ 18 пп. 3—5 конституционной новеллы предоставляет союзному президенту право в случаях, когда парламент не может быть сво-

евременно созван, или когда какая-либо «непреодолимая сила» мешает его созыву, — издавать имеющие силу закона постановления в целях «предотвращения очевидного и непоправимого зла». Указанное здесь ограничение не может играть никакой роли хотя бы уже потому, что самое решение вопроса о наличии положения, препятствующего созыву парламента, зависит от президента, который издает чрезвычайное постановление. То же самое надо сказать о предписании § 18 п. 4, которое указывает, что если до созыва парламента было без его санкции издано какое-либо чрезвычайное постановление, то оно подлежит обязательному последующему утверждению парламентом, и что парламенту предоставлено право требовать его отмены. Но если учесть, что, с одной стороны, эта же реформа дала союзному президенту право роспуска парламента (ст. 29, п. 1), а с другой стороны, что парламента не может оказывать никакого влияния на выборы президента, которые происходят путем всеобщего плебисцита, то станет очевидным, что если народное представительство не соглашается с постановлениями президента, оно может просто разогнать его.

Далее, ст. 102, пп. 6 и 7 конституции и § 4, п. 2 переходного закона передают функции управления полицейскими учреждениями и назначения должностных лиц полицейских учреждений из компетенции законодательных органов (центрального и местных парламента) в руки центрального правительства, причем полиция наделяется полномочием объявлять «исключительное положение на местах».

Таким образом, право правительства издавать исключительные законы и править самовластно, помимо парламента, получило свое конституционное оформление.

Второй период характерен дальнейшим укреплением диктатуры пролетариата и быстрым процессом фашизации.

В центре уголовного законодательства второго периода стоит «закон в защиту свободы рабочих собраний»¹ от 5 апреля 1930 г., получивший в юридической литературе название «Antiterrorgesetz». Этот закон совершенно явно направлен против все возрастающего революционного движения и, в первую очередь, против опоры рабочего класса — профессиональных союзов. Профессиональному движению этим законом наносился решительный удар, свобода коалиций для рабочих резко ограничивалась. Все коллективные рабочие договоры объявляются недействительными. Таким образом предприниматель получил возможность принимать на свое предприятие неорганизованных рабочих, в отношении которых он не связан устанавливаемыми коллективными договорами нормами заработной платы и условий труда и которым, он стало быть, имеет возможность платить пониженную заработную плату. В силу этого предприниматель получил возможность влиять на установленные профессиональными союзами тарифные ставки и заставить профсоюзы, снизив свои ставки, при-

нять угодные ему нормы заработной платы и условия труда. Всякая агитация среди рабочих, призывающая не поддаваться этому давлению и бороться за заработную плату, влечет, согласно § 4 рассматриваемого нами закона, наказание в виде строгого ареста на срок от одной недели до шести месяцев. Помимо этого закон объявляет наказуемой всякую пропаганду среди штрейкбрехеров, а вербовка и пропаганда среди рабочих в пользу правительственных партий особо поощряются.

В ноябре 1933 г. произошли последние демократические выборы в парламента. Они принесли социал-демократической партии победу, которая дала правительству новое доказательство роста революционного движения масс. Ввиду этого правительство приняло твердое решение сделать решительные шаги в сторону фашизации государственного аппарата. Для обеспечения себе реальной базы среди населения буржуазия организовала в эти годы вооруженную организацию — хеймвер, по образу и подобию немецких штурмовых отрядов.

Произведя необходимые изменения в законодательстве о хранении оружия, правительство совершило ряд безрезультатных в то время попыток разоружить с помощью хеймвера военные и спортивные организации пролетариата — шуцбунды.

Третий период характеризуется тем, что австрийский фашизм проявляется уже совершенно открыто. Этому способствовали события в Германии, где немецкая буржуазия добилась окончательной ликвидации буржуазно-демократических свобод, и летом 1932 г. с приходом к власти рейхсканцлера Папена открыто вступила на путь фашистской диктатуры.

Осенью 1932 г. австрийский союзный канцлер Дольфус, используя закон от 24 июля 1917 г., издал первые диктаторские чрезвычайные законы, полностью обойдя при этом парламента и превысив предоставленные ему по конституции полномочия. Все протесты социал-демократической партии и пролетарских организаций были оставлены без внимания.

После прихода к власти в Германии национал-социалистов положение австро-фашистского клерикального правительства Дольфуса весьма усложнилось. Гитлеровское правительство провело в Австрии большую работу и организовало там особую национал-социалистическую партию, которая считала Гитлера своим фюрером и открыто выступила сторонницей присоединения Австрии к Германии. Это привело к глубокому расколу среди буржуазии.

Христианские социалисты устремились за поддержкой к Италии, которой не выгодно немецкая экспансия на юг, и поэтому она выступила сторонницей «самостоятельности» Австрии.

С другой стороны, революционное движение пролетариата все более возрастало и все менее благоприятия правительства, направленные к разоружению шуцбунда, оставались безрезультатными.

¹ См. Klapetz «Das Österreichische Strafgesetz». Вена, 1933, стр. 353—359.

При такой политической ситуации правительство Дольфуса отменило конституцию 1929 г. Конституционный суд Австрии выразил сомнение в формальной правомерности издаваемых правительством Дольфуса постановлений, нарушающих конституцию, и был распущен.

1933 год является началом фашизации государственного аппарата Австрии, и все уголовное законодательство как этого года, так и последующих лет имело единственный смысл — единственную цель — сломить путем судебного террора сопротивление масс. Изучение уголовных законов 1933/1934 г. позволяет шаг за шагом проследить ликвидацию демократии.

Постановлением от 7 марта 1933 г. «О чрезвычайных мероприятиях, направленных к охране общественного спокойствия, порядка и безопасности от нарушений, связанных с вредом, наносимым хозяйственной жизни» была решительно ограничена свобода печати. В тех случаях, когда какая-либо газета была уже однажды запрещена за оскорбление «патристических, религиозных или нравственных чувств», полиция получила право затребования газеты под цензуру за два часа до ее выхода в свет. При этом наложение ареста на типографию производилось упрощенным порядком, а всякое противодействие распоряжениям полиции влекло за собой штраф до 2 000 шиллингов или арест до трех месяцев. В этом же законе находил особую формулировку оскорбление в печати публичной власти, за что предусматриваются повышенные санкции. При этом право назначения наказания было возложено не на суд, а на полицию, а право обжалования постановлений полиции в нормальный суд было ограничено.

В том же месяце, 30 марта 1933 г., было издано постановление, запрещающее членам штурмбанда носить оружие. Это постановление распространялось на прекрасно вооруженные фашистские хеймверы и национал-социалистические организации. Еще раньше (13 марта 1933 г.) было издано постановление о запрещении собраний союзов. Обязательный срок предупреждения о собрании был с трех дней увеличен до семи, а полиция было дано право запрещать не только те собрания, цель которых противоречит закону, но и такие, которые «угрожают общественной безопасности и общественному благу». Полиция и в этом случае могла сама в случаях сопротивления назначать наказание (арест и штраф), а право подвергнувшихся репрессии обжаловать действия полиции в нормальный суд было ограничено случаями, когда присужденный штраф превышает двести шиллингов, а арест превышает двенадцать дней.

«Постановление о стачках» 21 апреля 1933 г. запретило политические стачки, а также стачки на всех «производствах важнейшего значения». Разрешение вопроса о допустимости той или иной стачки было предоставлено на рассмотрение особой правительственной комиссии.

Полиция была наделена широкими полномочиями в отношении мер борьбы с неразрешенными стачками. Каждый рабочий, принимаю-

щий участие в запрещенной стачке, агитирующий кого-либо примкнуть к стачке, работающий в стачечном комитете, или вообще совершающий какие-либо действия, «которые делают невозможным или затруднительным нормальное продолжение работы на данном предприятии», мог быть, кроме судебного наказания, подвергнут полицейскими органами дополнительному аресту до шести месяцев без права обжалования в нормальный суд. При этом на профессиональные союзы была возложена ответственность за убытки, причиненные стачкой.

В мае 1933 г. полиция получила новые полномочия по борьбе с политическими демонстрациями. Новый закон предоставил полиции право расценивать любое административное нарушение как «политическую демонстрацию» и назначать за него наказание — арест до шести месяцев или штраф до 2 000 шиллингов, без какого бы то ни было производства и при ограниченном праве обжалования в суд.

Постановлением об «общественном употреблении флагов, знамен, штандартов и пр.» (19 мая 1933 г.) было запрещено ношение красных флагов, флагов с изображением пятиугольной звезды или республиканских символов. Только австро-фашистской организации хеймвера было разрешено носить ее знамена и символы. Полиция и здесь наделена тем же правом назначать наказания, что и в предыдущих постановлениях.

Законом 26 мая 1933 г. была воспрещена всякая деятельность коммунистической партии. Этот закон, так же как и предыдущие, предоставляет органам полиции право «независимо от уголовного преследования» назначать от себя штрафы и аресты за всякую коммунистическую деятельность.

Еще дальше были расширены полномочия полиции постановлением от 7 июля 1933 г. об «охране от хозяйственного ущерба, наносимого путем террористических актов». Полиции дано было право, и опять независимо «от уголовного преследования, возбуждаемого во всяком случае», назначать аресты и штрафы за совершение или покушение на совершение так называемых «террористических актов, или иных действий, могущих принести правительству затруднения».

В сентябре 1933 г. было издано еще одно постановление, согласно которому органы правительства и полиции имеют право арестовывать и направлять в концентрационные лагеря без приговора суда «лиц, в отношении которых имеются обоснованные подозрения в подготовке ими враждебных государству или иных, нарушающих общественную безопасность, действий». Были организованы скопированные с немецко-фашистских образцов концентрационные лагеря. И здесь также самовластно господствовала внесудебная расправа полиции.

Австрийский фашизм построил свое «полицейское уголовное право», т. е. право исключительного производства по «мелким политическим делам», и применил его в таком широком объеме, как ни одно буржуазное госу-

дарство в мире. Приведем некоторые данные, характеризующие это полицейское право и полицейское производство.

Прежде всего, оно не имеет ничего общего с современным уголовным процессом. Это — одностороннее производство. Полиция возбуждает преследование, полиция устанавливает наказание, она является и обвинителем и судьей одновременно (как судья в инквизиционном процессе). Обвиняемый лишен права высказываться. Отсутствуют какие бы то ни было формальные нормы ведения судебного следствия, полиция не обязана выслушивать возражения обвиняемого, защита вообще не допускается. Полиция разрешает дело самостоятельно, на основе донесений полицейских органов. Против приговоров и иных действий полиции, поскольку они были совершены в процессе полицейского производства, нет никакого пути в суд. Наконец, дело, по которому был вынесен приговор полицией, не является «res judicata», исключающим вторичное его рассмотрение в нормальном суде. Суд имеет право вторично заняться тем же делом и вновь вынести приговор лицу, уже осужденному полицией.

Так как все эти мероприятия естественно вызывали возмущение масс и рост среди них революционного движения, правительство начало серьезно опасаться вооруженных выступлений со стороны пролетариата. В ноябре 1933 г. правительство Дольфуса ввело военно-полевые суды. За преднамеренное убийство, поджог, «публичное насилие путем злостного повреждения чужого имущества», подстрекательство к подобным действиям и соучастие в них предусматривалось наказание смертной казнью, и дела об этих преступлениях подлежали рассмотрению в военно-полевых судах при особом порядке производства по ним. Таким путем правительство боролось с выступлениями пролетариата, отстаивавшего свои права и свободы, завоеванные им в период буржуазной демократии. К этому же времени были изменены и процессуальные нормы военно-полевого производства. Местным полицейским органам было предоставлено право назначать военно-полевые суды по расширенному кругу преступлений. Организованному в Вене военно-полевому суду были даны самые широкие полномочия.

Согласно закону от 25 мая 1934 г. всякое нарушение законодательства о взрывчатых веществах подлежало рассмотрению в военно-полевых судах. По этим делам единственным наказанием являлась смертная казнь.

Но все же пролетариат был вооружен. Все попытки разоружить его ни к чему не привели. Рабочий класс не соглашался добровольно распустить свои организации и сдать оружие. А без этого фашистская диктатура не могла укрепить свое положение. Когда в феврале 1934 г. была сделана попытка объединенными силами армии и полиции разогнать шувбунд и разогнать профессиональные союзы, — рабочие взяли за оружие и пошли на баррикады. И только после многих дней упорной борьбы, в которой правительство пустило против рабочих в ход тяжелую артиллерию

ему удалось сломить сопротивление пролетариата и провести насильственное его разоружение. Таким путем правительство расчистило себе путь к окончательному завершению здания фашистской диктатуры. Оно пустило в ход против рабочих самый беззастенчивый жесточайший террор. Все организации пролетариата были разрушены. Военно-полевые суды вступили в действие. Свыше тысячи рабочих было расстреляно правительственной артиллерией, свыше 4 000 ранено, свыше 10 000 захвачено в плен. Через несколько дней после восстания девять активнейших бойцов шувбунда были военно-полевым судом приговорены к смертной казни и повешены. В июле того же года был повешен десятый. Многие рабочие были приговорены к пожизненному тюремному заключению, более чем тысяче рабочих были вынесены приговоры к более, чем на 1400 лет тюрьмы.

Немедленно после подавления февральского восстания была запрещена социал-демократическая партия, ее мандаты в парламент были аннулированы, ее имущество, а также имущество профессиональных союзов, шувбунда, спортивных рабочих организаций, организаций рабочей молодежи и т. д. было постановлением 27 февраля 1934 г. конфисковано. Банкам и сберегательным кассам было вменено в обязанность сообщать полиции о вкладах и ином имуществе этих организаций.

Добившись разгрома организаций пролетариата и социал-демократической партии, их полного подавления и разоружения, правительство Австрии, основываясь на законе от 24 июля 1917 г., издало новую конституцию. Оно преследовало этим цель продемонстрировать фашистскую диктатуру и реорганизовать внутреннее устройство клерикально-фашистского государства. Естественно, эта «конституция» ничего общего не имеет с понятием конституции даже в буржуазно-демократическом смысле этого слова. Диктатура правительственная не ограничивается избранным народом парламентом, ей неизвестны и всеобщие прямые выборы. Лишь некоторым мелкобуржуазным слоям, среди которых диктатура стремилась найти себе опору, предоставлялось право участия в обсуждении законов через свои «представительства», которые не избираются, а назначаются либо самим правительством, либо им фактически руководимыми организациями. При этом депутаты обладают лишь правом совещательного голоса, а вся полнота власти принадлежит союзному президенту, который избирается не всем народом, а бургомистрами местных объединений по предложению Союзного собрания (ст. 73). Поскольку правительство обладает полной возможностью влиять на назначение бургомистров, то от него и зависит состав тех, кто избирает президента. Со своей стороны президент назначает правительство (ст. 82).

Совершенно ясно, что все эти «конституционные институты» несколько не ограничивают фашистскую диктатуру.

Согласно главе 10 конституции, союзное правительство и союзный президент имеют право без опроса и без согласия «сословного пред-

ставительства» издавать законы и чрезвычайные постановления, изменяющие самую конституцию, издавать постановления о роспуске сословных представителей или новом созыве их, путем обязательных постановлений придавать законную силу законопроектам, не получившим у сословного представительства утверждения и т. д. Правительство может «согласно конституции» отменить конституцию и управлять без нее.

Вскоре после издания конституции правительство произвело решительную реформу уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Еще до этого законом «О производстве в суде присяжных» были резко сокращены права присяжных заседателей и суда присяжных. Закон устанавливал, что заседания суда присяжных должны происходить под руководством председателя суда, что присяжные должны выносить мотивированные вердикты и т. д.

Закон от 10 февраля 1934 г. ввел упрощенное производство по всем делам, по которым прокурор требует наказания не свыше 1 года тюремного заключения или штрафа.

Правительство стремилось добиться максимального заострения репрессии по нормальным судам и возможно более приблизить их к военно-полевым судам, приобретавшим все большее и большее распространение.

Законом 19 июня 1934 г. было вновь введено применение смертной казни в производстве нормальных судов. Одновременно с этим была произведена коренная реорганизация судов присяжных, в компетенции которых находилось рассмотрение дел по наиболее тяжким преступлениям.

Эта реформа предоставила право вынесения смертного приговора суду присяжных и уничтожала всякое влияние заседателей на исход дела.

Закон 19 июня 1934 г. вводит применение смертной казни за те деяния, по которым она была предусмотрена до ее отмены в 1919 г. Это — государственная измена (§ 58 StGB), умышленное убийство (§ 136 StGB), убийство с целью грабежа (§ 141 StGB), поджог (§ 167a StGB), нарушение закона о взрывчатых веществах от 27 мая 1885 г. (§ 4).

Согласно этому закону суд присяжных, подобно суду шефенов, должен в составе трех профессиональных судей и трех заседателей совместно заседать, обсуждать и решать дело. Таким образом обеспечивается решающее влияние судьи, а не заседателей, как это было в прежнем суде присяжных, на исход дела.

Последующие годы шли под знаком все большего и большего укрепления и обостре-

ния австро-фашистской диктатуры. В начале 1935 г. было изменено законодательство о прессе. Санкции за нарушение закона о прессе были повышены. Стремясь вооружиться уголовно-правовыми средствами в борьбе с распространением нелегальной литературы членами коммунистической и социал-демократической партий, которые несмотря на все запреты все же продолжали свою работу, правительство издало в январе 1935 г. «Союзный закон о борьбе с враждебными государству произведениями печати». Согласно этому закону дела о внешней и внутренней измене государству, поскольку эта измена совершается через печатные произведения, должны разбираться в упрощенном порядке. За распространение и хранение нелегальной литературы устанавливаются повышенные наказания. Полиции предоставляется в связи с этим право домашних и личных обысков и т. д. и т. п.

Изданный в мае 1935 г. союзный закон также преследовал цель борьбы с нелегальной пропагандой путем выпуска кинофильмов, граммофонных пластинок и пр.

«Закон об охране государства» (так называемый *Statsschutzgesetz*), изданный фашистской диктатурой, представляет собой террористический закон, направленный против революционного пролетариата. Он устанавливает 10 лет тюремного заключения за организацию или поддержку всяких «враждебных государству союзов», ставящих себе целью «подорвать установленные конституцией государственное устройство и форму правления или конституционные учреждения Австрии» (§ 4). То же наказание предусмотрено за нелегальную организацию «вооруженных или военизированных союзов», а также за всякое участие в них или их поддержку (§ 2). Стремясь помешать подготовке к революционным выступлениям, этот закон карает тюремным заключением от 5 до 10 лет даже за «приготовление к преступлению», выражающееся в хранении оружия или иных боевых средств.

Но предусмотрительно оставлена возможность предателю выйти сухим из воды. Закон указывает, что «если обвиняемый по собственному побуждению и прежде, чем это станет известным органам власти, сообщит им все, что ему известно о союзе и его намерениях», он освобождается от наказания (§§ 3, 6 и 9).

«Закон об охране государства» стремится поразить нелегальные организации пролетариата. Он нашел себе широкое применение против ушедших в подполье и продолжающих там свою героическую работу партий народного фронта, в первую очередь против коммунистической партии, которая все больше укрепляет свои ряды и держит в постоянном страхе фашистских властителей.

Г. Поляков

Библиография

В. Молотов. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов, Партиздат ЦК ВКП(б) 1937 г. Цена 30 коп.

А. Вышинский. Некоторые методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г. Цена 20 коп.

Л. Заковский. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г. Цена 20 коп.

С. Уранов. О некоторых приемах вербовочной работы иностранных разведок, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г. Цена 20 коп.

Ал. Хамадан. Японский шпионаж, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г. Цена 26 коп.

Подрывная работа японской разведки, Партиздат, 1937 г. Цена 10 коп.

Р. Роуэн. Разведка и контрразведка. Издательство ЦК ВКП(б) «Молодая гвардия», 1937 г. Цена 55 коп.

Шпионам и изменникам нет и не будет пощады. Сборник статей, Партиздат, 1937 г. Цена 30 коп.

В своем историческом докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин указал на необходимость «помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значение вредительства». Товарищ Сталин указал далее, что именно троцкисты «клевратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов». Один из выводов, которые товарищ Сталин сделал из этих положений, заключается в необходимости принять меры для того, «чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов».

Этой важнейшей задаче, приобретающей особое значение для работников юстиции, служит ряд брошюр, вышедших после доклада товарища Сталина и ставящих себе задачу ознакомления читателей с некоторыми методами шпионской, вредительской и диверсионной деятельности троцкистско-фашистских разведчиков.

Не только простое ознакомление, но внимательная и глубокая проработка этих брошюр является прямой обязанностью каждого работника юстиции, желающего вооружиться необходимыми знаниями для усиления большевистской бдительности в борьбе с троцкист-

ско-фашистскими разведчиками и умения разоблачать шпионов и изменников, под какой бы маской они ни скрывали свое действительно позорное и преступное ремесло.

Серия вышедших брошюр, принадлежащих указанным выше авторам и служащих предметом рассмотрения настоящей рецензии, должна войти в настольную библиотеку работников юстиции. Она поможет им приобрести бдительность и политическую прозорливость, которые представляют наиболее верные средства для разоблачения двурушничества и маскировки троцкистско-шпионской агентуры некоторых иностранных держав.

Рассмотрение этой серии брошюр надо начать с чрезвычайно интересной и важной брошюры В. М. Молотова «Уроки вредительства диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», воспроизводящую с небольшими изменениями доклад автора на пленуме ЦК ВКП(б) 28 февраля 1937 года. Брошюра делится на 2 части, первая из которых посвящена фактам вредительства и лицу вредителей, а вторая — «нашим задачам в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами».

В первой части В. М. Молотов на конкретных примерах отдельных отраслей промышленности показывает, как вредители, диверсанты и шпионы из троцкистско-бухаринской банды и иностранной агентуры осуществляли свою преступную деятельность. В. М. Молотов приводит показания врагов народа и наймитов японо-германской разведки Пятакова, Дробинина, технического директора Горловского азотно-тукового комбината вредителя Асиновского, известного бандита Шестова, бывшего старшего инженера-конструктора треста Уралмедруда — вредителя Пучкова, вредителей Битюкера, Норкина, Раввы, Воропаева, Язовских, Яковлева. Совокупность этих показателей дает яркое представление о методах, при помощи которых пробравшиеся на ответственные посты фашистско-троцкистские агенты делали свое гнусное дело. Эта часть брошюры В. М. Молотова является блестящей иллюстрацией к той части доклада товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), которая посвящена вопросу о политической беспринципности, о капиталистическом окружении, о современном троцкизме, которая посвящена тем же самым сторонам наших хозяйственных успехов. В. М. Молотов, приводя многочисленные факты вредительства, резюмирует: «Мы указываем на все эти факты для того, чтобы сделать из них большевистские выводы. Наша задача не только в том, чтобы найти отдельных виновников этих преступлений и покарать их. Наша задача — сделать из этого правильные практические и политические выводы. Наша первая задача заключается в том, чтобы познать эти факты и развернуть борьбу с вредительством и вредителями действительно по-большевистски».

Говоря во второй части своей брошюры о воспитании кадров, В. М. Молотов дает вместе с тем чрезвычайно ценный для работников юстиции материал о методах разоблачения вредительства, вполне подтверждающий слова автора о том, что «разоблачение фактов вредительства — дело не простое». На примере конкретного случая с работой комиссии Наркомтяжпрома В. М. Молотов показывает, что «у нас нет должной бдительности к врагу, мало поднять дело большевистского воспитания кадров». Всецело применим к органам юстиции и другой вывод В. М. Молотова: «У нас много недостатков в подборе работников потому, что многие руководители пренебрегают этим делом, забывая о своей политической ответственности, забывая о том, что проверка, особенно политическая проверка и расстановка работников с учетом не только деловых, но и политических качеств — важнейшее дело каждого руководителя-большевика».

В последнем разделе своей брошюры «Метод руководства» В. М. Молотов опять-таки на конкретных примерах показывает недостатки канцелярско-бюрократического метода руководства, извращения принципа единоначалия, односторонней критики всего того, что облегчает вредительскую деятельность фашистско-троцкистских разведчиков.

Все сказанное убедительно свидетельствует о громадной ценности брошюры В. М. Молотова знакомящей со шпионской, вредительской и диверсантами деятельностью японо-троцкистских агентов и с теми мерами, настойчивое, энергичное и неуклонное проведение которых только и может помешать преступной деятельности этих врагов народа.

Чрезвычайный интерес, особенно возрастающий для работников юстиции, представляет брошюра А. Я. Вышинского «Некоторые методы вредительно-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков».

Особенностью брошюры А. Я. Вышинского является то, что она не ограничивается фактами из действительности последних дней, а строит свои выводы и на уроках шахтинского дела и дела промпартии, а также то, что она на примере этих дел показывает, что не случайно именно из рядов «старой, высоко оплачивавшейся капиталистами технической интеллигенции вышла и шахтинская организация, положившая начало новому периоду в развитии борьбы буржуазной контрреволюции против советской власти». Шахтинское дело исключительно наглядно иллюстрирует слова товарища Сталина о значении капиталистического окружения, забываемого некоторыми товарищами, и о том, что урок, «вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью»¹.

Ценным является также анализ огромного различия между вредительством периода шах-

тинского дела и промпартии и нынешним вредительством. А. Я. Вышинский доказывает, что это различие «делает нынешних вредителей еще более опасными, чем были шахтинцы и «промпартийцы». Это требует еще большей бдительности и умения своевременно и полностью раскрыть и разоблачить все преступные методы, всю преступную практику и технику троцкистско-фашистских бандитов и их сообщников — правых отщепенцев».

Той части своей брошюры, в которой А. Я. Вышинский говорит непосредственно о методах вредительно-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков, он предпосылает указание, что методы, практика и техника преступной вредительно-диверсионной и шпионской деятельности чрезвычайно разнообразны и что очень трудно поэтому дать исчерпывающий перечень всех способов и видов этих преступлений, но что можно дать характеристику наиболее распространенных способов вредительно-диверсионной деятельности и вскрыть некоторые «основные установочки» и общие «методические» правила этой преступной деятельности.

Анализ фактов дает А. Я. Вышинскому возможность раскрыть некоторые правила, которыми руководствуются при осуществлении своих преступных замыслов троцкистские вредители и диверсанты. Эти правила надо помнить каждому следователю и прокурору. Они состоят в следующем: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», как это сформулировал в своих циничных показаниях враг народа Пятаков; «Тщательно подготавливать и всячески маскировать эти удары, используя в своих преступных целях различные организационные и технические неполадки в работе отдельных предприятий и учреждений; в качестве маскировки прибегать к показному усердию, давать время от времени положительные факты в своей работе; добиваться наиболее полных вредительских, диверсионных, шпионских результатов при минимуме риска провала и разоблачения». К этим правилам прибавляется «максимальная конспирация в организации и осуществлении своих преступных планов».

А. Я. Вышинский вскрывает методы разрушничества и маскировки вредителей и диверсантов и организованный характер совершаемых ими преступлений. «Нельзя преуменьшать, пишет он, умение и «искусство» этих разведок решать свои задачи. Нельзя отрицать, что иностранная разведка действует с большим искусством и достаточно тонко расставляет свои сети и капканы. Она при этом тщательно изучает людей, изучает слабости этих людей, отыскивая или стараясь отыскать в каждой своей «жертве» большие струны, которые надо уметь затронуть, чтобы добиться успеха. Разведывательные органы иностранных государств в прямом смысле слова подкарауливают каждую «слабость», каждый неосторожный или неосмотрительный шаг своей «жертвы», чтобы запутать ее в своих коварных сетях или, по всяком случае, максимально использовать в своих интересах».

Это свое утверждение А. Я. Вышинский иллюстрирует рядом конкретных дел, вскрывающих коварные приемы разведок некоторых иностранных держав, приемы, при помощи ко-

¹ Сталин. Доклад на собрании актива Ленинградской парторганизации 13 июля 1928 г. «Правда» от 15 июля 1928 г. Цит. по рецензируемой брошюре А. Я. Вышинского.

торых разведчики завлекают в ловко подставленные сети «трезвых и подвыпивших, серьезных и несерьезных людей, бесовственных негодяев и «совестливых» людей».

А. Я. Вышинский опровергает распространенное представление, что «разведчик должен обязательно чем-нибудь проявить себя: либо антисоветскими разговорами, либо иными враждебными стремлениями что-нибудь выявить, что-нибудь сделать и т. д.». «Поэтому труднее, — указывает А. Я. Вышинский, — пропалась какой-нибудь раз навсегда действующий рецепт по поводу того, как распознавать врага, к тому же еще так ловко маскирующегося. Нужно просто взять за правило вести себя с любым человеком так, что если этот любой человек окажется врагом, то все равно он не сможет ничего извлечь из знакомства с тобой для своей вредительской и шпионской деятельности против Советского государства».

А. Я. Вышинский говорит в заключение о вредительско-диверсионной деятельности врагов народа на железнодорожном транспорте и в частности в паровозном хозяйстве, приводя ряд конкретных примеров вредительства.

«Характернейшим отличием современных методов троцкистского вредительства, — резюмирует А. Я. Вышинский, — от методов вредительства периода шахтинского процесса и процесса «промпартии» является особая озверелость и ожесточенность вредительских приемов, сознательная установка троцкистских вредителей не только на порчу имущества, на торможение хозяйственных успехов, на подрыв хозяйственной мощи наших предприятий и отдельных отраслей промышленности, но и прямая установка на гибель людей, и притом в возможно большем количестве».

Нельзя безоговорочно и полностью не согласиться с заключительными словами брошюры А. Я. Вышинского: «Одним из средств решения великой задачи, указанной товарищем Сталиным, задачи искоренения троцкистских и иных двурушников является систематическое и последовательное разоблачение всех приемов и методов троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов, всей их предательской, подлой практики и техники совершения гнуснейших преступлений. Это, в свою очередь, возможно на основе овладения большевизмом и укрепления большевистской самокритики, постоянной и подлинной большевистской связи с массами, на основе устранения без остатка политической беспечности, на основе укрепления политической дальновидности и подлинно большевистской бдительности».

Брошюра Л. Заковского «О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры» представляет собою переработанную стенограмму докладов Л. Заковского на Ленинградской областной партконференции и на совещании секретарей парткомов Ленинграда. Брошюра разделяется на три части: «Несколько примеров из истории», «Приемы засылки и вербовки шпионов, диверсантов в СССР и их коварная работа» и «Троцкисты и правая шпионско-диверсионная агентура фашизма». В первой части Л. Заковский приводит чрезвычайно яркие приемы разведывательной работы Германии во время войны между Францией и Германией в 1870—1871 гг., разведки

японского генерального штаба во время русско-японской войны 1904—1905 гг. и разведывательной работы во время империалистической войны. Эти примеры, краткие и отрывочные, тем не менее показывают, что «разведка и в прошлом являлась чрезвычайно тонким инструментом, над совершенствованием которого постоянно работали генеральные штабы буржуазных государств для достижения коварных целей в отношении других однопипных капиталистических стран».

В дальнейшем изложении Л. Заковский описывает особенно изощренные коварные приемы иностранной разведки (так называемые вторые отделы генеральных штабов), применяемые в стране победившего социализма, которую капиталистические страны бешено ненавидят.

Чрезвычайно сильная сторона этой части брошюры, — да и всей брошюры в целом, — состоит в обильном конкретном материале из практики и методов иностранных разведчиков в СССР. Эти примеры блестяще иллюстрируют утверждение автора, что все иностранные разведки «изощряются в самых гнусных, самых мерзких приемах шпионской, диверсионной, вредительской работы в Советском союзе». Л. Заковский указывает и на примерах доказывает, что по отношению к СССР экономический шпионаж со стороны капиталистических и в особенности фашистских стран приобретает характер организации вредительства и диверсии, что иностранные разведки все силы направляют, чтобы ослабить экономическую мощь СССР.

Конкретные дела, сообщаемые Л. Заковским, показывают, какими коварными приемами иностранные разведки запутывают осторожных и устойчивых граждан в паутину разведки и ставят их в такое положение, что если у них нехватает гражданского мужества своевременного во всем сознаться, они затягиваются в омут разведки все дальше и прочнее и становятся предателями и изменниками родины.

«Если бы мы умели правильно анализировать факты, встречающиеся в повседневной жизни, — пишет Л. Заковский, — мы многое могли бы предотвратить, чтобы иностранные разведки и их верные псы, наемные агенты — троцкисты, зинovieвцы и бухаринцы, не могли вредить и проникать в разные щели и творить свою гнусную, диверсионно-шпионскую и террористическую работу с целью реставрации капитализма в СССР».

Особое значение имеет та часть брошюры Л. Заковского, которая посвящена иллюстрации указания товарища Сталина на то, что «современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств. Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет».

Приводимые Л. Заковским случаи из практики доказывают, что двурушничество, подлая ложь, наглый обман, подхалимство используются троцкистами и правыми для того, чтобы пролезть во все щели, вредить и пакостить социалистическому государству. Двурушничество троцкистов и правых превращается у них в т. н. «двойничество» в разведке. Троцкист-

ско-бухаринокие разведчики топят и убивают своих людей, если они попадают, вынуждают их кончать жизнь самоубийством и применяют все вообще приемы заграничных разведчиков, и в особенности убийства, взрывы, отравления, клевету.

В брошюре Л. Заковского приведена целая галерея двурушников, изменников, фашистских наймитов, вредителей, убийц, диверсантов — всей этой троцкистско-бухаринской и правой агентуры фашистских разведок, объединяемых общей ненавистью к рабочему классу, к делу социализма в СССР.

Даже краткое описание преступной деятельности этих троцкистских отребьев подтверждает правильность утверждения Л. Заковского, что какой-либо схемы или твердых правил и способов разведки не существует. «Одно и то же преступление, — пишет Л. Заковский, — можно раскрыть разными способами, но сумма взятых удачных способов решает дело. Надо изучать все обстоятельства дела, изучать людей, положительные и отрицательные стороны человека, в зависимости от страны, в которой он жил и живет, от условий, в которых он находится, не исключая даже семейных... Часто спрашивают, как распознавать врага. Если бы я сказал, что есть прием № 1 и прием № 2, как распознавать врага, то это было бы неправильно... В каждом конкретном случае необходимы особые способы и методы разоблачения».

Эти краткие извлечения из брошюры Л. Заковского не исчерпывают всего ее содержания. Приводимый в брошюре богатый конкретный материал и выводы автора из анализа этого материала должны быть знакомы каждому работнику юстиции.

Краткая брошюра С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок» (в брошюре всего 16 страниц) посвящена главным образом приемам иностранных разведчиков у них же на родине в отношении советских граждан, приезжающих и живущих за границей по делам службы. Однако, описанию этих приемов в брошюре предшествуют некоторые общие сведения о методах работы иностранных разведок, о специальной подготовке будущих шпионов-вербовщиков, о методах проникновения засылаемых в СССР разведчиков в советские учреждения и предприятия, о быстром объединении их для совместной разведывательной работы с троцкистами, зиновьевцами и правыми отщепенцами, о разных способах вербовки для шпионской работы неустойчивых людей.

Приводимые С. Урановым примеры показывают, насколько бдительными должны быть советские работники, едущие по делам за границу, к каким часто грубым приемам прибегают агенты разведки, чтобы затянуть бывших до того честными работников в шпионскую деятельность и как далеко по пути предательства и измены родине могут дойти недостаточно осторожные, небдительные и морально неустойчивые люди.

С. Уранов заканчивает свою богатую, несмотря на краткость содержания, брошюру словами: «для выполнения своих функций шпионаж располагает мощным аппаратом, использующим все легальные и нелегальные возможности проникновения в организм соседних го-

сударств. Опыт мировой войны, послевоенный и нынешний, предвоенный период, несмотря на завесу тайны, которой всегда прикрывается шпионская работа, дает большое количество фактов широкого размаха шпионской деятельности. Шпионаж протягивает свои щупальца в государственные учреждения, крупные предприятия оборонного значения, на транспорт, имея целью проникнуть в государственную тайну, вывесть оборонные секреты, раскрыть технические усовершенствования, насадить на важнейших постах своих людей и организовать вредительство, диверсию и предательство. Об этом говорят многочисленные судебные процессы при закрытых дверях, имеющие место за последнее время в Америке, Англии, Франции, Чехословакии, Румынии, Италии».

Брошюра Ал. Хамадана «Японский шпионаж» содержит довольно подробные сведения о системе японской разведки и о применяемых методах. Она специально останавливается на японском шпионаже в Британской империи, Соединенных штатах Америки и Китае. Она приводит далее некоторые факты японского шпионажа в СССР и сведения о троцкистской агентуре японского генерального штаба.

Брошюра дает значительный материал, подтверждающий грандиозные размеры шпионажа, организуемого разведывательными органами Японии и за ее пределами.

Ал. Хамадан сообщает, что руководство шпионажем и разведкой за рубежом сосредоточено во 2-м отделе генерального штаба армии. Функции этого отдела не ограничиваются военной разведкой. Он занимается, кроме того, политическим и экономическим шпионажем, организацией политических диверсий в различных странах и подготовкой кадров для разведывательной и т. п. деятельности. Помимо обширного военно-разведывательного аппарата японский генеральный штаб располагает широко разветвленной сетью подсобных разведывательных органов в лице всевозможных «гражданских», «патриотических» и т. п. организаций, выполняющих задания по разведке и диверсии за границей. Как сообщает Ал. Хамадан, эти организации, маскирующиеся шовинистическими и патриотическими лозунгами, являются по существу замаскированными органами разведки и выполняют «особо деликатные» поручения в тех случаях, когда военные разведки почему-либо не должны принимать участия в выполнении тех или иных разведывательных актов.

Ал. Хамадан сообщает сведения о деятельности в русско-японскую войну вспомогательной разведывательной и в то же время фашистской организации «Черный дракон», агентам которой, между прочим, долгие годы был эсеровский провокатор Азеф. Шпионажем в пользу Японии занимался и другой известный провокатор — поп Гапон. Шпионские услуги японской разведке оказывал в свое время Пилсудский, получая «наградные» от японского военного атташе в Стокгольме. Школу «Черного дракона» прошли многие нынешние политические и военные деятели Японии (бывший японский премьер Хирота, бывший министр иностранных дел Аrita). С «Черным драконом» связаны многие японские дипломаты (например, бывший посол в Москве Ота), кодзи, бывший посол в Москве Ота).

Сравнительно краткие сведения Ал. Хамадан сообщает о японском шпионаже в Британской империи и США. Более подробные сведения автор дает о шпионаже в Китае. Интересный материал приводится в брошюре о генерале Доихара, которого автор называет «дальневосточным» Лоуренсом. Именно Доихара организует шпионско-диверсионную работу на Дальнем Востоке.

Далее даются сведения о процессе в г. Сводном 44 участников троцкистско-шпионско-террористической и диверсионной организации, действовавшей на железных дорогах ДВК под руководством японской разведки. Специально троцкистской агентуре японского генерального штаба посвящен последний раздел брошюры. Здесь дается материал процесса предателей из антисоветского троцкистского центра.

Специально японской разведке посвящена брошюра «Подрывная работа японской разведки», представляющая собой перепечатку статей в «Правде» от 9 и 10 июля 1937 г. Издание двух брошюр одним и тем же издательством (Партиздат) на тему о японском шпионаже безусловно оправдывается теми исключительными размерами, которые приняли в системе подготовки Японией войны шпионаж, диверсия, вредительство и убийства. Рецензируемая брошюра дает много новых сведений о подрывной работе Японии, не имеющихся в брошюре Ал. Хамадана. Она рисует систему японских органов разведки, дает характеристику ряда особенно выдающихся агентов японской разведки (в том числе Араки, Доихара и бело-бандита Семенова), устанавливает наиболее важные объекты подрывной деятельности японской разведки (СССР, Китай, Монгольская республика, Манчжурия и др.), рисует методы вербовки шпионов и насаждения шпионских гнезд, выясняет особенно активную роль в японской разведке троцкистско-бухаринских бандитов, как готовых и незаменимых агентов и лучших слуг фашистских разведок. В небольшой по размерам брошюре (в ней всего 20 страниц) читатель найдет ряд сведений специально о деятельности японской разведки на территории СССР, в частности о гнуснейшей японо-шпионско-диверсионной деятельности троцкистских предателей. Брошюра наглядно доказывает, что «по отношению к троцкистско-бухаринским бандитам японской разведки не требуется затрачивать никаких усилий для того, чтобы привлечь их к шпионско-диверсионной работе» и что «троцкисты сами являются ретивыми вербовщиками на службе у японской разведки, привлекая в шпионско-диверсионные группы политически и морально неустойчивых и разложившихся людей».

В заключение брошюра констатирует, что «японский империализм, первый начавший борьбу за передел мира, принадлежит к категории опаснейших провокаторов новой мировой войны. Предвкушая эту войну, готовясь к ней, японская разведка развивает сейчас особую активность. Японские полковники и генералы, мастера диверсии и провокации неустанно планируют разбойничьи нападения на границы Советского союза и дружественной ему Монгольской народной республики. Не будучи в состоянии надеяться на победный исход этого нападения, они всячески изощряются в выискивании средств и путей для ослабления

могущества Советского союза, подрыва его оборонной и экономической мощи. Они подыскивают подлых продажных людишек, готовых по их приказу нанести предательский удар в спину рабочих и крестьян СССР».

Последние слова брошюры дышат глубоким и полностью обоснованным убеждением, которое вместе с автором разделяют все граждане СССР, что «шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, бухаринцы — все без исключения наймиты иностранных разведок — будут выкорчеваны в СССР до конца».

Брошюра Роуэна «Разведка и контрразведка» представляет сокращенный перевод с английского языка одноименной книги американского писателя Р. Родана. После общих сведений о разведывательной деятельности в капиталистических странах до и после империалистической войны брошюра специально останавливается на разведке и контрразведке во время войны, на развитии современной системы разведки, на разведчике и его деятельности, на связи как самой опасной части работы разведчика, на контрразведке (т. е. организованном наблюдении за разведчиками), на достижениях контрразведочных органов в период мировой войны, на цензуре как средстве контрразведки, на деятельности тайной полиции и на пропаганде как средстве секретной службы.

Несмотря на небольшие размеры брошюры (63 страницы), в ней содержится обильный конкретный материал, обнаруживающий огромное знание автором своей темы.

Чрезвычайно трудно изложить содержание брошюры. Это своего рода маленькая энциклопедия сведений о разведке и контрразведке. Тот, кто хочет получить представление о разведке и контрразведке в капиталистических странах, должен познакомиться с брошюрой Роуэна.

Несомненный интерес представляет и сборник статей «Шпионам и изменникам родины нет и не будет пощады». Сборник, начинающийся приказом Народного комиссара обороны СССР т. К. Ворошилова по поводу процесса предательской, контрреволюционной, военной фашистской организации Тухачевского, Якира и других предателей, содержит статьи, посвященные этому процессу и появившиеся в центральной печати («Правда», «Известиях», «Красной звезде», «Большевике», «Партийном строительстве»). Сборник показывает, какую волну негодования и презрения к предателям вызвал этот процесс. Он лишний раз свидетельствует о том, что разоблачение банды изменников и суд над ней — это признак силы, могущества и несокрушимости советского строя и что «разгром последнего военно-шпионского ядра одного иностранного государства — большой удар по поджигателям войны и их планам подрыва мощи Красной армии и порабощения народов СССР» («Правда» 11/VI 1937 г.).

Такое содержание важнейшей литературы по вопросам вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

Она лишний раз подтверждает глубочайшую правильность указаний товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б):

«Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и, наоборот, в Германии в свои

очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к одноптипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского союза меньше шпионов, вредителей диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства.

Не ясно ли, что, пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств».

***

Ленинградский государственный университет им. Бубнова, исторический факультет. Документы и материалы по истории народов СССР. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв. Составитель сборника И. И. Яковкин. Соцэкгиз. Ленинград, 1936 г. Стр. 165. Цена 2 р. 50 к.

На фронте исторической науки долго орудовали поощряемые проявлениями идиотской болезни — беспечности — со стороны руководителей этим участком науки троцкистско-зиновьевские бандиты вместе с правобухаринскими буржуазными реставраторами.

Рецензируемый сборник является одним из примеров того, как плохо работает исторический факультет Ленинградского государственного университета им. Бубнова. Вредное значение этой плохой работы усугубляется тем, что рецензируемая книга, как это видно из редакторской аннотации на титульном листе, предназначается в качестве учебного пособия для студентов не только историков, но и юристов, для аспирантов и для преподавателей истории.

Прежде всего следует отметить, что сборник, в полном противоречии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16/V 1934 г., не может «обеспечить необходимые для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории» (из пост. ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16/V 1934 г.).

Оставляя без всякого объяснения, почему исторический факультет остановил свое внимание именно на XV—XVI вв., и в частности — на документах, относящихся к великому княжеству Литовскому, т. Яковкин в предисловии к сборнику, без всяких обиняков, сразу разоблачает свое верхоглядство, которое им взято в качестве основного принципа для этого

«научного труда». Он объясняет, что в задачу составителя входило только помочь учащемуся «усвоить, без особенного углубления в детали, основные черты феодального строя великого княжества Литовского» (стр. 3).

Стремясь дать материалы из истории народов СССР, т. Яковкин игнорирует замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР о том, что «нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеславянской и вообще мировой истории, — это во-вторых» (Партиздат, 1936 г., стр. 14). Тов. Яковкин оторвал историю Великороссии от истории других народов СССР весьма решительно.

Возникшее в XIII веке Литовское княжество было литовским в самой маленькой степени. Отчасти мирные, а больше всего военные комбинации влились в это княжество белорусский и украинский народы. «Литовское» в историческом разрезе звучало больше как белорусское: происходило размельчение литовского элемента в Литовско-Белорусском государстве, называвшемся великим княжеством Литовским, подобно тому, как такой же процесс имел место в Западной Европе в бывших римских провинциях, завоеванных германцами, когда побежденные крестьяне и горожане ассимилировали себе победителя, германского завоевателя» (Энгельс, «О разложении феодализма и развитии буржуазии». «Пролетарская революция» № 6, 1935 г., стр. 155).

Тов. Яковкин прошел мимо этого процесса, чем извратил историческую достоверность. Тот же так же т. Яковкин ушел в отношении XV—XVI вв. от высказывания Энгельса, «что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом — это совершенно очевидно». (Там же, стр. 157).

Вообще т. Яковкин очень быстро и легко разрешил поставленную им перед собой задачу при помощи следующих четырех приемов: 1) анализ событий XV—XVI вв. он уложил на 10 страничках предисловия, напоминающего не исследование, а лихой кавалерийский рейд по приложенным к предисловию документам; 2) приложенные к предисловию документы т. Яковкин извлек из давно опубликованных и без т. Яковкина сборников (труды Владимирского-Буданова, Довнар-Запольского, Любавского, Лаппо, Московского общества истории и древностей российских); 3) марксистское обоснование учебного пособия т. Яковкин свел к одной цитате из Энгельса, выхваченной Яковкиным мимоходом из статьи «О разложении феодализма и развитии буржуазии», к цитате, кстати сказать, имеющей отношение к характеристике польского государства, а не специально великого княжества Литовского; 4) бросавшиеся т. Яковкину самому в глаза пробелы своей работы он пытался восполнить церемонными реверансами и поклонами, собственными пепиньерке из института для благородных девиц, а не советскому историку, называя свое предисловие «кратким обзором» (стр. 9) «без углубления в детали» (стр. 1), «не расширяя столь далеко рамок данного учебного пособия» (стр. 6), и, что в особенности

любопытно, восполнил отсылкой читателя за фактическим материалом к трудам Любавского, Лаппо, Довнар-Запольского и других историков царской России, работы которых Яковкин вполне заслуженно охарактеризовал, как литературу «чуждую, даже открыто враждебную марксистско-ленинскому методу» (стр. 9).

Все эти приемы т. Яковкина заслуживают самого решительного осуждения.

Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова в качестве руководящих указаний, работа Энгельса «Крестьянская война в Германии» и ранее неопубликованная статья Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии» обеспечивали т. Яковкину полную возможность дать учащемуся марксистски обоснованный анализ общественных отношений в великом княжестве Литовском в XV—XVI вв. Совершенно недопустима отсылка читателя к Любавскому, Довнар-Запольскому, Лаппо и др. хотя бы и с приведением отрицательной характеристики работ этих «историков» царской России.

Махровый черносотенец-монархист, бывший ректор Московского университета, после его разгрома при Кассо, Любавский не только проводил черносотенные установки в своих работах (например, отрицание крестьянских общин в качестве одной из форм общественных отношений, «еврейское засилье»). Очерк истории Литовско-Русского государства (стр. 107, 119), но и подбирая такие документы, которые давали ему возможность «обосновывать» свои лженаучные выводы.

Сюсюкающий либерал из кадетов, киевский профессор Довнар-Запольский церемонно расщипывался перед Любавским, считая, что «взгляды автора в некоторых случаях заслуживают пересмотра» (Довнар-Запольский, «Очерки по организации западно-русского крестьянства», стр. 3).

Юрьевский профессор Лаппо был фореитером Любавского в Прибалтике и проводил русификаторскую политику в университете, в котором преобладали профессоры и студенты из национальных меньшинств.

Все трое были приверженцами монархического строя, оценивали царей и их действия как главную движущую силу истории и тенденциозно подбирали фактический материал, который помог бы им обосновывать свои лженаучные выводы. Если т. Яковкин нашел необходимых вспомнить об этих «ученых», то он обязан дать надлежащее марксистское обоснование своей работы и разоблачить тех «историков» царской России, на которых т. Яковкин сослался. Не сделав этого, т. Яковкин поставил себя в ряды последователей этих зубров.

Работа т. Яковкина свелась к работе технического лорда — к извлечению из чуждых нам хрестоматий и трудов ряда документов, которые т. Яковкин нашел для себя подходящими, с перепечатанием их по правилам советского правописания.

Работа не слишком обременительная, но и не столь научная, сколь техническая и бесполезная.

Что мог ожидать от этой книги советский юрист?

В книге надлежало дать конкретный юридический анализ документов правового порядка,

которые в ней приведены. Самый подбор документов и полнота изложения требовали того, чтобы составитель не забывал, что история литовского права является одновременно и историей русского права. Одной туманной фразой о «московских политических деятелях, которые несомненно интересовались и хорошо знали» литовские статуты (стр. 12), отделаться никак нельзя.

На фундаменте литовско-белорусского обычного права, истоки которого относятся еще к дохристианской эре, возникло новое право, питавшееся римским правом, каноническим правом и магдебургским правом. Право это, писал Энгельс, «по характеру своему было решительным образом антифеодалным и в известных отношениях буржуазным». (Энгельс, «О разложении феодализма и развитии буржуазии», «Пролетарская революция» № 6, 1935 г., стр. 157). «Римское право, — писал Энгельс там же, — настолько является классическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений. Но буржуазная собственность средних веков была еще сильно связана феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий».

Судебник Казимира Ягеллоновича и литовские статуты в трех редакциях содержали в себе государственное, уголовное и гражданское право, судостроительство и правила судопроизводства.

Статут 1522 г. был в 1529 г. в рукописном виде выпущен на белорусском языке, являвшимся в Литовском княжестве языком государственным (последнее обстоятельство нужно считать очень серьезным, так как оно свидетельствует о влиянии белорусской культуры и цивилизации), содержал в себе 244 статьи и воспринимал общие начала судебного Казимира Ягеллоновича 1468 года. Статут 1566 г. содержал в себе 364 статьи, а статут 1588 г. — 403 статей (последний просуществовал до 1840 г.).

Между тем все эти статуты в сборнике, составленном Яковкиным, даны в извлечениях, которые совершенно недостаточны для изучения истории уголовного права.

Статуты эти были результатом работы не королей, как думает т. Яковкин, а образованного сословия юристов, о котором пишет Энгельс: «Как короли, так и горожане нашли могущественную поддержку в сословии юристов, влияние которого возрастало. Одновременно с тем, когда снова открыли римское право, установилось разделение труда — между попами (юридическими консультантами феодальной эпохи) и учеными юристами, не принадлежавшими к духовному сословию. Эти новые юристы, разумеется, по самому существу своему принадлежали к городскому сословию» (Энгельс, «О разложении феодализма и развитии буржуазии», стр. 157).

Изучение статут не в извлечениях, а в полном виде, дает возможность получить представление о принципе индивидуальной уголовной ответственности, который разделяли статуты, о возрасте, с которого можно было привлечь к уголовной ответственности (7 лет — по судебнику Казимира Ягеллоновича, 14 лет — по статуту 1522 г. и 16 лет — по статуту

1588 г.), о системе наказаний в частности — о той роли, которую играли в системе наказаний денежные взыскания в соответствии со значением денег как «великого политического уравнилеля бюргерства» (Энгельс). Можно увидеть также, как внедрялось перенимавшееся из Восточной и Средней Европы применение смертной казни (в 20 случаях по статуту 1522 г. и в 100 случаях по статуту 1588 г.). Можно увидеть также следы поповского влияния на карательную систему статуты. Так, соращение христиан в иудейство и мусульманство каралось смертной казнью, наем евреем христианской кормилицы карался смертной казнью. В то же время убийство еврея и татарина, совершенное дворянином, каралось смертной казнью только в виде исключения, если дворянин был разорившимся или приверженным к пьянству.

Убийство дворянином крестьянина или горожанина, как правило, каралось имущественным взысканием.

В сборнике имеется объяснительный словарь, так как содержащиеся в сборнике акты составлены не на русском языке. Охват словарного материала является недостаточным, хотя и объяснительный словарь тоже позаимствован т. Яковкиным, в особенности у П. Горбачевского (словарь древнего актового языка Се-

веро-Западного края и царства Польского, Вильна, 1874 г.), о чем т. Яковкин сделал, правда, соответствующую ссылку. Но более внимательное использование т. Яковкиным словаря Горбачевского дало бы ему возможность не оставить без объяснений целого ряда весьма серьезных терминов. Так, оставлен без объяснения термин «поспольштво», с которым король Казимир обсуждал проект своего судебногоника. Под этим термином историк Данилович понимает горожан, а Владимирский-Буданов оспаривает разъяснение Даниловича. Правильное разъяснение этого термина имеет очень серьезное значение. В том же судебнике приводится термин «колце», который понимается Даниловичем как кандалы, а Владимирский-Буданов находит, что речь идет о раз мере гражданского иска. По смыслу всей статьи надо признать, что прав Данилович, так как речь идет о задержании жен и детей преступников, а не об имущественном взыскании. Целый ряд терминов, как-то: «влостно», «личба», «твар» — оставлены без всяких объяснений в словаре, что несомненно затруднит правильное понимание документов.

Книга не является вкладом в советскую историческую науку и в качестве учебного пособия совершенно негодна.

И. Сапгир.

Официальный отдел

О РАССЛЕДОВАНИИ КРУШЕНИЙ

Согласно приказу НКПС и Прокурора СССР от 27 июня 1937 г. № 134/ц/468 с 27 июля 1937 г. на 20 дорогах, указанных в приказе, введен новый порядок расследования крушений.

Истекшая декада показала, что ряд прокуроров дорог и участков, прокуроров республик, краев, областей и районов не поняли всей политической важности неуклонного выполнения приказа № 134/ц/468, которым предусмотрен новый порядок расследования крушений и аварий на железнодорожном транспорте, и допустили в своей работе серьезные нарушения этого приказа.

Наиболее серьезными нарушениями приказа № 134/ц/468 являются:

1. Несвоевременный в ряде случаев выезд прокуроров железнодорожного транспорта на крушения. В ряде случаев прокуроры на крушения вовсе не выезжали (дороги Северо-Донецкая, Закавказская, Казанская, им. Дзержинского).

2. Прокуроры территориальных районов, как правило, на крушения не выезжают. Лишь отдельные территориальные прокуроры своевременно выехали на место крушения и участвовали в составлении первоначальных актов, что свидетельствует о правильном понимании ими задач в связи с приказом № 134/ц/468 (прокурор гор. Караганды т. Пронин, прокурор

Фастовского района Киевской области и др.).

3. Прокуроры железнодорожного транспорта, республик, краев и областей не обеспечили проверку исполнения приказа № 134/ц/468 об обязательных выездах на крушения и аварии прокуроров территориальных районов и не приняли никаких мер к выяснению причин грубого нарушения приказа со стороны территориальных прокуроров. Ни один прокурор района, не выехавший на крушение, за грубое нарушение дисциплины не был наказан.

В ряде случаев прокуроры территориальных районов не выезжали вследствие неполучения извещений. Прокуроры дорог вместо принятия реальных мер к обеспечению своевременного уведомления территориальных прокуроров ограничились сигналами о случаях нарушения приказа № 134/ц/468 начальниками станций — главному прокурору железнодорожного транспорта. Так поступил прокурор дороги им. Орджоникидзе т. Козырев. Установив, что несколькими начальниками станций территориальные прокуроры не были уведомлены о крушениях, — он не поставил со всей решительностью вопрос о примерном наказании виновных, а обратился в главную прокуратуру за помощью воздействовать на начальников станций, нарушивших дисциплину.

4. Отдельные участковые прокуроры и следователи не изучили инструкции о новом порядке расследования крушений и приказа № 134/ц/468 не усвоили, допуская в практиче-

ской работе ошибки и нарушения приказа (прокурор Ульяновского участка Корнез, прокурор Оренбургского участка Караваев).

Прокуроры этих дорог не обеспечили оперативное руководство работой участковых прокуроров и следователей и не выехали на место для инструктирования и исправления допущенных ошибок.

5. Ряд прокуроров не обеспечил представления с места крушения первоначальной информации не позднее 12 часов с момента крушения, а по истечении суточного срока не все прокуроры представляют исчерпывающую информацию о ходе расследования (Казанская, Донбасская, им. Дзержинского, Южно-Уральская).

6. Некоторые прокуроры дорог практикуют вызов участковых прокуроров в дорожную прокуратуру, не заботясь о том, чтобы на место вызванного участкового прокурора был временно командирован другой работник для его замещения. Эти вызовы в ряде случаев повлекли за собой срыв выездов на крушения (Казанская, им. Дзержинского, им. Орджоникидзе).

7. Прокуроры ряда дорог первой очереди бездействуют в вопросе комплектования кадров участковых прокуроров и следователей (Южная, им. Дзержинского, Сталинская). Прокуроры многих дорог, отнесенных ко второй очереди, проявляют недопустимую беспечность и не заботятся об укомплектовании участковых прокуратур, несмотря на то что 27 августа 1937 г. дороги второй очереди должны будут ввести новый порядок расследования дел о крушениях в соответствии с приказом № 134/ц/468 (Рязано-Уральская, Кировская, Октябрьская, Калининская, Ярославская и М. Киевская).

Перечисленные факты нарушения приказа № 134/ц/468 нетерпимы и свидетельствуют о том, что многие прокуроры не сумели организовать работу так, чтобы обеспечить точное и неуклонное выполнение приказа.

В целях немедленного устранения отмеченных выше нарушений **приказываю:**

1. Прокурорам дорог сообщать республиканским, краевым и областным прокурорам о всех случаях нарушений территориальными районными прокурорами приказа № 134/ц/468, а последним немедленно расследовать эти факты и привлекать виновных к ответственности. О всех случаях нарушений со стороны территориальных прокуроров приказа и о принятых мерах воздействия сообщать главному прокурору железнодорожного транспорта для доклада мне.

2. Прокурорам дорог не оставлять без расследования ни одного случая неизвещения агентами дороги территориальных прокуроров и прокуроров железнодорожного транспорта о крушениях и авариях, требуя строгого наказания виновных.

3. Запретить вызовы участковых прокуроров железнодорожного транспорта без обеспечения на время выезда временного заместителя, не допуская оголения участков даже на короткое время.

4. Всем прокурорам дорог или их заместителям немедленно выехать на места для проверки и инструктирования участковых прокуроров и следователей, а также прокуроров тер-

риториальных районов по вопросу точного и неуклонного исполнения ими приказа № 134/ц/468 и инструкции о новом порядке расследования дел о крушениях и авариях.

5. Прокурорам дорог первой очереди закончить укомплектование аппарата участковых прокуроров и следователей к 15 августа. Прокурорам дорог второй очереди укомплектование аппарата участковыми прокурорами и следователями провести к 20 августа.

За грубое нарушение приказа № 134/ц/468 выразившееся в необеспечении выездов участковых прокуроров на крушения, имевшие место 28 июля и 2 августа, прокурору Северо-Донецкой дороги Любимову объявляю выговор.

Напоминаю всем прокурорам дорог, прокурорам республик, краев и областей об огромной ответственности, возложенной на них за точное и неуклонное исполнение решений февральского пленума ЦК ВКП(б) и изданного во исполнение этих решений приказа № 134/ц/468.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

7 августа 1937 г.

№ 55/15.

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ РАБОТЫ ПО СУДЕБНОМУ НАДЗОРУ

В практике работы органов прокуратуры наблюдаются случаи крайне запоздалого принесения протестов в порядке надзора на приговоры судов, в том числе на оправдательные, что приводит нередко к тому, что несмотря на обоснованность протестов, по существу, суды отклоняют их только по мотиву явной запоздалости. Если в некоторых случаях подобное запоздание объясняется неосведомленностью прокурора о том или ином деле, то в большинстве случаев оно является результатом неповоротливости, отсутствия инициативы, неустановления должного надзора за судебной практикой.

Районные и городские прокуроры, получая сигналы о том или ином неправильном приговоре, нередко направляют их в вышестоящие органы прокуратуры с большим запозданием.

Областные и краевые прокуроры, а также прокуроры союзных и автономных республик также не спешат с реализацией таких представлений своей периферии, задерживая их иногда по месяцу и больше. Вместе с тем, вследствие явно недостаточного участия в работе кассационной коллегии эти прокуроры не используют возможности своевременного направления приговоров еще в стадии кассационно-ревизионной проверки, а лишь впоследствии, с большим опозданием, по сигналам со стороны, вынуждены исправлять в надзорном порядке то, что могло бы быть своевременно устранено еще в кассационной коллегии.

Особенно нетерпимым такое запоздание протестов бывает в тех случаях, когда эти протесты приносятся на оправдательные приговоры суда или на определения кассационной коллегии о прекращении дела, а также тогда, когда ставится вопрос об отмене приговора за мягкостью наказания, подчас уже тогда, когда наказание отбыто.

Решительно осуждая подобного рода практику, Прокуратура Союза требует от всех прокуроров перестройки своей работы в направлении, обеспечивающем максимальную оперативность, своевременность и быстрое опротестование тех приговоров, решений и определений, которые по обстоятельствам дела должны быть опротестованы.

В этих целях обязываю:

1. Районных и городских прокуроров в случае установления обстоятельств, требующих опротестования в порядке надзора вступивших в законную силу приговоров и определений, направлять в трехдневный срок вышестоящему прокурору судебное дело с сообщением необходимых для протеста оснований и данных.

2. Прокуроров краев, областей и республик рассматривать такие представления прокуроров немедленно по их получении с тем, чтобы в случае признания обоснованности представляемых протестов не позднее 5—10 дней внести в соответствующие инстанции суда с мотивированными протестами.

3. Прокурорам областей, краев и республик, независимо от обязательного участия в заседаниях кассационной коллегии по делам особого значения (по закону 7 августа 1932 г. о хищениях социалистической собственности, по закону от 8 декабря 1933 г. о выпуске недоброкачественной продукции, по закону 7 апреля 1935 г. о преступлениях несовершеннолетних, по закону 27 июня 1936 г. о борьбе с абортными и т. п.) обеспечить систематическое наблюдение за прохождением в судах дел по тем категориям преступлений, которые чаще наблюдаются в данной области, крае или республике (например, по делам, возникающим из родовых пережитков в национальных республиках и областях, по делам о хулиганстве там, где преступность этого рода особенно распространена, и т. п.).

В этих целях установить либо участие представителей прокуратуры в заседаниях кассационной коллегии по этим делам, либо, где не представляется возможным осуществить это полностью, установить регулярное наблюдение за этими делами в порядке надзора, немедленно, в случае необходимости, принося протесты и по этим делам.

4. Неуклонно опротестовывать, добиваясь отмены неправильных приговоров и определений, особенно тех, которыми извращается политическое значение дела или искажается карательная политика, в то же время не допускать опротестования приговоров по делам о незначительных преступлениях, утративших к моменту принесения протеста свое общественное значение и остроту, или не имеющих общественно-политического значения.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

4 августа 1937 г.

№ 54/23.

О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ИСКОВ ОБ ОПЛАТЕ ТРАКТОРИСТОВ

Для сведения и руководства направляю Вам постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 5 августа с. г. № 1307 «О по-

рядке рассмотрения исков об оплате трактористов».

Приложение. Упомянутое.

11 августа 1937 г.

№ 57/1

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Москва, Кремль, № 1307 5 августа 1937 г.

О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ИСКОВ ОБ ОПЛАТЕ ТРАКТОРИСТОВ

В дополнение постановления Совета Труда и Обороны от 21 сентября 1933 г. «Об организации использования тракторного парка» (СЗ СССР 1933 г. № 60, ст. 361) Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. При предъявлении трактористами исков к МТС о взыскании причитающейся им платы за произведенную работу МТС обязана, при получении повестки о вызове в суд, одновременно предъявить в том же суде иск к колхозу о взносе МТС натурой и деньгами для расчета с трактористами, согласно договору МТС с колхозом, если последний не выполнил этих обязательств.

2. В этих случаях суд обязан одновременно рассмотреть оба иска как трактористов к МТС, так и МТС к колхозу о внесении последним хлеба и денег для расчета с трактористами.

3. Непредъявление или несвоевременное предъявление МТС к колхозу иска не может служить основанием для приостановления рассмотрения иска трактористов к МТС.

Председатель СНК Союза ССР В. Молотов.

Управляющий делами СНК Союза ССР

Н. Петруничев.

О ВОЛОКИТЕ В ПРОКУРАТУРЕ УЗБЕКСКОЙ ССР

Приговором судебной коллегии Верховного Суда Узбекской ССР от 28—29 марта 1933 года по делу о хищениях в строительстве Мечанстроя бывший кладовщик этого строительства Антиохин был осужден по закону 7 августа 1932 г. к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества.

Конкретно Антиохину этим приговором приписывалось хищение со склада Мечанстроя 70 листов железа с последующей продажей его в июле 1932 г. за 1400 руб. кустарю Дразнину.

По протесту прокуратуры Узбекской ССР, внесенному по предложению Прокуратуры Союза ССР, президиум Верховного Суда Узбекской ССР постановлением от 2 марта 1935 г. отменил приговор с обращением дела к доследованию, причем, одновременно с опротестованием приговора, Антиохин, отбывший к этому времени по приговору около 2½ лет лишения свободы, в порядке приостановления исполнения приговора, был из-под стражи освобожден под подписку о невыезде.

При дополнительном расследовании было установлено, что нет оснований считать про-

данное Антиухиным Дразнину железо похищенным со склада.

Исходя из этих данных, дальнейшее производство дела в отношении Антиухина, ввиду отсутствия доказательств для предания Антиухина суду, было прекращено.

Реабилитированный Антиухин обратился в прокуратуру Узбекской ССР с заявлением о привлечении к ответственности лиц, по вине которых он понес значительный материальный ущерб.

Поскольку прокуратура Узбекской ССР не уделила должного внимания справедливым претензиям Антиухина, он обратился с тем же заявлением в Прокуратуру Союза ССР.

Прокуратурой Союза ССР было дано прокурору Узбекской ССР распоряжение расследовать причины возбуждения против Антиухина уголовного преследования и виновных в незаконном и неправильном возбуждении этого дела привлечь к уголовной или дисциплинарной ответственности.

Несмотря на то, что исполняющий обязанности прокурора Узбекской ССР Башевой в письме от 25 декабря 1935 г. сообщил, что «факт грубо-небрежного проведенного как предварительного, так и судебного следствия по делу Антиухина вполне очевиден с вытекающими отсюда последствиями», он не выполнил предложения Прокуратуры СССР, а постановлением от 16 июля 1936 г. отменил постановление следователя Ташкентской городской прокуратуры Капустянского от 1 апреля 1935 г. о прекращении уголовного преследования в отношении Антиухина и предложил следователю прокуратуры Узбекской ССР Долганову возобновить производство расследования по обвинению Антиухина в приписываемом ему похищении железа со склада Мечанстроа.

В результате ряда неправильных действий следователя Долганова, санкционированных исполняющим обязанности прокурора Узбекской ССР Башевым, дело в отношении гр. Антиухина было прекращено лишь в порядке примечания к ст. 6 и ст. 9¹ УК Узбекской ССР. Такое направление дела Антиухина не обосновано материалами дела и является явно неправильным. Несмотря на это старший помощник прокурора СССР т. Ширвиндт, заведывавший в то время отделом уголовно-судебного надзора, по заключению бывшего прокурора названного отдела Русанова о правильности действий прокуратуры Узбекской ССР, санкционировал действия этой последней и направил в бюро КСК при СНК СССР соответствующее уведомление.

Ознакомившись с материалами дела, Бюро жалоб КСК при СНК СССР сообщило мне свои выводы о явной неправильности действий и выводов прокуратуры Узбекской ССР, санкционированных старшим помощником прокурора СССР т. Ширвиндтом.

Проверкой заново всех материалов дела устанавливается следующее:

1. Предварительным расследованием не было добыто никаких материалов, которые объективно и документально устанавливали бы факт систематических хищений со склада Мечанстроа каких-либо материалов.

Мало того, органом расследования и прокуратурой без всякого внимания и оценки был оставлен документальный акт обследования

Мечанстроа комиссией РКИ от 1 ноября 1932 г. который прямо противоречил указанной постановке обвинения.

2. В пределах тех двух конкретных фактов, которыми фактически занималось расследование (продажа Антиухиным 117 листов железа Дразнину и получение Пищным с Мечанстроа части стройматериалов для постройки дома), предварительное расследование было произведено с грубейшим нарушением основных процессуальных форм и гарантий (Антиухину, ка и Сабитову, при допросе в качестве обвиняемого никакого обвинения не предъявлялось — арестован и допрошен 27 октября 1932 г., а постановление о привлечении в качестве обвиняемого датировано только 26 декабря 1932 г., ни один следственный акт надлежаще оформлен не был; объяснения Пищны и документы, устанавливающие факт получения Пищным материалов с разрешения начальника Мечанстроа из остатков и с оплатой полученного за наличный расчет, игнорировались и т. д.).

3. По окончании расследования материалы расследования ни Антиухину, ни Пищину, ни Сабитову не предъявлялись и т. д.

Несмотря на указанные выше грубейшие дефекты предварительного расследования, уголовно-судебная коллегия Верховного Суда Узбекской ССР, под председательством члена Верховного Суда Узбекской ССР Ряховского, не только не обратила на них внимания и не вернула дела на исследование, но в дополнение к ним допустила при слушании дела новые грубейшие нарушения (совершенно неправильно отказала подсудимому и защите в ходатайстве о допросе ряда свидетелей и о затребовании от Мечанстроа справки о результатах проверки наличия склада Антиухина после его ареста, квалифицировала преступление Антиухина по закону 7 августа 1932 г., хотя продажа железа имела место до издания закона от 7 августа и т. д.).

Основная вина в неправильном привлечении и осуждении по данному делу гражданина Антиухина по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы лежит на производившем первоначальное расследование по этому делу, бывшем Уполномоченном ПП ОГПУ по Средней Азии Некрасове, бывшем заместителе прокурора Узбекской ССР Рубаненко, который наблюдал за следствием и утвердил обвинительное заключение, и на члене Верховного Суда Узбекской ССР Ряховском, который председательствовал в судебном заседании по данному делу.

В дальнейшем, в период проверки этого дела Прокуратурой Союза, бывший исполняющий обязанности прокурора Узбекской ССР Башевой допустил совершенно исключительное нарушение предложения Прокуратуры Союза, оставив без исполнения поручение Прокуратуры Союза о выяснении виновных в неправильном возбуждении, расследовании и разрешении данного дела и подменив его распоряжением старшему следователю прокуратуры Узбекской ССР возобновить и продолжить расследование в направлении обвинения Антиухина в краже железа со склада Мечанстроа.

Тем самым Башевой покрывал явно незаконные и неправильные действия прокурорско-следственных и судебных работников по воз-

буждению, расследованию и разрешению данного дела.

Приказываю:

1. Прокурору Узбекской ССР т. Шейндлину:
а) немедленно отменить постановление следователя Долганова от 29 сентября 1936 г. о прекращении дела в отношении Антюхина по примечанию к ст. 6 и ст. 9^а УК Узбекской ССР, а также и постановление исполняющего обязанности прокурора Узбекской ССР Башевого от 16 июля 1936 г. об отмене постановления следователя Ташкентской городской прокуратуры Капустянского от 1 апреля 1935 г. и восстановить в силе прекращение дела в отношении Антюхина в порядке примечания к ст. 2 УПК Узбекской ССР за недостаточностью доказательств для предания Антюхина суду по обвинению в приписываемой ему краже со склада Мечанстрою;
б) о действиях бывшего уполномоченного ПП ОГПУ по Средней Азии Некрасова сообщить Народному комиссару внутренних дел Узбекской ССР, а о действиях члена Верховного суда Узбекской ССР Ряховского сообщить Народному комиссару юстиции Узбекской ССР на предмет привлечения их к ответственности;
в) бывшего исполняющего обязанности прокурора Узбекской ССР Башевого за неисполнение поручения Прокуратуры Союза и подмену его распоряжением, направленным к покровителю незаконных и неправильных действий прокурорско-следственных и судебных работников по данному делу, — предать суду;
г) старшему следователю прокуратуры Узбекской ССР Долганову за проявленную волюнку и искусственное ведение дополнительного расследования по делу Антюхина объявить выговор с перемещением на должность народного следователя с указанием на то, что он заслуживает снятия с должности и предания его суду, но эти меры в данном случае к нему не применяются исключительно ввиду того, что он действовал по непосредственным распоряжениям и под давлением Башевого.
2. Бывшему заместителю прокурора Узбекской ССР, ныне транспортному прокурору Ташкентской ж. д. Рубаненко объявляю строгий выговор, ограничиваясь этим взысканием ввиду того, что за последнее время он показывал себя исполнительным и добросовестным работником железнодорожной транспортной прокуратуры.
3. Прокурору Узбекской ССР т. Шейндлину за недостаточное наблюдение за аппаратом по выполнению поручения Прокуратуры Союза по данному делу и за неправильное, без тщательной проверки, санкционирование и защиту неправильного постановления следователя Долганова от 29 сентября 1936 г., явно извратившего в приводимых им мотивах фактические данные дела, объявляю выговор.
4. Старшему помощнику Прокурора Союза т. Ширвиндту ставлю на вид санкционирование заключения по делу Антюхина бывшего прокурора отдела уголовно-судебного надзора Прокуратуры СССР Русанова, без надлежащей непосредственной проверки правильности этого заключения по материалам дела и без доклада заместителю Прокурора Союза ССР т. Леплевскому, по требованию которого поступили в Прокуратуру Союза

дело Антюхина и объяснения прокурора Узбекской ССР т. Шейндлина.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

7 августа 1937 г.

№ 664

О РАБОТЕ ПО УЧЕТУ И ИНФОРМАЦИИ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Состоявшееся 16 июля с. г. совещание с руководителями групп учета и информации прокуратур союзных республик: РСФСР, Украинской и Белорусской ССР и имеющиеся в Прокуратуре Союза ССР материалы указывают, что в большинстве прокуратур союзных республик организация учетно-статистических работ неудовлетворительна.

Недооценивая важного значения в практической оперативной работе правильной организации учета и своевременного получения с мест статистических отчетных данных, прокуратуры союзных и автономных республик, краев и областей все еще не уделяют должного внимания организации и контролю работы в группах учета и информации как в своем центральном аппарате, так и на периферии.

Особенно плохо обстоит дело в прокуратуре Казахской союзной республики, которая до настоящего времени не сумела даже организовать представления месячных статистических отчетов за текущий год.

В целях правильной организации учетно-статистических работ в соответствии с теми задачами, которые должны осуществлять учет и статистика в органах прокуратуры, предлагаю:

1. Проверить кадры работников учета и обеспечить группы учета и информации прокуратур областей, краев и республик отвечающими своему назначению руководителями и необходимыми техническими работниками с тем, чтобы группы учета действительно могли осуществлять организацию, инструктаж и контроль за работой периферии и своевременно составлять отчеты для представления в вышестоящие органы прокуратуры.

2. Обязать начальников оперативных отделов (следственного, уголовно-судебного, гражданского-судебного и т. д.) прокуратур областей, краев и республик в целях своевременного использования в оперативной работе статистических материалов, сигнализирующих часто о неудовлетворительном качестве работ низовых органов прокуратуры, обязательно просматривать все получаемые с мест ежемесячные статистические отчеты и немедленно принимать необходимые меры для повышения качества работы на местах.

3. Вменить в обязанность группам учета и информации прокуратур областей, краев и республик составлять на основании получаемых месячных статистических отчетов, не реже чем раз в квартал, краткие обзоры работы органов прокуратуры с анализом важнейших показателей, характеризующих качество и объем следственной работы, судебно-надзорной работы по уголовным делам, по гражданским делам, по общему надзору, по жалобам и по надзору за местами заключения. Выво-

ды, сделанные на основании отчетных данных упомянутых обзоров, доводить до сведения подведомственных прокуратур (районных, областных, краевых).

4. Поручать командируемым для обследования на места работникам прокуратур областей, краев и республик проверять организацию и состояние учетно-статистических работ и использование отчетных материалов в оперативной работе.

5. Отмечая прокуратуру Казахской ССР как не сумевшую справиться в текущем году с организацией учетно-статистической работы и не представившую отчетность, обязываю прокурора Казахской ССР не позже 25 августа с. г. представить все месячные отчеты за первое полугодие текущего года и впредь регулярно представлять их в установленный срок.

6. Всем прокурорам союзных республик предлагаю сообщить мне не позже 1 сентября с. г., что сделано ими для улучшения организации учетно-статистической работы и, в частности, какими мероприятиями обеспечили они на будущее время представление в Прокуратуру Союза ССР вполне доброкачественных, максимально полных статистических отчетов в установленные сроки.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

9 августа 1937 г.
№ 56/20

О НАПРАВЛЕНИИ В ГЛАВНУЮ ТРАНСПОРТНУЮ ПРОКУРАТУРУ КОПИЙ ВСЕХ ПРИГОВОРОВ ЛИНСУДОВ

Приказом Прокурора Союза ССР № 268 от 20 апреля 1937 г. на прокуроров дорог возложена обязанность представлять в Главную прокуратуру ж.-д. транспорта копии всех приговоров линейных судов и свои заключения по кассационным жалобам в случаях, когда в кассационных жалобах содержатся указания на допущенные прокуратурой или судом грубые процессуальные нарушения и недоисследованность важных для дела обстоятельств.

Приказом Прокурора Союза прокуроры дорог должны представлять заключения по кассационным жалобам и копии приговоров одновременно с направлением линсудами дел в Транспортную коллегия Верховного Суда Союза ССР.

По сообщению ряда прокуроров дорог, они лишены возможности выполнить приказ Прокурора Союза вследствие отказа председателей линейных судов выдавать им для ознакомления кассационные жалобы.

В целях улучшения качества кассационного рассмотрения дел и устранения допускаемых процессуальных нарушений предлагаем:

1. Председателям линсудов немедленно направлять прокурорам по их требованию кассационные жалобы и, в частности, те, в которых имеются указания на процессуальные нарушения или недоисследованность.

Вместе с кассационными жалобами направлять дела.

2. Прокурорам дорог не позднее суточного срока знакомиться с кассационными жалобами и делами, возвращая немедленно после озна-

комления дела вместе с жалобами в линейный суд.

Народный комиссар юстиции СССР
Н. Крыленко.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

15 августа 1937 г.
№ 58/80

О СПЕЦДОНЕСЕНИЯХ

Поступающие в Прокуратуру Союза ССР спецдонесения с мест явно неудовлетворительны. Их недостатки заключаются в следующем.

Спецдонесения в Прокуратуру Союза направляются часто с большим опозданием, а поэтому не могут быть использованы Прокуратурой Союза в качестве оперативного материала. Спецдонесения часто загромождаются мелкими фактами, собранными за большой промежуток времени, в то же время серьезные нарушения революционной законности и крупнейшие преступления, возникшие в пределах района, области, края, республики, остаются в них неосвоенными.

Многие прокуроры возложили всю работу по спецдонесениям на второстепенных сотрудников, на так называемых информаторов, а сами непосредственного участия в этой работе не принимают и этой работой не руководят, что является совершенно неправильным и недопустимым.

Приказываю всем прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей и районов перестроить свою работу по спецдонесениям в таком направлении, чтобы отмеченные выше недостатки были устранены.

Прокуратура Союза считает излишним и бесполезным предлагать Вам перечень вопросов, по которым Вы должны присылать спецдонесения, так как всякий перечень был бы безжизненным и формальным требованием. Вы, в соответствии со своим правильным пониманием политической обстановки, в каждом данном случае должны информировать нас о всех наиболее выдающихся фактах беззакония и преступности и немедленно после того, как они вскрываются.

Необходимо сообщать все факты о наиболее важных контрреволюционных группах, всякого рода кулацких и вражеских вылазках, особенно тех, которые проявляются в наиболее резкой форме (террор, диверсия, вредительство и т. д.), о фактах, обращающих на себя внимание своей исключительностью мотивов, методов и способов совершения преступления. Так, например, преступления, затрагивающие широкие круги трудящихся (случаи отравления в столовых общественного питания, в колхозах, на предприятиях и т. д.); из бытовых дел — дела, которые представляют особый интерес с точки зрения мотивов или способов совершения преступления.

Прокуратуре Союза ССР необходимо знать о наиболее грубых нарушениях социалистической законности, как-то: о незаконных обязательных постановлениях местных советов и исполкомов, о грубых нарушениях и извращениях устава сельскохозяйственной артели, о явно незаконных приказах и инструкциях, по-

становлениях и решениях местных исполкомов и их отделов, профсоюзных и кооперативных организаций, о незаконных действиях должностных лиц этих учреждений и организаций, нарушающих: а) интересы советского государства; б) гарантированные Конституцией СССР права граждан; в) налоговое и страховое законодательство и законодательство об обязательных поставках; г) социалистическую демократию (выборность, порядок приема и исключения членов советских, кооперативных и профсоюзных организаций и т. п.), о грубых нарушениях положения о выборах в Верховный Совет Союза ССР.

Повторяем, исчерпывающий список вопросов для спецдонесений не предлагается, так как Ваша политическая подготовка, юридическая квалификация и прокурорский опыт должны Вам подсказать, какие вопросы представляют интерес с точки зрения надлежащего реагирования Прокуратуры Союза на подобного рода факты и правильной организации со стороны Прокуратуры Союза руководства Вашей работой по борьбе с нарушениями законов и различными преступлениями.

Спецдонесения по всем указанным выше и подобным им вопросам прокуроры республик, краев, областей и районов обязаны немедленно присылать непосредственно Прокурору Союза (с надписью на конверте «Особо важные спецдонесения»).

В особых случаях спецдонесения должны передаваться по телеграфу.

Посылка спецдонесений непосредственно Прокурору Союза не исключает обязанности прокуроров сообщать о всех подобного рода фактах одновременно и своему непосредственному руководству — вышестоящему прокурору, который независимо от того, как будет реагировать Прокуратура Союза, должен принять необходимые меры по этим фактам.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

16 августа 1937 г.
№ 59/24

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ

I

Имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Союза материалы о работе прокуратуры на местах по общему надзору показывают, что эта работа страдает крупными недостатками и что неоднократные указания Прокуратуры Союза по вопросу об организации и осуществлении общего надзора до настоящего времени в жизнь не проведены.

Большее того, ряд имеющихся в распоряжении Прокуратуры Союза фактов говорит о том, что до сих пор отдельные республики, края, области и тем более районные прокуроры не понимают всего политического значения общего надзора прокуратуры как одного из мощных средств борьбы за революционную законность. Только этим обстоятельством можно объяснить неудовлетворительное состояние в ряде мест отделов общего надзора и неудовлетворительный подбор работников этих отделов, невнимание руководителей и местных органов прокуратуры к работе по общему

надзору, загрузка этих отделов совершенно несвойственными им обязанностями (например, приемом и рассмотрением жалоб, сосредоточение в отделе общего надзора дел, связанных с преступностью среди несовершеннолетних, с административным высыланием и т. п.).

К числу наиболее серьезных и вместе с тем распространенных недостатков в работе органов прокуратуры на местах по общему надзору относятся:

1. Отсутствие инициативы в борьбе с различного рода нарушениями революционной законности и наличие в этом деле самотека: прокуроры, как правило, не наблюдают за постановлениями различных местных органов власти, систематически с ними не знакомятся, не обращают внимания на содержащиеся в этих постановлениях и распоряжениях нарушения революционной законности, а иногда и прямые извращения, и не ставят в соответствующих административных и советских органах по собственной инициативе вопросов об устранении этих нарушений.

Как правило, прокуроры опротестовывают незаконные постановления и распоряжения лишь в тех случаях, когда об этом им сообщают заинтересованные учреждения, или же отдельные лица, или же по материалам печати.

Требую впредь абсолютного внимания и быстрого реагирования на всякого рода сигналы в печати, заявления учреждений и отдельных лиц, Прокуратура Союза в то же время требует проявления гораздо большей инициативы и оперативности в опротестовании незаконных распоряжений и постановлений различных советских органов, чем это имело место до настоящего времени.

2. Отсутствие должной решительности в борьбе с различными нарушениями советских законов, а также отсутствие необходимой настойчивости и последовательности в устранении этих нарушений. Нередко прокуроры бездействуют, несмотря на явные нарушения закона, предпочитают не замечать этих нарушений, а замечая и опротестовывая незаконные распоряжения и постановления, прокуроры считают свою задачу исчерпанной фактом предъявления протеста, не принимая никаких мер к скорейшему и правильному его разрешению, формально-бюрократически относясь, таким образом, к этой важнейшей своей задаче и не доводя дело до конца, с использованием всех предоставляемых им законом возможностей. В частности, прокуроры не заботятся о быстрейшем рассмотрении предъявленных ими протестов; при отклонении их протестов не переносят в вышестоящие инстанции; не сообщают своевременно в вышестоящие прокурорские органы, в частности, в Прокуратуру Союза и, таким образом, фактически не ведут надлежащей борьбы за укрепление революционной законности.

3. При опротестовании незаконных распоряжений или постановлений прокуроры нередко оставляют без внимания исследование основных причин того или другого нарушения, не стараются вскрыть корень этих нарушений, не обращают внимания на общие условия или систему работы данного учреждения, порождающие подобного рода нарушения закона.

Опротестовывая какое-либо незаконное по мнению прокуратуры распоряжение или поста-

новление различных органов, прокуроры не исследуют всего вопроса в целом, не исследуют того, при каких условиях возник данный вопрос, в чем лежат причины нарушения закона и т. д.

Между тем, нельзя оставлять без ответа вопрос о том, кто был инициатором того или другого незаконного постановления и чем объясняется, что лицо, на которое возложена была разработка данного вопроса, предложило такое решение этого вопроса, которое противоречит закону: объясняется ли это невежеством в области основного законодательства или, может быть, происками пробравшихся в наши учреждения врагов.

При обнаружении какого-либо незаконного постановления, особенно содержащего в себе грубейшие извращения революционной законности, прокурор обязан выяснить людей, которые это постановление готовили, заглянуть в их прошлое, поинтересоваться их политической и общественной физиономией. Проверить, наконец, не стоят ли подобного рода действия этих лиц в какой-либо связи с враждебными нашему делу вылазками. Прокурор должен заинтересоваться вопросом, явилось ли такое нарушение случайностью, явилось ли оно просто ошибкой или же результатом злостных и преступных намерений того или другого лица.

Прокуратура Союза на это последнее обстоятельство обращает особенное внимание местных работников прокуратуры. Прекрасно понимая всю трудность правильного разрешения этой задачи, Прокуратура Союза, однако, считает, что в эту сторону должны быть направлены усилия прокурорского аппарата по осуществлению надзора за законностью, так как именно при таком направлении своей работы только и можно в максимальной степени обеспечить укрепление революционной законности и разоблачение всяческих враждебных нам искривлений социалистической законности.

Имея в виду, что общий надзор за законностью может дать необходимые результаты лишь при выполнении указанных выше требований и приобрести таким образом необходимую политическую заостренность, Прокуратура Союза напоминает о недопустимости при осуществлении надзора за законностью ограничиваться наблюдением лишь за исполнением формальных требований закона.

В работе по общему надзору органы прокуратуры должны обратить особенное внимание на борьбу с какими бы то ни было нарушениями основного закона Союза ССР — Сталинской Конституции и, в первую очередь, с нарушениями принципов советской социалистической демократии.

Сталинская забота о человеке, нашедшая свое яркое выражение в Конституции СССР, давшей исчерпывающее определение прав и обязанностей граждан СССР, обязывает органы Прокуратуры уделять особое внимание ограждению этих прав от каких бы то ни было посягательств, чутко и внимательно относиться к жалобам граждан на нарушение их прав, не оставляя без тщательной проверки ни одной из таких жалоб, и при подтверждении их добиваться безусловного восстановления нарушенной законности.

Пристального внимания органов прокуратуры в работе по общему надзору требуют вопросы точного соблюдения Устава сельскохозяйственной артели, а также законодательства о госпоставках, налогах и др. обязательных платежах на селе, учитывая, что нарушения законности в этих вопросах крайне болезненно воспринимаются населением и вредно отражаются на организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Исключительное значение в настоящих условиях имеет вопрос о законности издаваемых местными органами власти обязательных постановлений и правильности применения устанавливаемых ими санкций. Поэтому органы прокуратуры на местах должны добиться такого положения, при котором ни одно обязательное постановление, изданное с нарушением закона, не оставалось бы в силе.

Особого внимания требуют вопросы борьбы с нарушениями законности в промышленности и, в первую очередь, с нарушениями законодательства о труде, зачастую являющимися собой одну из форм вредительской деятельности врагов народа — троцкистско-правых агентов фашизма (нарушения правил техники безопасности, обчеты рабочих, задержка в выдаче заработной платы, незаконные штрафы и т. д.).

II

Основными средствами, при помощи которых органы прокуратуры должны осуществлять свою работу по общему надзору, являются:

а) Ознакомление с постановлениями и приказами административных и хозяйственных организаций, действующими на территории, обслуживаемой соответствующими органами прокуратуры, для проверки соответствия их законодательству Союза и союзных республик.

б) Расследование поступающих жалоб и материалов печати на нарушения законов и соображение результатов расследования в печати, заинтересованным лицам, соответствующим учреждениям и организациям.

в) Установление тесного контакта с контрольными органами (партийный и советский контроль) и ревизионными комиссиями колхозов для получения и использования имеющихся у них материалов о нарушениях законов.

г) Организация групп содействия на крупных предприятиях, в совхозах и колхозах для выявления через них нарушений законов и проведения профилактической работы; участие в секциях революционной законности исполкомов и советов; связь с рабкорами и селькорами и участие в их совещаниях.

д) Выезд на предприятия и в колхозы для ознакомления с состоянием законности, ликвидации нарушений законов и проведения работы по правовому просвещению масс.

е) Систематическое участие в заседаниях исполкомов и советов в целях осуществления надзора за законностью принимаемых ими постановлений.

Такие методы работы, как обследования хозяйственных и административных органов, различного рода «рейды» и «походы», связанные к тому же с вмешательством в оперативную работу этих органов, ни в коем случае не должны допускаться.

Вменяя в обязанность всем прокурорским органам при осуществлении ими функций общего надзора неуклонно руководствоваться приведенными выше указаниями, предлагаю прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей в течение ближайшего месяца проработать настоящий циркуляр на оперативных совещаниях с райпрокурорами и провести к 1 октября с. г. нижеисходящие организационные мероприятия:

1. Укомплектовать отделы общего надзора прокуратур союзных и автономных республик, краев и областей работниками надлежащей квалификации и не допускать в дальнейшем их перемещения без крайней к тому нужды.

2. Обеспечить снабжение отделов общего надзора городских и районных прокуратур официальными изданиями законов СССР и союзных республик.

3. Наладить систематическое и регулярное получение отделами общего надзора прокуратур союзных и автономных республик важнейших приказов и инструкций республиканских наркоматов для проверки их с точки зрения соответствия законам Союза и союзных республик.

4. В тех же целях организовать получение отделами общего надзора краевых и областных прокуратур важнейших постановлений краевых и областных исполкомов, а также приказов и распоряжений тех их отделов и хозяйственных организаций, которые по характеру своей деятельности имеют наибольшее соприкосновение с широкими массами населения (земельные, финансовые, торговые, коммунальные отделы, заготовительные организации).

5. Одновременно наладить систематическое ознакомление работников отделов общего надзора с приказами (принципиального характера и касающихся значительных групп рабочих и служащих) ведущих промышленных предприятий каждого края и области, путем ли получения этих приказов и распоряжений или просмотра их на месте.

6. Краевым и областным прокурорам установить в зависимости от характера районов, какие ведомственные приказы райорганизаций должны регулярно проверяться райпрокурорами и какими методами.

7. Выезды в районы, сельсоветы и колхозы должны осуществляться по плану. Итоги при выездах должны оформляться специальной справкой о проделанной работе. Край(обл)прокуратуры должны осуществлять наблюдение и контроль за выполнением этого указания.

8. Обеспечить безусловное получение всеми районными прокурорами и отделами общего надзора краевых и областных прокуратур обязательных постановлений соответствующих органов власти на местах в сроки, установленные законодательством союзных республик.

9. Обязать все органы прокуратуры следить за прохождением приносимых ими протестов и лично поддерживать эти протесты при их рассмотрении.

10. Для усиления контроля за работой по общему надзору установить практику направления органами прокуратуры в вышестоящие прокуратуры копий наиболее важных протестов, а также систематическую проверку

этим прокуратурами работы своих периферийных органов.

11. Обязать прокуроров при выездах на село практиковать организацию докладов, консультаций и бесед в колхозах и совхозах о революционной законности в свете Сталинской Конституции СССР.

12. Обязать отдел общего надзора Прокуратуры СССР установить наблюдение за исполнением настоящего приказа, представляя мне соответствующие справки о ходе работы по общему надзору ежеквартально.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

16 августа 1937 г.

№ 60/24

О ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ

В целях создания необходимых условий для успешной работы по повышению квалификации работников прокуратуры и следственных органов установить для всех работников прокуратуры и следственных органов, состоящих слушателями заочного юридического института и заочной юридической школы, следующие льготы:

1. Один свободный день в шестидневку, кроме выходного, специально для учебной работы с запрещением занимать этот день собраниями, заседаниями, совещаниями и т. д.

2. Освобождение заочников от служебных обязанностей на время учебных конференций и заочных сессий два раза в год по 12 дней с приравнением участия в этих конференциях и сессиях к служебным командировкам с оплатой проезда, суточных и квартирных.

3. Освобождение заочников от служебных обязанностей на время подготовки и сдачи выпускных экзаменов при окончании правовой школы на один месяц и на время подготовки и сдачи государственных экзаменов при окончании института на два месяца с оплатой проезда к месту производства экзаменов, квартирных и суточных за время пребывания на экзаменационной сессии.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

19 августа 1937 г.

№ 61/6

О ПОРЯДКЕ ПРИЕМКИ И СКЛАДИРОВАНИЯ СОРТОВОГО ЗЕРНА

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля с. г. отменен приказ Наркома земледелия СССР и председателя Комитета заготовок от 3 июля 1937 г. № 539/1472 «О порядке приемки сортового зерна в кампанию 1937/38 г. и порядке складирования сортового зерна на складах «Госсортфонда», в связи с тем, что в этом приказе повторена прошлая вредительская практика обезличивания и смешивания различных сортов семян под видом так называемого «товарно-сортового зерна».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали Наркомзем и Комзаг СНК СССР в деле заготовки

и хранения сортовых семян точно руководствоваться:

а) постановлением СНК СССР от 29 июня с. г. «О мерах по улучшению семян зерновых культур»;

б) постановлением СНК СССР от 29 июля 1937 г. «О ценах и кондициях на сортовое зерно из урожая 1937 г.» и

в) постановлением СНК СССР от 31 июля с. г. «О порядке организации приемки сортового зерна», приняв все необходимые меры, чтобы не допускать смешения на складах «Заготзерна» и «Госсортфонда» различных сортов зерна, снабженных сортовыми удостоверениями, а также смешения сортового зерна с несортовым.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) также обязали председателей СНК союзных республик, краевых и областных исполкомов, а также секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов проверить ход выполнения органами Комитета заготовок и Наркомзема перечисленных выше постановлений СНК СССР об улучшении семян зерновых культур, сообщив о результатах в СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Наконец, указанное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля с. г. предусматривает привлечение виновных в смешении сортового зерна к уголовной ответственности с сообщением каждый раз об этом в СНК СССР.

Обращая Ваше внимание на исключительное значение постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 7 июля с. г. для дела улучшения семян зерновых культур, предлагаю обеспечить срочное расследование всех сигналов и сообщений о смешении зерна различных сортов на складах «Заготзерна» и «Госсортфонда». При расследовании этих дел Вы должны принимать все меры к тому, чтобы установить — не стоит ли за спиной преступника какая-либо вредительская контрреволюционная группировка, нет ли у преступника связей с враждебными нам элементами, для того чтобы разоблачить и передать суду не только исполнителей, но также организаторов, вдохновителей и подстрекателей этих преступлений.

О каждом выявленном Вами факте смешения сортового зерна немедленно информируйте меня спецдонесением.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

19 августа 1937 г.

№ 62/1

О СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ИЗЪЯТИЯ ИМУЩЕСТВА В ПОКРЫТИЕ НЕДОИМОК ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ И МЕСТНЫМ НАЛОГАМ

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. «Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственному и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан» СНК СССР 14 августа с. г. постановил отменить бесспорный порядок взыскания с колхозов несданной ими в

срок натуроплаты работ МТС, установив, что эта натуроплата взыскивается через народный суд независимо от суммы иска.

Если при рассмотрении дела в народном суде обнаружатся данные, указывающие на злостный характер несдачи натуроплаты, суд, одновременно с решением о взыскании с колхоза натуроплаты, передает дело прокурору для расследования.

В случае передачи прокурором дела в суд для привлечения правления колхоза к ответственности за злостную несдачу натуроплаты, суд, установив наличие злостности, накладывает на колхоз денежный штраф в размере половины стоимости несданной натуроплаты по ценам, установленным для обязательных поставок государству.

Изложенное примите к точному руководству.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

20 августа 1937 г.

№ 64/1.

О ГАРНЦЕВОМ СБОРЕ

Имеющиеся материалы свидетельствуют о неблагополучии с гарнцевым сбором и о широком развитии тайного помола зерна в ряде республик, краев и областей.

В связи с этим обязываю Вас обеспечить систематический надзор органов прокуратуры за прохождением в органах расследования дел этой категории, добиваясь их окончания в деканальный срок, а также произвести проверку в органах расследования и судах всех еще нерассмотренных дел по гарнцевому сбору, обеспечивая их внеочередное рассмотрение.

При этом предлагаю:

1. За производство тайного помола зерна трудящимися ручным способом для личных потребностей привлекать к ответственности по ст.ст. 16 и 105 ч. 1 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

В случае, если такой помол совершается хозяйствами, не выполнившими своих обязательств по поставке зерна государству, или когда он носит систематический характер или производится с целью уклонения от выполнения обязательств по зернопоставкам, виновных привлекать по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. Со виновных в расхищении и безнарядном расходовании гарнцевого сбора привлекать по закону 7 августа 1932 г.

3. За расхищение гарнцевого сбора, в частности, за незаконное расходование его, директоров и заведующих мельничными, мукомольно-крупяными и масложировыми предприятиями привлекать по закону 7 августа 1932 г.

Об особо крупных фактах нарушения закона о гарнцевом сборе или хищений гарнца информируйте меня спецдонесением.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

20 августа 1937 г.

№ 65/1.

О НАРУШЕНИЯХ ДИСЦИПЛИНЫ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Из практики Прокуратуры Союза ССР видно, что дисциплина в органах прокуратуры стоит еще не на должной высоте.

Наблюдаются случаи, когда распоряжениями нижестоящих органов прокуратуры и подчиненных лиц изменяются и даже отменяются распоряжения вышестоящих органов прокуратуры, без ведома и предварительного согласия последних.

Такие случаи имеют место в особенности по жилищным делам. Так, например, заместитель прокурора г. Москвы т. Кобленц 16 октября 1936 г. нашел выселение гр. Добровольского в административном порядке законным и просил сообщить, кто тормозит выселение, а пом. прокурора Бауманского района г. Москвы т. Езерская в тот же день приостановила выселение Добровольского, отменив тем самым распоряжение городской прокуратуры.

20 октября 1936 г. пом. прокурора СССР т. Борисов приостановил выселение Добровольского на 10 дней, а 11 декабря 1936 г. б. исполняющая обязанности прокурора РСФСР т. Нюрина вовсе отменила выселение Добровольского.

Предупреждаю, что такой порядок работы абсолютно недопустим и в корне противоречит принципам прокурорской дисциплины и дискредитирует органы прокуратуры.

Предлагаю обеспечить безусловное устранение подобных случаев в работе подведомственных Вам органов прокуратуры, разъяснить, что нижестоящие прокуроры могут изменить распоряжение вышестоящей прокуратуры только с предварительного согласия последней.

О принятых мерах в этом отношении донести мне не позднее 20 сентября 1937 г.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

25 августа 1937 г.
№ 66/22.

О ПЕРЕДАЧЕ БЮРО БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМУ НКЮ СССР

Постановлением СНК СССР от 2 августа с. г. организовано Центральное бюро бухгалтерской экспертизы при НКЮ СССР и местные бюро бухгалтерской экспертизы при НКЮ союзных и автономных республик с их филиалами в краях и областях.

Существующие на местах в системе органов прокуратуры Бюро бухгалтерской экспертизы с их межрайонными и районными отделениями должны быть переданы местным органам НКЮ. Для передачи организовать на местах комиссии в составе представителей местной прокуратуры, НКЮ (суда) и зав. Бюро судебно-бухгалтерской экспертизы. Порядок передачи указан в прилагаемой инструкции.

После передачи местные Бюро бухгалтерской экспертизы и их отделения должны продолжать свою деятельность, руководствуясь впредь до утверждения Положения о Бюро бухгалтерской экспертизы при НКЮ СССР Временным положением об организации СБЭ от 8 июля 1936 г. с изменениями, внесенными

ми циркуляром Прокурора СССР № 17/26 от 1 апреля 1937 г. и приказом Прокурора СССР № 517 от 18 июля 1937 г.

Вам надлежит обеспечить бесперебойность работы Бюро БЭ; в частности, в тех точках, где Бюро БЭ находятся в помещениях прокуратуры, им должна быть предоставлена возможность пользоваться этим помещением (с оплатой его по установленным правилам) впредь до предоставления им нового помещения НКЮ или край(обл.)судом.

Вся имеющаяся задолженность органов расследования прокуратуры и судов за производство бухгалтерских экспертиз должна быть Вами немедленно оплачена.

Передача Бюро БЭ в органы НКЮ не снимает с органов прокуратуры функции надзора за деятельностью этих Бюро в системе НКЮ.

Со своей стороны местные органы НКЮ должны, после перехода к ним Бюро БЭ, обеспечить полное обслуживание органов расследования и прокуратуры бухгалтерской экспертизой, принимая меры к улучшению работы переданных им Бюро БЭ.

Народный комиссар юстиции Союза ССР
Крыленко

Прокурор Союза ССР А. Вышинский

25 августа 1937 г.
№ 67/84.

ИНСТРУКЦИЯ О ПОРЯДКЕ ПЕРЕДАЧИ БЮРО СБЭ ПРИ ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР В СИСТЕМУ НКЮ СССР

В соответствии с постановлением СНК СССР от 2 августа 1937 г. и с циркуляром Прокуратуры Союза ССР и НКЮ СССР за № 67/84 от 25 августа 1937 г. Центральное бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, находящееся при Прокуратуре Союза ССР, и его местные органы (республиканские, краевые, областные Бюро СБЭ, а также районные и межрайонные отделения Бюро СБЭ) подлежат передаче в НКЮ СССР и его местным органам.

Передача производится по состоянию на 1 сентября 1937 г.

Для проведения передачи создается комиссия в составе трех человек:

В центре из: а) представителя Прокуратуры Союза ССР, б) представителя НКЮ СССР, в) начальника Центрального бюро СБЭ.

В республиках, краях и областях: а) представителя НКЮ — в республиках или представителя суда — в области или крае, б) заведующего Бюро СБЭ, в) представителя прокуратуры.

В районах: а) представителя нарсуда, б) представителя прокуратуры, в) заведующего отделением.

Передача Бюро СБЭ производится без прекращения деятельности (на ходу).

Передаче подлежат:

1. Штат Бюро СБЭ и его отделений.
2. Эксперты, состоящие на учете в Бюро и его отделениях.
3. Незаконченные работы по экспертизам.
4. Все текущие дела и архив.

5. Библиотека.
6. Имущество и хозяйинвентарь.
7. Остаток денежных средств, находящихся в кассе и на текущем счету, а также —
8. Весь актив и пассив Бюро и его отделений по балансу на 1 сентября 1937 г.

Расчетные счета баланса (дебиторы, кредиторы, взаимные расчеты и т. д.) к моменту передачи подлежат полной инвентаризации.

Дебиторская задолженность, которая на момент передачи является сомнительной, подлежит списанию на счет сомнительных долгов и в зависимости от степени сомнительности в балансе необходимо начислить резерв сомнительных долгов.

Передача Бюро оформляется соответствующим актом, один экземпляр которого представляется в Центральное бюро.

При акте необходимо представить следующие приложения:

1. Баланс Бюро на день передачи.
2. Инвентарную опись переданных материально-имущественных ценностей (имущество, хозяйинвентарь), с указанием процента годности.

Примечание. Инвентарь, пришедший в полную негодность, не передается, а подлежит списанию.

3. Ведомость дебиторской задолженности (по сч. 090, 100, 110, 120 и 130) с указанием наименования дебитора, за что образовалась задолженность, дата образования, причины неоплаты и какие меры приняты для взыскания.

4. Ведомость кредиторской задолженности (по сч. 130, 140, 150, 160, 170, 180, 190) с указанием наименования кредитора, даты возникновения, за что образовалась задолженность и причины непогашения.

5. Ведомость административно-управленческих расходов (счет 230) с начала года в сопоставлении со сметой, а также —

6. Полную расшифровку всех остальных счетов баланса, имеющих сальдо на день передачи.

7. Ведомость выполненных работ.

8. Список экспертиз, находящихся в производстве на момент передачи.

9. Список штатных сотрудников Бюро.

10. Список экспертов, состоящих на учете.

11. Опись дел, документов и архива Бюро.

12. На переданные материально-имущественные ценности в присылаемой ведомости должна быть расписка лица, принявшего на учет и ответственное хранение те или иные ценности.

Штамп и печать Бюро должны быть заменены штампом и печатью образца, прилагаемого к сему.

Текущий счет в Госбанке должен быть переименован в соответствии с переименованием Бюро СБЭ.

Впредь до особого распоряжения Центрального бюро — местные Бюро СБЭ продолжают свою работу на началах хозрасчета с сохранением существующего порядка оплаты экспертиз.

Все выданные ранее доверенности на право производства операций от имени Бюро СБЭ в системе прокуратуры подлежат возвращению в Центральное бюро, взамен которых будут выданы новые доверенности от имени Центрального бюро при НКЮ СССР.

Передача Бюро СБЭ ни в какой мере не должна ослабить работу Бюро.

Начальник Центрального бюро СБЭ

Бранецкий.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 106/1458 ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

Об изменении подсудности имущественных споров колхозов между собой и с государственными и кооперативными организациями.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

1. Установить, что все споры колхозов между собой, а также с государственными и кооперативными организациями, возникающие из договоров и других имущественных правоотношений, подлежат рассмотрению в народных судах независимо от суммы иска по этим спорам.

Примечание. В отношении земельных споров колхозов сохраняется существующий порядок их рассмотрения, установленный законодательством Союза ССР и Союзных республик.

2. Отменить:

а) постановление ЦИК и СНК СССР от 19-го июня 1935 г. «О подсудности имущественных споров колхозов между собой и имущественных споров колхозов с государственными и кооперативными организациями». (С. 3. СССР 1935 г. № 34, ст. 294);

б) постановление СНК СССР от 8 июня 1935 г. об утверждении Правил рассмотрения и разрешения органами государственного арбитража имущественных споров колхозов и сами правила (С. 3. СССР 1935 г. № 38, ст. 323).

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. Калинин.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотов.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР А. Горкин

Москва, Кремль. 27 августа 1937 г.

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Технический редактор Н. Рушковский

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 13/IX 1937 г.

Подписано к печати 21/IX 1937 г.

Сдано в производство 21/IX 1937 г. 8½ п. л. 21,7 авт. листа. В одном бум. листе 216 000 зн.

Формат 72×108

Ю—4п.;

№ 639

Уполном. Главлита Б—30051.

Зак. № 1327

Тираж 20500 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкинг», Москва, Мал. Дмитровка, 18.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
О награждении работников Прокуратуры Союза	1
А. Вышинский — Новый избирательный закон СССР	3
И. Сапгир — Социалистическая собственность	25
✓ С. Голунский — Участие прокурора в судебном процессе!	28
С. Санин — О некоторых фактах и методах подрывной деятельности на водном транспорте Средней Волги фашистских разведок и их троцкистской правой и иной агентуры	34
А. Трайнин — Борьба за мир и проект нового уголовного кодекса	37
Д. Швейцер — Иски о восстановлении на работе	42
А. Тагер — Проблемы кассации и истории советского уголовного процесса	47
С. Богуславская — Действенно бороться за закон 27 июня 1936 г.	57
А. Сольц — О хулиганстве	62
Холоднов, Рузов, Кубицкий — Следы на дереве	63
С. Абкин — Из практики расследования дел о несчастных случаях на ж.-д. транспорте	66
Ю. Позан и Мошкович — Кризис капитализма и преступность несовершеннолетних	67
Обмен опытом	73
✓ Проблемы советской защиты	89
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	94
По союзным республикам	104
Актив Прокуратуры Союза ССР	108
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах. .	113
Библиография	118
Официальный отдел	125